

Книга посвящена профессору ТГУ имени Г.Р. Державина Л.С. Кауфман в связи со столетием со дня ее рождения. 60 лет жизни ученого связаны с развитием образования на Тамбовщине. В книге предлагается история ее профессионального становления как крупнейшего германиста-литературоведа, показана особая роль в подготовке научно-педагогических кадров на кафедре немецкого языка в ТГПИ/ТГУ. В отдельной главе анализируется ее уникальный опыт международного сотрудничества с Германией, в особенности как создателя международного Тамбовского общества Гете. В книгу включены воспоминания ученых, коллег, выпускников, друзей из России и Германии.

Л.С. КАУФМАН – РОВЕСНИЦА
ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ТАМБОВЩИНЕ

Л.С. КАУФМАН

РОВЕСНИЦА
ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА
НА ТАМБОВЩИНЕ

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА»**

Н.П. Дронова

**Л.С. КАУФМАН – РОВЕСНИЦА
ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА
НА ТАМБОВЩИНЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Тамбов 2018

УДК 82
ББК 84
Д75

Дронова, Н.П.
Д75 Л.С. Кауфман – ровесница первого университета на Тамбовщине / Н.П. Дронова ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. – 319 с. : ил.

ISBN 978-5-00078-176-0

Книга посвящена профессору, доктору филологических наук Л.С. Кауфман, профессиональная деятельность которой начиналась в Тамбовском государственном педагогическом институте (ТГПИ) в 1956 году и продолжалась в ТГУ имени Г.Р. Державина до конца жизни (2016 г.). Книга состоит из 7 глав, в которых предлагаются некоторые зарисовки дотамбовского периода жизни: ее происхождение, учеба в МИФЛИ. Тамбовский период включает главы, посвященные ее работе в качестве преподавателя, на должности завкафедрой немецкого языка в ТГПИ, становлению как известного в стране и за рубежом германиста-литературоведа, роли в развитии научной традиции на кафедре и факультете иностранных языков, а также ее неповторимому опыту международного сотрудничества в ТГПИ / ТГУ, в особенности как создателя международного Тамбовского общества Гете. Книга подготовлена на основе материалов из семейного архива (хранится в музее ТГУ), отдельных рукописных набросков Лии Соломоновны, дневниковых записей, различных документов, ее интервью. В книгу включены также воспоминания ученых, коллег, выпускников, друзей из России и Германии, значительно расширяющих мир представлений об этом уникальном человеке. Переводы с немецкого сделаны автором.

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-00078-176-0

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Худяков С.С. К столетию доктора филологических наук, профессора Л. С. Кауфман	9
Болдырев Н.Н. Настоящий ученый и вузовский профессор . . .	13

ГЛАВА 1. ДОТАМБОВСКИЙ ПЕРИОД

Хроника жизни	16
Семейное положение	18
В институт ее зачислил Шиллер	26

ГЛАВА 2. ПЕДАГОГ, «ШЕФИНЯ»

2.1. О лекциях и семинарах: осколки памяти	31
Начало пути	31
Миф – это не выдумка, не сказка	33
Курс истории немецкой литературы	35
Герменевтика – искусство толкования	36
И.В. Гете и немецкие классики	38
Стилистика – наука об осторожном обращении со словом . . .	44
Аналитическое чтение: стопроцентный опрос всех по всем темам	46
Вязовова Н.В. Ну, это, Вы, конечно, знаете	49
Карнаухов О.В. Она была особая	51
Пожилова В.Е. Первая лекция пронзила меня	55
2.2. «Шефиня»: мне, пришедшей со стороны	58
Л.С. Кауфман. О работе на должности завкафедрой немецко- го языка с 1963 по 1975 гг. (Воспоминания из книги «ИНЯЗ в лицах» (2009 г.)	58
Система Кауфман – специализация	60
Система Кауфман – аспектизация	62
Новые кадры	66
Время – ПОСЛЕ Кауфман, но не без нее	69
Григорьев Е.И. «Салон» Кауфман	70
Мильруд Р.П. Вспоминая о сегодня	74
Поляков О.Г. В аудитории 61 царил неповторимая атмосфера	78
Попова Л.Г. Дар – увидеть человека	80

ГЛАВА 3. ПОИСКИ ПУТИ

Путь в науку: Ганс Фаллада и «маленький человек»	83
Проблема «маленького человека»	85
О Фалладе в Германии	86
Публикации о Фалладе	88
Дронова О.А. Архивное путешествие по следам Лии Соломоновны	91
Путь к докторской – длиной в 20 лет (1964-1984). Антифашистская тема: поэтика и проблематика	94
Движение продолжается	101
Варечкина (Никитина) М.В. «Нянчилась» с нами, как с родными детьми	107
Толмачева (Лукинова) Е.М. Боялась отстать от времени	109

ГЛАВА 4. РАБОТА С МИРОМ: ДОКУМЕНТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА

4.1. Первый период: до общества Гете	112
Мы гордились тем, что целый месяц нас учат немцы	112
Программа учебных занятий с немецкой делегацией 1969 г.	116
Немецкие учебники и аудиофонды в учебном процессе	119
«Крепнут связи»: немецкие преподаватели в 1970-е годы	120
Игель Б. и Л. Творческая дружба, длившаяся десятилетия	125
Игель Б. Отрывки из дневника: «Тамбов в сердце моем» (1969 г.)	126
Комментарий к путевым заметкам Л.С. Кауфман: «Еду через чудо-страну – рекламу...»	134
Кауфман Л.С. Путевые заметки: «Еду через чудо-страну – рекламу...»	137
4.2. Второй период: в Тамбовском обществе Гете	147
Как все начиналось	147
Вильгельм Гедрих превратил занятие в праздник	149
Письмо В. Гедриха в правление Гете-общества г. Веймар	151
Отчет В. Гедриха о поездке с 20.05 по 29.05.1994 г. в Тамбов / Россия	152
Процесс создания Гете-общества в Тамбове неостановим	153
Кауфман Л.С. Общество Гете: двери открыты для всех	156
Кункель А. Так возник план	158
Комментарий к путевым заметкам Л.С. Кауфман: «В Вецларе праздник старых мостов»	159

Кауфман Л.С. Путевые заметки: «В Вецларе праздник старых мостов»	162
Волков Ю.В. Это был парад мысли	164
Первый отчет о работе Тамбовского Гете-общества (1995 г.) «Резиденция» Тамбовского Гете-общества	166
Немцы на педагогическом поприще	170
Унзикер К. Разговоры вдвоем	174
Хайдорн Н. Как скала во время прибоя	182
Уникальный проект «Дни немецко-российской культуры 1997 г.» в Тамбове	184
12 международная научная конференция германистов в Тамбове	185
Письмо консула Генерального консульства ФРГ	186
Подготовка «Дней немецко-российской культуры» в Тамбове	188
Прием художников из Германии 06.12.1996 г.	189
План и программа «Дней немецко-российской культуры» в Тамбове	190
Проведение «Дней немецко-российской культуры» в Тамбове	193
О перспективах сотрудничества и поддержки	195
Отчет Тамбовского общества Гете за 1996-97 учебный год	197
Встречи, стажировки, конгрессы	199
Ленш К. О сотрудничестве с «Немецким народным союзом по уходу за могилами военнопленных» с 1989 г.	202
Фабер В. Мне и во сне не могло присниться, что из этого что-то получится	205
Безукладова И.Ю. Чтобы Тамбовское общество Гете развивалось дальше	208
Николюкина О.Ю. О лирических отступлениях и Гете-обществе сегодня	211
 ГЛАВА 5. ДОМ НА СТУДЕНЕЦКОЙ	
Квартира № 2 на первом этаже	213
О некоторых правилах жизни	215
Блохина И.Р. Помощью она была сама	219
Запесоцкая Р. Открытие редкой индивидуальности	222
Калленбах Г., Кункель А. «Есть хотите?»	232
Тахо-Годи Е.А. Незабываемы наши встречи	239
Хаусманн – Ушкова Н.В. Счастье совместного бытия	242
Хохлова Л.Е. «Ибо нет места без духа»	246

ГЛАВА 6. 17 АПРЕЛЯ – ДЕНЬ КАУФМАН	
Без речей	252
Душа на Студенческую стремится.	256
Как праздновали 90-летие Л.С. Кауфман	258
Игель Л. К 90-летию: отрывки из дневника «Наша дружба началась в Тамбове»	267
95-летие – со всеми вместе	273
К истории одной фотографии	276
Краткий комментарий к сочинению «Непроизнесенная речь Лии Соломоновны по случаю своего 85-летия»	278
Калленбах Г. Непроизнесенная речь Лии Соломоновны по случаю своего 85-летия (сокращенно на немецком языке) . . .	283

ГЛАВА 7. IN MEMORIAM

Л.С. Кауфман. Последнее интервью. Накануне 98-летия: «Для меня человек – самое интересное открытие». Беседа с членом Союза журналистов России Л.Е. Хохловой	285
Андреев В.Е. Памяти профессора Л.С. Кауфман	288
Дронова Н.П. Кункель А. In memoriam: статья из междуна- родного Гете – ежегодника 2016	289

ПОСЛЕСЛОВИЕ

От автора	292
Список научных трудов профессора Л.С. Кауфман	294

ПРИЛОЖЕНИЕ

Воспоминания немецких друзей в оригинале	300
Igel B. und L. Die Begegnung mit Professor Dr. L.S. Kaufman	300
Faber W. Erinnerungen an eine großartige frau	301
Heidorn N. Wie ein Fels in der Brandung	304
Kallenbach G. Kunkel A. Kaum waren wir in Tambov in ihre Wohnung eingetreten	305
Kunkel A. So entstand der Plan	312
Lensch Chr. Begegnungen mit Lily Kaufmann	313
Unsicker K. Gespräche zu zweit	316

**Du Geist des Widerspruchs!
Nur zu! du magst mich führen».**

**(«Противоречий дух,
не сам ли ты старался
Меня увлечь сюда?»**

***(Гете. Фауст.
Перевод Н. Холодковского)***

Лия Соломоновна Кауфман занимает достойное место в ряду тех, кто строил на Тамбовщине высшее образование. Более 60 лет ее жизни связаны с академической средой, которую она формировала сначала в Тамбовском государственном педагогическом институте, затем университете, получив фундаментальное образование в знаменитом МИФЛИ – Московском институте философии, литературы и истории. Ключевые точки ее биографии – завкафедрой немецкого языка, защита кандидатской диссертации в 1960-е годы, затем защита докторской диссертации по филологии в 1980-е годы, подготовка научных кадров на кафедре, развитие международных связей кафедры, создание Тамбовского общества Гете в 1990-е годы – лишь контуры многогранной научно-педагогической деятельности профессора Л.С. Кауфман. Значителен ее вклад как известного ученого в исследование универсальной проблемы «маленького человека», а также антифашистской темы в области отечественного и немецкого литературоведения. Как успешный организатор Лия Соломоновна уже в 1960-е годы проводила научные межвузовские конференции с участием немецких ученых, издавала сборники научных трудов, что было не простой задачей по тем временам. Уникальный специалист педагогического мастерства: ее лекции и практические занятия оставили неизгладимый след в памяти многих поколений выпускников, работающих в России и за рубежом. Бесценен ее опыт социокультурного взаимодействия с человеком на всех уровнях повседневной жизни. Гуманистический склад мышления, неиссякаемое жизнелюбие, личная скромность и толерантность по отношению к каждому человеку независимо от возраста, социального статуса – все эти качества Лии Соломоновны сохраняются в нашей памяти.

*Ректор ТГУ имени Г.Р. Державина
В.Ю. Стромов*

ВВЕДЕНИЕ

К СТОЛЕТИЮ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ ТГУ ИМ. Г.Р. ДЕРЖАВИНА Л.С. КАУФМАН (1918-2016)

*Худяков С.С., декан факультета
филологии и журналистики,
профессор, кандидат исторических наук*

В апреле 2018 года профессору, доктору филологических наук Лие Соломоновне Кауфман исполняется 100 лет. Впечатляющая дата, до которой она не дожила всего два года, прожив 98 лет, что дается судьбой не каждому. Ее долгая жизнь наполнена событиями, неразрывно связанными с трагическими страницами истории нашей страны в XX веке, но несмотря на это Лии Соломоновне удалось прожить жизнь достойно и содержательно.

Год рождения Лии Соломоновны (1918) совпадает с годом создания первого на Тамбовщине государственного университета, едва ли она могла предположить, что ей придется более 60 лет посвятить свою жизнь развитию образования на Тамбовщине. Факультет иностранных языков Тамбовского пединститута, куда поступила Лия Соломоновна на работу, был еще на стадии становления (1939 – год образования факультета). Будучи выпускницей знаменитого Московского института философии, истории и литературы (МИФЛИ), Лия Соломоновна пыталась строить учебный процесс в русле традиций классических университетов, заботясь о качественной подготовке специалиста, в те годы – учителей иностранного языка, в которых остро нуждалась страна. В ТГПИ она работала более 10 лет завкафедрой немецкого языка (1963-1975), защитила кандидатскую диссертацию по немецкой литературе: «Социальные романы Ганса Фаллады» (1964). Ею подготовлены и опубликованы научные статьи о Г. Фалладе в солидных академических изданиях (БЭС,

т. 27; Краткая литературная Энциклопедия, т. 7.; История немецкой литературы, т. 5 и др.).

Около 20 лет Лия Соломоновна работала над докторской диссертацией на тему: «Творчество писателей – антифашистов в Германии в годы нацизма. Проблематика. Поэтика», которую защитила в 1984 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова. Она стала первым доктором филологических наук на факультете иностранных языков, но ее собственные успехи были лишь частью ее научной жизни.

Личные контакты, научные связи в стране и за рубежом позволили направить в аспирантуры различных городов многих преподавателей кафедры, ставших впоследствии кандидатами и докторами наук (доктора филологических наук: Милосердова Е.В., Григорьев Е.И., Попова Л.Г., Ушкова Н.В., кандидаты наук Дронова Н.П., Ткаченко Т.Н., Вязовова Н.В., Пожилова В.Е. и многие другие), что было значительным достижением в кадровой политике кафедры в те годы не только в ТГПИ, но и в стране в целом на уровне кафедр иностранных языков других вузов. Будучи в солидном возрасте, она успешно руководила аспирантами по специальности «Литература народов стран зарубежья», четыре кандидатские диссертации были защищены в 2000-е годы под ее научным руководством (Лукинова Е.М., Никитина М.В., Платицына Н.И., Сутягина Н.Н.).

Подготовка научных кадров на кафедре – это уже неоценимая заслуга. Укрепление учебно-методической базы на немецко-английском отделении стало неотъемлемой частью учебного процесса на факультете: Лия Соломоновна в соавторстве с Г.И. Краморенко подготовила учебное пособие по истории немецкой литературы, опубликованное в издательстве «Просвещение» в 1968 году, что было также своего рода новаторством, поскольку это был первый учебник на немецком языке, которым пользовались студенты, слушая ее лекции. Она фактически дала старт для всех будущих изданий, подготовленных в дальнейшем на факультете по всем языкам.

Развитие международных связей с Германией в стране, где не ушла боль утраты после войны, в 1960-70 годы требовало

мужества и выдержки со стороны заключающего контакты. Неоднократный приезд немцев из вузов Восточной Германии стал чрезвычайным «прорывом» в культурной и образовательной деятельности кафедры: он способствовал повышению квалификации преподавателей, изменению мотивации студентов в изучении немецкого языка, преодолению стереотипов о «чужом», развитию интереса к немецкой литературе и культуре. Большое количество книг, разработок, аудиозаписей значительно обогатили учебно-методический фонд кафедры. Лия Соломоновна участвовала в международных конференциях, проводила семинар с немецкими писателями о русской литературе, выступала с лекциями в различных городах Германии, помогала в организации стажировок преподавателей и студентов за рубежом, пробираясь нередко с большим трудом эти поездки в Министерстве Просвещения РСФСР.

Создание Тамбовского общества Гете (октябрь 1994) на склоне лет свидетельствует о неиссякаемой энергии и постоянном стремлении «раздвинуть» границы провинциального пространства, устранить интеллектуальную «узость» подготовки студентов. В 2007 г. международное признание Лии Соломоновны было подтверждено дипломом Почетного члена общества Гете. Она являлась также членом международных обществ им. Г. Фаллады, Г. Вейзенборна.

Вот уже более 20 лет члены Гете-общества г. Вецлар и других городов Германии приезжают в Тамбов не только в университет, они посещают школы и гимназии, выезжают в сельские школы, встречаются с администрацией города и области, оказывают помощь в организации стажировок в Германии. Родоначалником широкого диапазона культуртрегерской деятельности в Тамбове была и остается посмертно Лия Соломоновна.

За заслуги в области образования награждена нагрудным знаком Министерства Просвещения РСФСР «Отличник народного просвещения» (1974), нагрудным знаком Министерства образования Российской Федерации «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»

(2000). Имеет медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945», юбилейные медали, грамоты.

Решением ученого совета ТГУ им. Г.Р. Державина «За большой вклад в развитие университета» награждена:

2006 – «Золотой медалью»

2009 – «Державинским орденом»

2013 – «Звездой Гавриила Державина»

Факультет гордится тем, что здесь работала ровесница первого ТГУ – профессор Л.С. Кауфман.

По праву на факультете издается книга памяти ученого, преподавателя, Человека. В ней размещены собственные воспоминания Лии Соломоновны, опубликованные в прессе, сохранившиеся в рукописи, интервью, отдельные документы и материалы из семейного архива, воспоминания коллег, друзей, учеников, фотографии разных лет. Надеюсь, что книга никого не оставит равнодушным.

НАСТОЯЩИЙ УЧЕНЫЙ И ВУЗОВСКИЙ ПРОФЕССОР

*Болдырев Н.Н., Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук, профессор*

Память о человеке всегда сочетает в себе общественно-значимые моменты и личные впечатления от общения. Лия Соломоновна Кауфман для меня всегда была Личностью, образцом служения делу и в то же время идеалом скромности и простой житейской мудрости. Она никогда специально не добивалась признания, оно к ней пришло естественным образом. Достаточно сказать, что 25-30 лет назад наличие преподавателей с ученой степенью кандидата наук на факультете иностранных языков, где много лет проработала Лия Соломоновна, считалось большой редкостью. Лия Соломоновна смогла доказать, что это далеко не предел. Она стала первым доктором наук, профессором по германистике в Тамбовском государственном педагогическом институте и постоянно стремилась поддерживать высокий статус доктора и профессора, оставаясь на рабочем посту до конца своей жизни уже в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

Общественные заслуги Лии Соломоновны Кауфман включают и лекции по зарубежной литературе, которые высоко оценивали студенты немецкого отделения (а студенты английского и французского отделений им неизменно завидовали), и многочисленные научные статьи, в том числе в энциклопедиях, и доклады на конференциях, и укрепление международных связей, включая создание в Тамбове Общества Гёте, в которое она вкладывала много душевных сил и энергии. Удивительная способность Лии Соломоновны объединять вокруг себя людей с активной жизненной позицией всегда привлекала к ней учеников, коллег, всех, кто сталкивался с ней по жизни. Ее равнодушное отношение к делу покоряло и всегда находило отклик. Во многом благодаря усилиям именно Лии Соломоновны сохранялось и продолжало работу немецкое отделение на факультете, а университет до сих пор имеет тесные контакты и студенческие обмены с университетами Германии и зарубежными

представителями Общества Гёте, приезжающими читать лекции и подарившими целую библиотеку прекрасных книг на немецком языке, которыми могут пользоваться преподаватели и студенты. Двери ее дома всегда были гостеприимно открыты для российских и зарубежных коллег, всех, кому требовалось простое человеческое участие, равнодушное отношение, заинтересованное общение и ценный совет.

Мои впечатления от личного общения с Лией Соломоновной в большинстве своем связаны с непростыми для меня годами работы в качестве декана иныза, и я всегда буду благодарен ей за неизменно тактичные, несмотря на большую разницу в возрасте и профессиональном статусе (ведь для многих преподавателей факультета я по-прежнему оставался бывшим студентом, и далеко не все и не сразу смогли это в себе преодолеть), мудрые советы, которые помогли мне занять правильную позицию и справиться с порой очень сложными проблемами в отношениях с коллективом, с одной стороны, и ректоратом, с другой стороны, принимать по-человечески правильные управленческие решения в той или иной ситуации. Один из таких советов – не забывать в суеде административных забот о дальнейшем профессиональном росте и продолжать активно заниматься наукой, стал для меня поворотным в последующей жизни. В своей личной библиотеке я до сих пор бережно храню редкую и очень ценную по тем временам книгу по грамматической семантике, которую мне подарила Лия Соломоновна с тем пророческим советом в виде дарственной надписи. Современному поколению студентов и аспирантов, избалованному интернетом и цифровыми технологиями, вероятно, трудно понять, каким огромным дефицитом были тогда научные книги, изданные известными учеными, и как мы радовались таким подаркам.

Лия Соломоновна никогда не оставалась в стороне от дел, всегда стремилась помочь, быть участницей всех событий. В 1989 году мы впервые решили отпраздновать юбилей факультета – его 50-летие, и Лия Соломоновна согласилась возглавить оргкомитет, помогла подготовить нужные официальные документы, без которых в то время проведение юбилея было невозможно, принимала

активное участие в разработке сценария и решении разных вопросов, вникала во все мелочи, никогда не ссылаясь на большую занятость. Память до сих пор хранит ее выступления и на последующих юбилейных мероприятиях, когда она читала собственные стихи, посвященные факультету. Думается, что эта живая связь с людьми, факультетом, университетом, человеческая и профессиональная востребованность всегда были для нее важнейшим приоритетом в жизни, источником сил и энергии, и она щедро делилась своей душевной энергией с коллегами и учениками.

В любой профессиональной деятельности, во все времена огромную роль играют флагманы – люди, которые устанавливают стандарты этой деятельности своим отношением к работе, задают нормы и образцы профессионального общения, предъявляют высокие требования не только к окружающим, но и прежде всего к себе, сами стремятся соответствовать этим требованиям. Таким флагманом в науке и образовании для нескольких поколений выпускников иняза была и остается профессор Л.С. Кауфман, авторитет которой был основан не столько на занимаемой должности и служебном положении, сколько на ее увлеченности, неизменном добром отношении и высоком профессионализме. Нельзя не вспомнить о том, как Лия Соломоновна чтит академические традиции в вузе. Настоящий ученый по духу, на всех мероприятиях, посвященных празднованию ее юбилейных дат, в том числе, в свои 95 лет, когда ей трудно было ходить, до начала самих поздравлений она всегда считала необходимым выступить с научным докладом, как это принято в академической среде, и очень серьезно к этому готовилась. Именно таким представлялся мне всегда настоящий вузовский профессор и именно такой была и остается в моей памяти Лия Соломоновна Кауфман.

Лия Соломоновна прожила долгую, насыщенную событиями жизнь, всегда наполненную общением с разными людьми. Многие из этих событий были связаны с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина, стали его историей, частью жизни всех нас. Поэтому светлая память об ученом, докторе филологических наук, профессоре Л.С. Кауфман всегда сохранится в наших сердцах.

ГЛАВА 1

НАЧАЛО: ДОТАМБОВСКИЙ ПЕРИОД

ХРОНИКА ЖИЗНИ

КАУФМАН ЛИЯ СОЛОМОНОВНА

Доктор филологических наук, профессор

Дата и место рождения: 17 апреля 1918 г., г. Коканд (Узбекистан)

по паспорту: 15 августа 1918 г., г. Оренбург

1929 – окончила четыре класса школы № 5 Самарского округа

1936-1941 – студентка литературного факультета Московского Института истории, философии и литературы (МИФЛИ)

1941 – эвакуация (г. Коканд)

08.08.1946 – диплом об окончании вуза по специальности «История западной литературы и немецкого языка» с присвоением квалификации «научного работника в области истории, западной литературы и немецкого языка, преподавателя ВУЗа и ВТУЗа и звание учителя средней школы». Выдан в МГУ им. М.В. Ломоносова в связи с объединением МИФЛИ и МГУ осенью 1941 г.

1944-1949 – преподаватель зарубежной литературы Сумского педагогического института (Украина)

Сентябрь 1949 – арест в связи с кампанией против космополитов

Апрель 1951 – освобождена «за недоказанностью вины»

01.09.1956 – зачислена на должность ассистента кафедры немецкого языка Тамбовского государственного педагогического института (ТГПИ)

01.09.1962 – переведена на должность старшего преподавателя кафедры немецкого языка ТГПИ

01.10.1963 – избрана по конкурсу и утверждена в должности заведующего кафедрой немецкого языка ТГПИ

24.02.1964 – защита кандидатской диссертации «Социальные романы Ганса Фаллады» в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина (МГПУ) с присуждением ученой степени кандидата филологических наук решением Совета МГПИ им. В.И. Ленина; диплом кандидата наук выдан 15.07.1964 года

08.06.1966 – решением Высшей аттестационной комиссии (ВАК) утверждена в ученом звании доцента по кафедре немецкого языка

10.06.1974 – награждена нагрудным знаком Министерства Просвещения РСФСР «Отличник народного просвещения»;

01.09.1975 – освобождена от обязанностей заведующего кафедрой в связи с истечением срока избрания и утверждена в должности доцента кафедры немецкого языка

1984 – защита докторской диссертации «Творчество писателей – антифашистов в Германии в годы нацизма. Проблематика. Поэтика» в МГУ им. М.В. Ломоносова

12.07.1985 – присуждена ученая степень доктора филологических наук решением ВАК при Совете Министров СССР

01.09.1985 – избрана по конкурсу на должность профессора кафедры немецкого языка, с 1995 г. в связи с преобразованием ТГПИ в Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, работает на должности профессора кафедры немецкой филологии

20.02.1987 – решением ВАК при Совете Министров СССР присвоено ученое звание профессора по кафедре немецкого языка

1995-2007 – Председатель Тамбовского общества Гете, далее Почетный президент

07.09.2000 – награждена нагрудным знаком Министерства образования Российской Федерации «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» за заслуги в области образования РФ

Июнь 2007 – присвоено звание Почетного члена международного Гете общества г. Веймар (Германия).

В 2000-е годы – профессор-консультант института/факультета филологии и журналистики ТГУ им. Г.Р. Державина.

Член международных обществ им. Г. Фаллады, Г. Вейзенборна

Награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945», юбилейные медали, почетные грамоты ТГПИ, ТГУ.

2012 – присвоено почетное звание «Имя Тамбова»

Решением ученого совета ТГУ им. Г.Р. Державина «За большой вклад в развитие университета» награждена:

Декабрь 2006 – «Золотой медалью»

Декабрь 2009 – «Державинским орденом»

Апрель 2013 – «Звездой Гавриила Державина»

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ДВА ДНЯ РОЖДЕНИЯ. Лия Соломоновна Кауфман родилась 17 апреля 1918 года в г. Коканд (Узбекистан), где жил ее дед по материнской линии. Но зарегистрирована она отцом только в августе 1918 года в ЗАГСе г. Оренбурга. Запоздалая регистрация дня рождения объясняется ожесточенной гражданской войной на территории Средней Азии. В паспорте Лии Соломоновны была обозначена дата рождения – 15 августа 1918 года, г. Оренбург, совпадающая с датой регистрации. К дню рождения по паспорту Лия Соломоновна относилась иронически, в семье Кауфман всегда праздновался только реальный день рождения – 17 апреля.

РОДИТЕЛИ – известные в стране врачи, жизненные пути которых сходны во многих позициях, может быть оттого, что встретились рано и прошли совместно всю жизнь, не мешая друг другу в профессиональном росте. У них один и тот же год рождения – 1897, оба закончили гимназию с Золотой медалью, оба получили диплом об окончании медицинского факультета

Самарского университета в 1922 году, оба были оставлены при университете в ординатуре, общая профессия – врач, хотя и разные специализации: отец – терапевт, мать – глазной врач, оба защитили кандидатские диссертации, оба – участники Великой Отечественной войны, дошли до Берлина, имели одинаковое воинское звание – майор медицинской службы, оба награждены орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны 2 степени и медалями.

ОТЕЦ: Кауфман Соломон Вениаминович (16.12.1897 – 05.08.1983), окончил с Золотой медалью Пермскую гимназию, в которой обучался с 1906 по 1915 гг. В семейном архиве Л.С. Кауфман сохранился аттестат зрелости с отличными оценками по всем дисциплинам (русский язык и словесность, законоведение, философская пропедевтика, математика, физика, математическая география, история, латинский язык, французский и немецкий языки).

Всю жизнь посвятил лечению людей. Уже будучи студентом Самарского медфака, он работал помощником прозектора нормальной анатомии медфака, ординатором эпидемической больницы (1921 г.). После окончания университета в его «Трудовой список» (аналог трудовой книжки) вносится запись: «Оставлен при университете». С 1922 года по 1925 год Соломон Вениаминович является ординатором госпитальной терапевтической клиники Самарского госуниверситета, с 1925 по 1928 гг. работает заведующим областным Ферганским тубдиспансером. С 1929 года – ассистент терапевтической клиники Омского мединститута, затем – научный сотрудник первого разряда и завкабинетом туберкулеза Узбекского государственного научно-исследовательского института (Уз.Н.Г. НИ.И.). С 1931 года до начала войны (1941) его профессиональная деятельность связана с г. Воронеж, где он начинает в качестве ассистента Воронежского мединститута, в том же году «выдвинут общественной организацией в приват-доценты при терапевтической клинике». В «Трудовом списке» есть также запись за 1931 год: «По поручению читал курс мед. климатологии (март), ездил в составе научной бригады по обследованию работ по аэризации» (но-

ябрь). В мае 1935 г. назначен директором института физиологических методов лечения. В 1936 году ему была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук, в декабре 1939 г. Кауфман С.В. утвержден в ученном звании доцента по кафедре внутренние болезни (курс физиотерапии). Некоторые научные публикации Соломона Вениаминовича 1930-х гг. можно найти в интернете.

Во время войны он был начальником медчасти эвакогоспиталя, после войны семья проживала в Киеве, где Соломон Вениаминович занимался не только лечебной практикой, но и научной работой. В одной из характеристик отмечается, что «кандидат меднаук, доцент С.В. Кауфман работал в Киевском Филиале Украинского Центрального Научно-исследовательского Института экспертизы в качестве зав. терапевтическим отделением и кабинета функциональной диагностики филиала с мая месяца 1946 г. по 15-ое июля 1952 г., одновременно исполнял обязанности руководителя филиала по научной части, а с октября 1949 г. до ноября 1950 г. исполнял обязанности руководителя филиала... Под руководством доц. С.В. Кауфмана научные сотрудники – терапевты выполнили 8 работ, начата одна кандидатская диссертация <...> С 1948 г. до июля 1952 г. доц. С.В. Кауфман состоял членом президиума ученого совета Министерства Социального обеспечения УССР», однако, как следует из документов, был уволен по собственному желанию. Когда читаешь документы о том, что в 1952 году профессионал с абсолютно положительной характеристикой беспричинно увольняется с работы (пусть по собственному желанию!), то не сомневаешься в очевидном «следе борьбы с космополитизмом».

Несмотря на политические преткновения 1950-х гг., Соломон Вениаминович практически до конца своей жизни оставался на работе в больницах г. Киева и пользовался заслуженным уважением всех, кто его знал и с ним контактировал, отличался мягким, доброжелательным характером.

МАТЬ: Пильман Надежда (Нехама) Исааковна (14.05.1897 – 30.11.1984) окончила Оренбургскую женскую гимназию с Золотой медалью в 1913 г., поступила в 1914 году на медицинский

факультет Московских высших женских курсов, через четыре года в связи с рождением дочери Лии вынуждена прервать обучение, которое завершила в 1922 г. в Самарском университете. Она потомственный врач, ее отец (дед Лии Соломоновны) Пильман Ицео (Исаак) Мордухович – Ельевич также имел медицинское образование, что подтверждает – «Свидетельство» от 23 декабря 1898 г., подписанное ректором Императорского Киевского университета Св. Владимира и деканом медицинского факультета. В документе говорится, что Пильман И.М. «удостоен в 25 день апреля 1898 года звания дантиста со всеми правами и преимуществами, присвоенными сему званию». После Отечественной войны он многие годы работал врачом в Киеве.

Надежда Исааковна, как и ее муж, была оставлена при университете в качестве ординатора глазной клиники (1923 г.). В ее «Трудовом списке» от 1933 года отмечается, что Н.И. Пильман работала ординатором глазного отделения Самарской губернской больницы (1924-25 гг.), заведующим Ферганской окружной больницы (1925-29 гг.). С 1929 года – ассистент глазной клиники мединститута (г. Омск), затем – окулист республиканской больницы Узбекской ССР (г. Самарканд). В «Трудовом списке» Надежды Исааковны упомянуты города: Коканд (1925-1929), Омск, Ташкент (1929), Воронеж (1931-1941). По географии названных городов и времени пребывания в них семьи можно проследить детство и юность Лии Соломоновны до войны.

С 1931 года Надежда Исааковна в Воронежском мединституте занимается не только врачебной практикой, но и ведет большую научную работу, что подтверждает выписка из «Трудового списка» от 10/XI-1933 года: «К XVI годовщине Октябрьской революции премирована месячной ставкой зарплаты (250 руб.), как внесшая своей работой о влиянии генераторного газа на состояние органа зрения вклад большого практического и научного значения в труды института, давшая институту несколько других литературно оформленных ценных работ, активно проводящая в жизнь результаты своих работ, энергично участвующая в освоении институтом предназначенной для него доли ве-

дущего института ОблЗО ЦЧО». В 1935 году Н.И. Пильман была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук.

С 1941 года и на протяжении всех лет войны она работала начальником глазного отделения фронтового эвакогоспиталя Юго-западного, Воронежского, 1-го Украинского фронтов и центральной группы войск.

После войны в основном занималась лечением детских глазных болезней. В 1946 г. по ее инициативе открылось детское глазное отделение в больнице им. Калинина в г. Киеве, которое стало научно-методическим центром по детской офтальмологии не только для СССР, но и всей страны. С 1957 по 1983 гг. Н.И. Пильман возглавляла глазное отделение детской специализированной клинической больницы № 14 г. Киева, в последние годы жизни работала консультантом этого отделения.

В юбилейной статье «Мы однолюбыв в медицине, Великой страстью зажжены...» в связи с ее 120-летием со дня рождения в 2017 г. в журнале «Российская детская офтальмология» (2017, № 1) подчеркивается, что Н.И. Пильман занимает заметное место среди пионеров отечественной детской офтальмологии. Благодаря ее усилиям в Киеве появилась крупная школа специалистов по косоглазию и патологии глаз у детей, она внесла огромный вклад в организацию системы оказания помощи детям с патологией глаз в нашей стране с младенческого возраста. «Всю жизнь Надежда Исаковна занималась научной работой, разрабатывала новые методы хирургического и функционального лечения косоглазия, исследовала опухоли век, разрабатывала методы борьбы с детской слепотой, лечения врожденной патологии органов зрения, изучала проблемы онкологии в детской офтальмологии и многие другие вопросы» [Обрубов 2017].

Монография Н.И. Пильман «Безоперационное лечение содружественного косоглазия у детей» (Киев 1955) и другие научные труды (более 100 работ) используются отечественными и зарубежными специалистами, многие из их можно найти в интернете.

В 1967 году награждена нагрудным знаком Министерства здравоохранения СССР «Отличник здравоохранения». Имела

непререкаемый авторитет среди специалистов, отличалась высокой требовательностью к людям и волевым характером. В качестве иллюстрации отношения к работе и жизни можно привести строки из письма от 26 августа 1981 года Надежды Исааковны своей дочери – Лии Соломоновне: «Ты обещала приехать к нам в сентябре. Прежде я писала, что не нужно приезжать, а теперь прошу приехать побыстрее не в субботу и не в воскресенье. В понедельник и в среду я консультирую. Талоны на консультацию раздаются заранее, и я **не быть на работе не могу** (выделено – Н.Д.). Часть больных из других городов. Поэтому садом мы сможем заняться в четверг и в пятницу, желательно побыстрее». Несмотря на преклонный возраст (84 года), Надежда Исааковна говорит о работе, об ответственности и об уважительном отношении к тем, кто придет к ней на консультацию. И еще один короткий отрывок о повседневной жизни из этого же письма, который тоже оставляет особое впечатление от дисциплинированности автора: «Все, кроме стирки и полов делаю сама. Подъем, в 9 часов завтрак, посуда, уборка, 13 ч. второй завтрак, легкая работа до 15 ч., 3 ч. – обед и т.д. Часто не могла прилечь на один час до 12 почти».

По случаю 110-й годовщины со дня рождения Надежды Исааковны Пильман в 2007 году Всеукраинская общественная организация «Ассоциация детских офтальмологов Украины» учредила награду – медаль имени Надежды Исааковны Пильман «За достижения в детской офтальмологии» [Википедия].

В связи с предстоящим переездом в Тамбов вскоре после смерти Соломона Вениаминовича в письме правнуку Саше от 12 ноября 1983 года в возрасте 87 лет Надежда Исааковна писала: «Через два дня надо покинуть квартиру совсем. А я еще не приготовила чемоданы для поездки в Тамбов. Надо выбрасывать в утиль все, что сделано за жизнь. Масса переводов, рукописей, незаконченных работ. Если оценить с точки зрения затраченного времени, умственной энергии – то это все жизнь, и чтобы ее закончить, нужна вторая жизнь. Слишком много материала подготовила, накопила». Таков женский характер семейства Кауфман!

Лия Соломоновна унаследовала от обоих родителей их наиболее существенные качества: витальность и трудолюбие, упорство в достижении цели, умение сопротивляться обстоятельствам, дисциплинированность, а также мягкость и доброжелательность от отца и высокую требовательность, строгость от матери.

Муж: ЦИКОЛЬ Яков Наумович, родился 28 августа 1908 года в г. Одесса. В сохранившемся тексте его автобиографии рассказывается о том, что после переезда семьи в 1921 г. в пос. Новая Ушица Каменец-Подольской области (Украина) он с 13 лет начал работать сельхозработчим на табачных плантациях и чернорабочим на мельнице (1921-1927). После демобилизации из армии обучался с 1932 по 1934 гг. на рабфаке при Московском финансово-экономическом институте, в 1934 году зачислен на философский факультет МИФЛИ, после окончания которого с отличием в 1938 году поступил в аспирантуру при этом же институте. Будучи аспирантом, работал преподавателем в МИФЛИ, где и произошла их встреча с Лией Соломоновной – студенткой того же института. Перед войной в мае 1941 года у них родилась дочь Ирма. Успешно защитил в июле 1941 года кандидатскую диссертацию по философии.

После окончания аспирантуры с мая по октябрь 1941 года преподавал философию в Воронежском Институте иностранных языков, но был мобилизован на фронт. Его семья (мать и другие родственники) трагически погибли в августе 1942 г. во время оккупации Украины немцами. Живы остались две сестры: Фрида и Дора. Новая Ушица находилась близко от границы и была оккупирована немцами уже в июле 1941 года. В архиве семьи сохранилось трагическое письмо Екатерины Прокофьевны Холявко, партизанки, от 5 июля 1944 г., Якову Наумовичу на фронт, в котором рассказывается о зверствах немцев, уничтожении 3000 человек, среди которых были члены его семьи: «Это злодеяние происходило в лесу ... (неразборчиво – Н.Д.). Всех без исключения заставляли раздеваться и ложиться живыми в яму, а потом по ним строчил немец из автомата, кого убивал сразу, а кого ранил, а большинство детей бросали живыми в яму, после чего земля дышала живыми людьми. Ты себе не

представляешь этого ужаса. Среди этих мучеников была Поля, дети ее и твоя мать, а Шикю и еще других мужчин увезли на дорожные работы в Летучев, но их там постигло такое же горе. <...> Дом, где жили твои родные, снесен, осталась только площадь и вообще много домов снесено, развалено, все вещи лучшие забраны немцами и увезены в Германию. Вот тебе вся правда».

Яков Наумович прошел всю войну, награжден орденом Красной звезды и медалями. После демобилизации из Советской армии был утвержден с марта 1946 по октябрь 1949 гг. на должности завкафедрой философии Сумского государственного пединститута (Украина). В мае 1947 г. ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре философии.

В августе 1950 г. принят на должность доцента кафедры философии Тамбовского пединститута, где кафедру возглавлял также выпускник МИФЛИ, его друг Александр Лазаревич Хайкин. На этой кафедре Яков Наумович работал до ухода на пенсию, но и, находясь на пенсии, он каждый год продолжал работать два месяца в году на кафедре в соответствии с законодательством СССР. Ежегодно принимал кандидатский минимум у аспирантов и соискателей, сам глубоко и досконально знавший историю философии, он снисходительно и доброжелательно подходил к оценке соискателей, понимая, что претенденты в основном самостоятельно готовятся к экзамену, и не все в этой науке дается легко. В августе 1965 года был награжден нагрудным знаком Министерства Просвещения РСФСР «Отличник народного просвещения». Активно занимался научной работой: в семейном архиве сохранился оттиск научной статьи, опубликованной за рубежом (ГДР): J. N. Zikol. *Antike Philosophie*. *Bibliotheca classica orientalis*, 1963, № 3, S. 182-186.

Любил свою семью, Лию Соломоновну называл «Лилик» и этим все сказано. Умер от инфаркта 23 апреля 1983 года. Этот год вообще оказался для Лии Соломоновны трагическим: в апреле умер Яков Наумович, в августе того же года умер отец – Соломон Вениаминович – удар страшной силы и почти одновременно от тяжелого онкологического заболевания скончался

завкафедрой немецкого языка нашего пединститута, выпускник Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза (теперь МГЛУ) Иванов Борис Николаевич, которого Лия Соломоновна высоко ценила и всегда поддерживала. Она выдержала эти удары, ведь именно в это время шла подготовка к защите докторской диссертации.

Когда пришел последний час Лии Соломоновны, то оказалось, что она, как и Яков Наумович, умерла 23 апреля. Можно сказать, и умерли в один день, но с разницей в 33 года.

ДОЧЬ: Циколь Ирма Яковлевна – 1941 года рождения, филолог по образованию, много лет работала в Государственной библиотеке иностранной литературы (г. Москва) (ныне ВГБИЛ), живет в Израиле.

ВНУК: Циколь Александр Сергеевич – имеет высшее музыкальное образование (окончил Московский институт им. Гнесиных по классу скрипки), живет и работает в Канаде.

В ИНСТИТУТ ЕЕ ЗАЧИСЛИЛ ШИЛЛЕР

Путь Лии Соломоновны к высшему образованию был не прост, что обусловлено трагическими изменениями, происшедшими в России в 1917 году. Сохранился единственный документ об окончании Лией Соломоновной 4-летней школы I ступени № 5 имени Некрасова Самарского округа в 1929 году – «Удостоверение», выданное 27 мая 1929 года. В нем указывается, что Лия Кауфман «в течение курса обучения приобрела знания и навыки в объеме, установленном программами, что особую склонность за время пребывания в школе обнаружила к чтению, обществуведению и общественной работе». Также отмечается, что она «активно участвовала в культурной ячейке». Документ выдан на основании постановления Школьного Совета. Уже в этом документе прочитываются некоторые интеллектуальные и организаторские задатки школьницы, которые проявятся в дальнейшей жизни. По ее рассказам, она обучалась также какое-то время в гимназии (г. Самарканд), что вполне вероятно, поскольку

родители работали в этом городе с 1929 по 1931 годы до переезда в г. Воронеж.

По воспоминаниям Лии Соломоновны, «в 1933 году она оказалась в Москве, где ее судьбу определили два прибора – теодолит и нивелир. Детей интеллигенции в старшие классы не принимали, поэтому девушке пришлось устроиться в геодезическую партию, а учиться по вечерам на рабфаке. Таким образом, она стала относиться к рабочему классу, что вскоре ей очень помогло».

– В четырнадцать лет я уже таскала теодолит в геодезической партии, – рассказывала чуть позже Лия Соломоновна. – Он мне помог поступить в институт, который я выбрала почти случайно – увидела, как в зеленом дворике люди читают стихи, и решила, что буду поступать именно сюда, в ИФЛИ – Институт философии, литературы и истории. Конкурс был тридцать человек на место, с нами поступала дочь наркома иностранных дел Литвинова, переводчика Лозинского и др.

Деканом факультета был профессор по фамилии Шиллер. Беседуя с абитуриентами, он поинтересовался насчет их литературного опыта. Выяснилось, что многие из них уже публиковались. Сын Сергея Радцига, например, ответил: «Вскоре будет напечатана книга моих переводов с итальянского». Куда мне было тягаться с такими людьми? Однако меня приняли в первую очередь.

Наконец Франц Шиллер, обратился ко мне: «А у вас что?» – «Ничего...» – Вот вы первая и приняты!». Все абитуриенты были в шоке, никто не понимал, в чем дело. Однако вскоре все прояснилось. Я была единственным представителем рабочего класса среди поступающих. Больше, чем дал мне институт, я не получила уже никогда и нигде. Среди профессоров были такие известные ученые как Г.Н. Пospelов, Ю.В. Готье, В.Р. Гриб, Н.С. Чемоданов и др. Это что касается теодолита...» [Самойлова, Хворостов: ТЖ, 23 апреля 2008].

К этим воспоминаниям можно добавить, что поступить в тридцатые годы в знаменитый Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ) было исключительно

трудно: нужно было сдавать экзамены **по всем предметам** школьного аттестата (выделено – Н.Д.), а конкурс был настолько огромным, что ходила даже поговорка: «Не миф ли МИФ-ЛИ?» [Файнбург Г.З., Википедия].

Среди документов Лии Соломоновны обнаружилась зачетная книжка. Обычно этот важнейший студенческий документ сдается по окончании института в архив, а тут время военное, эвакуация института, неразбериха, вероятно, поэтому удалось сохранить. Перечень изучаемых дисциплин в зачетке позволяет получить некоторые представления о структуре и содержании профессиональной подготовки студента того времени в легендарном учебном заведении. На литературном факультете МИФ-ЛИ изучались дисциплины: **на 1 курсе** – древняя история, теория литературы, латинский язык, введение в языкознание, история средних веков, античная литература, политэкономия, военное дело. **На 2 курсе**: политэкономия, всеобщая история, западная литература средних веков, древнерусская литература, история, современный русский язык, латинский язык; **на 3 курсе**: диалектический и исторический материализм, история русской литературы XVIII в., западная литература XVII-XVIII в., введение в германскую филологию; **на 4 курсе**: русская литература второй половины XIX века, западная литература IX века, история немецкого языка, педагогика, основы марксизма – ленинизма, английский язык (второй иностранный язык).

Немецкий (основной) язык преподавала в течение всех лет обучения Элиза Генриховна Ризель (1906-1989), родившаяся в Австро-Венгрии, окончившая в 1930 году Венский университет с последующей защитой диссертации. После окончания вуза она работала учителем в Вене, в 1934 г. участвовала в февральском восстании в Вене, могла быть арестована, после поражения восстания отправилась в СССР к мужу, который работал здесь иностранным инженер-строителем и осталась на всю жизнь. В 1935 г. Э. Ризель была принята на работу в МИФЛИ. На одной из сохранившихся фотографий из студенческих лет можно увидеть в центре группы студентов преподавателя, названного Лией Соломоновной «Эльзой» Ризель, которая впоследствии станет

международно-признанным австрийско-советским ученым, автором многочисленных учебников по теории и практике немецкого языка.

На основе зачетки можно видеть огромное старание Лии Соломоновны во время учебы, поскольку учиться в этом институте было крайне сложно, здесь стремились вернуть классические традиции дореволюционного образования в России. Однокурсник Л.С. Кауфман, академик РАН, крупнейший специалист по романской и германской литературам и языкам, Н.И. Балашов, студент МИФЛИ (1936-1941), рассказывал, что профессора университета не сразу свыклись с тем фактом, что поступившие к ним, в отличие от прежних выпускников классических гимназий, не знают иностранных языков: на первой же лекции филолог Д.Е. Михальчи буквально оглушил первокурсников библиографией на трех – четырех иностранных языках, а читавший курс по истории Средних веков А.И. Неусыхин более осторожно добавлял к основному списку на русском языке французские и немецкие издания» [Википедия].

Читая эти строки, удивляешься случаю и судьбе, позволившей Лии Соломоновне поступить в это учебное заведение. В зачетке Лии Соломоновны – только отличные и хорошие оценки, по-немецкому языку за каждый семестр, разумеется, «отлично», ведь этот язык, как и русский, по ее воспоминаниям, был для нее родным. Вот только по латыни за четвертый семестр и по современному русскому языку почему-то «посредственно». По окончании МИФЛИ в 1941 году диплом получить не удалось. Как рассказывала Лия Соломоновна, «студентам выдали лишь справки: началась война, и институт почти в полном составе ушел в ополчение. У Лии Соломоновны к этому времени уже родился ребенок, и она эвакуировалась. Об аспирантуре можно было забыть» [Самойлова, Хворостов: ТЖ, 23 апреля 2008].

Лишь в августе 1946 года Лия Соломоновна получила диплом МГУ им. М.В. Ломоносова об окончании вуза, поскольку МИФЛИ был слит с МГУ в ноябре 1941 года в Ашхабаде, куда оба были эвакуированы. По диплому ей по специальности «История западной литературы и немецкого языка» присвоена ква-

лификация «научного работника в области истории, западной литературы и немецкого языка, преподавателя ВУЗа и ВГУЗа и звание учителя средней школы».

Получить такое образование – это невероятный подарок судьбы, предопределивший смысл дальнейшего движения Лии Соломоновны в пространстве ее ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

ГЛАВА 2

ПЕДАГОГ, «ШЕФИНЯ»

2.1. О ЛЕКЦИЯХ И СЕМИНАРАХ: ОСКОЛКИ ПАМЯТИ

«Не мы ли частицы наших учителей?
Не мы ли разобраны на частицы нашими учениками?»
А. Левинтов

Начало пути

Педагогическая деятельность Лии Соломоновны началась не сразу после окончания МИФЛИ, поскольку в 1941 году ее муж Яков Наумович был призван на фронт, а Лия Соломоновна вынуждена вместе с грудным ребенком (дочерью Ирмой) эвакуироваться в г. Коканд – место своего рождения. Об этом времени есть лишь некоторые свидетельства, подтверждающие пребывание Лии Соломоновны в Коканде. Так, в семейном архиве сохранилась копия «Приказа по Кокандскому Объединенному Военному Комиссариату» от 8 марта 1942 г., в котором в «день 8 марта – Международного Коммунистического дня женщин всего мира Кокандский горвоенкомат отмечает от начальствующего состава прибывших по эвакуации с прифронтовой полосы особо отличившихся и активно участвующих в общественной жизни, помогающих в работе советских и партийных организаций за чуткое отношение и помощь детям и семьям начсостава и объявляет БЛАГОДАРНОСТЬ». В списке названы 9 человек, среди них – Л.С. Кауфман. Также сохранился «Пропуск» на имя Лии Соломоновны на право входа на территорию эвакогоспиталя № 3670, находившегося в г. Коканде Ферганской области, с 16 августа 1942 г. до 1 января 1943 г. как общественному библиотекарю за подписью коменданта Медведева

и начальника э/госпиталя Аббасова. Эти документы позволяют лишь в некоторой степени судить о работе Лии Соломоновны в начале войны, ее желании не оставаться в стороне от общей трагедии. По воспоминаниям, она некоторое время работала в качестве ассистента в Ташкентском государственном университете, где познакомилась с многими крупными советскими учеными, например, будущим академиком В.М. Жирмунским, представителем Ленинградской научной школы, о котором Лия Соломоновна тепло вспоминала, как он в трудные годы помогал с едой, чтобы молодые преподаватели не умерли от голода.

В конце войны с 1944 по 1949 гг. Л.С. Кауфман работает в Сумском педагогическом институте. Сохранился профсоюзный билет Л.С. Кауфман, выданный 17 марта 1944 года местным комитетом Сумского пединститута, о ее вступлении в профсоюзную организацию института в 1944 году. В этом документе также сообщается, что производственный стаж лектора составляет один год. В автобиографии Якова Наумовича на должности завкафедрой основ марксизма -ленинизма (1946-1949 гг.) в Сумах, имеется информация о том, что «жена работает старшим преподавателем зарубежной литературы» в том же институте.

Кампания борьбы с космополитами (1948-1953) прошла трагически по личной судьбе Лии Соломоновны: в сентябре 1949 г. она была арестована в Сумском пединституте, осуждена в феврале 1950 года и направлена в Ахтырский лагерь Сумской области, в апреле 1951 г. отпущена «за недоказанностью вины» согласно справке соответствующих инстанций. После освобождения из лагеря семья не осталась на Украине, Яков Наумович уже с февраля 1950 года работал сначала в Воронежском государственном университете, а с сентября того же года – в Тамбове на кафедре философии ТГПИ. По воспоминаниям, Лия Соломоновна в 1950-е гг. пыталась устроиться в Москве, но работать приходилось нередко под чужими именами.

В 1956 году ее профессиональная карьера начинается в Тамбовском государственном педагогическом институте на кафедре немецкого языка факультета иностранных языков. По профилю своей широкой специализации Лия Соломоновна мог-

ла читать различные курсы лекций по теории и истории зарубежной литературы, вести семинары и практические занятия не только по литературным дисциплинам, но и по различным аспектам немецкого языка.

МИФ – ЭТО НЕ ВЫДУМКА, НЕ СКАЗКА...

Наше немецко-английское отделение встретилось с ней на втором курсе (1966/67 гг.) на лекциях по факультативу «**марксистско-ленинская этика и эстетика**», называемая нами кратко «Этика/эстетика» без добавочных определений. Только позднее, по истечении десятилетий и социокультурных потрясений 1990-х гг. в России, стало понятным, что никакой марксизм в ее лекциях никогда не упоминался, поскольку она шла от истоков античной культуры (античной этики и эстетики). От нее мы услышали определение мифа по А. Ф. Лосеву (1893-1988), которого она знала и до конца жизни поддерживала дружеские связи с Азой Алибековной Тахо-Годи (ученицей и спутницей философа), ее сестрой Муминат Алибековной, и племянницей Еленой Аркадьевной Тахо-Годи.

«Миф – это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» (А.Ф. Лосев), цитировала Лия Соломоновна русского философа, полностью разделяя эту точку зрения и добавляя, по-видимому для упрощения понимания к определению «не выдумка», «не сказка» (в терминах А.Ф. Лосева – не фикция). Мы так и затвердили на всю жизнь, миф – это не выдумка, не сказка, а реальная действительность. Не случайно в день ее 90-летия прозвучали строки выпускника кафедры немецкой филологии ТГУ им. Г.Р. Державина Карнаухова Олега Вячеславовича в следующей форме:

Да, миф – не выдумка, не сказка,
Мы пронесем сквозь годы Ваш девиз.
И возраста пусть не падет на очи маска,
Такой же светлой будет Ваша мысль.

Мифология не сводилась ею до простого пересказа мифа, хотя и это было интересно и важно в те идеологизированные годы, когда на занятиях по немецкому языку нужно было обязательно изучать биографии Маркса-Энгельса и историческое значение решений очередного Пленума ЦК КПСС или партийного съезда. Главным принципом изложения текста была **антропоцентрическая интерпретация** события мифа, его участников, их характеров и поступков, что было направлено не только на просвещение, сообщение знаний, но и на дидактическое воздействие на слушателя. Ее рассказ о Прометее, похитившим огонь для людей и пострадавшим за ослушание от беспощадного Зевса – это повествование о типичной реальной ситуации, с которой может столкнуться человек, будучи жестоко наказанным за свои усилия в сторону добра, сохраняя при этом свое достоинство и самостояние. Текст мифа излагался эмоционально-приподнято, мы слушали, как замороженные, увлеченные трагизмом вечной истории об античном боге, помогающем человеку, близком и почти реальном, поскольку Прометей был прикован к скале реальных Кавказских гор. Это географическое название устраняло временную и пространственную отдаленность от сложного трагического персонажа и миф не казался сказкой...

В этом же курсе мы впервые увидели прикрепленную на доске репродукцию «Сикстинской мадонны» великого итальянского живописца Рафаэля Санти, интерпретация которой нам тогда была, может быть, не до конца понятной, поскольку Лия Соломоновна рассказывала о трагичности судьбы, навстречу которой Мать несет своего ребенка. В силу возраста мы не очень понимали, что это за Судьба, но верили лектору. На лекции не говорилось о христианской теме картины, не упоминались имена Богородицы и младенца Христа (разве можно в эпоху развитого социализма?). Основной акцент был сделан на гуманистической составляющей картины, человечности ситуации и неповторимой гармонии красок шедевра, названного русским поэтом В. Жуковским «гением чистой красоты». Понимание постепенно прививалось нам в процессе комментария. Такие понятия как

Ренессанс, гуманизм были усвоены на лекциях по «марксистско-ленинской этике и эстетике», в действительности же в курсе античной этики, истории культуры эпохи Ренессанса. Она не говорила о «Моральном кодексе строителя коммунизма», как это было тогда принято, она говорила о Человеке, его предназначении, смысле жизни, повествуя об античных богах, открытиях Эпохи Ренессанса, и все это оставляло когнитивные следы в памяти, возбуждало желание и интерес к знаниям. В немецком языке есть слово, появившееся во времена М. Лютера (16 в.) – *Feuereifer* (пламенное усердие), входившее в систему ценностей протестантской этики. Так вот Лия Соломоновна читала курс с пламенным усердием, вовлекая своих слушателей в пространство мировой культуры. **Эпидиаскоп – техническое чудо времени.** Любила использовать визуальные опоры: иллюстрации из книг, журналов, репродукции, а также эпидиаскоп – техническое чудо того времени, вытесненное сегодня компьютером. Коллекции диапозитивов позволяли лектору расширить систему представлений о музеях мира, выставках, архитектуре знаменитых городов Германии и т.д. Это теперь можно увидеть мир в различных ракурсах в интернете и прочих ресурсах, а в эпоху «железного занавеса» это была роскошь в провинциальном вузе, помноженная многократно на личность преподавателя. На ее лекциях не ощущалось усталости слушателя, что объяснялось увлеченностью лектора, желанием приобщить студентов к миру знаний, что особенно отличает манеру чтения лекций педагогов, не утративших преемственность академической традиции дореволюционной России, ведь это поколение получало образование пока еще «из уст старых профессоров – классиков».

КУРС ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«История немецкой литературы» читалась на четвертом курсе, мы учились по учебнику, только что изданному на немецком языке в издательстве «Просвещение» (Москва 1968), авторами которого были Г.И. Краморенко и Л.С. Кауфман. Без

преувеличения могу сказать, что мы были горды тем, что в Тамбове слушаем литературу непосредственно от автора. Автор отступал от своего же учебника, расширяя объем информации за счет дополнительных знаний, нового опыта, приобретаемого в процессе поездок в Восточную Германию (ГДР), участия в семинарах и конференциях в стране и за рубежом. Всякий раз она творила текст.

Не любила соблюдать строгие правила, читала курс литературы в некоторой степени избирательно, выделяя наиболее существенные и важные темы и проблемы. Например, подробно анализировался главный германский героический эпос средневековья «Песнь о Нибелунгах» (13 в.), при этом основной акцент ставился на интерпретации черт немецкого характера на примере Зигфрида, его мужества, отваги, отсутствия страха, но и слабости (например, совершение обмана в брачную ночь Брунгильды, ставшего причиной гибели героя). Женские образы эпоса также не оставались без внимания, мифическая сила Брунгильды, красота и беспощадная жестокость Кримхильды, предательство и измена, порочность человеческой природы – все это не казалось чем-то далеким от современности. Антропологический аспект, интерпретация характеров, поступков персонажей, образа мыслей, оценки литературных героев, приобщение слушателя к размышлению – это ключевые точки смысловой организации текста лекций.

ГЕРМЕНЕВТИКА – ИСКУССТВО ТОЛКОВАНИЯ

Само слово Нибелунги хранит огромный культурно-информационный потенциал (топологический – сказочное место, мифологический – фантастические персонажи, антропологический – исторические прототипы и т.д.), раскрытие которого становится возможным на основе когнитивной (в том числе лингвокультурологической интерпретации – Ю.С. Степанов), что четко прослеживается в способе толкования текста и языка в лекциях Лии Соломоновны. Она успешно внедряла классический термин

«герменевтика», определяемый как «искусство толкования, теория интерпретации и понимания текстов, в том числе текстов классической древности». «Повсюду, где мир испытывается нами, где происходит преодоление чуждости, где совершается усвоение, усмотрение, постижение, где устраняется незнание и незнакомство, повсюду совершается герменевтический процесс собирания мира в слово и в общее сознание [Гадамер 1991: 14]». «Процесс собирания мира в слово» совершался на всех занятиях Лии Соломоновны, которая никогда не ограничивалась простой констатацией факта, опираясь на диалектическое толкование любого явления и знания.

Любимой темой средневековой литературы была также поэзия вагантов, бродячих школяров и поэтов, сочинения которых находили живой отклик в студенческой среде, мечтающей и в 20 веке о том, когда придет «день освобождения от цепей учения». На занятиях читались тексты, многие из которых Лия Соломоновна воспроизводила наизусть в переводах Л.В. Гинзбурга (1921-1980). Приведу отрывок из «Кембриджской рукописи» «Доброе, старое время».

Вершина знаний, мысли цвет,
Таким был университет.
А нынче волею судеб,
он превращается в вертеп.

Гуляют, бражничают, жрут,
книг сроду в руки не берут,
для шалолая-школяра
ученье – вроде бы игра.

Не узнаем ли мы в старом добром времени наше новое и новейшее время? Лия Соломоновна в 1950-е годы (до переезда в Тамбов) сотрудничала с известным советским переводчиком и публицистом Львом Владимировичем Гинзбургом в Москве, занимаясь переводами под чужим именем, о чем она рассказывает в одном из фильмов. Всем известны строки песни на музыку Д. Тухманова «Во французской стороне, на чужой планете, предстоит учиться мне в университете» из уникального сборни-

ка стихов *Carmina Burana* на латинском языке и переведенных на русский язык также Л.В. Гинзбургом. Стихотворение «Колесо Фортуны» – символическое толкование образа Судьбы, его иронически-оценочная коннотация со знаком «плюс» и «минус» (диалектика Судьбы), предложенная безымянным средневековым автором, до сих пор воспринимаются как некий философский сгусток смыслов о непредсказуемости судьбы, о взлетах и падениях человека, об отрицании пафоса по отношению к себе и многое другое.

Мнил я: верх меня несет!
Ах, как я ошибся,
ибо сверзшиися с высот,
вдребезги разшибся
и, взлетев под небеса,
до вершин почета,
с поворотом колеса
плюхнулся в болото и т.д.

Мы не только читали тексты в переводе, но и, к счастью, слушали в связи с 90-летием Л.С. Кауфман на языке оригинала кантату немецкого композитора Карла Орфа «Кармина Бурана» в исполнении Тамбовского камерного хора им. С.В. Рахманинова под руководством заслуженного деятеля искусств России, профессора В.В. Козлякова. Такие лекции и концерты не забываются.

И.В. ГЕТЕ И НЕМЕЦКИЕ КЛАССИКИ

Среди немецких классиков национальной литературы особое место занимают выдающиеся представители эпохи Просвещения и движения «Буря и натиск» (18 в.) – Г.Э. Лессинг (1729-1781), И.В. фон Гете (1749-1832), И.К.Ф. фон Шиллер (1759 – 1805), которым в курсе лекций по истории литературы уделялось исключительное внимание, в особенности И.В. фон Гете. Учили наизусть лирику, инсценировали баллады (например, Erkönig «Лесной царь»). Подробно анализировали роман в письмах другу Вильгельму «Die Leiden des jungen Werthers, 1774 г.»

(«Страдания молодого Вертера»), при этом незабываемое впечатление оставило обсуждение нарциссизма и сентиментальности протагониста Вертера, что было иллюстрировано количественным подсчетом употребления местоимения *ich* «я» в тексте. Например, начало первого письма выглядит так: *Am 4. Mai 1771/ Wie froh bin ich, daß ich weg bin! Bester Freund, was ist das Herz des Menschen! Dich zu verlassen, den ich so liebe, von dem ich unzertrennlich war, und froh zu sein!* (Как счастлив я, что уехал! Бесценный друг, что такое сердце человеческое? Я так люблю тебя, мы были неразлучны, а теперь расстались, и я радуюсь! – Перевод Н. Касаткиной). Уже в коротком примере в оригинале насчитывается 4 *ich*, а в абзаце число значительно возросло. Не обошлось здесь без обращения к мифу о Нарциссе.

На мой взгляд, для нас это стало хорошей прививкой от злоупотреблений «я» в своей речи. Эмоционально Лия Соломоновна трактовала также сентиментальность (чувствительность и самопоглощенность) героя, выражающуюся множеством специальных лексических единиц, подчеркивающих различные оттенки психического состояния героя, поясняя таким образом особенности литературного течения второй половины 18 века «Буря и натиск». В дальнейшем студент Ю.В. Волков (ныне переводчик в Германии) написал дипломную работу под руководством Лии Соломоновны о языковых средствах, передающих тончайшие оттенки мира чувств и психических состояний молодого Вертера.

Философская трагедия «Фауст», которой Гете посвятил всю сознательную жизнь (60 лет) – запомнилась сложностью стихотворной вязи с множеством глубинных смыслов и «подсмыслов», трудно постигаемых в студенческие годы. Лия Соломоновна предложила нам наиболее понятный отрывок «*Osterspaziergang*» (Пасхальная прогулка) с живописным описанием воскресения природы и людей, утомленных зимними холодами, колоритом средневековых городов с тесными переулками и улочками. Помню, как мы долго обсуждали символическое содержание строки *im Tale grünet Hoffnungsglück* (досл. в долине зеленеет счастье надежды – перевод Н.Д.). «В переводе с немецкого Н. Холодковского «Весенней красою блистают

долины», – подчеркивала она, – элиминирована метафора надежды на счастье *Hoffnungsglück*», при этом мы долго размышляли, почему счастье «зеленеет» *grünet* в долине, ассоциативно объединяя смыслы весны и счастья и удивляясь языковому образу. Это был настоящий концептуальный анализ, к которому пришла современная лингвистика, и который не противоречит «герменевтике».

«В начале было Дело»!

Несмотря на исключительную сложность трагедии по содержанию и форме, Лии Соломоновне удавалось заложить ростки понимания многих взглядов на мир великого Гете. Так, тема воспитания человека «деятельностного», лежащая в основе концепции Эпохи Просвещения, была наиболее убедительно показана в коротком отрывке:

Geschrieben steht: „Im Anfang war das Wort“
hier stock ich schon!
Wer hilft mir weiter fort?
Ich kann das Wort so hoch unmöglich schätzen,
Ich muß es anders übersetzen,
Wenn ich vom Geiste recht erleuchtet bin.
Geschrieben steht: Im Anfang war
Bedenke wohl die erste Zeile,
Daß deine Feder sich nicht übereile!
Ist es der Sinn, der alles wirkt und schafft?
Es sollte stehn: Im Anfang war *die Kraft!*
Doch indem ich dieses niederschreibe,
Schon warnt mich was, daß ich dabei nicht bleibe.
Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat
Und schreibe getrost: Im Anfang war die *Tat!*

Написано: «В начале было Слово» –
вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль – всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалеко!
Ведь Мысль творить и действовать не может!

Не Сила ли – начало всех начал?
Пишу – и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул – и выход вижу смело,
Могу писать: «В начале было Дело»!

(Перевод Н. Холодковского)

Размышления Фауста о переводе первой строки Евангелия от Иоанна (Новый завет) «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» выстроены из цепочки сложных абстрактных концептов (SINN – KRAFT – TAT) (МЫСЛЬ – СИЛА – ДЕЛО), требующих дополнительного смыслового толкования. Сложность греческого понятия ЛОГОС, его семантическая многослойность вызвали поток рассуждений героя о значении разума человека, о его физической силе и в конечном итоге о деятельности, как самом важном «начале всех начал». Известно, что крупнейший немецкий мыслитель, переводчик И.Г. Гердер (1744-1803), современник и соратник И.В. Гете, комментируя богословский термин греческой этимологии LOGOS, отмечал, что немецкое слово Wort недостаточно отчетливо передает древнее понятие, что LOGOS включает несколько смыслов – слово, смысл, воля, дело, деятельная любовь [Википедия]. Гете предпочитает понятие ДЕЛО в соответствии со своим природным и историческим пониманием бытия, а также с общей концепцией «Бури и натиска», что внушалось и лектором студентам – важно ДЕЛО человека. При этом подчеркивалось также особое значение понятия SINN (мысль, смысл), стоящий за любым видом человеческой деятельности. Перевод строки «Mir hilft der Geist» «но свет блеснул – и выход вижу смело» лишь ассоциативно передает смысл размышлений Фауста, подчеркивающего помощь духа Geist, мыслительной деятельности человека, озарения и стремления к познанию.

Толкование ключевых концептов текста показывает, насколько сложно содержание короткого отрывка, интерпретация которого требует привлечения разнообразных знаний из других областей знаний (истории культуры, религии, этимологии слова, лингвистики, литературы). Когниция лежала в основании прочтения, понимания и познания глубинных философских смыслов

текста гениального поэта. Скорее всего, до конца едва лишь можно постичь тайны смысла, но Лие Соломоновне удавалось вовлечь студентов в процесс размышления и обсуждения, «собирая мира в слово», что так и осталось в памяти до сих пор. Многие выученные цитаты из трагедии являются своеобразным ориентиром в повседневной жизни человека (например, лишь тот достоин жизни и свободы..., или здесь я человек...).

Могучий гений Гете окончательно укрепился в созданном Лией Соломоновной Тамбовском Гете-обществе в 1994 году, первым председателем и Почетным президентом которого она остается посмертно.

Гуманистическая направленность курса литературы обусловила сохранение «отпечатков» знаний, впечатлений о плеяде немецких писателей и самых существенных концептов, представлений, связанных с их творчеством. Отрывки из драм «Минна фон Барнхельм, или Солдатское счастье», «Эмилия Галлотти» Г.Э. Лессинга, из драмы «Коварство и любовь» Ф. Шиллера неоднократно инсценировались на заседаниях Клуба интернациональной дружбы, а если была возможность увидеть спектакль в театре, то такая возможность не пропускалась. Последний поэт немецкого романтизма Генрих Гейне (1797-1856) поразил не только критическим описанием филистерского городка Геттинген со своим знаменитым университетом (Harzreise – Путешествие по Гарцу), сатирической концептуальной метафорой «зимнего сна» в оценке Германии 19 в. (Deutschland. Ein Wintermärchen), лирикой (знаменитой «Lorelei», ставшей народной песней, стихотворением «Wenn ich an deinem Hause» и др.), но и трагической страницей завершения жизни, когда поэт в течение восьми лет оказался «прикованным» к постели из-за паралича. Поэт сам определил этот тяжелый период жизни метафоро-символически как «матрасная могила» Matrazengruft. Надо было слышать, как драматично комментировала Лия Соломоновна его страдания и вместе с тем – огромный поэтический дар, который она не только высоко ценила, а просто любила творчество поэта. Его стихи, отрывки из произведений читались всегда на всевозможных встречах, заседаниях Клуба интернацио-

нальной дружбы (в дальнейшем преобразованного в 1990-е гг. в Клуб друзей Германии (доц. Н.В. Вязовова). Особый след оставили встречи с немецкой актрисой Корнелией Кюн-Ляйц (Kornelia Kühn-Leitz), в течение нескольких лет выступавшей с программой «Генрих Гейне. Лирика» и подарившей факультету диск с записью стихов Г. Гейне в собственном исполнении с признанием любви поэта к Германии, когда он находился в эмиграции «Германия, моя далекая любовь» (Oh, Deutschland, meine ferne Liebe).

Моим личным открытием стал также выдающийся немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии (1929 г.) Томас Манн (1875-1955), в особенности его роман «Будденброки» (Buddenbrocks. Verfall einer Familie, 1901). Хроника жизни семьи Будденброков, реальные прототипы (семья Манн), острота конфликтов и далее – упадок купеческой династии из г. Любека, трагически закончившийся случайной (нелепой) смертью продолжателей фамилии Томаса и его сына Иоганна – все это поражало воображение. Лия Соломоновна эмоционально комментировала семантическую многослойность понятия Verfall (от постепенного распада до полного упадка = гибели), динамику процесса распада, обращаясь к оригиналу текста. Невозможно забыть слово, если оно интерпретируется в контексте и увязывается с судьбами литературных персонажей. Роман начинается на первый взгляд с простого вопроса «Was ist das. – Was – ist das...» (что это...), произнесенного в утвердительной форме восьмилетней героиней Тони. За кажущейся простотой вопроса далее следует детальное описание интерьера дома, внешности персонажей, их одежды, разговоров, включающих реплики на местном нижненемецком диалекте, французском языке, которыми пользовались в состоятельных немецких семьях.

Отрывки из «Будденброков» были включены в билеты на госэкзамен по немецкому (основному) языку и наши усилия по анализу текста не всегда, мягко говоря, вызывали одобрение преподавателя и заведующего кафедрой немецкого языка Л.С. Кауфман: уж больно трудно было освоить и сформулировать картину мира, представленную в тексте, отметить специ-

фику национального менталитета, дать характеристику особенностей художественного стиля автора. Концентрировались на поверхностном слое, искали эпитеты и метафоры, но не всегда могли объяснить с их помощью существенное в тексте, скорее всего, из-за недостаточного опыта понимания феномена бытия как такового. Лия Соломоновна снисходительно относилась к нашим нередко «незрелым» и наивным ответам, никогда не любила ставить неудовлетворительные оценки, в лучшем случае отправляла еще раз «поучить» материал.

Много имен, составляющих ключевые точки мировой культуры, было названо на ее лекциях и о каждом можно было сказать что-то особенное, настолько увлеченно говорила о них Лия Соломоновна.

СТИЛИСТИКА – НАУКА ОБ ОСТОРОЖНОМ ОБРАЩЕНИИ СО СЛОВОМ

Стилистика немецкого языка читалась на 4 курсе, когда студенты могут опираться на накопленные знания и в определенной степени осваивать теорию и практику анализа стилистических особенностей различных типов текстов, прежде всего текстов из художественной литературы, что соответствует специализации выпускника пединститута, а затем университета. В этот период (1960-70 гг.) в учебном процессе использовался базовый учебник *Stilistik der deutschen Sprache* (1959, 1963) крупнейшего советского и российского германиста Элизы Генриховны Ризель. Учебник по стилистике Е.Г. Ризель высоко оценивался Лией Соломоновной, ведь автор – носитель языка, ее преподаватель в МИФЛИ. С этим учебником связан один из моих личных «уроков воспитания», который дала мне Лия Соломоновна. Поступив в 1970 году на работу на кафедру немецкого языка, мне, не имевшей прописки в г. Тамбове, Лия Соломоновна предложила временно пожить в ее семье (1970-1972). В квартире по тем временам (да и не только по тем!) была собрана богатейшая библиотека, которой можно было пользоваться

по потребностям. Однажды мне потребовался учебник Э.Г. Ризель для объяснения образных средств текста. Не задумываясь, я отчеркнула красным карандашом абзацы, нужные мне, и похвасталась Лие Соломоновне, что удалось найти необходимую и важную информацию. Увидев красные пометки, Лия Соломоновна, кажется, покраснела от возмущения (как карандаш!) и тихо спросила, как могла прийти в голову такая варварская идея подчеркивания в такой «священной» для нее книге! Что можно было пролепетать... Только извинения, но урок воспитания отложился в памяти.

В 1980-е гг. дважды переиздается «Стилистика немецкого языка» Л.С. Кауфман, авторский курс, наработанный в течение двух десятилетий преподавания учебной дисциплины в ТГПИ. Многие помнят, что в эти годы трудно было опубликовать какие-либо статьи, пособия, отсутствовали многочисленные издательства, которые мы имеем в нашем распоряжении сегодня, поэтому появление учебного пособия на немецко-английском отделении считалось важным событием: все студенты могли пользоваться пособием на немецком языке без ограничений.

Уже во вводной лекции Л.С. Кауфман отмечала, что освоить язык фонетически, лексически и синтаксически – не простая задача сама по себе. Еще труднее овладеть языковыми тонкостями разговорного и литературного языка (*Umgangssprache und Literatursprache*). И далее особо подчеркивалось, что в познании и овладении языком нет конца и абсолютного совершенства (*Es gibt kein Ende, keine absolute Vollkommenheit in der Aneignung und Beherrschung der Sprache* [Kaufman 1982: 3]).

Говоря о значении и трудностях выбора СЛОВА, как самого существенного компонента коммуникации, Лия Соломоновна постоянно акцентировала внимание на том, что способ высказывания человека – это зеркальное отражение его личности (*sein Spiegelbild*). Так внушалась главная идея стилистики – необходимость осторожного обращения со словом, умение использовать в коммуникации точное слово (*das treffende Wort*), помнить о стилистической окраске слов. Понятный аппарат стилистики как лингвистической дисциплины был специально размещен

в конце учебного пособия, что облегчало понимание и усвоение важнейших дефиниций. В целом, стилистика немецкого языка никогда не казалась простой наукой, преподаватель оставил в памяти главное правило коммуникации – умение управлять собой в диалоге с собеседником, где «языковое ты и я – зеркальное отражение личности».

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЧТЕНИЕ: СТОПРОЦЕНТНЫЙ ОПРОС ВСЕХ ПО ВСЕМ ТЕМАМ

Учебная дисциплина «Аналитическое чтение» выполняла прикладную функцию. Как правило, занятия по аналитическому чтению проводились в форме практических, на которых изучались отрывки из художественной литературы, рассматривались композиция, основное содержание, языковые особенности вербализации знаний, представлений о мире, главных действующих лицах, их характерах и т.д. Аналитическое чтение было направлено на формирование и развитие важнейших умений и навыков понимания целостного текста и его осознанной интерпретации, поиска подтекста, вербализованного эксплицитно и / или имплицитно. Это требовало от студентов наличия языковых и общих знаний из других областей науки, понимания специфики национальной немецкой культуры, особенностей мировидения, поступков персонажей, тонкостей коммуникативной деятельности. Лишь в 1991 году Лие Соломоновне удалось издать учебное пособие «Введение в аналитическое чтение» на немецком языке, в котором излагались основные задачи дисциплины. Эта дисциплина неразрывно связана как с литературой, так и стилистикой немецкого языка, она была и остается частью государственного экзамена по немецкому языку. Лия Соломоновна фактически применяла приемы аналитического чтения на всех своих занятиях, в том числе и на лекциях, ибо язык без понимания, без смысла – это напрасный труд. Научить студента думать, чтобы понять текст, сформировать навыки языкового комментария со-

держания и формы, да еще на чужом языке – это почти «сизифов труд», тяжелая работа, но не безнадежная.

Вспоминается опыт Лии Соломоновны по так называемому «натаскиванию» студента на экзамен, когда каждый текст прорабатывался детально на занятиях, и каждый студент должен был ответить этот текст, а когда не хватало времени, оставляла после урока и опрашивала. Стопроцентный опрос всех по всем темам, в том числе и по лекционному курсу, чаще всего после занятий, был излюбленным приемом Лии Соломоновны. Среди преподавателей это нередко вызывало ироническую улыбку (трата времени! и т.д.), но большинство из нас прошло через эту систему контроля, которая не только не вредила, но повышала ответственность каждого за свою работу, никому не удавалось «проскочить». Порой во время контроля казалось, что она устала и не слышит рассказ о том, какой «эгоцентрик» Вертер в романе Гете, но тут раздавалось *weiter* (дальше!) и нужно было поведствовать дальше. Недовольство выражала редко, уважительно относилась к каждому, независимо от уровня знаний, поэтому «двоечники» ее тоже очень любили.

Выросшие в системе образования, в которой господствовал принцип «Учитель всегда прав», получили от нее представление-знание о ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА не из теоретического наследия, а из практических наблюдений ее поступков: независимо от социального статуса Лия Соломоновна обращалась со всеми, в том числе и с нами, на равных правах, повышая постепенно самооценку «бедного студента». Став со временем деканом факультета иностранных языков пединститута, затем ТГУ, я не переставала удивляться, как это ей удавалось, самых ленивых заставить «вызубрить» хотя бы на «удовлетворительно». Уходя из пединститута, затем университета, студенты всегда помнили Лию Соломоновну светло и при случае интересовались ее делами, потому что помнили уроки «достоинства и гуманизма в широком смысле».

В идеальной картине взаимоотношений со студентами бывали «проколы», говоря студенческим языком. На всю жизнь сохранился в памяти наш «побег» с ее лекции по истории не-

мецкой литературы на четвертом курсе, кажется, это было ранней весной...1969 г. Теперь представляется странным, как такой образцовый курс (наша 509 группа была внесена в Книгу Почета ТГПИ в 1970 г.) мог позволить себе... Но «цепи ученья» ощущают и отличники. За нехваткой учебных аудиторий наш курс разместили тогда временно в студенческом общежитии на Державинской улице (теперь там банк и поликлиника). Преподаватели должны были пешком идти в общежитие из главного корпуса на улице Советская, 93 (ныне мединститут ТГУ), иногда они опаздывали, что мы понимали и терпеливо ждали. В один прекрасный день нам почему-то всем захотелось пойти в кино-театр «Родина», посмотреть новый фильм, но что делать с лекцией по истории литературы? Попробуем сбежать. Весь казус заключался в том, что Лия Соломоновна уже входила в центральную дверь корпуса и не опоздала, а мы «как мелкие ворюжки» (украли время!) сбежали в боковую дверь, наивно восхищаясь своей проделкой. Чувство вины пришло на следующий день, мы, четверокурсники!, даже не удосужились извиниться (до сих пор стыдно!), а просто виновато от стыда смотрели в стол. Мы не услышали воспитательной тирады и упреков, не последовали и наказания. Наша преподавательница спокойно начала читать лекцию, показав лишь гордым взглядом, что она нас переоценила. Постепенно наш контакт и понимание восстановились, но для нас это был удивительный урок воспитания.

Некоторые ее сентенции исповедуются до сих пор как важнейшие правила жизни: «Смотрите на жизнь философски», то есть в соответствии с диалектикой бытия, не удивляясь ни черному, ни белому; «Умейте растворять нерастворимое» – это о толерантности, об умении простить, найти компромисс, понять другого.

Литература

Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.

Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Изд-во «Правда», 1990.

НУ, ЭТО ВЫ, КОНЕЧНО, ЗНАЕТЕ...

***Вязова Н.В., кандидат педагогических наук,
доцент***

В памяти всплывают отдельные картины незабываемых встреч, ярких впечатлений, которые складываются в одно большое полотно жизни, значительная часть которой была прочно связана с Лией Соломоновной, с моим дорогим учителем, верным другом и советчиком. Что вспоминается? Да, всё! Не только академические занятия, зачёты и экзамены...

Впервые услышала имя Кауфман на приёмных экзаменах, когда все абитуриенты становились одной единой толпой, дрожащей от страха и ожидания: были наслышаны, что Лия Соломоновна даёт текст из оригинальной литературы для чтения и перевода, поэтому в воздухе витало: вдруг Ремарк! «Три товарища!». И уже одно это приводило в трепет, новый уровень – институт! – тут надо соответствовать.

А первые лекции по литературе были просто открытием для каждого из нас, простых, недавно школьников, которые с немецкими писателями были мало знакомы. Она открывала для нас новые имена, зарождала в нас желание и стремление знать больше и получать от этого наслаждение. Простое замечание во время лекции: «Ну, это Вы, конечно, знаете... Всем известно, что...», буквально сдувало нас со стульев и уже в перемену в читальном зале мы шуршали страницами справочников, лексиконов, восполняя пробелы. Мир большой и великой литературы становился ближе и понятнее, когда мы читали немецких классиков. Замирая, слушали, как Лия Соломоновна проникновенно цитировала наизусть, комментировала, раскрывая мысль автора. Мы восторженно слушали легенду о Нибелунгах, пытались понять, что «миф-это не выдумка, не сказка, а реальная действительность, прошедшая сквозь наше сознание...». Знакомились с рыцарским миром и служением прекрасной даме, читали о средневековье и удивлялись метафорам в «Корабле дураков» Брандта и на картине Босха, штудировали тридцатилетнюю

войну и пьесу Брехта «Мамаша Кураж и её дети», и усердно строчили в тетради эти просветительские лекции.

Мы не только много читали, благодаря такому умному и ненавязчивому образованию, сторонницей которого была Лия Соломоновна, но и развивали свое творческое воображение. Наши частые посиделки за круглым столом на Студенецкой были весёлыми и памятными. В один из вечеров мы, напившись чаю, наслушавшись вволю разных историй, хотели было заскучать, но Лия Соломоновна объявила: «Давайте играть в шарады!» И тут началось! Искали интересные слова, тащили с вешалки и из шкафа реквизит, потому что обязательное условие было – войти в образ! И вот, я уже в черном с розами павлопосадском платке стою на стуле и многозначительно, с паузами, громко каркаю, как ворона на ветке: «Кар! Кар!», а Борис Николаевич Иванов, замечательный человек и учёный-лингвист, медленно идет по комнате, не говоря ни слова, а только поднимая, якобы с трудом руки, и, еле-еле представляя ноги, плавно покачивается. Угадайте слово! Лия Соломоновна, глядя на эту живописную пару, хохочет: «Да это же картина! Кар и Тина! Угадала?». И вся весёлая компания начинает с энтузиазмом, разбившись на пары, сочинять свою шараду. У нас не было гаджетов и интернета, но мы так увлекательно познавали мир языка и культуры благодаря нашему учителю!

С ней вместе мы открывали старинную Москву, её тихие, но знаменитые улицы и улочки, ходили в театр и на выставки. Она так любила этот мир настоящей культуры, что не могла не поделиться своим восторгом с нами. Её всегда окружали удивительные личности – переводчики, философы, языковеды, ученые, врачи и просто умные люди. Однажды сам Пуришев Б.И., выдающийся специалист в области зарубежной литературы, провел по просьбе Лии Соломоновны для нас, студентов, увлекательную экскурсию по столице. Нам открылась всероссийская библиотека иностранной литературы, куда мы отправились сначала на экскурсию, а потом пропадали в её читальных залах, когда писали дипломные и диссертации.

Лия Соломоновна могла неожиданно спеть какую-нибудь хулиганскую частушку, и это у неё получалось всегда, кстати,

очень интеллигентно, с большим юмором и задором. Однажды отправились всей кафедрой на прогулку в Сосновый угол на корабле. По возвращению домой оказалось, что наш капитан, не может держать руль, и корабль наш шархался из стороны в сторону и никак не хотел попасть в центральный пролёт под мостом. Скрежет борта нашего кораблика об опоры моста тревожил всех пассажиров. Все притихли, а Лия Соломоновна затеяла песенное соревнование, чтоб отвлечь наше внимание. И так с шутками мы благополучно добрались до дома, а капитан от напряжения протрезвел...

Для всех и всего у неё находилось время и внимание. В морозный день меня, молодую учительницу немецкого языка 2-ой Пересыпкинской школы, вызвали из класса и сообщили, что ко мне приехали гости. Гостьей была Лия Соломоновна, которая прибыла для разговора и посмотреть, как я учительствую. Поиски моего жилища, школы, и сама дорога в далёкую деревню – это отдельная история. Но вот её разговор со мной, что надо учиться дальше, и что реально поступить в аспирантуру по методике в Ленинграде, привел в смятение мои мысли. Проводив её до автобуса, дала слово, что буду писать вступительный реферат и готовиться к экзаменам. Я была зачислена в аспирантуру и все три года она часто писала мне письма. Теперь, когда прошли годы, появилось сожаление, что нет тех писем, столь дорогих сердцу, но не стёрлась благодарность за то, что дала мне другое направление жизни.

ОНА БЫЛА ОСОБАЯ

***Карнаухов О.В., кандидат филологических наук,
доцент***

Миф – не выдумка, не сказка...» – первые слова самой первой лекции Лии Соломоновны Кауфман, многие поколения студентов повторяли их как заклинание. Она открывала для нас двери в далекую, неведомую цивилизацию, имя которой был гуманизм, культура, литература. Сегодня я понимаю, что все

мои семь поездок в Дрезден были предрешены уже на занятиях по страноведению. Мы были лично знакомы с «Шоколадницей» и «Саскией». Тему встречи двух противоположных миров – мира возвышенных идеалов и реальной действительности – мы изучали по картине Тициана «Динарий кесаря». А потом нас, совсем еще юных студентов Лия Соломонова повела в мир архитектуры. Согласитесь, что не каждый профессор может раздвинуть привычные аудиторные рамки и отвести своих студентов на шумные улицы города. Она показала нам Тамбов, который мы знали, как дошкольники, но пока еще не умели его читать. Впервые мы узнали, что такое капители, каннелюры, пинакли, и, что характерно для барокко, готики, классицизма, модерна.

Я поступил на факультет в 1990 году, и она была уже не молодая, старше всех других преподавателей, но, как ни странно, она была нам ближе по духу. Как говорили наши студентки, она одевалась очень современно, а сама Лия Соломоновна говорила, что мода – это хорошо забытое прошлое. У нее были какие-то невозможные для того перестроечного времени кардиганы, блузки, камеи. Она была какой-то европейской, не смотря на свой возраст. Позже это же подтверждали и немцы. Многие немцы говорили про язык Лии Соломоновны, что она говорила так, как говорили их мамы и бабушки, что она им ближе, чем многие из наших преподавателей, немецкий язык которых был такой холеный.

Живую немку я увидел тоже на занятиях у Лии Соломоновны. В аудиторию вошла Лия Соломоновна и такая же маленькая, сухенькая, седая, но с живым взглядом, стриженная под парнишку Анна Хофманн с лицом доброй немецкой бабы-яги, выглядывающей из пряничной избушки. Представьте себе ситуацию, мы – студенты первого курса и перед нами живой носитель языка, немка из западной Германии. Мы должны задавать ей вопросы. Что мы могли спросить? Что мы, вчерашние советские школьники, вообще знали о жизни в ФРГ? Я спросил, есть ли у нее машина. Машина была какой-то совсем мне непонятной марки Фольксваген. Почему автомобиль был народным, я узнал чуть позже, а модель Джетта, звучала для моего уха совсем по-

японски. О чем бы еще спросить? Есть ли у нее слуги? А в ответ со смехом: – Конечно, аж пять человек! А после занятий мы отправились все вместе с Анной на дачу к «бабе Лиле». В пригородном лесу, за невысоким штакетником стояла избушка – профессорская дача с кустом сирени у порога, с соснами на участке. И шикарный старинный самовар, который мы растапливали собранными тут же шишками. Может ли что-то быть лучше?! Пить чай из самовара, слушать интересные истории и петь песни на немецком и русском языках, совсем не ощущая разницы поколений. Анна Хофманн прислала нам, спустя месяц письмо и целый пакет немецких конфет. Через три года я снова встретился с нашей старой знакомой уже в Кёльне, куда я поехал учиться. Неожиданно ко мне в комнату постучали, и на пороге я увидел Анну. Весь вечер мы бродили по городу, а ближе к ночи, проходя мимо кучи мебели, которую приготовили к сдаче на утилизацию, я увидел офисный стул на роликах. Я понял, что именно его и не хватает мне в моем студенческом общежитии, где был всего лишь один стул и для обеденного стола, и для письменного. Мы везли с Анной стул по ровным кёльнским велодорожкам, а потом Анна уселась на него, и так мы доехали до моего общежития. У необыкновенной и жизнерадостной Лили были такие же позитивные друзья.

Чувство юмора никогда не покидало нашу добрую Лили. Помню, как на студенческой конференции кто-то из студентов рассказывал о новых гендерных тенденциях в немецком языке, о женском варианте привычных профессий. В конце доклада, когда пришло время задавать вопросы, встала Лия Соломоновна и сказала, что главный вывод, который она сделала, что под конец жизни в связи с новыми тенденциями в языке ей теперь придется изменить свою фамилию с Kaufmann на Kauffrau.

Она была особая. Помню, что после завершения работ по прокладке восточными немцами газопровода осталась огромная библиотека. Лия Соломоновна собрала немногочисленных ребят факультета и отправилась с нами на микроавтобусе РАФ за немецкими книгами. После того, как мы притащили книги в 61-ю аудиторию, Лили сказала, что каждый может взять себе книги, которые

ему понравятся. Скажу честно, что многие из этих книг заложили мои нравственные основы. Она была гуманистом и просветителем. Она всегда делилась со студентами книгами из личной библиотеки, записывала в свою тетрадку, кто что взял. Только после ее ухода, когда из квартиры вывозили и выносили книги, я понял, сколько там было книг.

Жить, давая возможность расти другим в профессиональном плане, было ее жизненной позицией. Таких в научной среде не много, скорее даже мало. Но благодаря ее контактам Лили помогала ездить, получать образование за границей, проходить практику, набираясь опыта. Уже после защиты, когда встал вопрос о том, какую тему мне выбрать для докторской диссертации, которая так и не состоялась в виду множества причин, Лия Соломоновна предложила мне поехать вместе с ней и Олей Дроновой в Веймар. Эта незабываемая поездка на конференцию Гёте-общества в Веймаре с поездкой в Вецлар была полна незабываемыми встречами, концертами, лекциями, знакомствами. С выхода из поезда на Павелецком вокзале началась наша веселая одиссея. Лия Соломоновна, как будто сбросившая с себя годы, была бодра и весела.

На память о Лиле на всю жизнь у меня останется хрустальная ваза, которую она подарила на мою свадьбу. Моя свадьба была спустя 28 дней после моей защиты, мама разрешила мне жениться лишь после «самого главного события в жизни». Лия Соломоновна сказала, что эта ваза стояла на столе у нескольких поколений ученых по самым торжественным случаям, и, что теперь она передает ее мне, молодому ученому. Мы кружили в вальсе на моей свадьбе с Лией Соломоновной и, согласитесь, это не забудется никогда!

Так получилось, что в последние годы мы общались не часто, я приезжал поздравлять бабу Лилю с Днем рождения, звонил на 8 марта, День учителя, День Победы. Лили всегда с интересом расспрашивала меня про жену, про детей, про родителей и про моего тестя, который ей очень запал в душу, про работу. Даже в последний день ее жизненного пути, когда неожиданно я узнал о ее плохом состоянии, она была внимательна, несмотря

на угасающие ментальные процессы и оставляющие ее силы. Я помню, что, когда я ее целовал, зная, что это наша последняя встреча, ее руки были холодны, а лицо было таким мудрым и добрым.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ ПРОНЗИЛА МЕНЯ...

*Пожилова В.Е. кандидат филологических наук,
доцент*

... И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился
пространством и временем полный.
О. Мандельштам

Наполненная в своей долгой, непростой одиссее пространством и временем, Лия Кауфман парадоксальным образом жила вне времени не в том смысле, что вне времени моей юности и зрелости, а вообще вне границ Времени. Может быть поэтому, особенно в годы моего студенчества появлялось ощущение встречи с необъятной эпохой, начала которой она властно устанавливала сама и, по-видимому, оттого она (эпоха) становилась такой конкретной и осязаемой. Ей всегда были тесны рамки разговора о литературе, для нее важно было пространство жизни: Так что на наших глазах менялись контуры и матрицы мира, сходили на нет целые миры и входили в жизнь новые; безвозвратно исчезали одни течения и властно утверждались другие (Скорбная барочная лирика, Немецкий экспрессионизм, Русская икона, Готика, Русский авангард). А то, что утверждалось, должно было жить дальше...

В 2000 году оказавшись в Берлине (вместе уже с моими бывшими студентками) на грандиозной Миллениум-выставке картин немецких художников-экспрессионистов, я с благодарностью вспоминала своего дорогого Учителя, который когда-то «включил» в нас импульс живого интереса к художественной стороне жизни в такой интеллектуальной и эмоциональной кон-

центрации, что этот «поход» стал событием не только для меня, но и для моих восторженных спутниц.

Первая лекция (третий курс) пронзила меня, да и всех нас, открытых и невежественных, чувством необычайного восторга. Гетевское «Zum Erstaunen bin ich da» обернулось обаянием, шармом личности: потрясала ее способность быть всегда в профессиональной форме, редкая многогранность, манера говорить, держаться, иронизировать, увлекать в глубины художественного творчества. И каждый раз, уходя с лекции, я была убеждена, что Грифиус, Опиц, Фогельвейде, Лессинг, Дюрер, Гете – это самые великие, самые гениальные художники в истории человечества. В правильной оптике ей не было равных!

Обладая особой интуицией и прозорливостью, Лия Соломоновна точно знала, что развитие «органа восприятия» (Гете) – серьезная педагогическая цель. Но на каком материале! На четвертом курсе она принесла «Вертера». Очень хорошо помню ее рассказ об эрфуртской встрече автора «Вертера» с Наполеоном, когда этот царственный почитатель книги, прочитанной им семь раз, приветствовал автора как одного из необыкновеннейших людей своего времени. Да, Лия Кауфман могла создать интригу, захватив воображение, заронив семя интереса к книге; она понимала, что в семени таится нечто гораздо более существенное, чем просто фантазия автора. Как было важно, особенно в тисках советской действительности получить опыт ума и сердца в орбите творчества Гете, имея интерес не только к творчеству, но и к личности «Олимпийца». Так почему же «Вертер»? – Потому что (кажется, она читала эти слова Гете): «Это создание ... я как пеликан вскормил кровью собственного сердца и столько в него вложил из того, что таилось в моей душе, столько чувств и мыслей, что, право, их хватило бы на десяток таких томов...» (Гете). Разве такой опыт можно забыть?

Как просветитель Лия Кауфман приобщала к Высокому через идею художественного труда как необходимого элемента нашей способности что-либо понять и увидеть, увидеть «мира дальний горизонт». В идее художественного труда особое место она отводила студенческому театру, через который прошло не

одно поколение. В формировании художественного вкуса она действовала всегда бережно и изящно. А дорогую мне «Минну» Лессинга – Кауфман я «дарила» уже своим студентам...

Весь смысл личности Лии Кауфман исчерпывается по существу двумя фактами ее жизни: фактом открытости миру и фактом созидания атмосферы общения в этой открытости. Открытость миру – жажда вобрать в себя культуру, соединить людей в плодотворной деятельности. И, может быть, отсюда проистекло правило ее внутренней диеты: избегать всего, что не ведет к продуктивности. В первую очередь держаться подальше от всяческих споров и критики. Но избегать полемики вовсе не значит избирать примиренческую позицию. Воля к продуктивности Л.С. Кауфман обнаруживала фундаментальную черту ее характера, то, что немцы называют *Beharren*: твердость, настойчивость, упорство в форме легкой и никогда не изменяющей ей *Nachgiebigkeit*. В этой ее гибкости и пластичности чувствовалось глубокое уважение и вера в человека.

У Гете есть поразительное замечание, таящее в себе целую концепцию долгожительства, в полной мере относящееся и к нашему Учителю. «Для того ли я дожил до восьмидесяти лет, чтобы думать одно и то же? Я стремлюсь, скорее, каждый день думать по-другому, по-новому, чтобы не стать скучным. Всегда нужно меняться, обновляться, омолаживаться, чтобы не закоснеть» (Goethe J.W. *Unterhaltungen mit dem Kanzler von Mueller*).

Ну а от вчерашнего Гете и сегодняшней, живой для нас, Лии Кауфман принять еще и неунывающую надежду: «... будем ждать и надеяться, что лет эдак ...спустя мы сумеем наконец стать не абстрактными учеными и философами, но людьми» (Эккерман И.П. *Разговоры с Гете*).

2.2. ШЕФИНЯ: МНЕ, ПРИШЕДШЕЙ СО СТОРОНЫ...

**О РАБОТЕ НА ДОЛЖНОСТИ ЗАВКАФЕДРОЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
С 1963 ПО 1975 ГГ.**

(ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ КНИГИ «ИНЯЗ В ЛИЦАХ» (2009 Г.)

Л.С. Кауфман

Так сложилось, что мне довелось увидеть Лию Соломонову в кульминационный период ее жизни, ей еще нет пятидесяти лет, она уже известна как ученый (кандидатов филологических наук в эти годы можно было в основном встретить только в столичных вузах, да и тех было не много). Я поступила в Тамбовский пединститут на иняз в 1965 г., Лия Соломоновна уже около 10 лет работала преподавателем языка и литературы на кафедре немецкого языка, а с сентября 1963 года она избрана на должность завкафедрой, так что мои студенческие и все последующие годы жизни прошли рядом с ней на факультете иностранных языков ТГПИ, а затем ТГУ имени Г.Р. Державина.

В 1960-70-е годы Л.С. Кауфман интенсивно занималась «строительством» кафедры по всем позициям: организация учебно-воспитательного процесса, подготовка кадров, становление и развитие научной традиции, установление международных контактов.

В эти годы на кафедре работали довольно много преподавателей, никто из которых, кроме Лии Соломоновны, не имел научной степени. Кафедра по возрастному составу состояла в основном из преподавателей в достаточно зрелом возрасте, как казалось тогда мне с позиций моего студенческого возраста. Старшее поколение: Веселовзорова Марина Дмитриевна, Макеева Нина Павловна, Болдина Тамара Матвеевна, Дымова Мария Михайловна, Губарева Валентина Васильевна, Мамель Анна Викторовна, Зюзина Ольга Александровна, Борисова Софья Ивановна, Гавриловская Ольга Андреевна, Побережниченко Эдмунд Васильевич, также молодые преподаватели: Волобуев Николай Иванович, Волобуева Анна Степановна (его жена),

Мейлуvene Татьяна Андреевна, Милосердова Елизавета Васильевна и «новый» молодой преподаватель Савельева Маргарита Николаевна, Иванов Борис Николаевич.

О начале своей работы на должности ассистента на кафедре, а затем на должности завкафедрой Лия Соломоновна в связи с ее 90-летием (2008) вспоминала: «Начинала я работать на факультете иностранных языков в 1956 году. Кафедра немецкого языка состояла из трех преподавателей, окончивших Высшие женские курсы в Петербурге, четырех бывших военных переводчиц, нескольких молодых преподавателей – выпускников Тамбовского педагогического института.

Учили студентов в меру возможностей добросовестно. Послевоенных учебников в институте почти не было, также как книг для чтения на иностранном языке. Условия для учебы были, мягко говоря, плохие. Неподготовленные для занятий помещения, часто плохо отапливали, старая мебель, не приспособленные для работы в аудиториях доски. Да и комнаты, в которых проходили занятия, назвать аудиториями было очень трудно. Но учились и учили в основном на совесть.

Как ни странно, комнаты в общежитии на 9-12 человек, столовая со скудной едой, вообще все трудности сплачивали студентов. Жили дружно, вместе убирали помещения, ездили собирать картошку и овощи, вместе пели, устраивали концерты, отмечали праздники.

Перед коллективом преподавателей стояла трудная задача – учить и научить. С задачей вполне справлялись, но было ясно, что надо что-то предпринимать. Первые шаги давались с трудом. Заведовать кафедрой был приглашен из Москвы кандидат филологических наук, выпускник одного из московских вузов, участник войны А.М. Косякин. К сожалению, коллектив его не принял, и, проработав год, он покинул институт. Заведовать кафедрой стала преподавательница кафедры М.Д. Веселовзорова, продолжавшая работать добросовестно, но в привычной колее.

Мне, пришедшей «со стороны», имевшей за спиной учебу в знаменитом тогда Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), год работы на кафедре под руково-

дством академика В.М. Жирмунского и четыре года в одном из институтов Украины, в коллективе работалось без трудностей. Но когда мне предложили заведовать кафедрой, я вспомнила свой прошлый опыт. Нужно было ломать привычную структуру преподавания. Здесь по традиции вел группу по иностранному языку с I по V курс один преподаватель. Студенты знали одну методику и слышали одного человека, владевшего изучаемым языком.

Такой негативный опыт был и в моей студенческой практике. Блестящий преподаватель, жительница Вены, профессор Элиза Ризель, автор многих учебников, эмигрировавшая в Россию, вела у нас немецкий язык с I по V курс. Мы хорошо усвоили на ее занятиях анализ текста, интерпретацию, инсценирование, но много необходимых знаний по грамматике, лексикологии не входили в круг ее интересов. Недостаток в собственном образовании мы почувствовали на III курсе, когда второй (английский) язык у нас стала преподавать профессор Соколова. Учитывая этот опыт, на кафедре немецкого языка ТГПИ была введена новая практика преподавания языка: каждый преподаватель начал работать на одном курсе. Это было непривычно и давалось с трудом».

СИСТЕМА КАУФМАН – СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Читая эти воспоминания, начинаешь понимать, что мы пришли на факультет, когда на кафедре немецкого языка только начала складываться новая система работы со студентами в обучении немецкому языку. Нам тогда казалось, что так было всегда: на каждом курсе по иностранному (немецкому) языку работали новые преподаватели, хорошо знавшие программу своего курса. Однако введению своего рода «специализации» педагога по программе соответствующего курса способствовала завкафедрой Лия Соломоновна. Синоним «шефиня» появится несколько позднее, когда некоторые из нас начнут работать ассистентами на кафедре. По ана-

логии с немецким феминизированным словом «шефин» мы стали использовать «перевод» «шефиня».

Закрепление преподавателя за определенным курсом, возможно, не «панацея» от всех сложностей преподавания языка, но по опыту знаю, что такой подход позволяет педагогу на основе длительной апробации наиболее существенных тем, текстов, заданий для самостоятельной работы разработать оптимальную систему для обучения студента иностранному языку. Нельзя отрицать и того факта, что такая практика может ограничивать круг профессиональных интересов преподавателя, его развитие, но это, скорее всего, зависит от самой личности.

В течение многих лет на кафедре Лии Соломоновны складывалась определенная система закрепления преподавателя за курсом: **на первом курсе** направляла всю работу по аспектам (фонетике, грамматике, лексике) старший преподаватель Нина Павловна Макеева. С ней в паре работала Тамара Матвеевна Болдина. Здесь царил атмосфера высочайшей требовательности к начинающим студентам, 18 часов аудиторных занятий по немецкому языку из 40-42 часов в неделю, ежедневно 1 час (60 мин.) внеаудиторное прослушивание в аудиолаборатории, где преподаватель мог проверить присутствие студента в любое время, при этом пропуск сурово «карался». До сих пор не забыты часы пребывания в институте после занятий, когда сдавали домашнее и индивидуальное чтение на немецком языке (10-15 страниц текста), учились и старались красиво писать на доске, сочиняли диалоги в любом свободном пространстве (кабинете марксизма-ленинизма – аудитория 67 в здании на Советской, 93, в парке и даже в углах коридоров корпуса института или общежития). Студенты других факультетов часто подшучивали, что у инязовцев не студенческая жизнь, а «сплошная зубрежка». Но те, кто прошел «суровую школу» Нины Павловны Макеевой, помнил ее в большинстве случаев с благодарностью.

На втором курсе во времена Лии Соломоновны работала бывшая военная переводчица, участница Великой Отечественной войны – Мария Михайловна Дымова, пришедшая на кафедру из Тамбовского суворовского училища. Мне не удалось у нее

поучиться, а мечталось. Помню, как Нина Павловна Макеева торжественно передала нашу группу, подготовившую к этому событию творческий отчет по темам первого курса в виде инсценированного полилога, в котором каждый старался изо всех сил показать себя и свои знания. Нужно было не только качественно фонетически и по содержанию воспроизвести свои реплики, но и показать это артистически. Сколько было усилий, положительных эмоций, смешных коллизий – и все это на иностранном языке!

Но вместо Марии Михайловны мы пришли на второй курс к преподавателю польского происхождения, безусловно владевшего немецким языком Эдмунду Васильевичу Побережниченко. Он преподавал практику немецкого языка на втором курсе квалифицированно, но в некоторой степени снисходительно относился к нашим стараниям, мягко, уважительно. После жесткой, но справедливой системы Нины Павловны Макеевой жизнь стала легче, хотя и ненамного. В другой группе работала великолепно владевшая немецким языком Валентина Васильевна Губарева. Многие помнят, как она входила в аудиторию и громко артикулировала на русском языке, чуточку изменив фразу А.С. Грибоедова, «Вперите ум, алчущий познаний». Она требовала не расставаться с языком нигде, (в троллейбусе, автобусе, и даже во время чистки зубов повторять слова, что вызывало у нас ироническую улыбку), но наставления Валентины Васильевны не проходили даром. Помню, как пришлось завести записную книжку, куда записывались новые слова из журнала «Цайт», издаваемого тогда в СССР на трех языках и продаваемого в каждом киоске.

СИСТЕМА КАУФМАН – АСПЕКТИЗАЦИЯ

На старших курсах вводилась **аспектизация**, то есть более дробное деление языковых дисциплин по аспектам. Так, на третьем курсе лексику немецкого языка преподавала выпускница первого выпуска факультета иностранных языков (1943 г.)

Анна Викторовна Мамель, она же читала лексикологию немецкого языка, поэтому знание лексики с синонимами и антонимами требовалось неукоснительно, тем более, что Анна Викторовна отличалась чрезвычайной скрупулезностью и педантичностью. Увлекалась словарной работой, после нее сохранились уникальные издания этимологических словарей немецкого языка Ф. Клуге (1934 г.) и Г. Пауля (1959 г.), до сих пор используемые в научно-исследовательской работе и в практике изучения лексики немецкого языка.

Домашнее и аналитическое чтение по немецкой литературе вел молодой преподаватель Борис Николаевич Иванов, привнесший в учебный процесс новые приемы преподавания из московского вуза: еженедельно выписывали 10 слов и выражений в контексте с переводом, потом их воспроизводили в устной форме, анализировали наиболее существенные фрагменты из 30-40 прочитанных страниц, писали сочинения, составляли тезисы и доклады на немецком языке. При этом информационная поддержка была только в читальных залах или библиотеке в отличие от современных более доступных источников информации, поэтому приходилось «напрягаться», что помогало «расти и развиваться». До сих пор помнится, как мы читали романы немецких писателей Вилли Бределя «Родные и знакомые», Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми», живо обсуждали события произведения.

Б.Н. Иванов читал также курс лексикологии, проблемы современного языкознания, побуждая студентов к самостоятельной работе над практикой и теорией языка. От него мы услышали имена крупнейших отечественных лексикологов М.Д. Степановой, И.И. Чернышевой, авторов учебника по лексикологии современного немецкого языка. Борис Николаевич ввел нас в мир структурной лингвистики Ф. де Соссюра, Ш. Балли, Н.С. Трубецкого, И.А. Бодуэна де Куртене, Л. Ельмслева и многих других выдающихся ученых. Признаться, он в некоторой степени даже «заслонил» Лию Соломоновну, поскольку нам всем хотелось попробовать «новизны» – методы структурной лингвистики и помню, как шесть человек из десяти в нашей

группе записались к нему на курсовые, а затем и на дипломные работы. Он сумел заложить понимание огромного значения структурной организации языка и мира, особенностей упорядочивания смысла в рамках структуры предложения и текста. Лия Соломоновна понимала и высоко ценила роль Бориса Николаевича в интеллектуальном развитии кафедры, всегда поддерживала его любые начинания, в особенности, когда в 1975 г. он сменил ее на должности заведующего кафедрой.

Лекции по теоретической грамматике читал Николай Иванович Волобуев – по характеру мягко говоря, не простой человек, но сложную теорию освоили на языке. Историю немецкого языка преподавала старший преподаватель Скороходова Екатерина Васильевна строго и несколько догматично, диктуя парадигмы склонения и спряжения, заставляя их выучивать наизусть. У каждого преподавателя «свой конек». На четвертом курсе немецкий вела требовательная Ольга Александровна Зюзина, которая нередко прохладно посматривала на нас и пыталась максимально «вытянуть» необходимые знания, особенно не разжевывая языковые особенности и прочие тонкости языка. Ее кредо – работайте сами, а я проверю. Возможно, она была права, поскольку это старшая ступень обучения. На этом же курсе читала лекции по истории немецкой литературы Лия Соломоновна, это было чрезвычайно интересно, признаюсь, боялась пропустить эти лекции, (как и лекции Б.Н. Иванова), настолько они были содержательны и дидактически полезны. Она же вела аналитическое чтение, в том числе на пятом курсе, когда нас уже готовили к госэкзаменам.

Марина Дмитриевна Веселовзорова читала курс методики, который в системе педагогического образования занимал значительное место. Она была исключительно требовательным преподавателем: нужно было досконально знать методику, написать курсовую работу (почти как дипломную!), уметь правильно продумать урок, не допустить грамматических ошибок по языку, чего, естественно, очень боялись, ошибки не прощались, анализировались и было очень стыдно, если какие-то языковые неточности допускались на уроке во время педпрактики. Нужно

было правильно стоять у доски, правильно писать на доске и, не приведи бог, если ты отвернулся от учеников, сосредоточившись на одном ученике. Сколько было обсуждений уроков, методисты редко отсутствовали на занятиях студентов. Это была жесткая, но справедливая система подготовки учителей иностранного языка.

Вскоре на кафедре защитили кандидатские диссертации Б.Н. Иванов и Н.И. Волобуев, у Лии Соломоновны появилась солидная научная поддержка, в особенности в становлении и развитии традиции научной работы со студентами. Неизгладимо помнится, как празднично-торжественно проходили научные студенческие конференции, на которых были представлены работы по лингвистике «структуралистов» (научный руководитель Б.Н. Иванов) и «традиционалистов» (научный руководитель Н.И. Волобуев). Все готовились к таким событиям исключительно ответственно, с эмоциональным подъемом, а над всем действием царила Лия Соломоновна, она с некоторой иронией наблюдала, как «структуралисты» отчаянно пытаются облечь СМЫСЛ в жесткую схему, уж она-то знала, что эта эйфория пройдет, останется только рациональное начало, сам метод структурного анализа. Она знала цену смыслу, лежащему за языковой структурой. «Литературоведы» под научным руководством завкафедрой вносили живую антропоцентрическую струю, поскольку в этих докладах речь шла о персонажах, характерах и поступках, оценках и образных языковых средствах.

Понимая необходимость и перспективность стимулирования студенческой научной работы, Лия Соломоновна добилась в 1970 г. разрешения защиты дипломных работ на кафедре и факультете на выпускном курсе. Допускались к защите студенты только с хорошей успеваемостью, с рекомендацией кафедры, что носило не формальный характер. Вспоминаю о первой рецензии на дипломную работу за подписью кандидата наук, также рецензию научного руководителя – все было волнительно, интересно и открывало неизвестное пространство, куда очень хотелось попасть – НАУКУ. За всем этим процессом, разумеется, стояла «шефиня», у которой была стратегия «учить моло-

дых». И не удивительно, что уже 2 июня 1964 года (то есть почти год спустя после избрания на должность) заведующий кафедрой Л.С. Кауфман была награждена ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ Министерства просвещения РСФСР и Республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР «за успешную работу по подготовке кадров», что свидетельствует о росте ее авторитета и признании ее роли в развитии высшего образования не только в педагогическом институте, но и на более высоком уровне.

НОВЫЕ КАДРЫ

Время шло, Лия Соломоновна уже подбирала новые кадры из вчерашних выпускников. Система начала пополняться новыми силами: на первом курсе по немецкому языку стала работать Тамара Николаевна Ткаченко, на втором – Галина Петровна Воропаева, Валентина Сергеевна Григорьева, затем Надежда Васильевна Ушкова, на третьем – Виктория Евгеньевна Пожилова, Людмила Георгиевна Казарян, на четвертом – Нина Петровна Дронова, на пятом – Наталья Владимировна Вязовова, но сначала они должны были выучиться, о чем Лия Соломоновна рассказывает так:

«Надо было также заботиться о научном совершенствовании кафедры. Несколько лет, благодаря связям факультета с Московским педагогическим институтом, с университетом в Ленинграде (Санкт-Петербурге), с учеными Ярославля, Минска, Горького (Нижегородского университета) были рекомендованы в аспирантуру 10 преподавателей кафедры. Так, выпускница воронежского института Е.В. Милосердова и выпускница ТГПИ Н.П. Дронова специализировались у профессора Н.А. Булах (Ярославский государственный педагогический институт), Т.А. Мейлуvene и Л.Г. Казарян работали под руководством профессора В.Г. Адмони (Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена), Н.В. Вязовова обучалась в аспирантуре у профессора С.Ф. Шатилова (ЛГПИ им. А.И. Герцена), С.И. Алаторцев – у профессора

В.М. Павлова (Институт языкознания Академии наук СССР, Ленинград), О.И. Зворыкина – в Московском государственном университете, Е.И. Стеквашов – в Московском государственном педагогическом институте и т.д. Некоторые выпускники иняза защитили кандидатские диссертации по другим специальностям: В.Г. Евстратов – по психологии, В.Г. Баев – по истории. С 1965 г. на кафедру был принят кандидат филологических наук Н.И. Волобуев, а в 1967 г. на кафедру пришел выпускник Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза, блестящий ученый, кандидат филологических наук Б.Н. Иванов.

С промежутком в два года были организованы тогда впервые в институте три межвузовских научных конференции с приглашением ученых из Москвы, Горького (Нижегород), Воронежа. В результате было выпущено впервые за время работы факультета 3 межвузовских сборника научных статей «О языке, методе, стиле» в ТГПИ под редакцией Л.С. Кауфман и Б.Н. Иванова (1968, 1971, 1973). Постепенно в 1960-70-е гг. кафедре удалось подняться на достойный по тем временам уровень. Теперь кафедра сама оказалась в состоянии вести послевузовскую подготовку дипломированных специалистов не только для себя, но и для других вузов. Надеюсь, что эти традиции будут развиваться дальше в современном непростом мире».

Так закладывались традиции высшего образования в 1960-70-е гг. Молодые кандидаты филологических наук, а в дальнейшем некоторые из них – доктора наук, профессора стали осваивать теоретические и практические курсы: Евгений Иванович Григорьев специализировался по практической и теоретической фонетике, Елизавета Васильевна Милосердова – по теоретической грамматике и сопоставительной типологии, Виктория Евгеньевна Пожилова, Валентина Сергеевна Григорьева – по лексикологии, Нина Петровна Дронова – по истории немецкого языка, Наталья Владимировна Вязовова – по методике преподавания языка, а литературу и стилистику по-прежнему читала бессменная Лия Соломоновна.

Всегда рядом с Лией Соломоновной стояла также лаборант кафедры – начитанная, добросовестная, требовательная Галина Никитична Евстратова, которую студенты немного боялись, и которая действительно была поддержкой и опорой во всех канцелярских и организационных делах, до конца жизни они были в постоянном контакте. К 90-летию Лии Соломоновны Галина Никитична писала: «Думая о Вас, я вспоминаю открытку, которую Вы подарили мне однажды. Вы писали там: «О жизненной суете напоминание. О суете, в которой прошли десятилетия». Опыт работы под Вашим руководством и многолетнее общение с Вами убеждают в том, что ни один год Вашей жизни не был суетным, никчемным, пустопорожним. Ваши десятилетия наполнены творчеством, созиданием, формированием не только молодых дарований, но просто хороших, порядочных людей».

Официальная высокая оценка работы дана в «Характеристике доцента кафедры немецкого языка ТГПИ ордена «Знак Почета» Кауфман Л.С., выданной в 1983 г. в связи с защитой докторской диссертации»: «Заведуя кафедрой, тов. Кауфман Л.С. показала себя как активный организатор учебного и научного процесса. Кафедра за шестидесятые, семидесятые годы значительно выросла и в научном, и методическом отношении. В 1961 году на кафедре был один кандидат наук. За последующие 15 лет на кафедре было подготовлено и защищено в различных вузах страны 3 кандидатских диссертации, подобраны кандидатуры для прохождения аспирантуры и подготовлены для поступления еще пять членов кафедры, успешно в срок защитивших кандидатские диссертации. За время работы тов. Кауфман Л.С. проявила себя как высококвалифицированный педагог, обладающий глубокими знаниями и широким научным кругозором в области филологии. Более двадцати лет она читает ряд курсов по зарубежной литературе, литературоведению и стилистике. Постоянно совершенствуя свои знания в области литературоведения, лингвистики и вузовской методики, Кауфман Л.С. зарекомендовала себя как эрудированный лектор. Многие годы она является наставником молодых преподавателей, учителей школ и студентов, проявляющих интерес и способности к научно-

педагогической деятельности». Характеристика подписана ректором ТГПИ профессором Зубцом В.М., секретарем парткома доцентом Шебуняевым А.Г. и председателем профкома доцентом Старовым М.И. (Протокол № 54).

ВРЕМЯ – ПОСЛЕ КАУФМАН, НО НЕ БЕЗ НЕЕ

Время не стояло на месте, а с ним пришло новое поколение молодых ученых, влившихся в кафедру: Надежда Васильевна Ушкова, Лариса Георгиевна Попова, а дальше Елена Анатольевна Кузьмина, Ольга Валентиновна Куликова, Наталья Болатовна Ершова, Екатерина Борисовна Рябых, Анна Олеговна Кобнеева, Ирина Юрьевна Безукладова, Юрий Владимирович Волков, Анна Витальевна Эсаулова, Екатерина Викторовна Зеленева, Ольга Александровна Дронова и многие – многие другие, но это уже было время – ПОСЛЕ завкафедрой Кауфман, однако не без ее участия в судьбе каждого.

Менялись заведующие кафедрами: Борис Николаевич Иванов (1975-1983), Нина Петровна Дронова (1983-1992), Елизавета Васильевна Милосердова (1992-2003), Евгений Иванович Григорьев (2003-2008), Надежда Васильевна Ушкова (2008-2013), Ирина Юрьевна Безукладова (2013), Давыдова Елена Ивановна (2014-2015), Людмила Владимировна Бабина (с 2015 г. по настоящее время), изменялись подходы к подготовке специалиста теперь уже по романо-германской филологии. Преобразование ТГПИ в ТГУ им. Г.Р. Державина потребовало разработки новых рабочих программ, курсов в соответствии с государственными стандартами, обеспечения учебно-методической базы новыми учебниками, в том числе в электронной форме, применения современных технических средств, электронных ресурсов. Однако базовые принципы работы на кафедре, заложенные во времена заведования кафедрой Лией Соломоновной, в основном сохранились при всех потрясениях конца 20 – начала 21 веков.

Лия Соломоновна в 1980-е гг. и до конца жизни работала на должности профессора и помогала кафедре в меру ее сил.

«САЛОН» КАУФМАН

*Григорьев Е.И., доктор филологических наук,
профессор*

Мое первое знакомство с Лией Соломоновной состоялось в далеком 1967 году. Сданы вступительные экзамены, и мы, первокурсники, начали знакомство с кафедрой немецкого языка Тамбовского пединститута. В первый же день к нам в аудиторию вошла заведующая кафедрой, Лия Соломоновна, в строгом классическом одеянии, она воспринималась многими из нас очень важной персоной. Первоначально возникло некоторое внутреннее напряжение, которое иногда появляется при виде авторитетного лица. Но вскоре робость первокурсников прошла, располагающие добрые интонации Лии Соломоновны успокаивали и убеждали нас, что мы на кафедре желанны. Она призывала нас к совместной будущей работе, как если бы мы были уже коллегами. О предстоящих трудностях в обучении тоже шла речь, и Лия Соломоновна вселяла уверенность, что все преодолимо, было бы лишь наше желание. Таким образом, мы были в определенной степени психологически подготовлены к длительному студенческому марафону.

Трудности не заставили себя долго ждать, они поступали по нарастающей. Для меня особенно ошутимо. Все знают, что изучение иностранного языка – дело сложное. Неизвестная ранее форма работы с языком, наличие хорошей памяти и способностей, обеспечивающих его усвоение, относились к сложностям, которые накапливались, но без них изучение иностранного языка невозможно.

В конце первого курса названные качества я не сформировал в достаточной мере, от чего успеваемость моя была низкой, и я решил оставить обучение в вузе. Но вскоре у меня состоялась беседа с завкафедрой, которой я сообщил о своем решении. Она внимательно слушала меня. Беседа была довольно долгой, и Лия Соломоновна в конце концов уговорила меня не решать вопрос скоропалительно, а попытаться, поработав дополнитель-

ное время, разобраться с трудностями. И действительно, к началу второго курса произошло «учебное чудо». При пересдаче экзамена я даже написал ряд заданий на «отлично», чему ведущий преподаватель не хотел верить. Но это была наша с Лией Соломоновной удача, чему была рада и она. В дальнейшем Лия Соломоновна постоянно интересовалась моими успехами и в шуточной форме напоминала мне, какую непростительную ошибку я мог бы совершить, оставив институт.

На втором и последующих курсах учеба была в радость. Немецкий язык усваивался как бы сам по себе, легко, без особых затрат сил. Мотивация обучения возрастала еще и в связи с тем, что Лия Соломоновна обеспечивала регулярно приезд на целый месяц на нашу кафедру доцентов из университетов ГДР для ведения практических занятий по немецкому языку. А вскоре Лия Соломоновна представила нам собственного штатного преподавателя – носителя немецкого языка из ГДР. Мы были снова горды, что наш институт располагает такими уникальными кадрами.

На третьем году обучения у нас появилась, наконец, Лия Соломоновна. Начала она с лекций по мировой культуре. На нас обрушился вал информации. Это было настоящее ПРОСВЕЩЕНИЕ. Говорили о мировых писателях, художниках, архитектуре и т.д. Обсуждения проходили не только в аудиториях института, но и нередко на квартире Лии Соломоновны за чашкой чая. Удивительно, как все умещались!? Студенты шутили: «Сегодня обсуждение проходит в салоне Кауфман». В начале четвертого учебного года Лия Соломоновна продолжила свои лекции с выездом всего курса на несколько дней в Москву для посещения музеев столицы. Музеев было много. О некоторых мы только слышали, а теперь вот могли сами пережить знакомство с ними. Незабываемым осталось пребывание в Москве также в связи с нашим коллективным посещением балета «Жизель» в бывшем Кремлевском дворце съездов. Для всех это было первое сильное впечатление.

Четвертый и пятый курсы ознаменовались еще большим сплочением преподавателя и студентов. Совместные празднования католического Рождества, Нового года, проведения заседаний

Клуба интернациональной дружбы стали неотъемлемой частью нашей жизни, традицией, которая рассматривалась как часть образования. Процесс углубленного образования на последнем году обучения дополнялся лекциями по истории Германии позднего периода, по философии, которая определила движение Германии в сторону нацизма и т.д. Обучение в институте было завершено. Лия Соломоновна предложила мне уже самому работать на кафедре немецкого языка, чему я был очень рад.

Только начав работать, я сразу же был призван служить в армию в Белоруссию. Служба тоже оказалась делом нелегким. Удаленность от дома, от семьи первоначально угнетала. Но я знал, в Тамбове у меня есть мудрый старший друг, который посоветует, как выдержать новые испытания. Я получал целый год, (период моей службы), от Лии Соломоновны ободряющие письма, которые значительно меня поддерживали. Это была, действительно, хорошая моральная поддержка.

Год службы пролетел. Он оказался не таким уж и долгим, хоть и трудным. Я возвратился на кафедру. Началась моя гражданская жизнь. Спустя некоторое время Лия Соломоновна приглашает меня к себе на кафедру и говорит, что мне нужно учиться в аспирантуре. Направление для меня она получила в Минский институт иностранных языков. Еще свежи в моей памяти были трудности военной службы в Белоруссии. Я робко возразил, а нельзя ли было бы куда-то поближе, не в Белоруссию. И опять Лия Соломоновна говорила ободряющие и убеждающие слова в пользу именно этого вуза.

Конкурс был большой. В основном в аспирантуру брали белорусов. Меня так и предупредили, что шансы есть, но они невелики. Как ни странно, когда думаешь, что дело не получится, к чему я себя уже приготовил, оно как раз и получается. Ситуация сложилась в мою пользу. Я получил отличную оценку по специальности и сразу же полетел в Тамбов, чтобы первым делом сообщить своему завкафедрой об успехе.

Закончив аспирантуру, вернулся на кафедру. Началась размеренная жизнь с уроками, заседаниями кафедры, обсуждениями учебных вопросов.

В 1983 году я переехал для работы в Днепропетровск, регулярно приезжал в Тамбов и первым делом шел в гости к Лие Соломоновне «на доклад о своих успехах». Отрыв от любимого преподавателя и коллег, с которыми обсуждался огромный круг вопросов, был несколько болезненным. Но встречи при каждом моем появлении в Тамбове обнадеживали, что общение будет продолжено, хотя и реже. К тому же Лия Соломоновна писала письма. Дважды она приезжала на конференцию в Днепропетровский университет и всякий раз старалась навестить мою семью.

С 1989 года начались мои активные выезды в Германию. Я знакомился с людьми страны, чей язык стал моей профессией. Некоторые из них в дальнейшем были знакомы через меня с Лией Соломоновной, приезжали в Москву и Тамбов, получали у нее приют и были удивлены ее складом ума и щедростью души. Мои поездки в Германию завершились написанием другого диссертационного труда. В 1996 году состоялась его защита в МГУ. Лия Соломоновна, будучи вдохновителем моего научного исследования, была самым желанным гостем на защите. Она выступила с речью в пользу диссертанта. И вновь было чувство благодарности и признательности к этому выдающемуся человеку.

Мое возвращение в Тамбов состоялось в 1998 году, после начала националистического движения на Украине. Было видно, как рада была Лия Соломоновна моему возвращению. К тому времени она руководила обществом Гете. Сразу же она привлекла меня к работе. Еще пару лет мы сотрудничали вместе на кафедре. Но вскоре Лия Соломоновна прекратила свою трудовую деятельность в качестве активного профессора университета, став профессором-консультантом. Мы встречались на заседаниях Общества Гете, да и в кругу друзей у нее на квартире, которая и тогда оставалась «салонem»: кто тут только не бывал!

Обстоятельства сложились так, что мне пришлось в 2008 году начать работать в Москве в МГИМО. И здесь Лия Соломоновна оказывала мне неоценимую помощь. Теперь я вновь мог видеть ее раз в месяц, регулярно приезжая в Тамбов. Ее теплая привязанность ко мне была трогательной. Всегда спрашивала меня по

телефону, когда приеду. Лия Соломоновна повторяла, что относится ко мне как к сыну, а для меня она была второй матерью.

И вот 23 апреля 2016 г. ее не стало. Не стало душевного человека, грамотного специалиста своего дела, человека, внесшего в образование и культуру города и области огромный вклад. Все, кто был с ней знаком, по праву могут гордиться, что имеют честь знать ее.

ВСПОМИНАЯ О СЕГОДНЯ

*Мильруд Р.П., доктор педагогических наук,
профессор*

Моя первая встреча с Лией Соломоновной Кауфман произошла в коридоре бывшего «иняза» пединститута, куда я пришел первокурсником. Навстречу шла молодая, деловая, стройная женщина, о которой я почему-то сразу подумал – Фрау! Мое предположение подтвердилось, так как рядом с женщиной шел высокий статный мужчина средних лет и они разговаривали «на чистом немецком языке». Я понял, что попал в особый мир, где знают языки, изучают культуру других стран и общаются с иностранцами! В то время это была большая редкость, особенно для преподавателей английского языка, которые прекрасно знали свой предмет, но единственный англоговорящий гость, посетивший как-то ректорат пединститута, был индус.

Я тогда еще не знал, какую роль сыграет Лия Соломоновна в моей жизни, как и в жизни моих коллег. Не знал, почему ее неофициально называли «баба Лиля». Не знал, что она оставит такой яркий след в истории тамбовского иняза.

Поскольку у меня было специальное музыкальное образование (я закончил Тамбовское музыкальное училище им. С.В. Рахманинова по классу рояля), мне приходилось участвовать в концертах и других мероприятиях. Лия Соломоновна как-то подошла ко мне после студенческого концерта и спросила: «А Вы танцы играете?» Я играл классику и никогда не работал на тан-

цах, то отказать доценту Кауфман не мог и ответил: «Конечно!». Играть пришлось на вечере, который был организован на инязе, и где участвовали немецкие гости – коллеги из Германии. Танцевали под мое пианино все, и кульминацией стал заключительный танец, который организовала САМА. Она выстроила всех в линию, и начался причудливый серпантин. Вся огромная аудитория № 71 превратилась в карусель, которая кружилась, переплеталась, превращалась в «ручейки». Зрелище было ярким и вдохновляющим. Я выдал все, что мог – от вальса до цыганочки и еще раз понял, что музыка – великая вещь. Под мое дребезжащее пианино послушно двигались все – даже иностранцы.

Годы учебы пролетели быстро и нужно было защищать дипломную работу. Писал я свой проект по психологическим трудам Курта Левина, который, говоря простым языком, один из первых показал, как взаимодействуют в сознании человека мотивы «нужно» и «не хочу» – разнонаправленные векторы. Пришел на защиту в полной готовности, и мне вдруг секретарь говорит, что защита снимается, так как мой научный руководитель с кафедры психологии не имел права руководить дипломным проектом студента иняза, который должен был быть по педагогике. Нет диплома – сдавай экзамен по педагогике! А я к экзамену не готовился. Делать было нечего, и я уже мысленно строил план отступления, но тут в аудиторию вошла председатель государственной экзаменационной комиссии, доцент Кауфман. Ее кратко посвятили в суть проблемы, она пролиставла дипломную, посмотрела на меня и коротко сказала: «Дипломная отличная, имеет прямое отношение к педагогике. Защита состоится». Процедура защиты прошла гладко, и тут Лия Соломоновна говорит: «А Вы можете ответить на пару вопросов по педагогике?» Я почувствовал воодушевление и ответил: «Конечно!» Вопросы, к которым я конечно не готовился, были о том, как правильно построить отношения между учащимися в классе, чтобы получился дружный и управляемый коллектив. Ответил, как понимал и не знал тогда еще, что эта проблема станет темой моей кандидатской диссертации, а потом пригодится и в докторской, которая была о развивающем обучении.

Защита диссертации – это отдельная история. Своего диссертационного совета по психологии в Тамбове тогда не было и нужно было ехать в Ленинград (С. Петербург) для защиты в герценовском пединституте (ныне педагогический университет). Добиться, чтобы диссертацию приняли к защите было очень сложно, и я, конечно, волновался. Пришел к Лие Соломоновне домой за советом. Она говорит: «Вот тебе лист бумаги. Пиши заявление ленинградскому ректору с просьбой принять диссертацию к защите». Я послушно все написал и отвез этот листок в диссертационный совет. Диссертацию к защите приняли, и через год (очередь на защиту была большая и защищали тогда диссертации не «пачками» как сегодня, а по две в месяц) моя защита состоялась и прошла успешно. Зачем нужно было писать заявление в диссертационный совет в тамбовской квартире местного доцента? Наверное, у Лии Соломоновны была легкая рука.

Когда человек светит заметно, он для кого-то освещает, а кому-то режет глаза. Когда Лия Соломоновна в уже зрелом возрасте защитила свою докторскую диссертацию в МГУ, она сказала мне: «Ну вот, а мне коллеги здесь в Тамбове говорили, что я не лингвист». «Коллеги», которые были способны сами опубликовать на ротаторе раз в пять лет одну брошюрку с очередными «методическими указаниями», чтобы избраться на очередные пять лет, были правы. Лия Соломоновна была больше, чем лингвистом. Она была знатоком всего, что связано с языком, литературой, культурой, человеком, обществом, политикой и жизнью. Только сейчас лингвисты начинают понимать, что язык – это картина мира и код жизни. Лия Соломоновна понимала это полвека назад.

Жизнь – это движение, и она неустанно трудилась и двигалась вперед, а кроме того любила спорт. Каждое утро ее можно было видеть на стадионе «Спартак», где она в компании молодых людей делала утренние пробежки и как-то на моих глазах уговаривала молодую девушку с иняза присоединиться к этой утренней зарядке. Позже, уже будучи в преклонном возрасте, она регулярно приезжала в Пригородный лес, чтобы искупаться

в лесной реке Цне – ни с чем не сравнимое удовольствие! Любила свою дачу там же, в Пригородном лесу, и как-то сказала мне: «Сядь вот здесь на эту скамейку и посмотри вверх. Это наша Индонезия». Скамейка была под огромной акацией и, глядя вверх, я вдруг почувствовал, что Индонезия, наверное, именно такая.

При всех заслугах, она была проста и жила обычными заботами. Позвонил как-то ей домой, а муж отвечает: «Она стирает...» Для меня это было открытие – доцент стирает?! Позже уже сам понял, что постирать, помыть посуду или протереть пол бывает очень нужно для того, чтобы дать отдых «ученой голове». Мой отец, известный в то время в городе глазной врач, многим давал совет: «Устала голова? Тряпку в руки!» Он, кстати был глазным врачом в Областной поликлинике и звали его Петр Аронович. Жителям деревень трудно было запомнить эту необычное отчество, и они называли его проще: «Петр Районыч». Он тоже бывал в доме Лии Соломоновны и давал ей медицинские консультации.

На одном из ее юбилеев в аудитории 67 на Советской 93 я экспромтом исполнил песню, в который были такие строчки: «У Вас походка столь же плавна. У Вас улыбка столь ярка. Скажите, в чем секрет Ваш главный? Он есть у Вас наверняка...» Свой секрет она унесла с собой, а нам остается только догадываться. Возможно тайна ее масштаба в том, что она жила не днями, не вещами, не идеями, не квартирами и даже не наукой единой. Она жила жизнью во всей ее полноте. Не знаю, в чем она видела смысл своего земного бытия, но как-то, в разговоре о Моцарте и Сальери и вечной интриге таланта и зависти, она вдруг сказала неожиданное и, как мне тогда показалось, неуместное: «Главное, что они оба ушли из жизни в своей постели». Об этих словах мудрой женщины можно думать и спорить, но она сделала именно так, как говорила сама и считала главным, по крайней мере, для себя. А что в жизни главное на самом деле? ... Она оставалась и остается современной и сегодняшней потому, что мудрость – это не сообразительность и даже не ум. Мудрость – это когда о вечном. Поэтому, вспоминая Лию Соломоновну, мы на самом деле говорим о сегодняшнем дне.

В АУДИТОРИИ 61 ЦАРИЛА НЕПОВТОРИМАЯ АТМОСФЕРА

*Поляков О.Г. доктор педагогических наук,
профессор*

Впервые о Лии Соломоновне я узнал, когда был студентом факультета иностранных языков Тамбовского педагогического института. Узнал от однокурсников, которые изучали немецкий язык как первый иностранный. Они рассказывали с восторгом о лекциях, которые им читала доцент Кауфман, о немецкой литературе, об истории и культуре Германии... Для нас, изучавших английский язык, со временем Лия Соломоновна стала близка и дорога. Это случилось тогда, когда появилось Тамбовское общество Гёте, куда мы не просто приходили на лекции восхищавшей нас Лии Соломоновны, но и участвовали в мероприятиях, которые устраивались в Пушкинской библиотеке, доме-музее Чичерина и на других городских площадках. Мне однажды было доверено прочитать пушкинскую маленькую трагедию «Моцарт и Сальери» на вечере в чичеринском доме. Там еще выступали пианисты, и играл струнный квартет из рахманиновского музучилища.

С лекциями Лии Соломоновны по страноведению и истории немецкой литературы я познакомился, когда пришел работать в пединститут. После трех лет отработки в качестве учителя английского языка в сельской школе и перед поступлением в московскую аспирантуру мне пришлось в течение года быть лаборантом кафедры немецкого языка и параллельно преподавать английский язык первокурсникам. В мои обязанности лаборанта входило, кроме прочего, тиражирование на пишущей машинке конспектов лекций профессора Кауфман, которая приносила мне бумагу и копирку. При этом она всегда интересовалась, как у меня дела, и непременно повторяла, что нужно поступать в аспирантуру и не засиживаться в лаборантах. Лия Соломоновна к тому времени защитила докторскую диссертацию и рассказывала мне о том, что она была посвящена сложной проблеме – исследованию антифашистской литературы в Гер-

мании, хотя наибольший интерес у нее вызывала эпоха романтизма в немецкой литературе.

За Л.С. Кауфман была закреплена аудитория 61, в которой она читала лекции, проводила заседания кафедры, важные встречи с немецкими гостями. Кстати, ее лекции студенты никогда не пропускали, а в аудитории всегда царила неповторимая атмосфера какого-то магнетического академизма: материал преподносился доступным и увлекательным образом, что свойственно далеко не каждому преподавателю. Студенты получали прямо из ее рук нужную литературу, в том числе привезенную из Германии, для подготовки к занятиям и работы над дипломным проектом. Каждый мечтал, чтобы его научным руководителем была именно она. Но счастливых оказалось не так много. Лия Соломоновна никогда не тянула одеяла на себя, позволяя своим коллегам по кафедре развиваться в научном направлении. Она принимала участие в их судьбе, добиваясь от начальства направлений в аспирантуру. Кафедра немецкого языка была самой остепененной. Некоторые так и не вернулись в Тамбов, сделав карьеру в столичном вузе.

В квартире Лии Соломоновны в Москве останавливались не только преподаватели, но и многие студенты факультета иностранных языков, которые приезжали собирать материал для написания дипломных работ в библиотеке иностранной литературы. Я много раз бывал в гостях у Лии Соломоновны, когда учился в аспирантуре. Она всегда была приветлива и хлебосольна, сама готовила густой суп с колбасками – немецкий эйнтопф – и нередко организовывала походы в театр или на выставку.

К восьмидесятилетнему юбилею Л.С. Кауфман мне было поручено подготовить статью о ней для журнала «Вестник Тамбовского университета». В отделе кадров мне любезно предоставили огромную папку – личное дело, где были собраны копии документов, приказов и грамот, газетные публикации и другие материалы о Лии Соломоновне. Из них я узнал, какую интересную жизнь она прожила. Впрочем, она продолжала проживать насыщенную событиями жизнь и во все последующие годы, сохраняя свои лучшие человеческие качества, помноженные на светлый

ум, который пребывал с ней до последних дней. Л.С. Кауфман вошла в состав первого диссертационного совета нашего факультета, продолжала работать в Тамбовском обществе Гёте.

Горько осознавать, что Лии Соломоновны больше нет. Вместе с тем воспоминания о ней – самые светлые и приятные. Она была молода душой, любила людей, которые отвечали ей взаимностью. Невозможно даже подумать о том, что она могла кого-то осудить или обидеть. Лия Соломоновна была мудрой и щедрой во всех смыслах. Именно такой она и останется в моей памяти.

ДАР – УВИДЕТЬ ЧЕЛОВЕКА

*Попова Л.Г. доктор филологических наук,
профессор*

Для меня Лия Соломоновна Кауфман – это существенная часть моей жизни. Помню первые встречи с ней, когда мы были студентами первого курса. Она приходила к нам как заведующий кафедрой немецкого языка на экзамен и слушала наши ответы. Тогда нас поразили ее знания немецкого языка, ее произношение. Затем мы встретились с ней на втором курсе, когда она читала нам лекции по курсу эстетики, потом были ее лекции на четвертом и пятом курсах по стилистике немецкого языка и по немецкой литературе. Удивляли ее широкий диапазон знаний, умение держать аудиторию в напряжении. Читала лекции Лия Соломоновна не с листа, говорила сама, делая экскурсии в историю отечественной литературы, давая возможность студентам повысить свой образовательный уровень. Поражал необыкновенный педагогический дар – увидеть в каждом студенте личность с ее слабыми и сильными сторонами, проявить уважение к каждому. Ее обожали студенты. Коллеги знали ей цену как одаренному организатору, которая и после ухода с должности заведующего кафедрой в 1975 году продолжала жить ее интересами, всячески оказывала помощь молодому заведующему

Б.И. Иванову. Для нас, студентов, они оба были учеными, умными и тактичными педагогами, которым хотелось подражать во всем.

Мне довелось жить в доме на Студенечкой с 1981 по 1987 гг., где я встретила интеллигентных, открытых и исключительно образованных людей, находившихся, по моим представлениям, где-то совсем на другом уровне, но они оказались такими близкими и сердечными, хотя не без строгости!, учитывая мою молодость. Здесь я многому научилась: упорядоченности в бытовой обстановке, в отношении к труду и уважительному отношению к людям. В дом всегда приходили с радостями, успехами, горестями и неудачами, но каждый мог услышать здесь мудрый совет Лии Соломоновны и ее мужа Якова Наумовича. Здесь мне пришлось оказаться вместе с Лией Соломоновной в трагический момент ее жизни: 23 апреля 1983 г., когда она возвращалась из Москвы после положительного согласования в МГУ процедуры будущей защиты докторской диссертации, а также решения вопросов относительно московской квартиры, именно в этот день скорострительно умер от инфаркта Яков Наумович. Это было огромной горью для Лии Соломоновны, но она оставалась стойкой, упорной, преодолевая горе в работе, заботе о близких.

Потом была аспирантура в Московском педагогическом государственном институте (теперь МГПУ), когда именно семья Лии Соломоновны вновь предоставила мне возможность жить и писать кандидатскую диссертацию в ее квартире в Москве, в которой также останавливались нередко ее знакомые, друзья, педагоги с кафедры. Были трудные моменты в моей жизни, были сложности защиты кандидатской диссертации по германистике, и тогда я приезжала к Лии Соломоновне на консультации по стилистической правке рукописи. До сих пор высоко ценю ее поддержку в период защиты кандидатской диссертации в 1994 г. на тему: «Пересказанная речь в современном немецком языке», когда Лия Соломоновна приехала в Москву, участвовала в работе диссертационного совета и выступала в дискуссии по моей работе.

Неоценимой была помощь Лии Соломоновны во время подготовки докторской диссертации. Она рекомендовала меня док-

тору филологических наук, профессору Московского государственного областного университета Изюм-Эрик Салиховне Рахманкуловой быть моим научным консультантом. Подбор художественных текстов на немецком и русском языках (работа писалась по сопоставительному языкознанию) проводился также не без ее участия. На защиту докторской диссертации в 2002 году она присутствовать по болезни уже не смогла, но, как и прежде, разрешала останавливаться в своей квартире в Москве.

О помощи по жизни хотелось бы высказаться особо. Именно Лия Соломоновна поддержала меня, когда возникла необходимость стать матерью для двух сирот, оказавшихся в детском доме после трагической смерти их родителей, моих дальних родственников. Она постоянно опекала нас, звонила каждую неделю, радушно принимала на Студенечкой улице в гости таких непростых гостей, как моих детей с искалеченной психикой и с искалеченным сознанием. Низкий поклон ей за все!!! Она всегда останется в нашей памяти и в нашем сердце.

ГЛАВА 3

ПОИСКИ ПУТИ

ПУТЬ В НАУКУ: ГАНС ФАЛЛАДА И «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК»

«Поиски пути (социальные романы Г. Фаллады)» – так называлась статья Лии Соломоновны о превратности судьбы писателя в первом сборнике научных статей «О языке, стиле, методе», выпущенном под ее редакцией в Тамбове в 1968 году. Слово «ПУТЬ» встречается и в других названиях ее научных работ, чувствуется ее предпочтение слова, в нем можно прочесть не только определенное направление движения со всеми коллизиями, но и как показывает ее жизнь, – обязательно – цель – устремленность и ее достижение. Путь научного поиска Лии Соломоновны складывался драматично, но в конечном итоге – результативно. Если бы не разразилась Великая Отечественная война, она бы (как в свое время ее муж Яков Наумович, успешный в 1941 г. защититься) поступила бы в аспирантуру при МИФЛИ и прошла бы этот путь может быть более благополучно, хотя строить гипотезы сейчас – дело не продуктивное.

Но путь в науку обозначен. В конце войны 18 апреля 1944 г. она сдает кандидатский минимум по немецкому языку в Киевском государственном университете. Судя по этому факту, Лия Соломоновна работает над кандидатской диссертацией, о чем она рассказывает в своих воспоминаниях: «В 1947 году попала под вал борьбы с космополитизмом и диссертация, где исследовалась проза Гофмана: накануне защиты вышло печально знаменитое постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г. – Н.Д.), где в числе прочих критике подверглись члены литературной группы «Серapiоновы братья». Ее название было взято в одной из книг Гофмана. Так и попал в опалу немецкий романтик, а заодно и все ученые, которые имели неосторожность изучать его творчество. Если

посмотреть на все это с фантастической точки зрения, можно, пусть и неуверенно, предположить, что гофмановское «двойничество» существует не только в печальном и изощренном воображении писателя» [ТЖ, 23.04.2008].

Как показывают ее дальнейшие послевоенные скитания по стране (Сумской пединститут, в Москве практически нелегально), едва ли она могла заниматься научной работой. Переезд к мужу в провинциальный г. Тамбов, который ей, по ее словам, сначала не понравился, открывает новые возможности для подготовки кандидатской диссертации. Только 20 мая 1960 г., через четыре года после приема на работу на кафедру немецкого языка ТГПИ она сдает кандидатский минимум по немецкой литературе в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина (ныне МГПУ). В протоколе перечислены вопросы: 1) Движение «Бури и натиска»; 2) Немецкий роман XIX в. В следующем году, то есть практически через полгода, – 24 февраля 1961 г. Лия Соломоновна выдерживает второй экзамен – по «зарубежной литературе XX в.». Ей заданы вопросы: 1) Сатира Г. Манна; 2) Современный французский роман; 3) Оскар Уайлд. Интересна формулировка решения комиссии в обоих случаях: «Ответы признали «отлично». Далее следуют подписи профессоров Н.П. Михальской, известного советского ученого в области истории литературы Англии, Б.И. Пуришева, крупнейшего специалиста в области немецкой литературы средневековья и Эпохи Ренессанса, а также литературы XVII-XVIII вв., лекции которого Лия Соломоновна слушала в МИФЛИ, и неразборчивая подпись еще одного профессора. Читая перечень вопросов, и далее отличный результат – поневоле восхищаешься эрудицией, целеустремленностью соискателя, огромным трудолюбием, поскольку выдержать экзамен из провинциального вуза в столице было совсем не просто. Разумеется, образование, полученное в МИФЛИ, тоже не прошло бесследно, но в целом, – это результат одаренности, воли и неординарности личности.

ПРОБЛЕМА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»

В Тамбове Лия Соломоновна начала работать фактически над второй темой исследования, потратив около 8 лет на подготовку текста работы и публикации по теме. Универсальная проблема «маленького человека», занимающего нижнюю ступень на социальной лестнице (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и многие другие), в немецкой литературе рассматривалась, как показано в исследовании, неоднозначно: «Маленький человек» на страницах книг немецких натуралистов или писателей-реалистов, творивших в границах областнической прозы, интерпретировался обычно как обреченная на жалостливое внимание инертная жертва обстоятельств и собственной ущербности. В книгах, связанных с декадансом, в кругах снобов и эстетов «маленький человек» выглядел недостойно, преобладающей интонацией повествователей в этом случае была снисходительность. Идеологи фашизма активно включили в 20-х годах в сферу своего влияния «маленького человека», задавшись целью активизировать эту аполитичную стихию в нужном им направлении. В качестве «приманки» подкинута была идея национальной исключительности, оскорбленного величия немцев» [Кауфман 1976: 408].

Далее Лия Соломоновна показывает специфику феномена «маленького человека» в творчестве Г. Фаллады, который обратился к этой теме уже в первых своих произведениях «Маленький человек, что же дальше?», «Тот, кто поел из тюремной миски», а также в более поздних книгах – «Нелюбимый», «Человек стремится вверх», «Маленький и большой человек – полная путаница» и др. Как отмечает Лия Соломоновна, «писатель прежде всего для себя уточнил это понятие. Для него «маленький человек» – представитель совершенно определенной среды. Писатель с негодованием отвергал утверждение о физиологических корнях его неполноценности, категорически восставал против всякой попытки таким образом объяснить его приниженность и социальное бесправие. <...> Писатель обращается к коллизиям, в которых его персонажи выходят за границы своей среды.

Соприкасаясь с другими классами и прослойками общества, «маленький человек» пытается противопоставить общественному злу свои нравственные убеждения. Трагический характер этого противопоставления усугубляется тем, что оно раскрывается писателем не как индивидуальная трагедия, а как кризис всей социальной системы» <...> Герои романа – здоровые, молодые, трудолюбивые, скромные, порядочные и непритязательные – прилагают все усилия, чтобы минимально обеспечить свое существование, бьются за крошечную иллюзию счастья, пытаются сохранить за собой право принадлежать к «добропорядочной» среде» [Кауфман 1976: 408-409].

6 января 1964 г. состоялась защита кандидатской диссертации «Социальные романы Ганса Фаллады» в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина с присуждением ученой степени кандидата филологических наук.

О ФАЛЛАДЕ В ГЕРМАНИИ

В сохранившейся на немецком языке рукописи доклада Лии Соломоновны от 21 июля 1978 г. в Фельдберге, (маленьком городке на севере Германии, научно-исследовательском центре Фаллады), на торжественном мероприятии, посвященном 85-летию со дня рождения Г. Фаллады (1893-1947), Лия Соломоновна отмечала, что в целом она посвятила более двух десятилетий исследованию наследия Г. Фаллады: «Meine ersten Artikel waren dem kleinen Mann gewidmet, der Tragik seines Lebens, der sittlichen Problematik seines Daseins. Ich habe eine Arbeit über den Roman «Der Eiserne Gustav» geschrieben, da mich die Gestalt des Droschkenkutschers anzog. Mein Interesse jedoch galt, das ist vielleicht persönlich begründet, den Frauengestalten in Hans Falladas Werken – den unvergeßlichen Lämmchen und Anna Quangel». «Мои первые статьи были посвящены маленькому человеку, трагизму его жизни, нравственной проблематике его бытия. Я писала работу о романе «Железный Густав», в котором меня особенно привлекла фигура извозчика. И все-таки мой интерес

был обращен к женским образам в творчестве Г. Фаллады – незабываемым Лемхен и Анне Квангель». Она также говорила о трудностях, с которыми столкнулась в процессе работы, в особенности с публикацией статей. Она слышала упреки своих оппонентов в адрес писателя, объяснявшиеся, на ее взгляд, мягко говоря, их недостаточным владением материалом. Как это формулировала Лия Соломоновна, «не все книги Фаллады оппонентами были прочитаны».

На этой встрече она также рассказывала о том, как читаются произведения Г. Фаллады на факультете иностранных языков ТГПИ, в частности, его романы «Маленький человек – что теперь», «Каждый умирает в одиночку», и отмечала, что книга «В те далекие годы» читается студентами младших курсов с восторгом, что могут подтвердить из собственного опыта. Мы с удовольствием читали на втором курсе эту небольшую, забавную и дидактически поучительную книгу. Навсегда запечатлелся образ девочки, сестры главного героя, читающей ночью, стоя на стуле в домашней библиотеке. Или совершенно непредсказуемое наказание тортом в качестве завтрака, обеда и ужина за то, что брат и сестра, не удержавшись, отведали по кусочку торта, предназначенного гостям в праздничный вечер. Таких эпизодов в этой книге не мало.

В письме – приглашении в 1978 году на 85-летие писателя директор Литературного центра Нойбранденбург доктор Т. Крепон сообщает, что ей выделяются две комнаты для проживания в эти дни, и что она будет первой гостьей будущего Дома Г. Фаллады (Hans-Fallada-Haus), который в данный момент перестраивался: «In Feldberg werden Ihnen zwei kleine Zimmer zur Verfügung stehen. Sie werden die ersten Gäste des künftigen Hans – Fallada – Hauses sein, das gerade umgebaut wird». В этом письме сообщается, что Лев Гинзбург не приедет из-за болезни своей жены. Эта информация позволяет сделать вывод о том, что Лия Соломоновна продолжала поддерживать связи с известным советским переводчиком немецкой литературы Л.В. Гинзбургом, с которым работала в 1950-е годы, спасаясь переводами под псевдонимом.

В связи с 90-летием Г. Фаллады (21 июля 1983 г.) Литературный центр Нойбранденбург (Literaturzentrum Neubrandenburg) планирует создать общество «Круг друзей Ганса Фаллады» (Freundeskreis Hans Fallada) для дальнейшего исследования наследия писателя, в который приглашается также Лия Соломоновна как специалист, сохраняющий постоянный интерес к его творчеству: «Da Sie seit Jahren kontinuierliches Interesse zeigen, würden wir es begrüßen, wenn Sie zu einer Mitgliedschaft im Freundeskreis Hans Fallada bereit wären». Письмо подписано директором доктором Томом Крепоном (Dr. Tom Crepon). По-видимому, с этого года (1983?) Л.С. Кауфман становится членом общества Г. Фаллады, о чем она неоднократно говорила, не называя точно дату. При подготовке диссертации она много времени работала в архиве Г. Фаллады в Фельдберге, где ее хорошо знали и помнили.

В 1985 г. она вновь приглашается доктором Томом Крепоном для научной работы в Нойбранденбург: «Frau Professor Kaufman wird gebeten, im Mai 1985 mein Gast zu sein, um die gegenseitige Bekanntschaft zu vertiefen und die wissenschaftliche Zusammenarbeit weiterzuführen» (Фрау профессор Кауфман приглашается в мае 1985 г. в качестве моего гостя для углубления знакомства и дальнейшего проведения научной работы».

ПУБЛИКАЦИИ О ФАЛЛАДЕ

«Длительный интерес к творчеству Г. Фаллады (kontinuierliches Interesse)» подтверждается многими публикациями: например, «Маленький человек ищет свой путь» (1963); «На пути к правде» (Г. Фаллада «Каждый умирает в одиночку») (1968). Статья «На пути к правде» объемом в 29 страниц, подготовленная для печати за рубежом (ГДР), была разрешена для опубликования только с санкции Главного управления высших и средних педагогических учебных заведений от 28 мая 1967 г., настолько подконтрольна была международная научная работа, да и не только международная, вся работа преподавателей. И вновь обращает на себя внимание концепт ПУТИ в названиях ряда на-

учных публикаций Лии Соломоновны, так диктует, с одной стороны, материал исследования, с другой, так выстраивает ученый концепцию бытия маленького человека как движения во времени и пространстве с учетом социокультурных (нередко драматических и безысходных) обстоятельств.

Как специалист по Фалладе, Лия Соломоновна участвовала в подготовке ряда авторитетных энциклопедических изданий. Так, в семейном архиве обнаружено письмо редакции издательства Краткой Литературной Энциклопедии от 22 февраля 1972 г., в котором редакция просит ее посмотреть в 7 томе копию наборного оригинала статьи и внести изменения. Кроме того, статья о Фалладе написана ею в БЭС, т. 27. Объемный раздел «Фаллада» опубликован также в пятитомном академическом издании «История немецкой литературы (1918-1945)» (т. V, М: «Наука», 1976, с. 403-419), во вводной части которого подчеркивается «эпический талант» (термин Й. Бехера) Г. Фаллады: «Вместе со своими героями писатель вживается в самые обыденные и элементарные формы бытия, исследует драму внешних условий и внутреннего состояния людей на «среднем», выделяющемся человеческом материале. Из обращения к обыденному, житейскому вытекает эстетическое своеобразие его социальных романов. Фаллада далек от властно охватившего немецкую литературу, начиная с 20-х годов XX в., интеллектуально-параболического и философски-психологического принципа изображения» [Кауфман1976:403].

Только однажды Лия Соломоновна испытала разочарование в связи с празднованием юбилейной даты писателя: находясь в Германии именно в восточной части (земля Бранденбург), она пишет в своих «Путевых заметках» 22 июля 1993 года: «100 лет Фалладе, никто не сообщил». Фаллада родился 21 июля 1893 года и в 1993 году ему исполнилось 100 лет, почему она не была приглашена на очередной юбилей, сказать трудно. Думается, что виной всему исторические потрясения, происходившие на территории Германии после объединения в 1990 году, в особенности на территории Восточной Германии, где было необходимо избавиться от коммунистической риторики и привести все

к здравомыслящему соответствию. Г. Фаллада не был открытым сторонником «передовых идей» социализма, о чем Лия Соломоновна пишет следующее: «...все то новое, что определяет последний период творчества, не давалось Фалладе сразу. Внимательный анализ романа («Каждый умирает в одиночку» 1947 – Н.Д.) убеждает в том, что автор не полностью освободился от политической ограниченности. Зная, что действительным организатором антигитлеровского сопротивления внутри Германии была коммунистическая партия, он не сумел убедительно отразить эту ведущую линию в сюжете произведения» [Кауфман1976: 417]. Думается, что такая «критика» отсутствия прокоммунистической позиции Г. Фаллады в СССР была продиктована в угоду социалистическому реализму, в который Лия Соломоновна в общем-то не верила, но писать надо было по правилам. Так было и в Восточной Германии, где новые власти в некоторой степени пытались приблизить писателя к «передовым», но он не приблизился, так как умер в 1947 году, за два года до образования ГДР в 1949 году.

Приглашения к столетию писателя не было, поскольку, возможно, «старые» кадры могли быть заменены в архиве и научно-исследовательских центрах, а «новые» еще не были в курсе дела. Это предположение в какой-то степени подтверждается последующим приглашением Лии Соломоновны как международно-признанного литературоведа ровно через год – в 1994 году на научную конференцию с 27-го по 29-е октября в Грейфсвальд – город, где родился писатель. Приглашение подписано другим лицом, доктором А. Будде, иными словами, ошибка была исправлена, справедливость восторжествовала.

Она не оставит Фалладу и при подготовке докторской диссертации (см. ниже), а в 2000-е гг. снова вернется к его творчеству, консультируя аспирантку Дронову Ольгу Александровну, защитившую в 2005 году кандидатскую диссертацию на тему: «Человек и история в романах Г. Фаллады» (научный руководитель профессор, доктор филологических наук Н.Л. Потанина). В диссертации с опорой на основные постулаты, сформулированные в свое время Л.С. Кауфман, предпринимается попытка

дальнейшего развития концепции «маленького человека» в контексте исторических потрясений XX века в Германии. «Динамика образа связана с изменением типа взаимоотношений «маленького человека» и времени: герой выступает как жертва времени в романах «Kleiner Mann-was nun?» и «Wer einmal aus dem Belchnapf frisst», как «дитя своего времени» в романе «Wolf unter Wölfen», персонифицирует исторический опыт поколения в романе «Der eiserne Gustav», является винтиком в тоталитарном обществе в романе «Jeder stirbt für sich allein» [Дронова 2005].

АРХИВНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЛЕДАМ Лии СОЛОМОНОВНЫ

*Дронова О.А. кандидат филологических наук,
доцент*

Лию Соломоновну я знала со своего рождения, поэтому она всегда была для меня «баба Лиля». Баба Лиля была частью нашей семьи и приходила к нам на все праздники и просто попить чай. Она любила пирожки и интеллектуальные беседы. Ко всему она относилась с живым и неподдельным интересом: от дачных нововведений до культурных событий и политических новостей. Часто она приносила в подарок удивительные старинные вещицы: необыкновенные броши, камеи, шкатулки, вазочки и много фарфоровых статуэток. Моя любимая – узбечка, разливающая чай. Мне было, наверное, лет восемь, когда она принесла её со словами, что узбечка напоминает ей меня, когда я угощаю её чаем. (У меня в детстве тоже были косички). Лиля Соломоновна привыкла в особенности в кругу немцев говорить, что я её внучка, так что многие наши знакомые так и думали. Вообще, в рассказах Лии Соломоновны нередко присутствовала, скажем так, небольшая гипербола. Мы дома привыкли относиться к этому явлению с юмором, но придумали для него специальное обозначение: «школа Кауфман».

Став студенткой иняза, я перешла к официальному «Лия Соломоновна». В то время Лия Соломоновна очень интенсивно занималась обществом Гёте, которое без преувеличения было средоточием культурной жизни не только иняза, но и города. Под эгидой общества Гёте проводились встречи с музыкантами, художниками, лекции о литературе, концерты, курсы по немецкому языку для всех желающих. Запомнились семинары по немецкой литературе, которые вел преподаватель из Германии Николаус Хайдорн. Лия Соломоновна почти всегда присутствовала на них, и их дуэт с Николаусом был неподражаем. В отношении студентов Лия Соломоновна была из тех преподавателей, которые ставят только «5» и «4». О литературе она всегда говорила увлеченно и иногда теряла свойственную ей ироничность. Её голос начинал немного дрожать от волнения, когда она рассказывала о трагической судьбе Гейне, умершего в изгнании, или о подлости профессора Унрата. Она давала нам понять, как советское литературоведение было ограничено в своих оценках официальной идеологией – критиковала в этой связи свои собственные учебники. Круг её любимых авторов – Гёте, Шиллер, Гейне, Гофман, из двадцатого века Томас и Генрих Манн. С некоторой дистанцированностью она относилась к Гюнтеру Грасу с его натуралистичностью, но, тем не менее, вспоминала о нём часто.

Когда я приходила к Лие Соломоновне в гости, она указывала мне на старинное кресло, которое называла «Beichtesessel» («кресло для исповеди»), и говорила: «Ну, рассказывай!» Больше всего Лию Соломоновну интересовали книги и путешествия, но обсудить с ней можно было всё на свете. Если мы пили с ней чай, она не разрешала мыть посуду: сама грела воду и мыла чашки.

По совету Лии Соломоновны, я выбрала в качестве темы научного исследования творчество Ганса Фаллады – писателя, которому много лет назад была посвящена ее кандидатская диссертация. Она считала, что Фалладу можно переосмыслить с более современных позиций. Знала жену Фаллады, Анну Иссель, называвшую себя Лемхен – как главную героиню романа «Ма-

ленький человек – что же дальше?», прототипом которой она была. Лия Соломоновна интересовалась Фалладой всегда, ей казался очень тонким его психологизм в изображении человека слабого, надломленного, в особенности в его поздних произведениях – «Пьяница», «Кошмар». Хотя, в общем-то, ей нравились все его книги: грозное начало романа «Железный Густав» – там изображается дом прусского вояки, где все вещи из железа. Она любила роман об игроке «Волк среди волков». Надо сказать, этот перевод названия она считала неправильным, по её мнению, нужно было переводить «Вольф среди волков», потому что главный герой романа по имени Вольф – не такой уж волк по характеру. Для этой работы мне были отданы огромное количество современных книг, которые у неё были благодаря сотрудничеству с обществом Фаллады в Фельдберге.

В 2004 году я поехала по следам Лии Соломоновны в «архивное путешествие» в Фельдберг в рамках аспирантской программы Рурского университета. Лию Соломоновну там хорошо знали, и её имя служило мне хорошей рекомендацией. Архив Фаллады находится в деревне Карвиц в семи километрах от Фельдберга. Это живописная местность в Германии, которая называется «Фельдбергский озерный пейзаж», туда ездят отдыхать любители природы и водных видов спорта. Архив расположен в небольшом загородном доме на берегу озера, где Фаллада уединенно жил со своей семьей. Удивительно, но между Карвицем и Фельдбергом нет транспортного сообщения, сотрудница архива любезно возила меня на своей машине. Но один раз я все же прошла все расстояние пешком и так устала, что вынуждена была часок поспать на скамейке рядом с одним из многочисленных озер. В архиве собраны письма, дневники писателя, издания его книг, рецензии на произведения и его собственные статьи, которые он, зная о своем неразборчивом почерке, печатал на машинке. Там же находится и могила Фаллады, каменный памятник, на котором высечены профили людей с головами, опущенными вниз, потому что они страдают от своих забот. Один из этих людей упал, а стоящие рядом протянули руки, чтобы его подхватить. Их печальная поза меняется из-за того, что они не дают

ему упасть окончательно: люди забывают о своих заботах, когда помогают другому.

Не знаю, забывала ли Лия Соломоновна о своих собственных заботах, но помогала она всем, кому могла, неустанно. Даже в почтенном возрасте она заряжала окружающих своим оптимизмом. Думаю, отражением её любви к жизни был бесконечный труд, направленный на созидание чего-то нового и прекрасного – будь то творческие идеи, диалог культур, дружеские связи или возможности для саморазвития.

ПУТЬ ОТ КАНДИДАТСКОЙ К ДОКТОРСКОЙ – ДЛИНОЮ В 20 ЛЕТ (1964-1984).

АНТИФАШИСТСКАЯ ТЕМА: ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Движение по ПУТИ ПОИСКА продолжалось. По публикациям 1960-70-х гг. просматриваются контуры подступа к сложной и противоречивой по тем временам проблематике антифашистской немецкой литературы. Сложность в разработке антифашистской темы объясняется тем, что объектом литературоведческого анализа становится особый тип литературы – произведения немецких авторов, писавших о фашизме в Германии «изнутри» в отличие от писателей-эмигрантов, которым в мировом литературоведении постоянно уделялось огромное внимание. В 1970-е гг., работая над докторской диссертацией, Лия Соломоновна писала в одной из статей: «До сих пор, к сожалению, не существует исследований, которые пытались бы осмыслить в плане общих закономерностей историю развития антифашистской темы в целом. Большинство написанных работ относится к изучению творчества писателей, создававших свои произведения вне Германии, в эмиграции. Это, естественно, наиболее действенный и мощный отряд антифашистской литературы, многообразный, выявивший свои ярко выраженные идейно-эстетические закономерности. Нельзя, однако, забывать и о менее многочисленной, но довольно значительной группе писателей, не покинувшей Германию в 1933 году, мужественно

боровшейся, сопротивлявшейся реакции. Созданные ими и дошедшие до нас произведения различных жанров тоже отмечены рядом складывавшихся в ходе борьбы идейных и эстетических закономерностей. Оба эти разделенные в течение многих лет литературных потока во многом отличались один от другого, но, объединенные единой целью, выявляют много общего и, безусловно, обогащают и дополняют друг друга» [Кауфман 1973: 204].

Уже в 1967 году делается заявка на будущую тему: Лия Соломоновна участвует в научной конференции литературоведов, посвященной 50-летию Октября в ЛГПИ им. А.И. Герцена, где выступает с докладом «Об антифашизме действительном и мнимом (К проблеме реалистического метода)», опубликованном в одноименном сборнике научных статей. В 1968 году печатается статья «Об идейно-художественных особенностях немецкого антифашистского романа 40-х годов (Вейзенборн, Вихерт, Фаллада)» (Пермь), в 1969 г. – «Немецкий антифашистский роман (социальное содержание образа и проблема характера) (г. Горький), «Антифашистские романы Г. Вейзенборна» (г. Вологда) и многие другие вплоть до 1980 года.

Интенсивное исследование темы ведется на протяжении всех 1970-х гг., о чем свидетельствуют не только публикации, но и отчеты о стажировке/повышении квалификации в ведущем вузе России (РСФСР) – МГПИ им. В.И. Ленина (ныне МГПУ). В документе «АТТЕСТАЦИЯ доцента педагогического вуза Кауфман Лии Соломоновны на факультете повышения квалификации преподавателей педагогических институтов РСФСР при Московском ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственном педагогическом институте имени В.И. Ленина» отмечается, что Л.С. Кауфман находилась на ФПК при кафедре зарубежной литературы с 1 сентября по 30 декабря 1977 года. «Ею подготовлены доклады-рефераты по книге Б.Л. Сучкова, по книгам Матузовой и Млечиной. В основу докладов положены явления, типичные для литературы ФРГ с 1949 по 1975 гг., показано своеобразие творческих методов писателей антибуржуазной и антифашистской темы. Написаны статьи: 1. «Своеобразие реалистического метода в границах антифаши-

стской темы (творчество Э. Вихерта 1933-1950 гг.); 2. Горьковская тема в антифашистской прозе (в романах Вейзенборна)». Документ подписан завкафедрой зарубежной литературы профессором Н.П. Михальской и научным руководителем профессором Б.И. Пуришевым. После смерти Б.И. Пуришева (апрель 1989 года) Лия Соломоновна ежегодно выезжала на Пуришевские чтения в МГПИ им. В.И. Ленина, где выступала с докладами и сообщениями, участвовала в дискуссиях.

Через четырнадцать лет издается учебное пособие (фактически монография) «Немецкая реалистическая литература начала XX в. (антифашистская тема)» (Тамбов 1978). В исследовании подчеркивается, что «ни один писатель этой страны на протяжении последних пятидесяти лет не может пройти мимо истории и судьбы своего народа. Хочет он этого или не хочет, он должен выявить свое отношение к фашизму, определить свою позицию. Антифашизм сегодня – обязательная составляющая прогрессивного мировоззрения» [Кауфман 1978: 3]. Основное внимание исследователя сконцентрировано на изучении литературы Сопротивления и литературы «внутренней эмиграции», в которой антифашистская тема представлена различными жанрами, но «у ее истоков находится публицистика и документалистика». Л.С. Кауфман отмечает, что все эти материалы далеко не однородны как по содержанию, так и по манере изложения (репортажи, «берихте», записки, дневники, воспоминания узников лагерей и т.д.). «Они не только являются свидетельством времени, но и дают обширный материал для выявления концепции личности пишущего, характера индивидуальных рефлексий» [Кауфман 1978: 18].

И вновь она обращается к проблеме «маленького человека», оказавшегося на переломе истории. «Именно он, человек «среднего сословия» становится одним из центральных персонажей немецкой художественной прозы. О нем пишут Э.М. Ремарк и А. Деблин, Г. Гессе и Г. Белль, Г. Фаллада и Л. Франк и многие другие. ... такие, как Г. Фаллада, Л. Франк, А. Цвейг, исходят из того, что жизнь «маленьких людей» – не судьба ущербных неудачников. Это трагедия, порожденная историческими

предпосылками и социальными условиями, усугубленная нравственной неприкаянностью» Эти писатели развенчивают «легенду о безобидной сущности обывателя». Далее, анализируя подробно антифашистскую проблематику в творчестве Г. Фаллады, Лия Соломоновна подчеркивает, что «Г. Фаллада – один из первых среди писателей, оставшихся в Германии, бескомпромиссно поставил проблему **о моральной ответственности народа** (выделено – Н.Д.)» [Кауфман 1978: 27-28, 41]. Однако, если концепция человека в творчестве Г. Фаллады Лией Соломоновной развивалась далее уже в контексте антифашистской проблематики (способности «маленького человека» к сопротивлению), то имена ряда других немецких писателей были в основном впервые введены в советское литературоведение, в особенности такие имена, как Гюнтер Вейзенборн (1902-1969), три года проведенный в фашистских застенках (1943-1945), Бруно Апиц (1900-1979), узник Бухенвальда. В пособии-монографии детально анализируются проблемы, поставленные в произведениях этих авторов, а также методы художественного воплощения событий, характеров в контексте трагического времени не только немецкого народа.

«В отличие от Г. Фаллады, который шел к антифашистской теме через лабиринты критики буржуазного мира, в поисках выхода для той среды, из которой сам вышел, которую познал и осудил изнутри, – пишет Л.С. Кауфман, – Г. Вейзенборн черпал замыслы для своего антифашистского творчества непосредственно из жизненного опыта. Активно включившись в действия антифашистского фронта, Г. Вейзенборн с 1937 года по час своей смерти (1969 год) был писателем одной темы. Антифашистская тема вошла в его творчество в начале 1937 года, когда он «начал писать пьесу «Незаконные», которая рождалась из событий и опыта его нелегальной деятельности». <...> Не силой воображения, как Г. Фаллада в романе «Каждый умирает в одиночку», создавал Г. Вейзенборн героев своей антифашистской драмы «Незаконные». Писатель жил и боролся вместе со своими персонажами». Далее Лия Соломоновна подчеркивает документальный характер пьесы, ставшей по замыслу автора не рек-

виемом павшим, а гимном их героической борьбе против фашизма [Кауфман 1978: 51-54].

Роман Бр. Апица «Голоый среди волков» занимает особое место в монографии Л.С. Кауфман, он характеризуется как «выдающийся пример художественной прозы антифашистской темы», «книга замыслена как мемориал тем, кто в нечеловеческих условиях беспрецедентного фашистского террора продолжал борьбу», «автор романа не только очевидец, но и их участник», «спасение попавшего в концентрационный лагерь Бухенвальд мальчика – пробный камень для всех, ведущих эту борьбу» [Кауфман 1978: 59-60].

Лия Соломоновна не ограничивалась теоретическим анализом антифашистской проблематики в рамках будущей диссертации. Многие произведения авторов активно внедрялись в учебный процесс. Так, на практических занятиях по домашнему чтению, аналитическому чтению на старших курсах изучалась и даже была неоднократно инсценирована пьеса Г. Вейзенборна «Нелегальные», написанная сложным образным языком, где каждая фраза требовала глубокого осмысления и интерпретации. До сих пор помню, как анализировали начало романа «Голоый среди волков» и слышу ее фразы на немецком языке: «Уже первые абзацы произведения. Экспозиция романа: серый промозглый ландшафт, нескончаемая липкая завеса сырости, предупреждающие надписи на деревьях, собранные на поверку узники разных национальностей» [Кауфман 1978: 60]. Мы, студенты, вслед за преподавателем всматривались в эту неизвестную и ужасающую для нас картину мира, сопереживая судьбе всех тех, кто оказался узником и участником мастерски описанного Бр. Апицем события.

В это время Лия Соломоновна выезжает неоднократно в Восточную Германию (ГДР), где ее хорошо знают, как автора диссертации о Г. Фаллада. Кроме того, она проводит научно-практический семинар по русской литературе для немецких писателей. Здесь она знакомится с многими писателями ГДР, как например, с Кристой Вольф (1929-2011), Анной Зегерс (Anna Seghers) (1900-1983), книги которой фашисты сожгли, придя

к власти, и которая отдала много сил борьбе с фашизмом, а также с Бруно Апицем (Bruno Apitz). Долгие годы Лия Соломоновна состояла в переписке с писателем Гельмутом Заковски (Helmut Sakowski), воевавшим в конце войны в качестве солдата и прошедшим плен, с Эрвином Штриттматтером (Erwin Schrittmatter) (1912-1994) и его женой – Эвой Штриттматтер (Eva Schrittmatter) (1930-2011), немецкой поэтессой. К сожалению, переписка Лии Соломоновны не только с немецкими писателями, но и родственниками, друзьями была уничтожена после ее смерти по желанию дочери.

Судя по учебному пособию, можно сделать предположение, что, по-видимому, уже к этому времени текст диссертации подготовлен к защите, а, возможно, и ранее, поскольку в одном из интервью Лия Соломоновна подчеркивает: «Докторская была одна, но защиты ждала двенадцать лет, потому что вдруг оказалось, что тема работы – немецкое сопротивление гитлеровскому режиму – каким-то странным образом перекликается с советским диссидентством. Эти переклички вполне можно оставить на совести тех, кому они послышались» [ТЖ, 23 апреля 2008 г.].

В Справке «Сведения о полноте опубликованных научных результатов» (семейный архив) в связи с предстоящей защитой дана характеристика научной деятельности доцента Кауфман Л.С.: «...ведет большую научную работу. Она является автором 35 научных работ по проблемам немецкой литературы XX века, опубликованных в различных изданиях, в том числе автором статей в Краткой литературной и Большой советской энциклопедиях, в академическом издании «Истории немецкой литературы, т. 5 и в межвузовских сборниках. Труды доцента Кауфман Л.С. по антифашистской литературе получили признание в советском и зарубежном литературоведении. Ее исследования в области влияния наследия А.М. Горького за рубежом опубликованы во всесоюзных сборниках горьковедения. Доцент Кауфман является автором учебных пособий по немецкой литературе на русском и немецком языках, рекомендованных для студентов педвузов». Документ подписан заведующим кафедрой литературы ТГПИ, доцентом, кандидатом филологических наук Ста-

ниславом Борисовичем Прокудиным, крупным ученым в области отечественного литературоведения.

Количество публикаций (35) по современным меркам большое, поскольку сейчас имеются огромные возможности для опубликования научных исследований. По тем временам это был результат напряженной и целеустремленной работы, о чем можно судить по географии городов, в которых были опубликованы ее статьи (Москва – Ленинград – Горький – Вологда – Пермь и др.).

Практически через 20 лет после защиты кандидатской диссертации – в 1984 г. состоялась защита докторской диссертации на тему: «Творчество писателей – антифашистов в Германии в годы нацизма. Проблематика. Поэтика» в МГУ им. М.В. Ломоносова, где она когда-то в 1946 г. получила диплом об окончании вуза. Защититься удалось достаточно поздно – в возрасте 66 лет, но она не остановилась, преодолела все преграды на своем пути. Это было не стандартным событием в истории факультета иностранных языков – впервые в штатный состав кафедры немецкого языка включается доктор филологических наук. Событие стало дополнительным импульсом для молодых доцентов, работавших над докторскими диссертациями.

В июле 1985г. решением ВАК Лии Соломоновне присуждена ученая степень доктора филологических наук, с первого сентября 1985 г. она избрана по конкурсу на должность профессора кафедры немецкого языка ТГПИ. В феврале 1987 г. – решением ВАК ей присвоено ученое звание профессора по кафедре немецкого языка. Таким образом, на факультете впервые начинает работать вузовский, по нынешней терминологии – «ваковский» профессор. Она снова – первая! Она снова раздвигает рамки привычного провинциального течения жизни. Перечисление свершившихся событий охватывает несколько строк или быть может один абзац, но каких усилий, моральных, интеллектуальных, физических напряжений потребовал этот нелегкий ПУТЬ из Тамбова! Какая целеустремленная сила таилась в этом Человеке, чтобы преодолеть разного рода преграды времени, обстоятельств и в целом Судьбы.

ДВИЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Время идет, в отчете уже профессора кафедры немецкого языка ТГПИ отмечается, что с 1985 по 1990 гг. ею опубликовано только за пять лет 27 научных статей в межвузовских научных сборниках – 11, в реферативном журнале Академии наук по общественным наукам, серия 7-14, две публикации в иностранных изданиях на немецком языке. В эти годы она работает по совместительству в ИМЛИ (Институт мировой литературы им. А.М. Горького) РАН.

Наступало новое «перестроечное» время, открывавшее другие возможности в научном мире. Преобразование ТГПИ в ТГУ им. Г.Р. Державина (1994 г.) дало мощный импульс для организации всех направлений вузовской жизни по аналогии с ведущими университетами страны. В научной среде факультета романо-германской филологии появляются новые доктора филологических наук (Милосердова Е.В., Болдырев Н.Н., Григорьев Е.И., Попова Л.Г., Ушкова Н.В.), доктора психолого-педагогических наук (Мильруд Р.П., Поляков О.Г., Сысоев П.В.), что, в свою очередь, позволило открыть аспирантуры при кафедрах, 2 специализированных совета по защите кандидатских и докторских диссертаций. Лия Соломоновна, находясь уже в солидном возрасте (на девятом десятке!), не только приветствовала этот «прорыв», но и принимала участие по мере сил в осуществлении университетских планов, в том числе и работе диссертационных советов.

До сих пор вызывает искреннее восхищение неослабевающий интерес к любым событиям, происходящим в университете. На вопрос о здоровье старалась отвечать кратко, без подробностей, в целом, не жалуясь, и быстро переходила к вопросу: «А что там в университете?». Никогда не была безучастной, она обязательно должна была кому-то помогать, кого-то консультировать, просвещать. Через нее прошло не мало кандидатских и докторских диссертаций, которые она рецензировала, неоднократно выезжала оппонентом в различные вузы России. Например, в ее отчете за 1985-1990 гг. отмечается, что в качестве оп-

понента в 1986 г. выступала 1 раз в ЛГУ, в 1987 г. – дважды в ЛГУ, 1989 г. – один раз в ЛГУ, один раз в МГУ и т.д., а в 2000-е годы – неоднократно в ВГУ (г. Воронеж).

Мало кто удивился, когда Лия Соломоновна в 2000-е гг. без колебаний приняла приглашение заведующего кафедрой истории зарубежной литературы ТГУ им. Г.Р. Державина профессора Н.Л. Потаниной стать научным руководителем аспирантов по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература стран германской и романской языковых семей). Спешила дать новый толчок исследованию творчества немецких писателей-антифашистов с учетом собственной концепции и современных достижений в литературоведении.

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ – это ключевые концепты исследований учеников Лии Соломоновны на материале как антифашистской литературы, так и произведений новейшего времени, в которых последовательно рассматриваются проблемы формирования личности, ее нравственной трансформации под влиянием социокультурных факторов исторического времени. В первой кандидатской диссертации, выполненной Лукиновой Еленой Михайловной на тему: «Концепция человека в малой прозе Эрнста Вихерта 1920-30-х годов» (2004), выявлена типология персонажей, представляющих широкую палитру образов «маленького человека» («Ищущие», «Жертвы», «Потерянные» (Палачи), «Простые» (Нашедшие). «Концепция человека в творчестве Вихерта, – подчеркивает Е.М. Лукинова, – тесно связана с широким кругом проблем, соотносенных с особенностями творческого метода писателя, его онтологическими и антропологическими воззрениями», за которыми стоит духовный опыт человека, пережившего две мировые войны, бывшего узником концентрационного лагеря Бухенвальд [Лукинова 2004].

Диссертация Никитиной Марии Валентиновны на тему: «Парфюмер. История одного убийцы» в контексте творчества Патрика Зюскинда» (2006) – это результат дальнейшей разработки концепции человека на материале немецкой литературы «нового» времени. В диссертации «прослежена связь образа человека со знаковыми мифологемами (Бог, Дьявол, Прометей)

и историческими личностями (Гитлер)». Сложнейший «образ главного героя романа «Парфюмер» формируется на основе диалога с культурными кодами предшествующих эпох и современности». Особое внимание обращается на языковое своеобразие творчества писателя, использующего богатейший арсенал специальной лексики, новообразований, контрастов и оксюморонов, сниженной и экспрессивно-окрашенной лексики, диалектизмов; возвышенного стиля [Никитина 2006].

В кандидатской диссертации Платицыной Наталии Игоревны «Человек и война в малой прозе Вольфганга Борхерта» (2008) проблема человека рассматривается в соотношении с феноменом войны и ее разрушительным воздействием на человека. Как пишет Н.И. Платицына, «Проблема «Человек и война» является существенной частью индивидуальной картины мира писателя и детерминирует особенности художественного мира его произведений. Вместе с тем, внимание Борхерта было сосредоточено на осмыслении таких онтологически значимых проблем как «человек и тюрьма», «человек и мир природы», «человек и вера» [Платицына 2008].

В 2009 году защищается четвертая кандидатская диссертация Сутягиной Наталии Николаевны на тему: «Малая Проза Клауса Манна». Примечательно, что концепт «ПОИСКА ПУТИ», актуализованный в свое время Лией Соломоновной в процессе исследования творчества Г. Фаллады, вновь оказывается в центре внимания теперь уже на основе изучения произведений Клауса Манна. В этом повторении прослеживается некая мистическая линия завершения движения по кругу научной судьбы Лии Соломоновны: от поиска пути в своей диссертации к поиску пути в заключительной диссертации аспирантки Сутягиной Н.Н., которая отмечает в своем исследовании: «Концепция человека, отраженная в малой прозе Клауса Манна, получает художественное воплощение в весьма устойчивом типе героев, условно обозначенных как «ищущие» («Suchende»). В связи с этим в повествовательном поле большинства произведений писателя сюжето- и структурообразующие функции выполняет мотив **поиска своего пути** (выделено – Н.Д.), реализующийся в разных аспектах:

духовный поиск, поиск некогда утраченной родины, дороги в отчий дом и т.д.» [Сутягина 2009].

Лиия Соломоновне идет 91 год, но это не мешает ей продолжать свой собственный ПУТЬ, она вновь обращается к творчеству Э. Вихерта, подводя своеобразный итог работы над его произведениями, начатой еще в период подготовки своей докторской диссертации, продолженной в процессе работы с Лукиновой Е.М. Через четверть века после защиты докторской она спешит еще раз заявить миру о необходимости продолжения исследования антифашистской темы. В 2009 году выходит в свет ее монография «Писатель и время. Эрнст Вихерт. Германия 30-50-х годов XX века», в которой подчеркивается, что «антифашистская проблематика сложна и многообразна, всегда национальна и интернациональна. Сегодня, – пишет далее Л.С. Кауфман, – литература оперирует терминами «антифашистская проза», «антифашистская поэзия», «антифашистская драматургия», однако до сих пор «большое количество свидетельств сопротивления и оппозиционной литературы остались вне поля зрения исследователей темы» [Кауфман 2009: 4-5]. Основной акцент сделан на необходимости дальнейшего изучения литературы антифашистской направленности, сложившейся в трагические для Германии годы внутри страны, в отличие от оппозиционной литературы, которая формировалась в то же время вне страны, и которой уделяется большее внимание исследователей. В монографии представлен подробный анализ творчества Э. Вихерта на протяжении трех периодов развития антифашистской литературы (в двадцатые годы, в течение двенадцати лет фашистского режима и после 1945 года), показан трагический финал жизни писателя, его творческий кризис, отъезд из Германии и смерть в Швейцарии. Анализируя последнюю книгу автора «Jahre und Zeiten» (Годы и времена – перевод Н.Д.), Лиия Соломоновна пишет о том, что эта книга является «книгой раздумий о времени и одновременно завещанием, обращенным к соотечественникам, эссе и призывом к бдительности, предупреж-

дением о новом наступлении фашизма «Okey oder die Unsterblichen!» [Кауфман 2009: 80].

В следующем 2010 году выходит в свет ее монография «Литература. Свидетельства и обвинения. Гюнтер Вейзенборн», посвященная, писателю, реально ощутившему давление фашизма, просидевшему три года в немецких тюрьмах, осужденному за участие в группе сопротивления Шульце-Бойзена. В конце книги Лия Соломоновна подчеркивает: «Велика заслуга литературы антифашистского содержания в сохранении лучших традиций и высокой культуры немецкой письменной и разговорной речи. Фашизм, распространив свою политику дегуманизации и человеконенавистничества на все уровни немецкой жизни, откровенно навязывал населению страны брутальный стиль, казарменную лексику, замешанные на псевдоромантической пышности. Превращая речь в орудие искоренения интеллектуального и гуманистического начал, нацизм официально поощрял казарменные интонации и криминальный жаргон как средство подавления и унижения человеческого достоинства. <...> «Какие муки, какие поношения, угрозы, физическую расправу выносили люди внутри Германии, чтобы сохранить традиции высокой культуры речи и не дать ей погибнуть», – писал ученый-лингвист Виктор Клемперер. В страшные для немецкого народа годы нацизма литература этой проблематики представляла и защищала внутри и вне страны национальную культуру, национальное самосознание [Кауфман 2010: 88]. В этой цитате прочитывается не только дидактическое наставление не останавливаться на достигнутом в исследовании антифашистской литературы, но и гуманистический призыв к неприятию всяческих проявлений фашизма в скрытой или открытой форме, что нередко наблюдается в современном мире.

В интервью в «Державинском вестнике» (июнь 2009) по случаю празднования 70-летия института иностранных языков ТГУ им. Г.Р. Державина Лии Соломоновне, как старейшему преподавателю института и университета, был задан вопрос:

– Когда говорят в университете о профессоре Л.С. Кауфман, то всегда подчеркивают Ваши заслуги в становлении научного потенциала кафедры немецкого языка. Не меньшее восхищение вызывает Ваша работа с аспирантами уже, мягко говоря, в солидном возрасте: под Вашим руководством недавно были защищены три кандидатские диссертации (четвертая будет защищена в 2009 году после интервью – Н.Д.). Как Вам это удастся?

– Если говорить о кафедре немецкого языка, то могу сказать, что тогда пришло новое время, новое поколение, которое хотело учиться дальше. Мои контакты с коллегами вузов Москвы, Ленинграда, профессорами В.Г. Адмони, Н.А. Булах, В.Д. Девкиным и др. облегчали поступление в аспирантуру преподавателям кафедры, которой я заведовала. Что касается кандидатов наук (Е.М. Лукиновой, М.В. Никитиной, Н.И. Платицыной), подготовленных мною на кафедре истории зарубежной литературы, то здесь хотелось бы сказать слова благодарности в адрес кафедры и ее заведующего, профессора Наталии Леонидовны Потаниной и Господа Бога, давшего силы для этой сложной, но интересной работы с аспирантами [ДВ, июнь 2009: 16-17].

Казалось бы, ПУТЬ завершен, сделано не мало по актуализации идей, которым посвящена большая часть жизни. Но посмертно, как раз по завершении книги о Лии Соломоновне, выходит в свет ее статья, опубликованная в 2017 году в академическом издании ИМЛИ РАН «История литературы XX века», том первый, в соавторстве с известным литературоведом-германистом Е.А. Зачевским и Е.В. Кудрявцевой под названием «Областническая литература». «Лишенная каких-либо изысков, насыщенная реалиями узнаваемой повседневной действительности, с вкраплениями диалектальных речений, эта литература завоевала провинцию» [794]. Заявка проблемы открывает новые перспективы исследования немецкой литературы теперь уже для других ученых.

«НЯНЧИЛАСЬ» С НАМИ, КАК С РОДНЫМИ ДЕТЬМИ

*Варечкина (Никитина) М.В.,
кандидат филологических наук*

– Лия Соломоновна, добрый день!

– Здравствуй, Маша! (Лия Соломоновна всегда узнавала меня по голосу)

– Можно к Вам завтра зайти?

– Да, конечно, приходите после обеда!...

Прийти к Лии Соломоновне можно было всегда и в любое время, она всегда была рада, интересовалась последними новостями, в первую очередь семьей, родителями и работой, внимательно слушала, готова была каждого обогреть. С ней можно было обо всем поговорить, все обсудить, в надежде услышать мудрый совет и найти понимание. Я выходила от Лии Соломоновны всегда в хорошем настроении, можно сказать «окрыленная», казалось, что трудности малы, а планов впереди много. После каждой встречи несколько дней все вспоминала и обдумывала то, что Лия Соломоновна нам сказала или рассказала о своей жизни. И казалось, так будет всегда!

Наше знакомство с Лией Соломоновной состоялось, когда я на первом курсе университета пришла в Гете-общество, потом, когда начался курс «Зарубежной литературы», но «подружились» мы уже, когда началась наша совместная работа над моей дипломной: «Античный миф в авторской интерпретации Кристи Вольф».

Эту тему предложила мне Лия Соломоновна. Она считала Кристу Вольф интересным автором, талантливой писательницей – представительницей «женской литературы» Германии. И кандидатскую диссертацию Лия Соломоновна предлагала связать с творчеством Кристи Вольф. Но в итоге утвердили другую тему: «Роман «Парфюмер. История одного убийцы» в контексте творчества Патрика Зюскинда».

У Лии Соломоновны была особенность в руководстве дипломной работой, а потом и диссертацией. Она никогда не кри-

тиковала, не говорила «неправильно или плохо». На каждой консультации предлагала интересную идею, которую надо было лишь развить, придя домой. После консультаций настроение было «все получится». Моя работа над диссертацией длилась долго, около пяти лет, потому что параллельно я преподавала в Педагогическом колледже, времени не всегда хватало, даже хотелось иногда «все бросить». Но Лия Соломоновна так тактично поддерживала всегда в любых ситуациях, «нянчилась» с нами, как с родными детьми, что очень хотелось «не подвести», «не разочаровать» Учителя.

И даже когда учеба и работа над диссертацией остались позади, я спешила к Лии Соломоновне в гости, рассказывая последние новости, знакомя ее со своим мужем, своими детьми. Одной из самых приятных традиций было прийти поздравить Лию Соломоновну с Днем Победы! В этот день на круглом столе в гостиной стояло много красных тюльпанов и белых нарциссов. Мы знали: это был очень важный День в ее жизни!

Помню случай, когда в Тамбов по обмену приехали студенты из Германии. После экскурсии по городу Лия Соломоновна пригласила всех к себе домой, «на чай». Тогда молодой человек, сидевший рядом со мной, был очень удивлен тому, что «профессор с таким именем» сидит со своими студентами, так просто общается и пьет чай. По его словам, в Германии трудно было бы себе такое представить.

В одну из последних встреч Лия Соломоновна сказала: «Я счастливый человек! Мне в жизни встречались только хорошие люди, я никогда в них не разочаровывалась». Я еще подумала тогда, как бы мне хотелось этому научиться, как бы хотелось, чтобы я тоже могла уверенно в преклонном возрасте сказать такие слова.

Даже сейчас, когда уже больше года Лия Соломоновна не с нами, трудно в это поверить, что больше НИКОГДА...

Лия Соломоновна, Вы мой любимый Учитель и Друг: мудрый, светлый, заботливый, талантливый, полный идей и знаний и очень добрый. Не стану прощаться, все время вспоминаю наши встречи, и они мне помогают ПРОСТО ЖИТЬ.

БОЯЛАСЬ ОТСТАТЬ ОТ ВРЕМЕНИ

*Толмачева (Лукинова) Е.М.,
кандидат филологических наук*

Навожу порядок в бумагах, случайно нахожу папку, в углу моим некрасивым почерком написано: «Лия Соломоновна». В папке беспорядок, обрывки листочков, пожелтевшая тетрадь с переводом, листы, полностью исписанные, а потом исписанные еще и по периметру с пометками «ЛС» и «Я»... – это все черновики к моей кандидатской диссертации «Концепция человека в малой прозе Эрнста Вихерта (1887-1950)». Прошло уже много лет с того времени, как Лия Соломоновна Кауфман предложила мне эту тему, а затем руководила написанием исследования. Эта папка хранит столько воспоминаний, столько моих открытий, так много мудрости, такта и безграничной эрудированности моего учителя-вдохновителя. Сажусь на пол, перебираю бумаги, потом плачу. Тяжело осознавать, что никогда больше не увижу это человека.

Вспоминаю, как пришла юной девчонкой, тогда еще аспиранткой, к профессору домой. Не дышала, сердце стучало в висках и животе, казалось, умру от счастья, что буду работать с таким человеком. Не могла поверить, что САМА Лия Соломоновна будет работать со мной. На тот момент было все равно над чем, какой темой, главное – с ней.

Лия Соломоновна высоко ценила творчество Эрнста Вихерта и ставила его в один ряд с творчеством Томаса Манна. Я удивлялась: «Как такое может быть, ведь у нас Вихерта знают единицы».

Глубокое уважение, даже благоговение к Лии Соломоновне было еще со студенческой скамьи. Да, именно благоговение к великому (хотя Лии Соломоновне не понравился бы такой эпитет), но далекому, недостижимому человеку. Для меня с самого начала она была человек-эпоха. Шло время, и я все больше понимала, как мне повезло работать с ней, учиться, быть рядом, говорить о жизни, философии, литературе. Постепенно Лия Со-

ломоновна становилась родной, моей дорогой, любимой Лией Соломоновной.

«Лена, Вы должны понять разницу между романтизмом начала 19 века и неоромантизмом конца 19 – начала 20 века», – говорила увлеченно Лия Соломоновна, сидя за столом, как обычно заваленном бумагами, книгами, чьими-то диссертациями. За окном пурга, начинает темнеть, а я предвкушаю удовольствие от новых открытий. Начинается беседа. Я уточняю, привожу свой пример, мне неловко, вдруг я неправа. Лия Соломоновна поощряет, я счастлива, что понимаю, что иду в верном направлении в своем анализе. Записываю ее размышления: «Вы понимаете, романтизм шел от восторженной веры в достижимость свободы индивидуумом к трагическому отчаянию перед лицом неминуемой природной и социальной катастрофы?» «Кажется, да (понимаю)! Именно поэтому неоромантический герой Вихерта, этот «бегущий в вечность» обязательно «простой человек». Писатель отчаянно надеется на возвращение в великий Закон природы, бытия. «Простота» у Эрнста Вихерта – это истинность, глубина, близость к людям и природе», – мы на одной волне, я понимаю, о чем говорит Лия Соломоновна, я потрясена, что могу не только слушать, но предлагать свои идеи, размышления. Почти всегда Лия Соломоновна их поддерживала, да так, что хотелось кричать от восторга: «Получилось! Я на правильном пути». За окном уже темно, понимаю, что мне пора. Обнимаю ее за плечи, так много хочется ей сказать, сколько тепла, благодарности и любви я чувствую к ней, но мне неловко. Кажется, что эти слова будут вычурными, звучать неестественно рядом с этим по-вихертовски «простым» человеком.

Договариваемся о новой встрече. Помню, выхожу из подъезда, фонари, снег хлопьями, тишина, дышу. Счастлива, подпрыгиваю, надеюсь, что никто не видит... И так хорошо на душе, столько мыслей, которые нужно срочно записать. В один из таких вечеров родилась моя «типология героев в малой прозе Э. Вихерта», я увидела систему, которой автор придерживается в своих рассказах и новеллах. Не выдержала, позвонила на следующий день, задыхаясь, протараторила в трубку свою идею,

а в ответ: «Лена, Вы совершенно правы». Ради таких слов, такой постоянной поддержки мне хотелось работать, хотелось жить, хотелось соответствовать оказанному доверию. Ни слова упрека, только признание, теплая похвала – все это растило меня, делало добрее, мудрее, терпимее к людям. Рядом с Лией Соломоновной хотелось быть лучше.

Первое время казалось, что с ТАКИМ человеком о простых, бытовых вещах говорить неудобно. Со временем мы стали ближе, я стала рассказывать о семье, родителях. Я начала понимать, что за простотой выражения мысли и отношения к людям стоит такая глубина, человеческая мудрость, генетическая интеллигентность. В каждом слове, в каждом жесте тепло, простота и мудрость. Тогда сделала для себя открытие, чем умнее, интеллигентнее человек, тем проще и понятнее он говорит. Делалось неловко от искусственно усложненной лексики в научных статьях, когда за бусами модных терминов терялся, ускользал смысл.

Нельзя забыть традиционные чаепития у Лии Соломоновны... Приходим с аспирантами в гости. Беседуем, у кого какие новости. Наслаждаемся атмосферой. Нам здесь рады. Перед уходом предпринимаем безрезультатную попытку убрать за собой чашки со стола. В голосе слышится мягкий, но не терпящий возражений, отказ: «Я сама уберу». Улыбаюсь и каждый раз думаю о Лии Соломоновне. Вы рядом...рядом даже в таких пустяках.

Как-то Лия Соломоновна сказала мне: «Знаете, Лена, чего я боюсь? Отстать от времени». Вас уже нет с нами, но я и сейчас могу сказать, что Вы вне времени. Вы всегда с нами.

ГЛАВА 4

РАБОТА С МИРОМ: ДОКУМЕНТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА

Какую огромную работу с миром внутри страны и вовне проводила Лия Соломоновна – описать представляется довольно затруднительным, ее масштаб – неизмерим. Вместе с тем, систематизация сохранившихся материалов в ее семейном архиве, а также частично в моем собрании как декана факультета / директора института иностранных языков позволили в определенной мере восстановить многие эпизоды из нашей совместной работы в ТППИ и далее в ТГУ на протяжении нескольких десятков лет. Анализ многочисленных приглашений Лии Соломоновны за рубеж для участия в научных и культурно-просветительских мероприятиях, документы о согласовании проведения конференций, семинаров, встреч, материалы прессы о пребывании немецких коллег в Тамбове и российских в Германии, планы и отчеты Гете-общества за некоторые годы за подписью председателя Кауфман (некоторые из них написаны от руки), дневниковые записи, путевые заметки и многие другие свидетельства обуславливают ход описания ее международной деятельности в двух временных срезах: 1) до общества Гете (1963-1994); 2) в Гете-обществе (1995-2016, то есть до конца жизни).

4.1. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД: ДО ОБЩЕСТВА ГЕТЕ

МЫ ГОРДИЛИСЬ ТЕМ, ЧТО ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ НАС УЧАТ НЕМЦЫ

Первый период «до общества Гете» связан с необходимостью установления контактов и связей кафедры с иностранными специалистами, носителями языка, что требовала сама жизнь – нельзя обучать иностранному языку без того, чтобы студент ни

разу не услышал носителя языка. Но установить связи с зарубежными партнерами, пользуясь современной терминологией, было возможно только с разрешения Министерства Просвещения РСФСР, куда и обратилась Лия Соломоновна. Голос был услышан, настолько она уже в эти годы стала авторитетна.

К сожалению, не сохранились какие-либо документальные свидетельства о том, что первая группа немецких преподавателей приехала в октябре 1966 года, о чем я хорошо помню, поскольку в это время была студенткой второго курса, и нас, еще «незрелых» в языковом отношении, уже допускали не только до практических занятий с немцами, но и до посещения лекций, читаемых специалистами и с трудом понимаемых нами. Но как мы гордились тем, что целый месяц нас учат немцы, с нами гуляют, встречаются на заседаниях клубов интернациональной дружбы, совершают поездки. В памяти, к сожалению, сохранились не все имена немецких лекторов от первого приезда. Запомнились руководитель группы Гейнц Фелькель (г. Лейпциг) (Heinz Völkel) – ректор Лейпцигского педагогического института, профессор Йоахим Бинер из г. Лейпцига (Joachim Biener), читавший курс немецкой литературы, который после звонка иронически произносил: «Jetzt pausieren wir» (теперь пауза!). Позже мы узнали, что pausieren означает не перемену, а какой-то длительный перерыв в учебе, например, академический отпуск, но тем не менее, глагол отпечатался в памяти.

Лия Соломоновна постоянно была в водовороте всех событий: почти всегда присутствовала на лекциях по немецкой литературе и теории языка, сопровождала немцев на различных официальных встречах (с ректором, органами народного образования, директорами школ, предприятий и т.д.). Одновременно выступала при этом в качестве переводчика. Помню, как мы впервые в воскресный день поехали на автобусе вместе с преподавателями кафедры и немецкой делегацией в г. Мичуринск, где посетили дом-музей И.В. Мичурина, затем – краеведческий музей, посмотрели полотна известного русского и советского художника А.М. Герасимова, тамбовских современных живописцев Е. Рябинского. А. Краснова и др. Потом все вместе пообедали

в мичуринской столовой и к вечеру уставшими возвращались в Тамбов. Тогда перед нами раскрылся образ «нашей» завкафедрой с другой стороны: весело и залихватски она запела «на полочке стоял чемоданчик», педагоги подхватили, а мы тоже старались хором повторять эти незамысловатые, веселые слова. Пели по дороге много, в том числе «Коробейники» и «Катюшу», и еще какие-то юморные песни, которые знала Лия Соломонова, но не знали мы. Только с тех пор в наших студенческих глазах ее образ «потеплел» в отличие от первых представлений как строгом, знающим свое дело руководителе кафедры.

Нашему курсу повезло дважды, на выпускном курсе (октябрь 1969) в ТГПИ вновь приехали немцы: Зигфрид Хойзингер из Магдебурга, Хорст Келер из Эрфурта, Ева Вайдиг из Лейпцига и Бернгард Игель из Эйзенаха. В нашей (509 группе) вел практику немецкого языка великолепный преподаватель господин Зигфрид Хойзингер, с которым мы не только обсуждали разговорные темы по программе, тексты из художественной литературы, но и гуляли по городу, в основном по улице Советская, на Набережной в те годы в октябре было грязно, темно и некомфортно, поэтому гуляли там, где асфальт и хорошее освещение.

В сравнении с сегодняшним днем, когда есть много кафе, прочих «забегаловок», нам особенно некуда было идти, поэтому просто говорили, гуляя по улице, что тоже не плохо, а однажды на прощание мы пошли в ресторан «Центральный» по улице Интернациональной (теперь супермаркет Эльдорадо, рядом со зданием ВТБ-банка и областной администрации), что по тем временам было чрезвычайным событием (студенты – преподаватель! в рес-то-ра -а-не! Однако гостям дозволено).

Лекции по литературе читал корпулентный, но очень доброжелательный и глубоко образованный доктор Бернгард Игель из Эйзенаха, записавший тогда свои впечатления в форме дневника «Tambow im Herzen» (Тамбов в сердце моем – перевод Н.Д.) о пребывании в Тамбове и передавший их на хранение в архив Берлинской Академии искусств, о чем он сообщает в этом дневнике. Дневник, как и воспоминания его жены Люции Игель, Лия

Соломоновна получила к 90-летию, но в калейдоскопе того празднования она как-то не посчитала нужным сообщить об этом в силу постоянной самоиронии.

К 70-летию института иностранных языков (иняза) ТГУ Лия Соломоновна все-таки передала эти дневники мне и, думается, что в память о ней необходимо запечатлеть в этой книге хотя бы отдельные отрывки в переводе, поскольку в этих текстах живо передан колорит времени, отношение студентов и преподавателей к немцам и соответственно немцев к нам, к учебным занятиям, показана роль Лии Соломоновны в организации всего «микроскопа». Все это происходило впервые и сейчас, читая дневник Бернгарда и его жены Люции Игель, становится жаль, что не были сделаны свои заметки о той странице истории по аналогии, как это педантично и своевременно делают немцы.

Во вступлении к дневнику Б. Игель пишет: «Когда я вспоминаю о моей учебной работе в Тамбовском педагогическом институте, мне кажутся прошедшие 40 лет одним мимолетным днем. Все живо стоит перед глазами в ярких контурах: решительная (*resolute*) завкафедрой немецкого языка и литературы профессор Лия Кауфман, ее и мои коллеги, полные ожидания и дисциплинированные студенты, ректор профессор В. Виноградов, старое, дореволюционное учебное здание (Советская, 93 – Н.Д.), город со своими достопримечательностями и своим типично русским флером, Цной и Галдымом. <...> Почетный диплом, который мне был вручен ректором института, наряду с вьетнамским «Орденом дружбы» (1983 г.), относится к самым прекрасным и значительным наградам, которые я получил в течение более полусотни лет за мою педагогическую деятельность в национальных и международных высших учебных заведениях» [Igel 1969: 1].

Доктор Люция Игель, жена Б. Игеля, также вспоминает об этом времени, когда они встретились с Лией Соломоновной год спустя. Она начинает свои воспоминания о встрече с фразы: «Вы были для меня очень значительны. Впервые мы встретились летом 1970 года. Ректор Вашего института познакомился с Бернгардом в 1969 году во время его работы в Тамбове. Благо-

даря Вам он предоставил в наше распоряжение домик в летнем лагере. Я радовалась отпуску в Тамбове. Особенно я ждала встречи с фрау доктором Лией Соломоновной Кауфман, о которой очень часто и с большим уважением рассказывал Бернгард». Наверно, лучше, чем дневники семьи Игель не расскажешь, с ними Лия Соломоновна поддерживала отношения всю жизнь, была неоднократно у них в гостях, состояла в постоянной переписке и часто упоминала их в своих историях, рассказывая о немцах, их менталитете, привычках и слабостях (см. отрывки из дневников в книге).

ПРОГРАММА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ С НЕМЕЦКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ 1969 г.

В дневнике Б. Игеля от 3 октября 1969 года говорится об исключительной (трогательной) заботе на кафедре о нем и его коллегах – Еве, Зигфриде и Хорсте. **15 октября 1969 г.** Б. Игель воспроизводит полностью всю **программу занятий**, которую он проходил со студентами 4 курса (409 группа). Эти записи являются на сегодняшний день важнейшим документом времени.

SEMINARTHEMEN DER GRUPPE 409

Der Besuch eines Museums (Посещение музея)

Das Äußere und die Charaktereigenschaften eines Menschen (Porträt eines Studenten, eines Lehrers) (Внешность и характер человека)

Mensch und Buch, Bibliothek und Lesesaal (Человек и книга, библиотека и читальный зал)

Die jungen Menschen von heute und ihre Freizeitgestaltung (Молодежь и досуг)

Moderne Landwirtschaft (Современное сельское хозяйство)

Das System der Volksbildung (Система народного образования)

Das epische Theater Bertolt Brechts (Эпический театр Б. Брехта)

Übungen zu den Wortfeldern «sehen» und «gehen» (Упражнения по полемому принципу со словами «sehen» und «gehen»)

Deutsche Redewendungen zu «Haar, Auge, Nase» und anderen Körperteilen (Немецкие выражения с наименованиями различных частей тела «волосы, глаз, нос и др.»)

Gedichte des klassischen Erbes und der Gegenwart (Стихотворения классического наследия и современности)

Anekdoten über berühmte Leute (Шуточные истории о знаменитых людях)

Кроме того, студенты писали контрольный диктант на тему: «Der Heimkehrer, Brecht» и домашнее сочинение «Осень в Тамбове».

Бернгард Игель систематически выступал с докладами и лекциями. Так, например, 9 октября он сообщает о том, что подготовил доклады о социалистической системе образования (время было такое!), о городе Эйзенах, крепости Вартбург и о знаменитых гостях, посетивших Вартбург: о поэте средневековья – миннезингере Вальтере фон дер Фогельвейде, о реформаторе Мартине Лютере, имя которого тесно связано с городом Эйзенах и крепостью Вартбург, где он занимался переводом Библии на немецкий язык 16 столетия. (В 2017 г. празднуется 500 лет Реформации в Германии, начатой М. Лютером). Крепость Вартбург также связана с именами писателей В. Гете, Г. Гейне, Г. Гауптмана, что было темой докладов-лекций Б. Игеля. 11 октября он проводит семинар по творчеству Э. Штриттматтера. В дневнике от 11 октября есть также запись: «чтение отрывков и комментарий из книги «Шульценхофский календарь всякой всячины» (Schulzenhofer Kramkalender)» и т.д.

Такие занятия специалистов-носителей языка в течение месяца были неоценимой помощью в образовании и культурном развитии для студентов-германистов и преподавателей: они качественно влияли на сложившиеся образовательные традиции на кафедре, сближая их в известной мере с европейскими. Образовательно-культурный процесс не был односторонним, немецкие педагоги знакомились с русской культурой, традициями, образом жизни. В течение месяца они посещали различные предприятия, школы, музеи, театры, концерты и т.д. Дневники Б. и Л. Игель позволяют детально проследить, сколько разных

визитов было сделано немецкими гостями: птицефабрика «Ар-женка», текстильная фабрика в Рассказово, посещение музея Мичурина в г. Мичуринске, трехдневная поездка в Волгоград и т.д. О русском непомерном хлебосольстве немецкие гости всегда вспоминают с удовольствием и юмором: «После посещения птицефабрики – праздничная еда с водкой, коньяком, вином, шампанским, копчеными курами. Речи дружбы, песни, тосты как в последние дни, сердечно, захватывающе, незабываемо ... Потом «на чашку чая» к фрау доктор Лили Кауфман. «Еда» после обеда продолжается: салаты, отварные грибы в сметане, красное вино, фаршированные яйца, пирожные, фруктовое желе, шампанское и, наконец, чай. Куда же все это?» [Игель 1969: 7].

Весной 1969 года (до приезда немцев) на кафедру пришла ассистент-немка из ГДР, оказавшаяся в Тамбове по семейным обстоятельствам: вышла замуж за актера из Тамбовского драмтеатра. У Лии Соломоновны, как известно, особый дар – находить людей. Трудно сказать, как ей удалось узнать о Бригитте Резник, ясно одно – на кафедру пришел ценный работник – носитель языка. Бригитта преподавала практику устной речи, обучаясь параллельно тонкостям русского языка, помогала корректировать учебно-методические материалы, создавать аудиофонды. Она работала около пяти лет, пока не уехала с мужем в Восточную Германию в 1970-е гг. Там Бригитта Резник всю жизнь работала преподавателем русского языка на переводческом отделении в университете имени Гумбольдта в Берлине. На протяжении многих лет она поддерживала связи с Лией Соломоновной и многими коллегами нашей кафедры. К 90-летию Лии Соломоновны Бригитта писала: «Я хотела бы Вам сказать, как много Вы сделали для моего развития, за что я Вам благодарна. 1 апреля 1969 года – это был счастливый случай, что Вы меня приняли на работу и во всех делах поддерживали меня. За все годы Вы внесли большой вклад в подготовку научных кадров. Многие выпускники моего времени остались в педагогическом институте. Для всех нас Вы были чудесной, компетентной и человеческой опорой (eine wunderbare fachliche und menschliche Stütze)».

НЕМЕЦКИЕ УЧЕБНИКИ И АУДИОФОНДЫ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Помню, с каким восторгом мы рассматривали немецкие учебники – сборники упражнений для иностранных преподавателей и студентов, подготовленных в педагогическом институте им. Клары Цеткин (г. Лейпциг), отделение немецкого языка для иностранцев (Übungsmaterial. Weiterbildungskurse für ausländische Deutschlehrer). В нем были предусмотрены упражнения по фонетике, грамматике, тексты для чтения, подборка умных и интересных отрывков из художественной литературы (Г. Кант «Актный зал», остроумные рассказы Э. Штриттматтера, лирика Б. Брехта, И. Бехера и т.д.), пословицы и поговорки. Была предложена специальная разработка темы: «Рождественские традиции и обычаи», с необычными иллюстрациями, поскольку мы впервые увидели типичные немецкие рождественские символы («четыре свечи адвента», щелкунчик, различные модели гирлянд и прочее). Это было для нас абсолютно новым, потому что мы впервые услышали о символах праздника, обычаях католического адвента в эпоху «железного занавеса», да еще в стране развитого социализма, где Рождество не считалось праздником, и где Новый год присвоил многие рождественские символы, и даже символы европейского карнавала. Нам открывалась завеса культурного мира, почти не было никаких идеологических клише, разве что в названии государства «ГДР» скрывалась «несвобода», что чувствовали мы и по поведению преподавателей, как своих, так и «чужих», хотя и «наших», очень осторожных в формулировках относительно политики своих стран.

Привезенные в подарок учебно-методические разработки служили неким образцом для создания аналогичных учебных пособий на кафедре с привлечением дополнительных источников, в основном, из художественной литературы, но это был шаг вперед в обучении иностранному языку на основе аутентичных материалов. Лия Соломоновна вспоминала о необходимости пополнения учебно-методических фондов, подчеркивая, что это была особенно важная задача, вставшая перед ее кафедрой –

приобретение учебной литературы. «К счастью, – пишет она, – удалось найти понимание в Германии и уже в 1962 г., во время командировки в Лейпциге, можно было получить шестьдесят книг классиков и современных немецких авторов, по десять экземпляров для чтения в группах. Почти одновременно удалось в посольстве ГДР оформить ежегодную подписку на немецкую «Роман-газету» (*Roman-Zeitung*). Эти журналы мы получали ежемесячно по шесть экземпляров в течение шести лет» и добавлю со своей стороны, что многие годы мы этот журнал подписывали ежегодно» [ИНЯЗ в лицах, 2009].

Наши аудиофонды постоянно пополнялись с каждым приездом немецких преподавателей. На факультете в 1960е годы была создана лаборатория звукозаписи (первоначально аудитория 64, а позднее – 69) (декан Ю.П. Марченко), в которой постепенно формировались аудиофонды для аудиторной и самостоятельной работы студентов. В связи с отсутствием международных контактов преподаватели сами нередко участвовали в записи тренировочных упражнений для работы студентов в лаборатории. Привезенные кассеты с аудиозаписями для прослушивания на громоздких магнитофонах были в те годы бесценным подарком, они многократно дублировались для более широкого применения в учебном процессе. Кроме того, немцы охотно соглашались «наговорить» в лаборатории учебно-методические разработки наших преподавателей, разделы из учебников, изданных в России. Со временем на факультет приедут французы-ассистенты, английские представители, которые будут помогать в оснащении учебно-методических и аудиофондов, а пока эта работа с носителями языка проводилась на кафедре Л.С. Кауфман.

«КРЕПНУТ СВЯЗИ»: НЕМЕЦКИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ В 1970-е ГОДЫ

Следующий визит немецкой делегации состоялся в октябре 1974 года, о чем достаточно подробно рассказывалось в «Народном учителе» – газете ТГПИ от 18-го октября. В состав деле-

гации входили: руководитель немецкой делегации Рут Бем, ассистент Потсдамского пединститута имени Карла Либкнехта Фриц Гроте, старший методист и учительница немецкого языка в школе города Лейпцига Ева Вайдиг (кстати, это был уже ее второй приезд).

В статье «Подготовка к празднику ГДР» рассказывается о комплексе событий, подготовленных кафедрой немецкого языка в связи с 25-ой годовщиной ГДР. Например: «Знаменательной дате немецкого народа было посвящено занятие университета учителя, на котором с докладами выступили Л.С. Кауфман и О.А. Зюзина. Кроме того, были выпущены стенные газеты, проведены торжественные заседания Клуба интернациональной дружбы, подготовлена интересная концертная программа и т.д.» Специальная статья в этом же номере называлась: «С пленарного заседания семинара», в которой сообщалось, что 10 октября 1974 года в институте начал свою работу межвузовский семинар, посвященный 25-летию ГДР. «С докладом «25 лет ГДР» на пленарном заседании выступила Рут Бем (ГДР). В семинаре принимала участие московский профессор-литературовед Т.Л. Мотылева, ее доклад был посвящен антифашистской довоенной и послевоенной литературе: «Антифашистский роман (этапы развития, проблематика, эволюция)». Заключительным докладом пленарного заседания был доклад на тему: «Литература ГДР» Фрица Гроте. «Нам нужна такая литература, – цитировал Фриц Гроте письмо рабочих лампового завода к Анне Зегерс, – которая бы четко и правдиво давала ответы на вопросы современной жизни». В газете сообщается, что семинар работал также 11-12 октября. Теперь, после всех событий конца XX века сообщение о семинаре вызывает легкую ироническую улыбку – о социализме и успехах речь шла в пределах необходимого по тем временам требованиям, а в основном обсуждались проблемы литературы и языка с носителями языка и специалистами, с привлечением ученых из других вузов страны – все это инспирировано Лией Соломоновной.

К 30-ой годовщине – октябрь 1979 года в ТГПИ прибыла четвертая делегация немецких специалистов: руководитель де-

легации Ганс Освальд, возглавлявший отдел в институте усовершенствования учителей г. Карл-Маркс-Штадт (ныне Хемниц), доктор Ютта Кершке из Эрфуртской высшей школы и доктор Кристиан Бергман из высшей школы Цвикау. В это время завкафедрой немецкого языка работает молодой перспективный ученый, кандидат филологических наук Борис Николаевич Иванов, которому постоянно помогает Л.С. Кауфман. Вместе с ним она занимается организацией учебных занятий с немцами, культурных событий, но особое внимание обращается на развитие научных форм сотрудничества вузов внутри страны и вузов зарубежья, в данном случае, немецких вузов.

В статье «Крепнут связи» [«Народный учитель», 26.10.1979] сообщается о том, что с 1974 года на базе кафедры немецкого языка стали проводиться научные совещания германистов РСФСР. В работе форума с 18 по 20 октября 1979 г. приняли участие германисты из Москвы, Курска, Одессы, Астрахани и других городов Союза, а также немецкие специалисты. «На заседаниях секции литературы (руководители доктор филологических наук А.Б. Ботникова и доцент, кандидат филологических наук Л.С. Кауфман) обсуждались классические тенденции в современной литературе».

В статье «Говорят гости из ГДР» [«Народный учитель» от 26 октября 1979 г.] предлагается интервью с немецкими специалистами. Например, на вопрос «Ваши впечатления о Тамбове?» гости отвечали:

Ю. Кершке: Самые добрые слова могу сказать о Тамбове. Впечатляют усердие студентов, их заинтересованность. На кафедре царит хороший рабочий климат, поэтому мы с радостью приходим на работу и т.д.

Г. Освальд: Поистине самым запоминающимся событием нашего короткого пребывания в Тамбове стали прием по случаю Дня учителя в здании драмтеатра, торжественное заседание, посвященное 30-летию ГДР и встреча с учащимися школы № 29 г. Тамбова. Надеемся, что во время пребывания в Тамбове нам удастся поближе познакомиться коллег с нашей страной, ее людьми, классической и современной литературой.

К. Бергман: Благодарны жителям города за доброту и сердечность. Радуют хорошие знания студентов по немецкому языку, интерес к истории нашей страны. Работать с ними легко и приятно. Недавно мы совершили поездку в Мичуринск, было много приятных знакомств.

Позднее Лия Соломоновна вспоминала об этих событиях на кафедре, как исключительно важных, существенно повлиявших на все аспекты жизни кафедры: «С1966 по 1979 гг. по распоряжению Министерства Просвещения СССР мы четырежды встречали немецкую делегацию из четырех или пяти доцентов, работавших на кафедре от одного до двух месяцев. Долгие годы, да и сейчас мы поддерживаем добрые отношения с побывавшими у нас коллегами. Пребывание гостей – носителей языка внесло оживление в нашу жизнь, не говоря уже о пользе постоянного общения. Вместе мы были не только на занятиях. Мы проводили также все свободное время вместе. В живом общении получали сведения о стране и ее жителях».

Международное сотрудничество не ограничивается только приездом немецких делегаций в пединститут. В «Характеристике доцента Кауфман Л.С.» (1983) отмечается, что «по распоряжению Министерства Просвещения РСФСР Кауфман Л.С. неоднократно выезжала в ГДР для чтения лекций по литературе и стилистике на курсах повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений. По приглашению писательских организаций ГДР выступала в городах Лейпциге, Веймаре, Берлине, Нойбранденбурге с докладами на юбилейных сессиях, посвященных памяти немецких писателей – антифашистов. Является научным консультантом дома-музея Г. Фаллады в Фелдберге (ГДР). Дважды была участником международных конгрессов германистов. По поручению Министерства Просвещения РСФСР была руководителем делегации ученых Российской Федерации на международном конгрессе германистов в Лейпциге (ГДР).

За успешную педагогическую и организаторскую работу за рубежом и по обеспечению деятельности иностранных делегаций в РСФСР тов. Кауфман Л.С. трижды награждалась грамо-

тами Министерства Просвещения РСФСР и СССР и медалью за укрепление научно-педагогических связей Министерства народного образования ГДР».

Традиция приезда немецких специалистов по линии Министерства Просвещения РСФСР в октябре продолжалась еще в 1980-е годы, дважды до падения Берлинской стены приезжали преподаватели в ТГПИ: в 1986 году на кафедре работала преподаватель Потсдамского университета Марга Дребеншtedт, а в 1989 г. (за месяц до падения «стены») преподавал Герман Бюльль из вуза г. Цвикау и еще одна коллега, имени которой не помню. Зато помнится выступление Г. Бюльля (кстати, великолепного специалиста – грамматиста и очень доброжелательного человека) в связи с 40-летием ГДР 7 октября 1989 г., в котором он убедительно говорил о том, что в ГДР дело до перестройки не дойдет, и показывал нам две стопки книг, одна из них содержала всего 2-3 книги, а другая с десятков. Улыбаясь, он показывал на первую стопку и говорил, что столько социализма в вашей стране, поэтому вам нужна перестройка, а затем он кивал на вторую стопку, более объемную, – столько социализма в ГДР, и поэтому там не будет потрясений как в СССР, но он не угадал, после его возвращения из Тамбова 9-го ноября 1989 года в Германии начиналась другая жизнь – пала Берлинская стена.

После разрушения «стены» постепенно этот вид сотрудничества прекратился. Примечательно в этом плане одно письмо из Генерального Консульства ФРГ от 15 сентября 1997 г. ректору университета В.М. Юрьеву: «Сообщаю Вам с большим сожалением, что Германская Служба Академических Обменов недавно поставила меня в известность о том, что претендентка, которую предусматривалось направить в Ваш университет в качестве лектора-ассистента незадолго до срока своего направления отказалась от своего назначения. К сожалению, в этом году не находится другой подходящей кандидатуры, которая могла бы занять это место. Поэтому возможность направления преподавателя в качестве лектора – ассистента предположительно представится лишь в 1998/99 г.». Подпись Андреа Кох. Но ни в 1998/99 г., ни в двухтысячные годы больше немецкие лекторы

не приезжали, наступили новые времена и возникли другие формы контактов на основе Тамбовского общества Гете, о чем речь пойдет ниже.

ТВОРЧЕСКАЯ ДРУЖБА, ДЛИВШАЯСЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

*Доктор Бернгард Игель,
доктор Люция Игель*

Встреча с профессором Л.С. Кауфман и творческая дружба с ней, длившаяся десятилетия, были одним из редких счастливых случаев в нашей наполненной трудом жизни. Она занимает в нашем сердце прочное место среди многочисленных именитых личностей, с которыми мы встретились в годы нашей педагогической деятельности в европейских и азиатских институтах, вузах и университетах.

Мы познакомились с Лили как педагогом с твердым характером и последовательными поступками, которая, как мы узнали во время многих наших разговоров, прожила суровую жизнь, полную самопожертвования. Она была уважаемой личностью в истинном смысле этого слова не только среди студентов педагогического института, но и среди коллег и, конечно, среди немецких преподавателей, приглашенных на кафедру немецкого языка и выполнявших там свой солидарный, научный долг.

Ее главной профессиональной областью была немецкая литература. Ее особый интерес был связан с творчеством Г. Фаллады. Что она как опытный педагог и состоявшийся германист затрагивала, всегда имело основание. Едва обращая внимание на противоречивые проблемы повседневной жизни, она ставила задачи и с мужественным усердием достигала цели. Ее упорство имело границы, ее человеческая доброта была беспримерно неограниченной. Мы это многократно наблюдали: во время учебных мероприятий, присутствия на занятиях или на даче в Галдыме во время дискуссионного обмена мнениями или прогулок вдоль Цны, в московских культурных заведениях или при посе-

щении мемориала, посвященного памяти павших в Сталинградской битве.

Многое отражено в ее письмах, которые вместе с копиями наших писем находятся в архиве Немецкой Академии искусств в Берлине.

Незабываемым останется наше пребывание в Тамбове, не забудется и ее пребывание в городе Вартбург- Эйзенах.

**ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА:
«ТАМБОВ В СЕРДЦЕ МОЕМ» (1969 г.)**

Доктор Игель Б.

Когда я вспоминаю о моей преподавательской работе в Тамбовском педагогическом институте, то прошедшие 40 лет (уже 48 лет – Н.Д.) представляются мне одним единственным пролетевшим днем. Все живо стоит перед глазами в четких очертаниях: решительная заведующий кафедрой немецкого языка профессор Л.С. Кауфман, ее и мои коллеги, полные ожидания, дисциплинированные студенты, ректор профессор В. Виноградов, здание института, построенное до революции, город со своей историей, достопримечательности с типично русским флером. Цна, Галдым. Насколько глубоко остался в памяти этот визит, после которого в конце 70-х гг. последовало пребывание в Ханое (Вьетнам) и Хайдерабе (Индия), более всего подтверждает дневник, написанный мной во время «тамбовских недель», который находится наряду с письмами нашей подруги Лили в архиве Берлинской академии искусств. Это является свидетельством творческой главы немецко-русской дружбы в специальной сфере языка и литературы для всех заинтересованных лиц.

Переданный мне ректором института «Почетный диплом» наряду с вьетнамским «Орденом дружбы» является для меня прекрасной и важной наградой, которую я получил за мою педагогическую деятельность в национальных и интернациональных вузах на протяжении полвека.

1 октября

Мы летим на ТУ 104, 10 000 м высоты, 1000 км. в час. Только облака, два слоя с различной силой ветра, шквалистыми порывами.

В полдень в Москве, время нужно поставить на два часа назад. Гостиница «Москва». Напротив – музей Ленина, за углом Красная площадь.

Министерство образования РСФСР.

Московский темп. Эскалатор. Читатели газет. Поблизости бесшумное оживленное движение.

Ночью – у мавзолея Ленина, Спасской башни и собора Василия Блаженного. Потом – мимо гостиницы «Россия» через старый город к «Китайской стене» и «артистическому рынку» (Schauspielermarkt).

22.40: отъезд в «мягком вагоне» в Тамбов. 700 км, 12 часов. Это считается коротким расстоянием. 2 стакана чая, затем сон.

2 октября

Просторы. Крестьяне, крестьянские дома. Как в фильмах у Льва Толстого.

Сердечная встреча в Тамбове: цветы, такси, гостиница «Тамбов», комната № 213. Один в номере!

Первое знакомство с городом. Памятник Зое Космодемьянской. Музыкальное училище имени Рахманинова. Почта, Телеграмма Люции: переполох на почте.

Душ. Первое белье. Прекрасный солнечный день.

На реке.

17.00: встреча с руководством института с водкой, кофе, пирожными, сигаретами и множеством речей. Взаимное «признание в любви».

Затем поездка на «Волге» по ночному городу и в пригородный лес на речку.

19.00: встреча с детьми в одной из школ-интернатов.

В институте начинается третья смена. Студенты. Встреча с ними длится до 22.00. В институте говорят о студентах: «Наши герои».

Повсюду новостройки, парки, дети с красными галстуками, которые кажутся цветами на лугу.

Танцы в гостинице. Все рассматривается издалека с критичным удовольствием.

3 октября

Обсуждение работы. Первый семинар. Взаимное представление. Долгий вечер с планированием работы.

Обращают на себя внимание трогательная забота о нас, обо мне и моих коллегах – Еве, Зигфриде и Хорсте, готовность помочь, дружелюбие, отзывчивость.

Прогулка по городу: мокрые от дождя улицы, грязь, спешащие закутанные люди, некоторые навеселе, много детей, очереди за фруктами в лавках, переполненные автобусы, такси с вмятинами ...

4 октября

Лекции о культурной политике, касающиеся непосредственно ГДР, поэтому проблематично.

Семинар с преподавателями, беседы об Эйзенахе. Семинар со студентами: упражнения по лексике и первая беседа о социалистической системе образования.

После обеда прогулка на рынок, похожий на рынок времен Толстого. Бросаются в глаза торговцы с Кавказа.

Губернатор Державин!

5 октября (День Учителя)

Воскресная беседа с горничной, после обеда разговор с Эдмундом. Есть над чем подумать.

С коллегами и студентами института поездка на природу: игры в мяч, разговоры. Простая русская еда в течение 3 часов с водкой, вином, пивом, салат и колбаса, яйца, суп, окорочка с жареным картофелем, кофе, пирожные, песни, танцы. Дождливая погода.

На реке рыбаки с удочками.

Лесничество и дома рабочих в лесу, пионерский лагерь, средняя школа-интернат, дом отдыха.

Письмо для Люции.

Вечером продумал лекцию на завтра и подготовил урок о древней немецкой литературе в школе № 29, 9 класс.

6 октября

Лекция по немецкой литературе (1945-69 гг.), 1 часть. Семинары, как и каждый день.

Первый урок в средней школе № 29 с углубленным изучением немецкого языка. Тема: Начало немецкой литературы, периодизация до средневековья. Исключительная дисциплина и внимание учащихся, сердечная встреча с учителями школы.

7 октября (20-я годовщина образования ГДР – Н.Д.)

Лекция по немецкой литературе (1945-69 гг.), 2 часть. Праздничное начало с официальным поздравлением. Аплодисменты и цветы.

Захватывающее переживание в средней школе № 29: праздничная линейка в актовом зале в связи с 20-й годовщиной, интервью журналистке. Впечатления...Впечатления. Сколько сердечности!

Вечером наша музыкально-литературная программа в актовом зале. Затем ужин у ректора: тосты, речи, разные вкусности между яблоками и вином.

Я рассказал шутку о моей первой встрече с танкистом Красной армии весной 1945 года в Арнштадте.

8 октября

Жуткий холод – человеческая теплота.

Тайна? Успех благодаря покоя и ограничения, концентрации и сосредоточенности. Полное использование времени и пространства. Профессиональные успехи! Мы должны многому здесь учиться!

Красно-коричневые доски в аудиториях, мел в виде брикетов. Как у нас, парты разрисованы. Среди рисунков «портрет» студентки Лены.

Письма Люции, в Эйзенахский институт и Эрвину Штриттматтеру.

Со студентами в кафе. Позже вечером – пение песен «Das war im Oktober», «Sag mir, wo du stehst» («Это было в октябре», «Скажи мне, на чьей ты стороне» – популярные песни того времени в ГДР – Н.Д.). Сплошной восторг.

Путь домой всегда в сопровождении педагогов, прежде всего вечером. Но как, собственно говоря, хотелось бы пройтись одному по вечернему городу...

9 октября

Дождь, холод, грязь.

Подготовка доклада об Эйзенахе. Потом 4 часа семинар. В обеденный перерыв в магазин.

Вечером доклад об Эйзенахе, крепости Вартбург и ее гостях: Вальтере фон дер Фогельвейде, Мартине Лютере, Иоганне Вольфганге Гете, Генрихе Гейне, Герхарде Гауптманне...

Время мчится. Дни проходят в работе незаметно. Нет свободного времени.

<...>

11 октября

Семинар по Штриттматтеру. Чтение отрывков и комментариев из книги «Шульценхофский календарь всякой всячины» (Schulzenhofer Kramkalender).

В обед нас повезли на Волге (которая всегда в нашем распоряжении) в колхоз на птицефабрику с территорией в 17000 га.

Резиновые сапоги, бесконечная, глубокая, черная грязь. Председатель колхоза кладет правую руку на грудь и говорит с сожалением, но не без гордости: «Мы еще не преодолели грязь, но наши сердца чисты».

После посещения этой импонирующей птицефабрики – праздничная еда с водкой, коньяком, вином, шампанским, копчеными курами. Речи дружбы, песни, тосты как в последние дни, сердечно, захватывающе, незабываемо.

Валя читает стихотворение Константина Симонова «Жди меня». (Валя – В.Г. Евстратов, начинающий преподаватель – Н.Д.)

В вечерних сумерках возвращаемся назад через бесконечные леса в их сказочно светящемся осеннем золоте.

Потом «на чашку чая» к фрау доктор Лили Кауфман. «Еда» после обеда продолжается: салаты, отварные грибы в сметане, красное вино, фаршированные яйца, пирожные, фруктовое желе, шампанское и, наконец, чай. Куда же все это?

В час, раскланявшись, – под звездным ясным небом без малейшей перспективы на облегчение физического состояния.

«Тяжкая жертва дружбы! Тяжесть еды, работа, трудная работа до пота. В 3.00 дома.

Еще известия о старте советского космического корабля с двумя космонавтами на борту.

<...>

13 октября

В «Тамбовской правде» опубликована фотография нашего празднования 20-й годовщины и статья о работе немецких лекторов в институте.

Мое предположение подтвердилось: третий космический корабль «Союз 8» в космосе. Удачи вам, космонавты!

Письмо от Люции. Наконец! Длинное и дорогое. Я счастлив!

14 октября

Переписаны стихотворения для вечернего мероприятия. Незадолго до окончания доктор Лили Кауфман прерывает мою работу: «Эта работа для лаборанта. Используйте Ваше время лучше! Идите гулять!» Удивительная беседа о Гриммельсхаузене, Клингере и Гельдерлине.

После обеда написал письмо Люции.

Вечером представление «Программы лирики». Мы читаем сочинения Гете, Геббеля, Уланда, Брехта, Фюрнберга, Крюсса, Гакса и Гермлина. Студенты музыкального училища исполняют произведения русских композиторов. Все идет как нельзя лучше.

Моя группа (409) состоит из прилежных, знающих и скромных студентов. Я испытываю к ним глубокое уважение.

Удивителен для меня минимальный интерес студентов относительно космического полета. Недостаточно времени?

<...>

20 октября

У Люции день рождения. Первый раз не дома. Все ли в порядке? Я крепко прижимаю мою жену издалека.

Длительные дебаты с доктором Лили Кауфман о Константине Симонове, а также о моей находящейся в стадии создания диссертации о прозе Г. Гауптмана. Доктор Лили Кауфман посо-

ветовала мне, запланированную главу «Лукас Меринг» поумнее убрать в сноску. «Почему Вы должны грузить камни на спину?» Лили Кауфман права. Это не умно, черпать воду решетом.

Лекция-обзор детской литературы. Нет писем. Растет беспокойство. Все ли в порядке?

22 октября

Вторая часть лекции о детской и юношеской литературе: авторы педагогического направления: Бенно Пудра, Франц Фюманн, Вилли Мейнк.

Спонтанные аплодисменты – первый и единственный раз после нескольких лекций. Доктор Лили Кауфман говорит, что не слышала такой лекции лет 20. На перемене русские коллеги выражают мне благодарность и радость.

Доктор Лили Кауфман говорит, что она могла бы в Москве мне помочь, защитить там диссертацию по детской и юношеской литературе.

Прогулка по набережной до санатория. Дом Болконского, Трубецкого и Лермонтова. Узнаем интересное о наследии Лермонтова и его мистического исчезновении несколько месяцев назад (!)

Эстрадный концерт армянской группы. Громко и резко под лимонным светом, но не без таланта.

23 октября

Последний день занятий. Много подарков: куклы, пластинки, книги, игрушки и пр. Вопрос об отъезде становится все актуальней... Сколько сердечности исходит ото всех, сколько пожеланий оставаться друзьями, друг друга не забывать, приехать еще раз.

Кофе и вино со студентками 4 курса в ресторане «Центральный» на площади Ленина. Обмен адресами.

Официальное прощание на кафедре. Приятное времяпровождение.

Чтение сонета, посвященного Тамбову, которое завершается словами глубокой благодарности факультету и кафедре немецкого языка за незабываемое время, проведенное в Тамбове.

Далее начинается новая глава с зарисовками поездки в Волгоград – 36 часов, наполненных глубокими, неослабевающими эмоциями в городе-герое на Волге, также с заметками о завершающем, с множеством впечатлений пребывании в Москве, исторической, блестящей и расцветающей метрополией на Москва-реке. Много изменилось с тех пор здесь и у нас. Ничего больше нет так, как было. Время, озаглавленное решающими историческими потрясениями, спешит в колоссальном темпе дальше. Останутся только несокрушимыми и драгоценными воспоминания о прекрасных днях в октябре 1969 года.

Niederschrift des Tambower Sonetts
(рукопись Тамбовского сонета)

Und diese Weite: Wälder, goldgeflockt,
Die Felder und der Fluss in seiner Stille,
die Abendwolken, fern und rotgelockt –
des Lebens Reichtum und des Daseins Fülle!

Die trauten Winkel, Häuser, alt und klein,
und neue Bauten, die zum Himmel drängen:
Die Worte Lenins in Beton und Stein,
in Kinderaugen und in fröhlichen Gesängen.

Durch diese Stadt zu gehen, die aus Not
Und Tränen aufstieg in die Lust der Tage
Mit Taubenschwingen, auf zu Wein und Brot;
Sie gibt mir Antwort, ohne dass ich frage.

In tiefer Liebe und euch treu verbunden:
Habt Dank, ihr Freunde, Dank für reiche Stunden!

Тамбовский сонет
(Подстрочный перевод)

И эта даль: леса, посыпанные золотом,
Поля, а там река в ее тиши.
Вечерние облака, далекие и красноватые,
Богатство жизни и полнота бытия.

И уголки, знакомые уже, и старые дома,
И новые постройки, тянущиеся к небу.
И Ленина слова в бетоне, камне,
В глазах детей и радостном пении.

Гулять по городу, поднявшемуся
Из нужды и слез навстречу дня желаньям -
Полетом голубей, вином и хлебом,
Он отвечает мне без моего вопроса.

В любви глубокой к вам я признаюсь,
Друзья, примите благодарность
за все прекрасные часы.

КОММЕНТАРИЙ К ПУТЕВЫМ ЗАМЕТКАМ Л.С. КАУФМАН «ЕДУ ЧЕРЕЗ ЧУДО-СТРАНУ – РЕКЛАМУ»

Впечатления о поездке в Германию названы здесь как «Путевые заметки», написанные Л.С. Кауфман со 2 по 23 июля 1993 г. в путешествии фактически пока еще «по двум Германиям», поскольку после объединения (октябрь 1990) прошло всего три года и совершенно очевидна несопоставимая картина мира. Эти заметки обнаружены в архивных документах, написаны от руки Лией Соломоновной, почерк которой я знаю и могу в основном прочитать. Ей – 75 лет. Прямо скажем, возраст почтенный, но не тут-то было. Она едет в Германию в июле 1993 г. со студентами, которые затем отправятся в международный лагерь, а Лия Соломоновна в г. Кельн по приглашению Анны Гофманн – преподавателя Кельнского университета.

В Москве у нее квартира от родителей на Тверской – Ямской. По-видимому, группа приехала за визой, все останавливаются в ее квартире, поэтому она иронически говорит о «цыганском таборе», но только Лия Соломоновна готова на такой «подвиг», чтобы всех разом разместить у себя. В тексте встречается имя Седы (Вениаминовны) – армянки, которая жила в этой квартире почти до самой смерти. Лия Соломоновна приезжала в Москву из Тамбова, когда могла.

С каким напором она ходит по инстанциям, дожидаясь визы для поездки в Германию. Покупка билетов в Шереметьево полна напряжения. Впечатляют русские деньги, какие сотни тысяч мы тогда в 1990-е годы! получали в качестве зарплаты, так что неудивительно, что у нее в руках миллион на оплату авиабилетов. Потом эти тысячи и миллионы во времена президента Б. Ельцина были реформированы.

Путешествие начинается в Западной Германии (г. Кельн), где Лия Соломоновна внимательно наблюдает за происходящим, фиксирует цены на продукты питания, одежду, потому что подспудно в подсознании наши трудные 1990-е гг. С удовольствием описывает общий вид любого почти всегда ухоженного пространства, куда она попадает, ландшафт, архитектуру городов, ее впечатляют аккуратные старые и выстроенные после войны здания, внутренний интерьер, мебель. Еда, немецкая кухня и гостеприимство – постоянные темы заметок. Восхищается красотой сада в различных вариациях в зависимости от фантазии хозяина почти везде.

Ей все интересно, музыканты из Молдавии – кто они, на каких инструментах играют. Конечно, интересуется образованием в Германии, завидует белой завистью, что у профессора 8 часов в неделю. «Еду через чудо-страну – рекламу...». Такова ее оценка увиденного в западной части Германии. Постоянно присматривается к людям, их отношению к жизни, работе, типичным проявлениям немецкой ментальности (аккуратность, ухоженность, в некоторых случаях – экономность (например, в семье Б. Игеля в бывшей ГДР) и т.д.

Когда Лия Соломоновна попадает в Восточную часть Германии, где у нее много друзей, сменяется тональность, мир видится в других оценках, в которых читается разочарование: «один народ», но жизнь и настроение людей другие, таковы последствия социализма.

Интересны наблюдения в Берлине – Восточном и Западном. В 1990-е гг. в Берлине идет дискуссия о сносе символа ГДР – «Дворца Республики», аналога московского «Дворца Съездов». Лия Соломоновна в нескольких предложениях показывает неод-

нозначные подходы к сносу Дворца и восстановлению старого Городского дворца – резиденции курфюрстов и маркграфов Бранденбурга, прусских королей и германских императоров, пострадавшего от войны и взорванного в 1950 г. Судьба двух дворцов оказалась причудливой. Теперь Дворец Республики был снесен в 2008 году, а Берлинский городской Дворец напротив в настоящее время восстанавливается, завершение строительства планируется в 2019 году.

Скептически оценивается мемориальный ансамбль (Kaiser Wilhelm Gedächtniskirche) в Западном Берлине, состоящий из руин старой разрушенной церкви кайзера Вильгельма (как напоминание о трагических последствиях войны), и новой – высотного здания церкви в форме восьмиугольника из стекла и бетона. Октагон не впечатляет ее, характеризуется как крематорий. Другая оценка «Вроде цирка. Никакого настроения». Здание восьмиугольное, но издали воспринимается как круглое, поэтому Лия Соломоновна пишет о круглом приделе и т.д.

В конце июля (21-23) она приезжает по приглашению Марги Дребенштедт в немецкую деревню Филицзее, недалеко от Потсдама. Марга – преподаватель Потсдамского университета, вскоре после объединения Германии ушла на пенсию, также и ее муж – Гельмут Нолль, ранее председатель кооператива (колхоза). У него сын от первой (умершей) жены – инвалид, Лия Соломоновна отмечает, что в Германии созданы нормальные условия для жизни инвалидов, жена сына – тоже инвалид, может поехать в город на мотоколяске за продуктами, сын Гельмута чувствует себя уверенно, имеет образование, хотя и не работает. В ее заметках чувствуется горечь и сожаление по поводу инвалидов в нашем обществе, с которыми она знакома не понаслышке. В течение многих лет она сотрудничала с обществом инвалидов «Аппарель» (Тамбов).

На северо-востоке Германии она осматривает небольшие города земли Бранденбург. В маленьком по нашим меркам городке Нойруппине посещает церкви. Франкфурт на Одере показан без прикрас, с наркоманами, криминалом, что характерно для первых лет после объединения Германии.

Использует преимущественно короткие предложения, таков стиль заметок, при этом очевидно желание автора запечатлеть эту длительную поездку не без юмора и самоиронии. Чтение вызывает любопытство, неподдельный интерес (что и как дальше?) и доставляет большое удовольствие следить за тем, о чем думает и что видит автор этих заметок.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ «ЕДУ ЧЕРЕЗ ЧУДО-СТРАНУ – РЕКЛАМУ»

Кауфман Л.С.

2 июля. Полная квартира студентов. Черкезов. Кислое, естественно, настроение у С.В. В 8 часов поехала в представительство. У окошечка – встаньте в очередь. Пожилой немец: Lassen Sie sie durch (Пропустите ее – Н.Д.). Eine alte Dame. (Пожилая женщина). Прошла очередь. Alle Forderungen erfüllt (все требования выполнены). Прошла. Каждый час ответ: «Nein. Okay aus Deutschland». До 12.45. потом с начальством. 5 дней в посольстве без результатов. Наконец в 16ч. – паспорта.

Срочно домой. Там цыганский табор. Все шесть человек столпились у меня в комнате. Срочно уехала в Шереметьево с миллионом за билетами. Кассирша больше разговаривала, чем оформляла и в 20 час. заявила, что все, у нее окончилась смена, оставайтесь до 21 часа (ничего себе с миллионом в Шереметьево!) или завтра утром в 8час. Поехала едва живая домой. Целый день ничего не ела.

Приехала в табор. Седа восседала одна, включила телевизор. Я с трудом отправила трех гостей, Черкезова с двумя студентами. У Седы в комнате постелила на полу трем девочкам.

15 минут на сборы чемодана (половину забыла). В Шереметьево оказалось – бог спас: вечерняя кассирша обсчитала нас на компьютере на 200-300 тысяч рублей. Девочки до 20 лет и Юра должны платить 128 тысяч, а она посчитала как меня и Геннадия – по 198 тысяч. Если бы я летела одна – 350 тысяч или 248 тысяч в один конец.

Самолет. Впервые за три дня поела (обед в самолете) и пила лимонад. Посольство в Москве забыть нельзя. Внутри – было все вежливо. Вне – одно хамство.

Приземлились во Франкфурте. Через узкую щель после часа ожидания в душном самолете нас пропускал один таможенник. Толпа с детьми. Едут в гости и насовсем (немцы). Дальше обычно. Поцелуи, объятия с Кристиной.

Еду через чудо-страну – рекламу в молодежный лагерь. Цветы около, на...Домики. Каждый просится в рекламу. Десять раз в день – «Мы сами себе удивляемся, за что нам такое счастье». Это пожилые и пенсионеры. Молодые – само собой разумеется, опять как в прошлый раз – дом-общежитие. Все рационально и минимально. Ребята оживились: пахнет сеном. Чудо – пироги. Ребята купаются в озере. Телится корова. Теленок сразу хочет сосать. Она его облизывает и не допускает. Вернулись ребята. Суматоха. Кофе, чай с пирогами. Новорожденный. Здоровенный англичанин шевелит челюстью.

Весело приехал необъемный Майкл и второй красавец Воретель и (пропуск – Н.Д) с мужем. На дорогу бутерброды, поцелуи. Везет Кристиане, за деньги Анны. Поезд чистый, пустой. Доехала до Кобленца. Там стала выходить. Упала. Разбила ногу сильно. На перроне приводила ее в порядок. Подошел поезд на Вупперталь. Вдоль Рейна идут баржи. Все освещено сумерками. Собор рядом с вокзалом показался остовом без содержания. По перрону бегут Остерманы. Дом – плакать хочется. По нашим представлениям – не обставленный. И все так умно для хозяйки. Кухня тоже оборудована так, что хозяйка долго там не засидится. Книги. Внутренний сад – чудо искусства. Так кончился день вторжения в это чудо возможное и невозможное. Комнатки в мансарде. Вид на поле роз. Люди выращивают для продажи цветы и черенки. Не спала.

4.VII. Утром появление Аннинных знакомых. Чистые, красивые, ухоженные женщины, ранее работавшие – учительницы и другие специальности. Абсолютно благополучные пенсионеры. Читают, обмениваются книгами. У учителей те же пробле-

мы. После 50-года был дружный круг учительниц, без семей. Самоотверженные.

Потом своя жизнь, а не школа. Говорят о книгах, о музыке, нет быта давящего. О цветах.

Еду во Францию, в Нидерланды. Пусть на неделю... Рыдать хочется. В гостях у (пропуск – Н.Д.) по соседству. Много красивых вещей, рояль. Тот же и не тот же внутренний сад. Чудо. Умница. Очень скучает по мальчику из семьи нувориша, привязалась. Куда-то надо девать доброту. Свои дети ушли, а не отдалились.

Днем у Добровской. Квартира съемная, хозяин хочет выселить. Одна комната забита медикаментами. Милосердие для Болгарии, собирают, пробивают, везут, а их по дороге обирают, там спекулируют. Но ведь что-то доходит. Людям нужен инсулин. Громадную работу – добывание, сортировку и т.д. делают 3-4 человека. Идут громадные машины, мешки.

Вечером смотрели телевизор, как в отставку отправился министр – за то, что застрелил экстремиста. Телевизор Грундиг от 1900 до 800 марок. Клубника – 4р. за кг. Учитель учится в университете 5 лет. У профессора нагрузка – 8 часов в неделю.

Потом осмотрели специалисты ногу.

6-7-5 – ого ездили в правительственный город – музей (повидимому, Бонн – Н.Д.). Описать это невозможно и забыть нельзя. Каждый дом – реклама. Украшения, венки на двери. Вывески. Хожу по этим улицам и больно. Сегодня ездили в другой город. Город Вупперталь. Музей родителей Энгельса. Дом хорошо обставлен. Экскурсовод, штаны едва держатся, спускаются, рубашка вылезает из брюк. Говорит о том, что пытались быть близкими своим рабочим через церковь, праздники, но нищета была ужасная. Портрет Бакунина. Стенд Маркса. За домом ткацкая фабрика. Оснащенная. Рабочий день ткача 13-14 час. Много надомников. Скульптура памяти – без головы, но мужское начало огромное. Два тела и цепи. Город современный. Все они американизированы на одно лицо, но есть такие дома, как у нас с дурацкими балконами. Кафе на улице. Витрины полны. Все знакомые пенсионеры говорят, пенсии вполне достаточно. Учи-

тельница – 35 лет работы, учитель – 40 лет работы получают 56 % оклада, профессор весь оклад. Это у учителя около 10 000 марок. Прекрасное питание. 2 000 марок максимум. Занимаются благотворительностью.

8. Потрясающая прогулка в Зальцланд, Берлебург (Salzland, Berleburg), 129 км в горы, скалы, зелень, цветы. Пожилые люди. Просто, даже, казалось бы, неряшливо одетые. Экскурсию ведет частный гид. Все время мой господин, его высочество, подчеркивает близость. Контакт с экскурсантами. Подержите эту чашку, сядьте на этот диван и т.д. Народу много. Обед – суп, второе, вода – 95 марок. Мороженое, торты, кофе на четверых – 35 марок. Симпатичные, самые дешевые босоножки 50 марок.

9. Днем гуляла в лесу около школы. Окликнула женщина лет 40 с мальчиком Joschke (2 года). Носили вместе. Пруд – фореги. Золотые рыбки. Чистейший лес. Я толкала коляску. Умолилась. Женщина не очень спешила его забрать. (неразборчиво).

В 16 часов собрались 12 учительниц и 1 учитель в садике. Кофе, торты и вопросы. Системы не было. Недовольна собой.

10. Знаменитый у них «Андрей Караулов». Otto Roche. Знает русский язык. Общий разговор. Вечером поехали к друзьям. Гуляли по поселку турок и поляков.

Дома реставрированы государством на четыре квартиры. Такие же почти ухоженные клумбы. Семьи сидят на скамейках перед домами. Белокурые и черненькие. Потом прогулки по берегу Рейна, пожилые люди, пары. Вокруг много шахт закрытых.

11. Прогулка по Вупперталю. Antroposophen – обучение на природе. Rudolf Steiner

2.90 марок – абрикосы,

0.97 марки – капуста,

4.50 марки – круглый хлеб,

12.00-9.50 марок – 0,5 кило клубники,

13.00 марок – черешня

Утром в центре города. Автобусом, потом подвесная дорога (Schwebebahn). Висит над кварталами и рекой, мимо заводов, но и мимо очень красивых домов, прямо на уровне окон. Везде

благополучие. Очень много декорации. Все хорошо причесаны, ухожены. В одежде я не отличаюсь. Только обувь.

После 16 часов у (пропуск). Дом прекрасный, очень хорошее сообщение, 4 этажа. Отделан под старину. Он – хозяин и уже обеспечен. Маленький садик. Живая игривая – мальчик – подружка. Работает шесть ночей, ухаживает за больными, чтобы заработать себе и помочь матери. Он работает – это своего рода управление такими медпомощниками. Еда – куплено немного колбасы, сыра, помидоры с луком, огурчики. Прекрасная кухня с вмонтированным холодильником с плитой из стекла. В себе уверен. Мебель очень дорогая. Они собирают выброшенную и ничуть не стесняются. Домой автобусом. После восьми вечера садятся в автобус, проходят мимо шофера, показывают билеты. Много помогают друг другу, но мест не уступают.

В городе праздник, главные улицы. Стенды, что-то продают. Все пируют, пьют. Играют рок-группы. Ведут себя громко, развязно. Цыгане.

Есть магазины, где все дешевле за счет упаковки. Очень посещаемы.

12. Утром на вокзале. Чистый. Пунктуальный, полупустой поезд, но заполняется. Люди едут на работу в Кельн. Встретили Ленерц, побежали по Кельну (в прошлом Римский богатый город). Остатки стен, ворота. Еврейская баня. Потом во время переселения – народный рынок. Заставляли перегружать товары, вели торговлю. Налоги. Смотрели романские церкви. Потом университет на манер Московского, только четыре этажа. Узкие коридоры, маленькие рабочие комнаты. Профессор – 8 часов в неделю. Ассистент – 4 часа занятий, но очень много дополнительных. Проректоров назначают по очереди, но не оплачивают, за это получают 4 месяца для самостоятельной работы. Дом – новая сказка. Кухня. Ванная. Электроплита и т.д. Сад. Все, что пожелаешь. Сидим в саду. Проблема с хозяйством. Есть женщина – 15 марок в час. Готовят сами. Днем девочки были без еды. Ужасно сытная еда перед самым сном. Карина – «очень плохо спать потом». Обе во французской школе.

13. Кельн. Римский город. Соборы. Церкви, памятники. Завтрак на площади перед собором. Музыканты из Молдавии (Уличные). Нищие. Penner (Бездомные). Два парня – аккордеон и балалайка. Цветы под кепками.

Поезд обратно. Ужин у доктора. Те же лужайки, цветы. Шарики и т.д.

14. Идет дождь. Мерзну несколько дней. Учительницы в гостях. Вечером у Сони. Заехали за свекровью. 86 лет ни одной морщинки. Светлая голова. Пестрая кофта. Живут в великолепном доме среди зелени. 4 семьи. У старухи 5 комнат. Помогает молодой переселенец. В больницу ложится – второй ступени. В третьей – бесплатно – все ужасно!! Палата на троих. Перешла в оплачиваемую. Вообще здорова. Только к ночи поехали к Соне. Замок в стиле модерн. Потрясающая собака. Три кошки, три котенка. Три роскошные гостиные. Каждая в своем духе. Громадный камин. Картины. Мебель, Посуда и т.д. Выше не была. Итальянский ресторан. У Сони стеклянные стены в сад. Даже грядки. Сама очень красива. Он – важный функционер. От первой жены – четверо детей.

Таксист югослав. Ситуация смешная и неприятная. Ищем ночью дорогу.

Идет дождь. Гуляла по Ронсдорф (Ronsdorf). Ох! Вишни 2.85 кг, красная смородина 2.00 кг., в е овощи и ягоды подешевели, особенно малина. Днем у Добровской. Квартира полна лекарств. Отправка автобусами. Lieferwagen, посылками во все нуждающиеся страны. Вещи – позавидуешь. Лекарства получила. От вещей гордо отказалась. Обед на удивительных тарелках, чашки. В Вере много русского. Весело о мужьях, о кошке. Собаки, кошки. Вечером врачаха. Тон деловой женщины. У всех Freunde (друзья /партнеры). Вера красивая, врачаха тоже. Холерные лица.

15. Утром гуляем около санатория для раковых больных. Поляны. Клумбы. Маленькие озера. Камыши. Мостик сделан японцами. Везде садовники. Вечером были врачи. Муж и жена. Ушла спать раньше.

17. Поезд на Франкфурт. Попала в вагон с резервированными местами. Немец с семьей пригласили в купе. С Кристианой по городу. Fießgass («обжорный» переулок + улица – Н.Д.). Гулянье. Одеты пестро. Flohmarkt («блошинный рынок») с русскими бабами. Удивительная новая архитектура. Мало впечатляющий собор. Церкви.

Вечером Герт и Руди. Ресторан во дворе, скамейки. Мрачный официант в отличие от Кельнских в фартуках. «Девочки, Вам что» (мне и Ленерц). Шутки, улыбки. Такая профессия. Актер – официант. После мощного Fieß (обжорства) пошли есть мороженое и кофе с коньяком. Junggesellen (холостяки) пошли искать, где можно выпить, после того, как в 11 часов из кафе попросили. Ничего не нашли. У Геро (неразборчиво) прекрасная шведская мебель. Картины и деревянная скульптура из Тамбова, от Шемякина. Много дорогих безделушек. Стекло, бокалы. Все очень дорогое с большим вкусом. Еле вытащила Кр. и Руди домой в час ночи.

18. Прогулка по городу. Музей Авангарда. Впечатление только от здания и одного зала. Остальное интересно, но... фокусы. Кафе. Мороженое с ягодами.

Вечером у родственников Кристиане. Очень образованные, культурные. Интересный разговор об авангарде. Их увлечение.

19. Поезд на Эйзенах. Разрушенная, облупленная Германия. Бернгард (Игель – Н.Д.). Один сплошной пион и собака. Квартиру нашли с лифтом, отоплением в центре. Люция получила пенсию. Читает. Приработок – уход за двумя престарелыми. За 1000 марок не захотела за месяц (два урока в неделю) пойти в частную школу. Что такое одна тысяча марок. Фр.-Генрих хорошо устроен. Жена вьетнамка, служит в магистратуре. Ездили в отпуск в США. И бесконечный стон Бернгарда. Питаются хорошо. Ужасно был рад, что за билет и багаж заплатила сама. 100 марок долой. Даже больше. Поезд в 17 часов на Берлин – Шенефельд. На перроне никого. С Маргой разошлись. Стало тоскливо. Встретились у телефона, где она была почти в истерике. Где встречала? Может быть я быстро ушла с перрона. Ехали

через Западный Берлин. Ночью плутали. Дождь сплошным потоком.

Дом потрясающий, муж того лучше. Мальчик хороший. Мне отвели отстроенный дом. Сад как ботанический. Озеро, церкви. Чудо-открытка.

20. Он работает. У нее пока до октября. Были в селении. Покупки. Овощи дороже, чем в Вуппертале. Ягоды тоже. Собрал в огороде помидоры, малину, смородину, стручки – ведро. Зашли в старинные развалины монастыря. Кладбище монахинь. Кафе. Городок. Вечером ходили все к озеру. На кладбище. Гуляли. Кафе с плохими пирожными. Гуляли около озера. Земля и берег запущены. Еще неизвестно, кому принадлежит. Много чистых, облупленных домов.

21. Берлин. Мимо лесов и полей. Почти нет пыли. Мощные или асфальтированные дороги. Много чистых домов. Лежат груды металла. Здесь был свинарник. Громадное помещение. Уже свои стада и маленькие молочные (Molkereien).

Очень отличаются два Берлина. Восстановлен Dom (собор – Н.Д.). Впечатляюсь роскошью. Вообще Пруссия – монумент, роскошь, мало готики. Холод адский. Ветер. Едем на автобусе. Unter den Linden. Ремонт. Посольство. Идем через Бранденбургские ворота. Грязные. Страшные. Подготовлены к ремонту. Рейхстаг, перед ним чудесный парк. Парки везде в прекрасном состоянии. Барокко. Выставка. Очень честно. Зал, посвященный антифашизму. Объемные портреты, фотографии. Очень интересно. Двадцатые годы, голод, инфляция и дальше. О войне не очень много. Но совершенно нет героизма. Кошмар городов. Зал писателей. Экскурсии молодежи. Везде, как и в домах, критика капитализма. Умная. С цифрами. Коррупция. Взятки. Приватизация в ГДР, фильтр народа почти в каждом местечке. Многим собственность отказывают. Самостоятельность земель. Школьники рассаживаются на полу. Хорошо, без пафоса, но впечатляет. О Ген. Манне «Untertan», о писателях-антифашистах. Хотят разрушить «Дворец Республики». Не восстанавливать. Вроде нашего Христа Спасителя. Восстановить! Опомнитесь, где взять деньги!

Церковь и рядом круглый модерн из стекла и металла, внешне крематорий. Каждое стеклышко – другой сюжет. Громадный позолоченный Христос. Круглый придел. Вроде цирка. Никакого настроения.

На Франкфуртер Аллее в кафе. Отвратительные по сравнению пирожные. Плохой кофе. Вообще кофе пахнет, где делают его сами и не через машину.

Еще церкви. Новая Halle с крышей набекрень.

Наверху автобуса. Безликий. Снующий.

Магазин на Франкфуртер – галстук 200 франков, но престиж.

Заехали за Гельмутом. Самый несимпатичный был Ленерц. Скромная контора. Хозяин толстый, деловой.

22. Neurgrippin – 24 тыс. Элегантная готика внутри и снаружи. Высоченная церковь. Органы. По вечерам концерты для пенсионеров и безработных бесплатно или скидка 25 %. Билеты на приличные концерты – 40-25 марок. Рок-группы не слышны. Джаз, духовые, аккордеон. На гуляньях в Франкфурте. Дикой молодежи много. Много алкоголиков, наркоманов. Предупреждают о сумках, везде криминал. Заехали на еврейское кладбище. Запущено, хоть и новое. Серые, тяжелые камни. Монастырь романский. Кладка, высота, развалины. Захоронения монахинь с 50-х до 1986 г. Обед в ресторане, типа пригородного, только богаче, вкусно, обильно, дорого. Были вместе с сыном Гельмута. Никого не удивляет. Она в моторном кресле ездит в городки за покупками. Спокоен, самостоятелен. Свои задачи в доме. Специальный съезд для кресел. Еле добились в Министерстве. Отец возил его в кресле. Он кончил техническую школу чертежников. Два года оработал. Теперь безработный. Пенсия 800 марок. Сам Нолль (отец) (Гельмут Нолль – Н.Д.) получает еще пенсию за умершую жену, вернее за необходимость ухода за сыном.

Были около дома Шадова, у памятника Фонтане. Сидит. Шляпа, палка, бабочка. Очень благополучный. 100 лет Фалладе, никто не сообщил. Нет крепкого кофе, ой!

23. Potsdam. Сама в Neues Schloß (Новый дворец – Н.Д.). Почти одна роскошь. Золото. Шторы на стенах. Потолки. Вы-

ставка архитектуры замков. Дом-галерея Рафаэля. 4-3 зала. Почти одни копии. Парк. Потрясающие фасады. Барокко. Но вообще Прусский классицизм. В Сан-Суси не попала, очередь.

Ходили по парку. Русская комендатура. Ресторан: «Вход только офицерам по пропускам». Химчистка. На заборе звезда с серпом и молотом. С метр. Каждый второй турист останавливается, фотографирует или фотографируется. Кинокадры. Русский офицер. Две онемечившиеся русские. Тошновато.

Поехали к Марге. Советская однокомнатная квартира с блочным потолком. Внешне громадный дом. Двор со скульптурами. Но дальше. Все чисто, практично. Запирается. Кофе с языками, ветчиной и др. Вкусно. Собор. Прусская махина. С громадной шапкой вместо купола. Напротив конюшни как большая палатка – театр. Тот, что строила ГДР, разобрали. Забыла, в Нойруппине парк Фридриха. Скульптуры: Сулейман, Фридрих и русский боярин (неразборчиво).

Опять Потсдам. Почта, дома.

Прусский мощный классицизм.

4.2. ВТОРОЙ ПЕРИОД: В ТАМБОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ ГЕТЕ

Goethe gehört keinem Volk allein:
Goethe gehört – wie Puschkin, wie Tolstoi – allen Menschen,
die sich um sein Werk bemühen.
... Die Goethe- Gesellschaft Tambow bildet
das Vermächtnis unseres Freundes Friedrich – Wilhelm Hedrich.
Mit jugendlicher Begeisterung berichtete er mehrmals von Ihnen.
Mit dem Namen Ihrer Ortsvereinigung wird sein Name immer verbunden
bleiben.
Diese Gemeinsamkeit des Anfangs soll uns auch fortan leiten.

Prof. Dr. Werner Keller
Präsident der Goethe-Gesellschaft Weimar
(Aus dem Begrüßungsbrief an die Vorsitzende
der Tambower Goethe-Gesellschaft, Frau Prof. Dr. L. Kaufmann)

(Гете не принадлежит одному народу: Гете, как Пушкин и Толстой, принадлежит всем людям, которые занимаются его творчеством. Тамбовское общество Гете является завещанием нашего друга Фридриха Вильгельма Гедриха (1931-1995).

С юношеским восторгом он много раз рассказывал о Вас. С именем Вашего общества будет навсегда связано его имя. Это общее начало должно нас двигать впредь.

Проф. д-р. Вернер Келлер
Президент Общества Гете Веймар
(Из приветственного опослания Председателю
Тамбовского Гете-общества, профессору
Л. Кауфман

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Идея создания Тамбовского общества Гете возникла не сразу, поскольку первоначально в 1992 г. в Тамбове были налажены лишь церковные контакты между Тамбовской епархией и евангелической церковью г. Вецлара. Лия Соломоновна, поддерживавшая дружеские связи с семьей протоиерея Николая Торопцева (1941-2007), активно помогала Тамбовской епархии, участвовала в совместных конференциях, организовывала студентов, аспирантов и преподавателей факультета романо-гер-

манской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина для работы в качестве переводчика. В сохранившемся коротком отрывке в семейном архиве на немецком языке «Betrachtungen zur Partnerschaft der Goethe – Gesellschaften Tambow-Wetzlar» (Размышления о партнерстве Гете-обществ Тамбов-Вецлар) можно проследить динамику становления и развития партнерских отношений между обществом Гете г. Тамбова и г. Вецлара.

«Инициатива об оказании помощи России со стороны г. Вецлара исходила от священнослужителей Удо Кюппера и Вальтера Эберца, а также их жен, а углубившиеся благодаря этому связи привели окончательно уже в 1992 году к заключению партнерства между евангелическим церковным округом Вецлар и русско-православной епархией в Тамбове. Когда потом в 1993 году были выражены пожелания о культурных связях, Гете-общество г. Вецлар попросило о поддержке в их осуществлении. Чтобы создать основы для литературной работы и встреч, сначала благодаря призыву внутри общества его членами был подготовлен материал и доставлен в Тамбов. На первом плане с обеих сторон было желание личных встреч, чтобы обменяться литературными работами и опытом.

Так состоялась первая поездка в мае 1994 г., во время которой Фридрих Вильгельм Гедрих (председатель Гете общества г. Вецлар – Н.Д.) смог дать решающие импульсы для создания Гете-общества в Тамбове, ставшее вторым в России. Его представленный первый отчет о поездке – доказательство тому. Во время этих встреч было высказано спонтанно желание о его второй поездке в Тамбов осенью 1994 года. Несмотря на проблемы со здоровьем, которые становились все заметнее, Фридрих-Вильгельм Гедрих был еще в состоянии конкретизировать свои представления и разрабатывать план относительно основания Гете-общества. После своей поездки он с радостью сообщил об удачно выполненной миссии».

В заключение автором отрывка подчеркивалась особая роль Л.С. Кауфман в организации общества в Тамбове: «Чтения, декламации, лекции, вечера культуры, научные конференции, пуб-

ликации – все это стало в Тамбове действительностью благодаря неустанной работе основательницы – президента профессора Лили Кауфман». Короткая информация о предыстории развития партнерских отношений, к сожалению, не подписана автором отчета, но в тексте зеркально отражена картина становления диалога Тамбов-Вецлар на уровне церкви и далее – двух обществ.

ВИЛЬГЕЛЬМ ГЕДРИХ ПРЕВРАТИЛ ЗАНЯТИЕ В ПРАЗДНИК

В конце мая (с 20 по 29 мая) 1994 года к нам на кафедру немецкого языка (зав. кафедрой профессор Е.В. Милосердова) был приглашен на занятия по немецкому языку председатель Гете-общества Вецлар Фридрих Вильгельм Гедрих (Friedrich Wilhelm Hedrich), приехавший в Тамбов с группой немецких пасторов по линии церковных связей. Занятие проходило в аудитории 67 (учебное здание на ул. Советская, 93 – теперь мединститут). Он мастерски комментировал лирику В. Гете, постоянно привлекал аудиторию к обсуждению, повторению, что тоже требуется при изучении иностранного языка. Затем В. Гедрих раздал студентам листки с немецкими народными песнями, объяснил непонятные места, и сам, аккомпанируя на аккордеоне, запел, привлекая всех слушателей к этому приятному процессу. Аудитория радостно подхватила мелодию: Гедрих превратил занятие в праздник. Преподаватели и студенты не чувствовали усталости от иноязычной речи, что тоже иногда бывает, настроение у всех было приподнятое.

После занятия мы с Лией Соломоновной, Елизаветой Васильевной и Вильгельмом Гедрихом отправились в мой кабинет, располагавшийся напротив аудитории 67. Под впечатлением от Гете и всего занятия мы заговорили о том, что не плохо было бы организовать на немецко-английском отделении свое «Гете-общество» для более глубокого изучения его произведений, языка, культурного контекста, границы которого чрезвычайно

широки и непостижимы. Признаюсь, как декан, я предполагала лишь местный (инязовский) формат общества, но эти два мудреца (Кауфман и Гедрих), имевшие огромный жизненный и литературный опыт за плечами, думали в другом масштабе: уж если Гете-общество, то оно должно быть во взаимосвязи с центральной организацией в Германии – в г. Веймар. Примечательно, что Лия Соломоновна, как сообщает в одном из первых писем В. Гедрих, немедленно вступила в Гете-общество Вецлар и была зачислена 383-им членом этого общества.

После разговора в деканате они незамедлительно приступили к действию: 10 июня 1994 года В. Гедрих направляет письмо в головное отделение Гете-общества (г. Веймар) на имя господина д-ра Ренча (Dr. Rentzsch) с известием о результатах своего пребывания в Тамбове, встречах и идее создания местного Гете-общества на Тамбовской земле. В письме подчеркивается, что он познакомился с профессором Л. Кауфман, которая рассказала, что ранее неоднократно приглашалась в г. Веймар для участия в научных событиях, а сейчас такие приглашения прекратились. Он сообщает также, что идея была поддержана деканом Н. Дроновой и завкафедрой Е. Милосердовой. Кроме того отмечалось, что в телефонном разговоре с профессором Келлером, президентом Гете-общества (Веймар), было согласовано освобождение от уплаты взносов членов общества в связи с финансовыми затруднениями в восточноевропейских странах, выделение стипендии для аспирантов (Doktoranden) и финансирование пребывания во время ежегодных отчетных конференций Гете-общества, а также предоставление возможности выделения Тамбовскому Гете-обществу изданий произведений Гете «Гамбургское издание» и Софи-издание (Hamburger Ausgabe, Sophienausgabe).

(Копия письма В. Гедриха прилагается ниже). По итогам этой поездки В. Гедрих подготовил подробный отчет, который прилагается ниже в переводе.

**ПИСЬМО В. ГЕДРИХА В ПРАВЛЕНИЕ
ГЕТЕ-ОБЩЕСТВА Г. ВЕЙМАР**

10.06.94

Goethe -Gesellschaft in Weimar
Geschäftsstelle
Burgplatz 4
99423 Weimar

Sehr geehrter, lieber Herr Dr. Rentzsch!

Während meines Aufenthaltes in Tambow Rußland lernte ich Frau Professorin Dr. Lili Kaufman kennen. Sie erzählte, daß sie früher Einladungen der Goethe-Gesellschaft Weimar erhalten habe, daß diese Zusendungen aber wohl eingestellt worden seien.

Ich vermutete, daß durch Umstellung auf Computerbearbeitung und Neuordnung der Adressen eine Revision des Briefversandes erfolgt sei und versprach Ihnen und Herrn Prof. Keller das große Interesse der Germanistin mitzuteilen. (Frau Dr. Kaufman ist übrigens spontan der „Wetzlarer Goethe-Gesellschaft“ beigetreten und damit das 383. Mitglied geworden).

Zum anderen erklärten die beiden Professorinnen N. Dronova (Dekan) und E. Miloserdovwa (Lehrstuhlleiterin für Germanistik) die Bereitschaft, an der dortigen Hochschule eine Ortsvereinigung der Goethe-Gesellschaft von Weimar gründen und vor allem Germanistikstudenten zur Mitgliedschaft ermuntern zu wollen. Im Telefonat mit Herrn Prof. Keller, unserem Präsidenten, wurde die Betragsfreiheit für finanzschwache Mitglieder Osteuropas, Stipendien für Doktoranden und Finanzierung eines Weimaraufenthalts während der Jahrestagung bestätigt und überdies angekündigt, eine „Hamburger Ausgabe“ und eine „Sophienausgabe“ für die neu zu gründende Ortsvereinigung stiften zu wollen.

Zur weiteren Korrespondenz teile ich Ihnen die Adressen mit:
Pädagogische Hochschule Tambow,
Abteilung für Fremdsprachen,
ul. Sowjetstskaja 93, GUS 392000 Tambow.

Frau Nina Dronova, Dekan;
Frau Elisaweta Miloserdowa, (Leiterin des Lehrstuhls);
Prof. Dr. Lili Kaufman (Dozentin)

<...>

Herzlichst Ihr
(Friedr. Wilh. Hedrich)
(Kopie an Prof. Keller und Tambow)

**ОТЧЕТ В. ГЕДРИХА О ПОЕЗДКЕ С 20.05 ПО 29.05.94
В ТАМБОВ / РОССИЯ
(перевод с немецкого)**

**KURZBERICHT ÜBER DIE VORTRAGSREISE
VOM 20. – 29. 05.94
NACH TAMBOW / RUSSLAND**

В качестве участника группы священнослужителей из 11 человек я прибыл как единственный представитель «Гете-общества» для участия в церковных мероприятиях на условиях частного размещения. Путешествие началось в пятницу 20.05 и закончилось в воскресенье 29.05.94. Русская авиалиния «Аэрофлот» имеет договор с нашей «Луфтганзой»; наша машина вылетела с опозданием в 14.30 и прибыла в результате временного несовпадения лишь вечером в 20.00. Из Москвы часть группы отправилась с ночным поездом и прибыла на следующее утро в Тамбов. С двумя женщинами я был размещен в очень гостеприимной семье, которая в дни пребывания делала все мыслимое и немислимое, лишь бы обеспечить нам приятное пребывание. «Наша семья» находится в дружеских отношениях с двумя другими молодыми семьями в соседнем доме; живший там художник имеет телефон и поэтому был для нас особенно желанным. Если многоквартирные дома внешне имеют лишь отчасти привлекательный вид, пространство между ними не ухожено, а улицы и пешеходные дорожки часто неровные, то квартиры, которые мы посещали, были очень уютными, чистыми и со вкусом обустроенными.

По плану поездки я должен был дважды выступить с сообщениями о Гете перед гимназистами школы № 29 и трижды перед студентами факультета германистики в местном вузе. Каждый раз добавлялось пение народных песен, для чего был подготовлен новый аккордеон. Также для показа слайдов был предоставлен в распоряжение новый аппарат. У меня было около 600 слайдов и 10 докладов в рукописи, так что можно было свободно творить и добиваться удивительного понимания. Песенники и 200 тетрадей текстов уже были доставлены транспортом заранее.

Учителя и профессора были в восторге и просили о повторении моей поездки. В качестве срока был назван октябрь 1994; во всяком случае, я должен был разработать некоторые темы лекций, касавшиеся не только Гете, но и другие темы. Я познакомился с многими людьми. Когда моя работа была закончена, я присоединился к группе священнослужителей. Мы посетили службы в православном храме, которые длятся 3 часа и дольше, и физически трудны, так как в зале нет скамеек. Мы приняли участие в празднике присвоения больнице № 2 имени архиепископа Луки. Во время войны он работал хирургом и необычайно много сделал для раненых военнослужащих. Нынешний директор д-р Фабер создал небольшой музей медицины; он также занимался строительством нового хирургического корпуса и расширил здание больницы.

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ ГЕТЕ-ОБЩЕСТВА В ТАМБОВЕ НЕОСТАНОВИМ

После возвращения в Германию через неделю (17.06.1994) последовало новое письмо В. Гедриха в Тамбов на имя Дроновой, Милосердовой и Кауфман, в котором он сообщал о телефонном разговоре с президентом Гете-общества Веймар профессором Келлером в Кельне. В процессе обсуждения были еще раз согласованы условия сотрудничества с Гете-обществом в Тамбове (освобождение от уплаты членских взносов, выделе-

ние стипендий для аспирантов, приглашения для восточноевропейских членов к участию в ежегодном собрании Гете-общества в Веймаре с возмещением дорожных расходов и бесплатным проживанием, а также выделение книг Гете Гамбургского издания, Софи-издания, в том числе «Ежегодника Гете-общества» в 5 экземплярах.

В заключение письма В. Гедрих подтверждает согласие на приезд в Тамбов в октябре 1994 г. для чтения лекций студентам немецко-английского отделения. Он прилагает достаточно обширный список тем, с которыми мог бы выступить на занятиях. Первый список тем лекций связан с историей литературы: Гете в Вецларе 1772 (Возникновение Вертера); Гете и музыка; Гете и искусство; различные темы из жизни Гете: например, Зезенхайм, путешествия по Швейцарии, итальянское путешествие. Второй список касался произведений Гете (*Werkbetrachtung*): «Страдания молодого Вертера»; лирика Гете; баллады (Гете, Шиллер, Фонтане) и др. Третий список тем назывался: «Другие темы»: о юморе; история народной песни и исполнение песен.

В. Гедрих по-немецки педантично сопровождает каждую тему специальным графическим знаком, эксплицирующим степень готовности материала для прочтения перед студентами. Большинство из них обозначены знаком (*), подтверждающим их полную готовность, или нуждающихся в незначительной перестройке. О таком широком выборе тематики лекций, предложенной носителем языка, едва ли можно было мечтать в любые времена, но планам и мечтам не суждено было сбыться, так как В. Гедрих тяжело заболел и не смог приехать, а в следующем году (1995) он скончался.

Однако процесс создания Гете-общества в Тамбове был неостановим. Сразу же после июньского письма Лия Соломоновна активно взялась за претворение идеи в ее формальном плане, нужно было зарегистрировать общество, согласовав с юридическими инстанциями. Для этого был создан оргкомитет, куда вошли представители органов народного образования и общественности города и Тамбовской области.

Состав оргкомитета:

Председатель – Кауфман Л.С., профессор кафедры немецкого языка/немецкой филологии ТГУ им. Г.Р. Державина

Заместитель – Воронков Н.Н. – художник (г. Тамбов), преподаватель живописи школы-интерната № 3

Члены:

Баев В.Г. – начальник департамента образования Тамбовской области;

Дронова Н.П. – декан факультета иностранных языков ТГПИ, с конца декабря 1994 г. – факультета романо-германской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина в связи с преобразованием ТГПИ в ТГУ;

Милосердова Е.В. – завкафедрой немецкого языка ТГПИ, затем – немецкой филологии ТГУ им. Г.Р. Державина;

Лямин Сергей – студент немецко-английского отделения ТГПИ/ романо-германской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина;

Секретарь – Безукладова И.Ю.- ассистент кафедры немецкого языка ТГПИ, затем – немецкой филологии ТГУ им. Г.Р. Державина.

В октябре 1994 года была осуществлена официальная регистрация Тамбовского общества Гете во главе с председателем профессором Л.С. Кауфман.

4 мая 1995 г. в актовом зале в здании на ул. Советская, 93 состоялось торжественное открытие Тамбовского общества Гете. Несколько «запоздалое» торжественное открытие Гете-общества породило две даты его «рождения»: 1) октябрь 1994 г. – дата официальной регистрации, 2) событие открытия – 4 мая 1995 г. – это уже празднование состоявшегося Гете-общества. Разночтения сроков основания общества обнаружили в немецкой прессе. В статье «Die Goethe-Gesellschaft von Tambow besucht Wetzlar» («Тамбовское Гете-общество посещает Вецлар») (газета Wetzlarer Neue Zeitung von 19.08.1995) сообщается: **Die im Mai gegründete Goethe-Gesellschaft von Tambow in Rußland** weilt zu Besuch in Wetzlar, um die Partnerschaft mit der Goethe-Gesellschaft der Domstadt zu festigen (Тамбовское Гете-общество, основанное в мае 1995 г. находится с визитом в Вец-

ларе, чтобы укрепить партнерство с Гете-обществом Вецлар). О торжественном открытии общества Л.С. Кауфман опубликовала статью в газете «Университетские вести» (июнь 1995, № 14). (Текст воспроизводится полностью).

ОБЩЕСТВО ГЕТЕ: ДВЕРИ ОТКРЫТЫ ДЛЯ ВСЕХ

В мае 1995 г. в стенах нашего университета произошло большое событие – торжественное открытие общества имени Гете. Учрежденный Тамбовским государственным университетом и департаментом образования, этот научно и культурно-просветительский центр ввел нас в европейскую систему сотрудничества людей, стремящихся расширить культурную и научную информацию в области гуманитарных дисциплин, вносящих свой позитивный вклад в нравственное совершенствование общества. Таковы задачи общества Гете, основанного в Германии в 1885 году.

В настоящее время общество представляет интересы 28 стран Европы и Америки (сегодня – 55 стран – Н.Д.). Одно из основных положений устава подтверждает приоритет научных и культурных традиций и ценностей той страны, в границах которой учрежден и работает центр. В настоящее время Тамбовское общество – второе и пока единственное после Московской комиссии Гете, открытой в 1979 году при Академии наук. Прежде чем встать в один ряд с обществами Гете, учрежденными в Чехословакии, Дании, Австрии, Англии и других странах Европы, мы должны были пройти апробацию и годовой испытательный срок.

В 1994 году наш, тогда еще пединститут, посетил председатель общества Гете г. Вецлара. Ознакомившись с научными и культурными достоинствами факультета иностранных языков и кафедры немецкого языка, пообщавшись со студентами на учебных занятиях, он подтвердил перед Европейским центром Общества (г. Веймар) наши научные и культурные возможности.

Делегация общества Гете посещала нас трижды и, наконец, в результате наших усилий общество Гете в Тамбове было открыто в октябре 1994 года. Оно объединяет не только членов кафедры немецкого языка и студентов нашего университета, но и учителей, учащихся школ. Активное участие в работе общества принимают преподаватели Музыкального института имени Рахманинова, художники, инженеры, врачи, рабочие.

За полтора года обществом проведено несколько музыкальных вечеров, встреч с интересными людьми, прослушано много сообщений из области европейской и русской культуры. Художники и музыканты общества выезжали и успешно представляли в ряде городов наше общество. Так, были организованы две выставки: «Тамбов в фотографиях» члена Союза журналистов А. Самошкина и художника, преподавателя живописи школы-интерната № 3 Н. Воронкова.

Совместно с кафедрой немецкого языка под руководством Е.В. Милосердовой общество разработало научную и культурную программу, которую намерено успешно осуществлять. В 1994 году обществом издана работа об одном из этапов переписки Гете и Шиллера – результат научного исследования доцента В. Баева. Готовится ряд других научных публикаций. Каждый месяц проходят встречи членов общества, посвященные различным темам: Гете в истории европейской минералогии, Гете в Веймаре, Баратынский в Тамбове, опера Масене «Вертер» и др. В них принимают участие гости из Германии, Австрии. Немецкая актриса Корнелия Кюн-Ляйц из Франкфурта приезжала в Тамбов, чтобы познакомиться нас с поэзией Гете, Рильке и рядом современных авторов.

Большую поддержку в работе общества нам оказывает администрация университета, декан иняза проф. Н. Дронова, руководство департамента образования Тамбовской области (В. Баев), немецко-русский культурный центр, работающий при департаменте образования. В перспективе у нас обмен делегациями с центрами других европейских стран, возможность стажироваться в Гете-центрах европейских университетов, обмен

выставками, а главное: живая, творческая работа в нашем городе и области, которую члены и друзья ведут уже два года.

Двери общества открыты для всех. Приходите, включайтесь в наше содружество. Всякое общение не только расширяет наш научный и культурный кругозор, мы открываем для себя новых интересных людей, слушаем музыку, радуемся возможности встретиться в неформальной и вместе с тем в творческой обстановке. Очередная встреча состоится 22 сентября 1995 года на факультете романо-германской филологии, ком. 64 в 17.30.

Кауфман Л.

*Профессор, председатель Тамбовского общества Гете,
член комиссии по истории мировой культуры
при АН России.*

ТАК ВОЗНИК ПЛАН

*Кункель А., председатель
Общества-Гёте г. Вецлар*

В мае 1995 года я приехала как представитель Гете-общества в Тамбов. Утром в 4 часа наш автобус остановился на Студенецкой улице. Профессор Л. Кауфман поприветствовала меня и обратилась к водителю автобуса с упреками в связи с опозданием на 4 часа.

Она повернулась ко мне, схватила чемодан и со словами «Пойдемте!» двинулась передо мной по двору. Меня ожидала квартира, полная книг. За чаем начался разговор о литературе, который она резко прервала словами: «Теперь идите спать. В 9 часов Вас ждут студенты. Я Вас разбудю, и мы пройдем вместе до университета».

На мой вопрос, как мы могли бы поддержать Тамбовское Гете-общество, она ответила: «Деньги нам не нужны! (Тамбовское общество Гете или Лили никогда не получали денег!). Помогите лучше нашим студентам познакомиться с Вашей страной, язык которой они изучают!»

Так возник план, дать возможность студентам пройти практику в предприятиях Вецлара. Наиболее способные студенты отбирались и готовились к поездке самой Лили. Эти студенты жили у членов Гете-общества Вецлар. Благодаря этому они могли улучшить свою языковую компетенцию и познакомиться на практике с миром труда и трудовыми отношениями.

Во время первого приезда в Тамбов на чай к Лили была приглашена Корнелия Кюн-Ляйц. Уже через четверть часа Лили и Корнелия начали читать стихи. Немецкая и русская лирика наполнили гостиную, а я присутствовала как тихий слушатель при эксклюзивном представлении.

Ее слова в Вецларе я все еще слышу: «Можно мне помочь? Я вижу, мне здесь нечего делать – тогда я пойду гулять!» Лили любила парки в Вецларе, а скамейка на реке Лан ей особенно нравилась. Она охотно наблюдала людей и с радостью и шутками рассказывала о своих встречах.

«Если Вы не приедете, то не будет кислорода, чтобы пережить следующий год!» Это были ее просьба и приглашение приехать в Тамбов – мы им следовали 20 лет.

КОММЕНТАРИЙ К ПУТЕВЫМ ЗАМЕТКАМ Л.С. КАУФМАН «В ВЕЦЛАРЕ ПРАЗДНИК СТАРЫХ МОСТОВ»

В архивных материалах обнаружилось короткое записи в виде дневника с 17 по 30е, не указан год поездки, но, судя по содержанию, можно предположить, что речь идет о первой поездке в г. Вецлар в августе 1995 года после открытия Гете-общества, когда начали развиваться тесные отношения с Гете-обществом г. Вецлар в лице Ангелики Кункель, ее мужа Герта Калленбаха, актрисы Корнелии Кюн-Ляйц, доктора Карин Унзикер и других, которые упоминаются в этих записках. Кроме того, в короткой заметке в газете «Вецларер Нойе Цайтунг» (Wetzlarer Neue Zeitung) от 19 августа 1995 г. сообщалось о визите Тамбовского Гете-общества в г. Вецлар для укрепления партнерства с Гете-обществом. На фото на переднем плане изо-

бражены Ангелика Кункель и рядом (справа) Лия Соломоновна. В составе тамбовской группы были заместитель председателя, художник Николай Николаевич Воронков, студент кафедры немецкой филологии Юра Волков.

В заметке отмечается также, что русская «председатель», профессор Лили Кауфман выступила в Лоттехофе (Дом Лотты) с докладом «О шедеврах русской литературы» (Meisterwerke der russischen Literatur), вызвавшим большой интерес и уважение (einen vielbeachteten Vortrag). Сохранился список тем докладов, прочитанных ею и художником Н.Н. Воронковым в Вецларе в 1995 г.: Островский и Федотов; Гете в России; Фауст в творчестве русских писателей; Фаллада в России и «Русский портрет. Кустодиев» (Воронков Н.Н.). По-видимому, во время ее выступления дискутировался современный перевод названия романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как «Verbrechen und Strafe». Такой прямолинейный (буквальный) перевод показался ей недостаточно точным, поскольку он ориентирует на восприятие текста как обычного криминального романа. Ее устраивал больше первоначальный перевод «Schuld und Sühne» (Вина и искупление), вызывавший глубинные ассоциации философско-психологического осмысления содеянного Раскольниковым.

Во время докладов и лекций иногда ей помогал студент факультета романо-германской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина Юрий Волков, о чем Лия Соломоновна упоминает в заметках. Помню, как по приезде они подшучивали над Юрой, у которого были «найлены даже внешние сходства с Гете». Во время одного из докладов Лии Соломоновны Юрий был сфотографирован на фоне портрета великого поэта, и их профиль действительно в чем-то был сходен. Юрий великолепно говорил по-немецки, читал лирику Гете и произвел на немцев благоприятное впечатление. В тексте упоминается также имя Сережа, скорее всего, это наш выпускник факультета романо-германской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина – Сергей Лямин, поступивший после окончания вуза в аспирантуру в Германии и защитивший со временем кандидатскую (по-немецки – докторскую) работу. В настоящее время живет и работает в Германии, также, как

и Юрий Владимирович Волков, синхронный переводчик (г. Мюнхен). Кроме того, Юрий Волков писал дипломную работу под руководством Лии Соломоновны по произведению В. Гете «Страдания молодого Вертера», действия которого разворачивались как раз в Вецларе. Эти два молодых человека помогали ей во время чтения лекций, выступлений с докладами.

Вецлар – старинный город в земле Гессен – характеризуется Лией Соломоновной «как город потрясающей красоты». Как литературовед она посещает все места, связанные с творчеством великого поэта и его самым читаемым произведением «Страдания молодого Вертера». Поэтому цепочка музеев включает: дом Лотты, музей Гете и дом Карла Вильгельма Иерузалема, друга Гете, покончившего жизнь самоубийством от любви к замужней женщине и ставшего некоторым прототипом для финальной сцены «Страданий».

Германия характеризуется Лией Соломоновной метафорически как «выхолненная страна». В семантически многослойном определении объединены наиболее существенные характеристики «мира Германии» – ее ландшафта, архитектуры городов, бесчисленных музеев, галерей, людей, бытовых условий, а также отношения самих граждан к месту своего бытования, в котором ощущаются не только любовь к локусу, но и постоянный труд – согласно протестантской этике – с «пламенным усердием» (*mit heißem Bemühen* – Faust). В заметках часто встречаются оценочные прилагательные с восторженно-позитивной коннотацией: домишко ухоженный, потрясающий сад, страна чудесная и т.д. С любопытством наблюдает праздник старых мостов в Вецларе – мало понятный для нас по тем временам праздник жизни.

Но иногда проскальзывает ироническая оценка некоторых увлечений, например, когда она рассматривает коллекцию шахек, сабель и прочих вещей в семье Эбертов, так и слышится ее вопрос: «А нужно ли столько?». В жизни Лия Соломоновна любила красивые вещи: дорогую посуду, в доме хранились антикварные вазы, хрусталь, дорогая старинная мебель в московской квартире, но это никогда не было предметом ее специальной

гордости, не было страсти коллекционирования, в семье постоянно собирались в основном книги.

На протяжении всего пребывания в Вецларе Лия Соломоновна жалуется на ногу, да и возраст немалый – (77 лет!), но, тем не менее, не сдаётся, все время где-то в музее, в гостях, смотрит, наблюдает за людьми, чем-то восхищается или иронически оценивает, иными словами, постоянно находится в пути, невзирая на «проклятую!» ногу, о чем можно прочесть уже в первых строках заметок.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ «В ВЕЦЛАРЕ ПРАЗДНИК СТАРЫХ МОСТОВ»

Кауфман Л.С.

17. Прибытие, встретили Ант. и хозяйка Юры. Сказочная кинопоездка. После ужина-обеда маленькая прогулка по потрясающей красоты городу. Проклятая нога.

18. Утром встречи. Посещение дома Лотты (Lottehaus), Museum и др. места. Обед. Отдых. Первая лекция в Lottehaus. Удалась. Показали Федотова, говорили о Достоевском, Обломове, Иван Денисовиче. Человек 60, много вопросов.

19. Поездка с Корнелией на Greifsteinburg и потом в ее поместье. Поля, лес и дом с максимум удобств. Воздух. Лужайки. Библиотека. Мать Корнелии – одна из цветных женщин края во время первой мировой войны. Приятельница Аденауэра.

Гете-дом. Дом-музей. Кофе с пирожными под навесами. Юра начал, мы с ним сменяли друг друга, потом музыка и Сережа. Юра имел большой успех.

Обед по приглашению Руди и Кристиане в загородном ресторане.

20. Дюссельдорф. Музей Гете. Экскурсия 4 часа. Очень интересно. Очаровательная научная руководительница. Сидели на берегу Рейна. До этого обедали под зонтиком в центре. Гора мя-

са. Домой под дождем. Ошибка: не сразу ушла к себе. Хозяйева ведь устали.

21. В гостях у Юриных хозяев были в первый день. Учителя, потрясающий сад. Картины. Все ухожено. Уютно. В гостях у малосимпатичного директора училища. Сад, фонтан. Девушка, которая живет три года, учится, из Москвы. Очень кошечка. Скучный вечер.

22. Экскурсия по городу. Каждый дом – музей. Все в зелени, цветах, садах. Старинные площади, фонтаны. Reichsgerichtsrat. Дом Israeli. Собор с внутренним двориком. Вечером пять часов у Эбертов. Коллекции шашек, сабель Кавказа, украшений, ковров, посуды, слоновой кости и т.д. Одурение от этого богатства и т.д. От серебра, чеканки, табакерок, от самого дома. Очень много говорят о том, как помогают людям. Она занимается евреями, собака – впервые видела. Все для того, чтобы потрясти.

23. Марбург. Город на горах. Экскурсия по городу. XVII и XVI век. Почти выла от боли в ноге. Обливалась потом. Собор. Слайды Барлах. В гостях у рыжего учителя. Квартиры – удобства, собственный вкус. Салат. Кофе-гляссе. Фрукты, пирог.

Забыла, не записала. Вспомнила – замок Burg на горе. Интересно. Вечером опять в гостях.

24. Jerusalem's Haus (Дом Иерусалема). Прогулка по городу со стоном из-за ноги. Собор внутри и снаружи.

18.00. Смотрели фильм. Лекция прошла прилично. Народу много. Приехал Петер с матерью и отцом. Отцу поменяли аорту, и он отпросился из больницы. Много разговоров.

25. Christiane в гостях. В 5 часов протестантская служба. Кюпперс очень эффектен. Второе посещение Эбертов. В гостях у Кестнер. Современная гостиная. Рояль. Вывел из себя Ник. Ник. Кажется, переборщила с церковью. Главное общество.

26. Чудесная поездка по Германии. Вдоль Рейна. Замки. Выхоленная страна. Монастырь. Веранда над Рейном. Замок Меттернихов. Виноградники. Русская капелла. В Вецларе праздник старых мостов.

Жуют. Пицца-лепешка, которую не разрезать. Перевод Достоевского «Verbrechen und Strafe». Klangfärbung, deutlich diffe-

genzierter Chor von Stimmen. («Преступление и наказание». Звуковая окраска, четко дифференцированный хор голосов – Н.Д.).

У сестры и ее мужа. Опекают 80-летнего коллекционера. За это дом со всеми Raritäten (редкие изделия). У него напротив маленький домишко очень ухоженный. Много небогатого антиквариата.

27. Утром гуляла, Дамы в брючных костюмах. Нарядные. Везде шатры с едой. У Кункелей.

28. Целый день приемы. С утра до вечера. Сначала школа с Юрой. О Гете. Так себе. Потом с проф. Келлером. Прием в доме, где мебель. Бургомистр. Доклад Келлера. Ничего не поняла. Прием с едой. Уморилась.

29. Мелкие посещения. Художник, где жил Н. Воронков. Вечером по вершине с обзором. У Петрика дома еще разговор.

30. Отъезд в 9.15. Застряли. Села в поезд. Пересадка в Гамбурге. Вечером в Грейфсвальде. Плохая ночь. День в отеле Greifstein и спала. Вечером выставка и шведский стол.

ЭТО БЫЛ ПАРАД МЫСЛИ...

*Волков Ю.В., кандидат
филологических наук, переводчик*

Нет пророка в своем отечестве, тем более в собственном доме.

Лия Соломоновна Кауфман была в моей жизни с самого детства, как картинка в букваре. Только я, разумеется, и не представлял, какой величины человек живет на первом этаже во второй квартире, «прямо под нами». По-настоящему понятно, насколько «над нами» она была, мне стало только во время одной из поездок в Германию.

Перед защитой своей дипломной работы мне выпала большая удача сопровождать Лию Соломоновну в ее поездке по приглашению общества Гете города Ветцлар. С самого начала меня буквально поразило, с каким глубоким и искренним уважением

буквально все, с кем мы встречались, относились к Лие Соломоновне. Оказывается, ее прекрасно знали, и если не лично, то во всяком случае, как ученого с большим именем.

Ее последнее выступление во время этого визита состоялось в «доме Лотты», где родилась и жила во время своего знакомства с молодым Гете Шарлотта Буфф, ставшая прототипом главной героини романа «Страдания молодого Вертера», этого культового романа 18 века, заставлявшего театрально кончать жизнь самоубийством из-за неразделенной любви выстрелом из пистолета через надушенный кружевной платок.

По молодости лет и в силу сильной ограниченности кругозора меня немного удивило, почему, находясь в этом доме, выступая перед немцами и на немецком языке, она выбрала... Пушкина.

Прожив в Германии более 15 лет, я знаю не понаслышке, насколько мало известен наш национальный гений на Западе. Наверное, именно из-за того, что он настолько наш, русский. В принципе, перевести с одного языка на другой можно все, вопрос, по словам Умберто Эко, только в том – особенно в случае литературного или, тем более поэтического перевода – насколько израненным при этом остается оригинал. На русском Пушкин бесконечен, свободен и органичен, как воздух или вода. Поэтому перевести его на какой-либо язык – это задача, мягко говоря, не самая простая, тем более на немецкий, чей порядок слов напоминает свежееубранную квартиру человека, страдающего магией чистоты.

Наверно, поэтому за все свое выступление Лия Соломоновна не процитировала ни одной строчки. Отказавшись, тем самым, от «национального, нашего», она за 40 минут показала «гения». Обладая той степенью эрудиции, когда человек свободно излагает мысль на уровне филологического, литературоведческого или исторического обобщения, она показывала, что Пушкин писал об универсалиях, с которыми сталкивается каждый человек и каждый народ, только с тем отличием, что он писал он об этом по-русски. И Германия была лоскутным одеялом, и Европа знала свои бунты, не менее бессмысленные и беспо-

щадные, и в немецкой истории были страшные моменты, когда народ безмолствовал: да, в другом контексте и на другом языке, но с такими же катастрофическими последствиями.

Надо было видеть лица в зале. На их глазах Россия переставала быть заснеженной, далекой, а для кого-то и дикой планетой, где все по-другому, и которая полностью отличается «от нас».

Из реакций на ее выступление мне особенно запомнились слова умнейшего и образованнейшего человека и учителя по призванию, Петера Кетцлера: «Das war eine einzige Gedankenparade» (Это был один большой парад мыслей). Интересно, что за несколько дней до этого (после посещения совместной выставки русских и немецких художников-романтиков) у Петера вырвалось: «Да, прямое сравнение вышло явно не в пользу немцев...» Парады бывают разные, на них демонстрируются самые разные качества, характеристики, достижения города, страны или народа, иногда их цель – подчеркивание собственного превосходства или, даже, устрашение, в любом случае они требуют огромных инвестиций времени и средств. На своем параде Лия Соломонова показала, что гении всех народов и культур пишут, в принципе, об одном: у нас всех так много общего, что, поняв это, перестаешь концентрироваться на отличиях и начинаешь видеть «свое» в «чужом».

Для этого ей понадобилось 40 минут, стол, стакан воды и ее светлая голова. Стула не было – она выступала стоя.

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ О РАБОТЕ ТАМБОВСКОГО ГЕТЕ-ОБЩЕСТВА (1995 г.)

Сохранились некоторые отчеты Гете-общества в Тамбове за первые годы его существования, напечатанные на машинке, которые обычно отправлялись в Гете-общество г. Веймар для опубликования в «Гете-Ежегодниках» (Goethe-Jahrbuch). Ежегодники поступают каждый год в Тамбов, а в прошлые годы, когда Л.С. Кауфман председательствовала, отчеты о работе Там-

бовского Гете-общества можно было увидеть и прочитать в соответствующем разделе, где идет речь о работе многочисленных Гете-обществ в Европе и Америке. Она ревностно следила за тем, чтобы результаты работы были обязательно отражены в немецком «Ежегоднике» и, таким образом, были известны за рубежом. Показывая очередной выпуск «Ежегодника», гордилась, что Тамбов в журнале представлен в достаточном объеме с соответствующим содержанием, а это означало признание ее усилий.

В сохранившемся первом отчете за 1995 год указаны основные направления культуртрегерской деятельности общества, перечислены наиболее значимые события, темы лекций, докладов, наименования выставок, вечеров с участием многих представителей широкой общественности города и области, среди которых важнейшую роль играет профессор Л.С. Кауфман.

Особое внимание в работе общества уделяется ознакомлению с литературным и научным наследием Гете, его наиболее известными произведениями, как например, «Страдания молодого Вертера», «Западно-Восточный диван» и др. В центре внимания находятся также профессиональные интересы Гете, в частности, его пристрастие к минералогии. Член Гете-общества Вецлар А. Кункель знакомит слушателей с важнейшим периодом жизнедеятельности Гете в Вецларе. Не остаются без внимания вопросы отношения Гете к живописи, музыке, его дружба с Ф. Шиллером и т.д.

В отчете показано также, что широкий круг интересов общества связан с российской культурой. Например, в обществе проходят встречи с поэтами Тамбовщины. Так, известный в России поэт В.Т. Дорожкина проводит авторский вечер, на котором читает собственные стихи, на другом заседании общества она комментирует творчество М. Цветаевой. Очевидно тесное сотрудничество с Тамбовским государственным музыкально-педагогическим институтом им. С.В. Рахманинова. В Гете-обществе читаются лекции о немецких композиторах 19 в. (Шуман, Шуберт), о русском композиторе С.В. Рахманинове, обсу-

ждается опера Ж. Массне «Вертер», прослушиваются фрагменты оперы, проводятся другие интересные музыкальные вечера.

Впечатляет такая форма работы как организация выставок, в которую включены художники Тамбовщины во главе с заместителем председателя общества Н.Н. Воронковым, при этом выставки проходят в России и Германии. Например, 19 ноября 1995 года проводилась выставка «Рисунки немецких военнопленных из лагерей на Раде и в Моршанске» в посольстве ФРГ в Москве

Важную просветительскую функцию выполняет просмотр немецких фильмов по мотивам художественных произведений, например, «Госпожа Жени Трайбель» по роману Т. Фонтане, «Разбитый кувшин» по пьесе Г. Клейста и др. Документальный фильм «Вецлар – город Гете» представляет большой интерес в плане ознакомления как с городским ландшафтом старинного немецкого города Вецлара, так и с достопримечательностями, связанными с Гете и историей создания его первого романа «Страдания молодого Вертера» (1774). Полезным был также просмотр фильма «Союз по уходу за могилами» в Тамбове», в котором были показаны новые формы международного сотрудничества в плане примирения народов после трагических событий 20 века. Из отчета можно узнать, что в Тамбовском Гете-обществе состоялась встреча с молодежной группой по уходу за могилами с участием ветеранов из федеральной земли Гессен (ФРГ).

Огромную работу в контексте всех событий и мероприятий проводит председатель общества: Лия Соломоновна постоянно участвует в организации встреч, проводит переговоры с администрацией, осуществляет все контакты с зарубежными партнерами. Ее квартира на Студенечкой, 26 является в это время важнейшим координационным центром, в котором планируются, обсуждаются программы действий в настоящем и в перспективе. Кроме того, Лия Соломоновна выступает с лекциями по русской и немецкой литературе в Тамбовском обществе, а также в Германии (Вецлар и Грайфсвальд). (См. «Отчет» ниже).

ОТЧЕТ
О РАБОТЕ ТАМБОВСКОГО ОБЩЕСТВА ГЕТЕ ЗА 1995 ГОД

1) Литературные вечера:

- «Гете в Веймаре» – профессор Л.С. Кауфман;
- Гете. «Западно- Восточный диван» – доктор В.Е. Пожилова;
- «Переписка Гете и Шиллера. Конец 18 в.» – доктор В.Г. Баев;
- «Страдания молодого Вертера», «Декламация» – доктор И. Блохина и доктор Хайдорн;
- «Гете и живопись» – Н. Воронков;
- «Гете в Вецларе» – А. Кункель;
- «Коллекция минералов Гете» – Т. Пятибратова;
- «Лирика М. Цветаевой» – В. Дорожкина;
- Авторский вечер В. Дорожкиной;
- «Гете и музыка». 3 вечера. Доктор И. Мишин.

2) Музыкально-литературные вечера:

- немецкие композиторы 19 в. (Шуман, Шуберт);
- музыкальная программа по мотивам оперы «Вертер»;
- вечер музыки С.В. Рахманинова;
- концерт 9 мая 1995 г.;
- музыкальный вечер в доме-музее Чичерина.

3) Молодежные мероприятия:

подготовка и проведение вечера с участием ветеранов из федеральной земли Гессен (ФРГ), членов общества Гете из Вецлара и делегации молодежи – членов Союза по уходу за могилами;

- Рождественский вечер.

4) музыкальных вечера:

- чтение баллад Гете и отрывков из его писем Шиллеру;
- поездка в Мичуринск. Посещение детского реабилитационного центра;
- поездка в Мучкап. Посещение собора;
- Экскурсия в картинные галереи Тамбова, Мичуринска и Моршанска.

5) Были организованы и посланы в Германию следующие выставки:

– Фотовыставка А. Самошкина в Грайфсвальде «Тамбов на карте генеральной»;

– Рисунки немецких военнопленных из лагерей на Раде и в Моршанске (частная коллекция Н. Воронкова);

– выставка картин Н. Воронкова в Вецларе. Сентябрь 1995 г.;

– выставка картин художницы Н. Колыхаловой в Грайфсвальде. Ноябрь 1995;

– Рисунки немецких военнопленных из лагерей на Раде и в Моршанске. Выставка 19 ноября 1995 г. в посольстве ФРГ в Москве.

6) Демонстрация фильмов для членов общества и учителей г. Тамбова:

– «Госпожа Жени Трайбель»;

– «Разбитый кувшин»;

– «Союз по уходу за могилами» в Тамбове»;

– «Вецлар – город Гете» и др.

Консультации по вопросам немецкой литературы для учителей и студентов.

7) Доклады профессора Л.С. Кауфман в Германии. Август – сентябрь 1995 г.

– Вецлар и Грайфсвальд;

– Гете в России;

– Творчество А.С.Пушкина, М. Цветаевой, А. Ахматовой;

– Достоевский о русском характере;

– Ранние произведения А. Солженицына

(подпись председателя Гете-общества Л.С. Кауфман)

«РЕЗИДЕНЦИЯ» ТАМБОВСКОГО ОБЩЕСТВА ГЕТЕ

Первый год существования Гете-общества на Тамбовской земле наполнен разнообразными культуртрегерскими событиями в области образования, музыки, живописи и т.д., что наглядно подчеркивает, с каким энтузиазмом взялась Лия Соломонов-

на за реализацию идеи и задач, связанных с ней. Напомню, ей уже под 80, но, судя по отчетам, ее направляющая энергия присутствует везде, она постоянно бывает на всех вечерах, проводимых четко по расписанию, **ежемесячно в пятницу последней недели месяца** в 17.30 чаще всего в аудитории 67 или в кабинете 64а, который вскоре стал своего рода первой «резиденцией» Тамбовского общества Гете на факультете романо-германской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина.

Здесь не без ее напора был отреставрирован массивный до-революционный книжный шкаф, поставлены обычные советские книжные шкафы, в которых размещались преимущественно произведения немецких авторов, словари, справочники – в целом, это была богатая библиотека, пополнявшаяся ежегодно из различных источников. В отчете за 1996-97 гг. в пункте 11 подчеркивается, что в это время осуществляется каталогизация библиотечного фонда.

В кабинете Гете-общества стояли столы и стулья для участников встреч, на стенах висели портреты немецких писателей, в том числе В. Гете, картины, подаренные тамбовскими художниками, репродукции известных русских и европейских мастеров, огромная карта новой объединенной Германии, используемая также на занятиях по практике речи немецкого языка, страноведению и т.д. Здесь же по инициативе Лии Соломоновны были открыты бесплатные курсы немецкого языка для населения города, на которых к счастью, несколько лет, работал Николаус Хайдорн (ФРГ), преподававший одновременно немецкий язык в лицее № 29 и других школах г. Тамбова. Следует сказать также о том, что под научным руководством профессора Кауфман Л.С. Н. Хайдорн преподавал анализ текстов немецкой художественной литературы для студентов немецко-английского отделения на безвозмездной основе (1997-1998 гг.). После его отъезда из России на курсы пришли молодые ассистенты кафедры немецкой филологии Зеленева Е.В., Дронова О.А., посещавшие его занятия, и др.

Постепенно в «резиденции» стало обществу тесновато, и Лия Соломоновна потребовала расширения пространства. Ее

просьба была учтена, для проведения различных встреч общества была выделена аудитория № 6, (ныне там располагается администрация мединститута), а тогда эта аудитория на первом этаже была светлой, просторной, где могли разместиться 50-60 человек. Чтобы придать аудитории больше уюта, тепла, по инициативе Н.Н. Воронкова вновь подключились художники, и на стенах появились картины, фотографии художника и фотографа А. Самошкина, карта мира и другие визуальные опоры. В этом пространстве праздновались различные праздники, открывались выставки книг, рисунков и т.д.

Многие заседания общества проходили в актовом зале (Советская, 93). У десятков поколений иняза этот зал сохраняется в памяти как место символического священнодействия, закрепляющего наиболее значимые события в жизни студента (зачисление, посвящение в студенты, выпуск и т.д.). Просторный, светлый старинный зал с многочисленными огромными окнами, удобной сценой, музыкальным инструментом, великолепной акустикой – все это располагало к восприятию «духа» царившей атмосферы творчества и просвещения. Публика была, как правило, разновозрастная: от школьников – студентов – преподавателей – учителей школ – представителей общественности города (актеры, художники, поэты) – курсантов военных училищ – до пенсионеров, друзей и знакомых. Проведение таких встреч – не простая задача в организационном плане: нужно было договориться с лектором, исполнителем (актером) о теме события, предупредить членов Гете-общества о времени и месте, организовать транспорт, необходимый для поездки, например, в Мичуринск и прочие дела. Лия Соломоновна умело привлекала помощников – студентов, аспирантов, преподавателей кафедры, других сотрудников, своих знакомых, быстро откликнувшихся на ее просьбы.

Она не была администратором, но «колесо истории» непрерывно крутилось вокруг нее, втягивая в эту достаточно беспокойную жизнь многих людей разных поколений. Она никогда не отсутствовала на таких встречах, что теперь, по прошествии

многих лет, кажется удивительным. В хорошем расположении духа, с неиссякаемым интересом к тому, что и как будет рассказано, Лия Соломоновна представляла докладчика, а в заключение, как профессионал давала дополнительный комментарий, в особенности по проблемам немецкой и русской литературы, где она остается непревзойденным знатоком.

Ее дар – находить контакт с властью – позволили ей договориться сначала с первым мэром г. Тамбова Ковалем Валерием Николаевичем, затем – с мэром Алексеем Юрьевичем Ильиным об использовании зала в мэрии для проведения музыкальных концертов и встреч Гете общества на протяжении нескольких лет. Немецкие делегации ежегодно встречались с городской администрацией, обсуждали наиболее важные социо-культурные проблемы в России и Германии.

Впечатляют также зарубежные контакты уже на первом году Гете-общества. Выставки рисунков немецких военнопленных на Раде и в Моршанске произвели тогда эффект «разорвавшейся бомбы» в обыденном сознании: трагедия войны для простого человека, в данном случае немца (бывшего врага!) стала понятной в другом ракурсе, с другой стороны. Что может быть убедительнее в негативной оценке войны! Огромную роль в организации выставок играл заместитель председателя – Н.Н. Воронков, исключительно деятельный и заинтересованный член общества Гете. Он представлял Тамбовское общество Гете в Германии в г. Вецлар (1995 г.) не только собственной коллекцией рисунков немецких военнопленных, но и своими картинами. Он дал импульс для проведения выставок тамбовских художников в Германии: как следует из отчета, в ноябре 1995 г. в Грейфсвальде прошли выставки художницы Н. Колыхаловой, художника и фотографа А. Самошкина (фотовыставка «Тамбов на карте генеральной»), но при этом всегда рядом была Лия Соломоновна и ее поддержка в налаживании контактов. Такие события выходили за рамки обыденной провинциальной жизни.

НЕМЦЫ НА ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПОПРИЩЕ

Идея подключения немецких партнеров Гете-общества к учебному процессу, думаю, полностью принадлежит Лие Соломоновне, ибо это ее старая «ШКОЛА», как можно гуще насытить учебный процесс занятиями из уст носителей языка. Немецкие гости, в большинстве случаев – не преподаватели!, поддержали эту идею, несмотря на то, что данный вид работы ими изначально не планировался. Иными словами, они могли бы посмотреть достопримечательности города, поехать в другие российские города, где есть известные музеи, прогуляться, встретиться по плану поездки, принять участие в конференции. Но Лия Соломоновна была бы не Лия Соломоновна, если бы немцы, будучи в Тамбове, не проявили бы себя на педагогическом поприще. Логика такова – любой носитель языка ценен и полезен, независимо от того, какими знаниями о мире он располагает. Занятие с носителем языка – это дискурсивный процесс, который строится на обмене информацией, мыслями и представлениями с двух сторон. Техника «вопросания», умение поставить умный вопрос, выслушать собеседника – это большая обоюдная интеллектуальная работа, требующая реализации умений и навыков от студентов не в игровой форме, а самой настоящей реальной ситуации.

Задолго до приезда тщательно обсуждалось и составлялось расписание, преподаватели «закреплялись» за немцами и вели гостя на свое занятие, совместно определяли тему, нередко по конкретной программе данного курса, в особенности, если речь шла об устной практике. Немцы также заранее запрашивали необходимые темы, часто приезжали с актуальными материалами из газет, журналов, опираясь на собственный опыт – главное, студенты и преподаватели слушали и говорили на немецком языке.

Сохранилось одно из самых первых расписаний учебных занятий с немецкой делегацией на 13-16.05.1996 года, т.е. практически через полтора года после основания общества на Тамбовщине с пометками председателя Л.С. Кауфман. По расписа-

нию можно заметить, что учебные занятия проводились не только на факультете романо-германской филологии, но и на других факультетах университета (экономическом, юридическом). В расписании не обозначены занятия в школах города, хотя, как можно видеть дальше из отчета (см. ниже), и данный вид работы был значительным.

**Расписание учебных занятий с 13 по 16.05. 1996 года
в ТГУ имени Г.Р. Державина**

13.05 понедельник	Группа	преподаватель	Немецкий гость
2 пара	110-111	Безукладова И.Ю.	Frau Frommberg
2 пара	209 -210	Ушкова Н.В.	Frau Kätzler
3 пара	209 -210	Ушкова Н.В.	Frau Potze
2 пара	309-310	Пожилова В.Е.	Frau Kunkel
2 пара	314-315 413-414	Казарян Л.Г. Ткаченко Т.Н.	Herr Kallenbach
2 пара	408-410	Дронова Н.П.	Herr Dr. Brans Thema: Schiller
2 пара	географы – экономисты	Лямин С.	Herr Dr. Brans
14.05 вторник			
2 пара	408-410	Дронова Н.П.	Herr Dr. Brans Goethe
3 пара	408-410	Милосердова Е.В. Воропаева Г.П.	Frau Kunkel
2 пара	309-310	Ушкова Н.В.	Frau Küppers
3 пара	314-315	Кауфман Л.С.	Herr Küppers
12-00 – 13-00	экономисты	Лямин С.	Herr Dr. Brans
16.30 – 18.00	юридический факультет	Стерлигов С.	Herr Kallenbach
15.05. четверг			
2 пара	408-410	Милосердова Е.В.	Frau Küppers Herr Küppers
2 пара	413-414	Дронова Н.П.	Herr Heidorn Über das Sozi- alamt
2 пара	309-310	Пожилова В.Е.	Herr Heidorn Waldorfer Pädagogik

Как можно убедиться на основе таблицы расписания, в учебный процесс были «включены» шестеро носителей языка, из которых только доктор Николаус Хайдорн имел педагогическое образование, другие же члены делегации – юристы, преподаватели, пасторы знакомились со студентами и преподавателями, отвечали на вопросы из сферы культуры, политики, экономики, религии объединенной, тогда еще недостаточно известной нам Германии. На некоторых занятиях в расписании обозначены темы: из области литературы Гете, Шиллер, педагогики – Вальдорфская педагогика, из социальной сферы – социальная служба в Германии и многие другие вопросы.

Впервые проходило знакомство с теми членами Гете-общества Вецлар, с которыми в дальнейшем сложится контакт на десятилетия. Незабываемы занятия Ангелики Кункель, которая с самого первого приезда особенно много информации давала из мира книг в Германии. Систематические обзоры новинок проводились ею не только на занятиях, но и на заседаниях Гете-общества, она участвовала в торжественном открытии Тамбовского Гете-общества и уже тогда встречалась на занятиях со студентами (май 1995). Доклады А. Кункель всегда вызывали искренний интерес слушателей, так как она посвящала присутствующих в мир развития новых тенденций западной литературы, ее разножанровости, языковой специфики произведения автора. Впечатляло и то, что Ангелика Кункель привозила с собой много новых книг в дар обществу, а также нередко в качестве подарка преподавателям и студентам. Ее выступления известны в школах г. Тамбова, классической гимназии № 12, лицее № 29 и др., но это уже было потом, а пока в 1996 году идет апробация идеи максимального привлечения немецких гостей к учебному процессу.

Рядом с Ангеликой Кункель всегда стоял господин Герт Калленбах, ее муж, который не только участвовал в проведении учебных занятий, но и был постоянным фотографом всех событий, происходивших в Гете-обществе (как и на факультете в целом). Он запечатлел несметное количество кадров из повседневной жизни университета, встреч с членами Тамбовского обще-

ства Гете, со многими студентами, учащимися школ, учителями и многими людьми Тамбовщины и других областей России. Г. Калленбах привозил с собой популярные немецкие фильмы, и, чтобы облегчить для студентов восприятие фильма на немецком языке, пояснял содержание, комментировал детали сам.

Вспоминается одно из моих занятий со вторым курсом (уже в 2000-е гг.), когда он рассказывал студентам об особенностях системы образования в Германии, увязав эту тему со своим личным опытом тяжелого послевоенного детства и юности. При этом иронически повествовал о том, как долго (14 семестров!) учился в вузе. У него – хороший контакт со студентами и преподавателями, нередко ироническая оценка происходящего, к которой все постепенно привыкли, соглашаясь и /или противореча его мнению.

Неизгладимое впечатление оставили учебные занятия и культурные программы талантливой драматической актрисы (г. Ганновер) – Корнелии Кюн-Ляйц (1937- 2016). Ее театральная биография связана с именем одного из крупнейших немецких режиссеров XX столетия – Эрвином Пискатором, пригласившим Корнелию в 1960-е гг. в Берлин в знаменитый театр «Фрейе Фольксбюне» (досл. Свободная народная сцена). Она снималась во многих фильмах, принимала участие в многочисленных немецких радио-и телепрограммах. Корнелия известна также как блестящий чтец (рецитатор) немецкой поэзии, начиная с поэтов эпохи «Бури и натиска» и кончая современными авторами (Гете, Гейне, Брехт, Фонтане, Целан, Бахман и др.). Многие помнят, как она помогала студентам и молодым преподавателям в освоении техники художественного чтения. Это были настоящие мастер-классы, на которых всегда присутствовало много почитателей, в том числе и Лия Соломоновна, с восторгом относившаяся к культурному диалогу подобного рода. Встречи с Корнелией Кюн-Ляйц проходили в аудитории 71, вмещавшей более 100 человек, актовом зале (Советская, 93), в клубе творческих работников областного Драмтеатра, в школах города. Повсюду царила праздничная атмосфера, когда Корнелия выходила на сцену.

Николаус Хайдорн – колоритная фигура, высокого роста, с сигарой в зубах будоражил на первых порах своего пребывания в Тамбове воображение тамбовчан, он резко выделялся внешним видом, одеждой на фоне общего унылого контекста 1990-х годов. Н. Хайдорн был приглашен в лицей № 29 преподавать немецкий язык учащимся школы, где в старших классах он должен был читать курс немецкой литературы. Лия Соломоновна стала его своего рода научным консультантом: он систематически приходил к ней, обсуждал наиболее существенные темы курса, подходы к объяснению учебного материала и другие тонкости педагогического мастерства. Лия Соломоновна незамедлительно привлекла его к работе в Гете-обществе: во-первых, он безвозмездно стал проводить еженедельно занятия по аналитическому чтению, на которые ходили студенты и молодые преподаватели. Занятия оказались чрезвычайно полезными, поскольку здесь дополнительно изучались литературные тексты, значительно углублявшие мир представлений о личности писателя, культурном контексте и особенностях языкового выражения. Во-вторых, он участвовал в проведении заседаний Гете-общества, посвященных различной проблематике. Незгладимое впечатление оставило празднование Рождества 25.12.1995 г., «выстроенное» с учетом немецких обычаев и правил, что было совершенно новым и необычным для нашего атеистического сознания (в нашем календаре десятки лет Рождество не праздновалось, и лишь в 1991 г. Рождество стало календарным выходным днем). Н. Хайдорн читал отрывки из Нового Завета, все вместе пели «Stille Nacht», а потом, разумеется, «В лесу родилась елочка». В этот вечер читались стихи, пелись народные песни, на столах горели свечи, лежали сладости, присланные к этому событию Гете-обществом Вецлара.

Такой профессионал как фрау доктор Карин Унзикер, преподаватель немецкой литературы в университете г. Марбург – это вообще дорогой подарок, ее вклад в образовательный процесс в области литературы огромен: сколько лекций и практических занятий она провела со студентами, при этом к ней шли преподаватели во главе с завкафедрой Е.В. Милосердовой, а также и Лией Соломоновной – теперь трудно подсчитать. Это

были циклы лекций прежде всего о творчестве В. Гете, Ф. Шиллера, немецких романтиков, писателей 20 в. В моих личных конспектах обнаружили записи текста лекции о творчестве Г. Гейне от 13.04.11, в которой фрау доктор Унзикер подробно анализировала историю создания, проблематику его книг: «Das Buch der Lieder», «Deutschland. Ein Wintermärchen» и др.

В мае 2012 г. она читает лекции, анализирует тексты из произведений Ф. Кафки, Г. Грасса, что было достаточно напряженной работой, попытаться вдохновить студентов на прочтение сложнейших произведений прошлого века. Было интересно наблюдать, как после лекции Лия Соломоновна начинала дискутировать по содержанию лекции, поскольку не всегда разделяла позицию лектора. Карин Унзикер деликатно пыталась отстоять свою точку зрения.

Вильфрид Фабер, исключительно доброжелательный, открытый человек, приехал в Тамбов в 1995 г. Когда он появился однажды на факультете, то, как когда-то, В. Гедрих, он принес с собой аккордеон, который потом неоднократно был дополнительным компонентом не только занятий, но и разных встреч в Гете-обществе и Клубе друзей Германии на факультете романо-германской филологии. Работая постоянно с молодежью, В. Фабер быстро нашел контакт со студентами и преподавателями. На своих лекциях он вводил совершенно новые темы из истории религии, что для студентов и преподавателей было открытием, да еще на немецком языке. Например, по своим записям могу отметить, что 16.04.2011 г. для младших курсов читалась лекция о создании письменных религиозных памятников различных вероисповеданий. На лекции можно было услышать толкование терминов «Ветхий Завет», «Новый Завет», «Тора» и т.д. На этой лекции была показана исключительная роль немецкого богослова-реформатора М. Лютера (1483-1546) в переводе текста Библии на немецкий язык 16 века. Помню, как на практическом занятии анализировались особенности перевода фрагмента Нового Завета разными переводчиками в зависимости от временного контекста. Через год, 14.05.2012 г., В. Фабер рассказывает об особенностях религиозного образования в Германии. Таких лекций было не мало.

Невозможно восстановить список всех, кто приезжал в последующие годы и участвовал в учебном процессе в ТГУ и других образовательных учреждениях города и области. Невозможно реконструировать весь образовательный пласт, поднятый немецкими представителями Гете-общества во время своих приездов в Тамбов (это еще одна книга!), ясно одно – это была (и остается в известной мере до сих пор!) важнейшая составляющая просветительского, образовательного и культурного взаимодействия.

О первом «вторжении» в учебный процесс и в другие виды деятельности участников майского пребывания Гете-общества г. Вецлар сохранился отчет Тамбовского Гете-общества за подписью его председателя – Л.С. Кауфман. Читая строки отчета, не устаешь удивляться тому, какая удивительная человеческая и языковая атмосфера царила в это время: сколько людей было втянуто в этот общий международный диалог, и какая колоссальная мысль и работа стояла за взаимодействием участников!

ОТЧЕТ **о совместной работе Тамбовского общества Гете** **и Гете-общества Вецлара по заранее** **согласованной программе с 10.05. по 18.05.1996 г.**

Делегация г. Вецлара осуществляет свое партнерство с Тамбовским обществом Гете (учредитель ТГУ им. Г.Р. Державина). Делегация в составе 11 человек прибыла в Тамбов по приглашению Тамбовской епархии и общества Гете.

1. За время пребывания в рамках программы ее членами: д-ром Брансом, господином Калленбахом, господином Кюпперсом, госпожами Кункель, Фромбер, Кетцер было проведено на факультете романо-германской филологии: 16 двухчасовых лекций и семинаров на 1-4 курсах – всего 32 часа; темы: литература, экономика, практика немецкой речи

Д-р Бранс выступил перед учеными и студентами экономического факультета с обзорной лекцией об экономике Германии. Ответил на 11 вопросов. Господин Калленбах выступил с лекциями перед преподавателями и студентами юрфака и отделе-

нием менеджмента и социальному законодательству. Выступил с освещением той же проблемы в центре занятости Тамбовской мэрии. Все лекции, семинары, консультации проводились безвозмездно в порядке взаимного обмена.

2. Все перечисленные выше преподаватели, включая остальных членов делегации, посетили занятия, заседания интернациональных клубов в школах № 1, 8, 19, 22, 31. В школах госпожи Кетцлер, Фромберг и Грасник провели учебные занятия в младших классах.

3. В помещении ТГУ (аудитория 67 факультета романо-германской филологии) открыта выставка детских рисунков учащихся художественных школ г. Вецлара и Тамбова. В открытии выставки принимали участие юные художники школы № 33 (Дети с поражением двигательного аппарата и речи). Выставки по расписанию посещают учащиеся младших классов и школ г. Тамбова.

4. Общество Гете Тамбова совместно со студентами ТГУ и коллективом завода «Пигмент» провела торжественный вечер-концерт «Тамбову-360 лет». Была открыта выставка «Германия глазами художника» (Н. Воронков).

5. Проведен вечер общества Гете совместно с делегацией из Вецлара (14.05.1996). Торжественно закрыта выставка пастелей художника Грасника, организованная Тамбовским обществом Гете с 15.01.1996 по 17.05.1996 г. в картинной галерее.

6. Для членов делегации и студентов ТГУ были проведены экскурсии в музей Лермонтова, Тарханы, в Мичуринский педагогический институт, музей художника Герасимова, в дом-музей Чичерина, в Тамбовскую картинную галерею, что способствовало эффективной языковой практике студентов.

В совместном собрании представителей обоих обществ прошло обсуждение результатов поездки и был выработан план совместной работы в 1996-97 гг.

Председатель общества Гете Л.С. Кауфман
доктор филолог. наук, проф.
Заместитель председателя, художник Н.Н. Воронков
Секретарь, преподаватель ТГУ И.Ю. Безукладова

РАЗГОВОРЫ ВДВОЕМ

Доктор Узникер К.

Познакомилась я с Лили Кауфман около двадцати лет назад в Гете-обществе Вецлар, незадолго до поездки в Тамбов с делегацией по приглашению в 1997 году. После этого я ежегодно проводила здесь некоторое время (до четырех недель). Со студентами (в большинстве случаев студентками) я работала на семинарах по немецкой литературе и представляла им важнейших немецких авторов от классики до современности, от Иоганна Вольфганга фон Гете до Гюнтера Грасса. С коллегами кафедры немецкой литературы были оживленные разговоры о языке и литературе, о культурном своеобразии и различиях между Россией и Германией. Во время «Немецко-российских дней» двусторонне обсуждались важные вопросы межкультурной коммуникации.

Профессор Кауфман всегда присутствовала активно, будь она на трибуне с докладом, будь она с репликой из первого ряда публики, будь она в уютной обстановке дома или на даче, где я переживала радость праздника по-русски.

Особенно интенсивными были наши разговоры вдвоем, в ее квартире на Студенецкой, а также во время телефонных разговоров «Тамбов – Марбург». Всегда начинала с вопроса: «Ну, что Вы читаете сейчас на своих курсах?» И сразу же мы обе включались в разговор. Она интересовалась открыто, критично, с пониманием. Когда мы в Марбурге занимались русской литературой, то она давала существенные опоры для понимания романа «Преступление и наказание» Федора Достоевского. Книга как раз вышла в новом переводе Светланы Гейер под заголовком «Verbrechen und Strafe» (буквально: «преступление и наказание», в то время как в первом переводе книга называлась «Schuld und Sühne» «Вина и искупление» – Н.Д.). Она хвалила новый перевод, но с названием была не согласна. Я защищала его, так как убийства Раскольникова изображены в романе как преступления, наказанные светской юстицией. Лили поясняла,

что в русском понимании злодеяние и наказание рассматриваются и оцениваются в метафизическом аспекте. Поэтому религиозные термины «вина и искупление» больше подходят в данном случае. Кроме того, это название первого перевода книги вошло в немецкий язык уже как имя собственное и переименование книги, по ее мнению, может ввести в заблуждение.

О Борисе Пастернаке мы не были едины. По ее мнению, его роман «Доктор Живаго» был высоко оценен в Германии скорее по политическим обстоятельствам, в меньшей мере по его литературному качеству. Лирику Пастернака она признавала. Его перевод «Фауста» она считала до сих пор значительным. Но роман – не хорош. Когда я в 2009 году во время «Российско-немецких дней культуры» выступила с докладом «Пастернак и Марбург», в котором попыталась показать, каким образом студент, изучавший философию, пришел к решению стать поэтом, она воздержалась от замечаний. Я интерпретировала соответствующие места из «Прощального письма» в связи с большим стихотворением «Марбург» в качестве подтверждения его поворота к искусству как высшей форме познания. Пробивается творческая поэтическая сила, которая в символических картинах, ощутимых в переводе, побуждает его смело избрать новую жизненную цель («Сестра моя жизнь»).

У меня было впечатление, что Лили Кауфман разбиралась более в прозе, нежели чем в лирике. Это проявлялось в том, что многие годы она занималась прозой Ганса Фаллады. Мы часто о нем говорили. А когда я ставила его как рассказчика «новой вещественности» рядом с Эрихом Кестнером, которого я не могла высоко ценить, то она произнесла «Ну, да», переводила разговор на другую тему. То, что биография и творчество Фаллады в науке и литературной общественности вызывают растущий интерес (70 лет со дня смерти – в 2017 году), ее бы порадовало.

Сообразно возрасту я могла бы быть ее дочерью (что она охотно подчеркивала). И как мать, она дала мне возможность посетить многие литературные места и сопровождала меня, насколько ей позволяли силы. Дома писателей, могилы, музеи: Толстой, Достоевский, Горький, Булгаков, Пастернак...

„Wer das Dichten will verstehen,
Muss ins Land der Dichtung gehen.
Wer den Dichter will verstehen,
muss in Dichters Lande gehen.“

(Дословно: Кто хочет понять поэзию, должен отправиться в страну поэзии. Кто хочет понять поэта, должен отправиться в страну поэта – Н.Д.).

Эти строки Гете мы могли бы вместе с ней проверить. Искать «дословно-реалистически» места жизни поэтов и духовно бродить в стране поэзии в новых волнительных разговорах. Я во многом благодарна Лили Кауфман.

КАК СКАЛА ВО ВРЕМЯ ПРИБОЯ

Доктор Хайдорн Н.

Лия Соломоновна Кауфман была для меня как скала во время прибоя – мощной опорой в новом месте с чужим менталитетом, когда я приехал в 1994 году в Тамбов. Она дала мне ориентиры в незнакомом мире провинциального городка и показала многочисленные культурные инициативы, которые скрывались за серыми фасадами советских панельных домов.

Незабываемы встречи в ее гостиной между книгами, прочитанными, но еще не прокомментированными диссертациями, чаем со сладким печеньем и русскими конфетами, так и поездки на ее дачу в пригородном лесу, где она гуляла летом по извилистым дорожкам между высокими деревьями.

Она всегда была в поисках новых идей: новый проект для общества Гёте, спецкурс для студентов, которые должны были поехать в город Ветцлар, рождественский праздник, на котором с немецкими песнями выступила двухметровая Снегурочка, которой оказался я, пути дальнейшего углубления работы общества Гёте и так далее. Все эти беседы заканчивались конкретными идеями и инициативами, и почти незаметно она делилась теми проектами, которые реализовывала ранее в сотрудничестве с городом Ветцлар.

Во всех этих беседах Лия Соломоновна очень внимательно выслушивала мои проблемы, как приезжего человека, она всегда воздерживалась от излишних комментариев, но никогда не забывала то, о чем я ей рассказывал. Даже 15 лет спустя, когда я уже давно жил в Германии, она вспоминала все детали и интересовалась моей дальнейшей жизнью.

Попутно и ненавязчиво она давала мне очень много полезных практических советов как «новому тамбовчанину», и временами представлялась мне как путеводная звезда в моей очень динамичной и бурной жизни.

Лия Соломоновна интересовалась всем, но очень редко и мало рассказывала о собственной биографии. Сама – еврейского происхождения, она преподавала язык и культуру бывшего военного противника и очень сожалела, когда изучение немецкого языка стало сокращаться в русских школах и университетах. В последние годы своей жизни, когда у нее еще были свои аспиранты, она рассказывала мне о своих планах развития германистики в Тамбове и о собственной научной работе, которую она продолжала вести.

Я испытываю большое уважение перед огромным вкладом Лии Соломоновны в немецкую культуру в России и вспоминаю ее с радостью и благодарностью.

УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
«ДНИ НЕМЕЦКО-РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ 1997 г.»
В ТАМБОВЕ

Разнообразные формы работы в Тамбовском Гете-обществе, о которых говорилось в отчете за первый год работы (1995 г.), постепенно дополняются новыми, более масштабными и до сих пор неповторимыми формами, такими, как например, проект «Дни немецко-российской культуры в 1997 г.» в Тамбове. Как сложились обстоятельства, что стала возможной организация такого достаточно сложного, уникального проекта на Тамбовщине, аналога которому до сих пор в университете пока еще не

было, трудно объяснить. Можно лишь предполагать, что само время тогда благоприятствовало поиску форм сотрудничества: поддержка администрации университета (ректор профессор В.М. Юрьев), наличие практически единственной в России такой структуры как Гете-общество в Тамбове, и, безусловно, организаторский талант председателя общества – все это позволило осуществить грандиозную по своему содержанию и размаху культуртрегерскую идею на Тамбовщине.

12 МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ГЕРМАНИСТОВ В ТАМБОВЕ

Предыстория события такова. С 16 по 18 мая 1996 г. по инициативе кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина (завкафедрой профессор Е.В. Милосердова) в Тамбове проходила 12 международная научная конференция германистов Немецкой Академической Службы Обменов (DAAD) на тему: «Немецкая история культуры после 1945 г.» (Deutsche Kulturgeschichte nach 1945). О масштабе конференции свидетельствуют имена авторитетных ученых – участников с немецкой стороны: доктор филологии Вернер Юнг (Wegner Jung) (Университет Бохум), представитель немецкого посольства в Москве Вернер Драуц (Werner Drautz), профессор, доктор Вальтер Фэндерс (Walter Fähnders) (Университет Оснабрюк), от издательства «Интер Национес» (Бонн) Пауль Пюшель (Paul Püschel) и др. В течение нескольких майских дней после утренних пленарных заседаний дискуссии продолжались на секциях: СМИ (Massenmedien), Культурная политика (Kulturpolitik), Театр (Theater), Искусство и архитектура (Kunst und Architektur), Кино (Film), Музыка (Musik), Повседневная жизнь/ Повседневная социология (Alltag/Alltagssoziologie), Реклама (Werbung).

Посольство ФРГ предоставило возможность просмотра немецких фильмов: «Effie Brist», «Der Fangschuß», «Die Mörder sind unter uns», «Wir können auch anders». В последний день пре-

бывания 18 мая гости и участники конференции посетили музей-усадьбу С.В. Рахманинова в селе Ивановка Тамбовской области.

В день завершения работы секций 17 мая консул Генерального консульства ФРГ, располагавшегося в г. Саратове, Петер Фельтен проводил в ТГУ прием, на котором во время беседы Л.С. Кауфман, как председатель Гете-общества, заговорила об идее проведения «Дней немецко-российской культуры» в Тамбове, что поддержано было также кафедрой и факультетом, о чем позднее П. Фельтен писал: «Sehr geehrte Frau Professor Dr. Kaufman, anlässlich meines Besuches in Tambow im Mai 1996 wurden mir von verschiedener Seite Wünsche zur Durchführung von «Deutsch-russischen Kulturtagen» in Tambow vorgetragen». (Глубокоуважаемая профессор Кауфман, во время моего визита в мае 1996г. мне высказывались с разных сторон пожелания по проведению «Дней немецко-российской культуры» в Тамбове).

В том же письме от 01.10.1996 года П. Фельтен подчеркивает готовность Генерального Консульства ФРГ поддержать идею проведения «Дней культуры» и предлагает комплекс возможных мероприятий, которые могли бы составить содержание программы: выставка немецких книг, кинофестиваль при поддержке Гете-института, выступление камерных ансамблей, гастроли духового оркестра земли Баден-Вюртемберг, выставка картин художников Вецлара, фотовыставка Вецлар/Гессен, участие евангелической церкви г. Вецлар. Далее называлось предположительно время проведения – сентябрь 1997 года, место проведения – Тамбов, однако в конце письма П. Фельтен просил уточнить, в какой степени Тамбов заинтересован в проведении «Дней», какое учреждение может взять на себя ответственность, поскольку данный проект требует значительных материальных и организационных затрат. (Оригинал письма прилагается ниже)

**ПИСЬМО КОНСУЛА ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА ФРГ
GENERALKONSULAT
DER BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND**

Saratow, 1. Oktober 1996

392000 г. Тамбов

Председателю общества Гете в г. Тамбове
госпоже профессору д-ру Лили Кауфман

Betr.: Projekt «Deutsch-russische Kulturtage 1997» in Tambow

Sehr geehrte Frau Professor Dr. Kaufmann,

anlässlich meines Besuches im Mai 1996 wurden mir von verschiedener Seite Wünsche zur Durchführung von «Deutsch-russischen Kulturtagen in Tambow» vorgetragen. Das Deutsche Generalkonsulat Saratow ist gerne bereit, eine entsprechende Initiative zu unterstützen und eine Reihe deutscher Beiträge zu einer solchen Veranstaltung zu mobilisieren.

Als Veranstaltungen im Rahmen solcher «Deutsch-russischen Kulturtage» erscheinen denkbar:

- deutsche Buchausstellung zu einem festzulegenden Themenschwerpunkt
- Kinofestival, unterstützt durch das Goethe-Institut
- Auftritt des rußlanddeutschen Kammerensembles
- Gastspiel des Landesblasorchesters Baden-Württemberg
- Ausstellung Wetzlarer Maler
- Fotoausstellung Wetzlar Hessen
- Beitrag des evangelischen Kirchenkreises Wetzlar

Wenn es gelänge, von Ihrer Seite entsprechende Beiträge beizusteuern, so ließe sich aus meiner Sicht ein interessantes Programm zusammenstellen.

Wie im Mai besprochen, wäre als Termin für Deutsch-russische Kulturtage der Monat September 1997 besonders geeignet. Eine solche Terminsetzung würde auch eine sorgfältige Vorbereitung der Veranstaltung ermöglichen. Unverzichtbare Voraussetzung für den

Ерфолг einer entsprechenden Maßnahme ist jedoch, daß vor Ort, d.h. in Tambow, tragfähige Organisationsstrukturen, die Vorbereitung und Durchführung der Veranstaltung gewährleisten. Das Deutsche Generalkonsulat wird alle Initiativen Ihrerseits mit Engagement unterstützen, ist jedoch aufgrund der räumlichen Entfernung zwischen Tambow und Saratow sowie seiner begrenzten personellen und logistischen Möglichkeiten nicht in der Lage, als Veranstalter aufzutreten.

Da die Durchführung «Deutsch-russischer Kulturtage in Tambow» einen erheblichen materiellen und organisatorischen Aufwand erfordert, bitte ich Sie, dem Deutschen Generalkonsulat Saratow mitzuteilen, inwieweit weiterhin Interesse an einem solchen Projekt besteht und welche Institution in Tambow ggf. als verantwortlicher Veranstalter auftreten würde.

In der Hoffnung auf weitere gute Zusammenarbeit verbleibe ich mit freundlichen Grüßen

Im Auftrag

(Unterschrift) (Felten)

Konsul I

ПОДГОТОВКА «ДНЕЙ НЕМЕЦКО-РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ» В ТАМБОВЕ

Письмо консула П. Фельтена отправлено в Тамбов в начале октября года. Но события развивались настолько динамично, что уже 6.12. 1996 в Гете-обществе проходит встреча художников г. Тамбова и Вецлара, на которой обсуждается план проведения выставки в рамках «Дней немецко-русской культуры». Обсуждение проводится также в Тамбовской картинной галерее и в ТГУ, подтвердившим готовность к ответственности в реализации проекта (см. Программу приема художников из Германии ниже).

В течение января – сентября 1997года основная работа Тамбовского общества была сконцентрирована на подготовке «Дней», потребовавшая немало усилий со стороны председателя оргкомитета профессора Е.В. Милосердовой, членов кафедры

немецкого языка, а также председателя Гете-общества Л.С. Кауфман и ее заместителя Н.Н. Воронкова. В архиве сохранился «План и программа дней российско-немецкой культуры в Тамбове» с 18 по 25 октября, в котором подробно отражены все основные события «Дней»: от встречи и размещения гостей в семьях до прощального ужина и отъезда немецких гостей (План прилагается ниже).

**ПРИЕМ ХУДОЖНИКОВ ИЗ ГЕРМАНИИ 6.12.1996,
СОГЛАСОВАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ВЫСТАВКЕ
ПО ПРОГРАММЕ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ**

6.40	Приезд.	Воронков, Леонов
10.00	Посещение художников «На крыше»	Воронков, Леонов
11.30	Обсуждение проведения выставки. Картинная галерея.	Шестакова, Воронков
13.00	Обед	Барышникова Т.А.
14.00	Обсуждение проведения выставки в университете	Дронова, Милосердова, Кауфман
15.00	Прогулка по городу	Лямин
16.00	Посещение ателье художницы Н. Колыхаловой	Колыхалова
18.00	отъезд	Лямин

**ПЛАН И ПРОГРАММА
ДНЕЙ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАМБОВЕ
С 18 ПО 25 ОКТЯБРЯ 1997 Г.**

18.10.1997. Прибытие членов немецкой группы, участников дней российско-немецкой культуры;
Размещение в семьях;
Работа по оформлению выставок;
Совместный ужин в Гете-обществе.

19.10.1997. Экскурсия по городу;
Дальнейшее оформление экспозиций;
Встреча части немецкой делегации из евангелической общины Г. Вецлара с представителями русской православной церкви;
Совместный ужин у профессора Милосердовой Е.В.

20.10.1997. 10.00. Официальное открытие дней российско-немецкой культуры.

Струнная группа симфонического оркестра. Худ. руководитель и дирижер Александр Черемисин;

Приветствия представителей российской и немецкой сторон:

- от Тамбовской областной администрации;
- от мэрии города;
- от генерального консульства ФРГ (г. Саратов);
- от общества им. Гете;
- от партнеров лингво-математического лицея № 29;
- от евангелической общины г. Вецлара;
- от других учреждений, имеющих партнерские связи с ФРГ (гимназия, лицей).

12.00 – Открытие выставки «Глазами друзей» города Тамбова и Вецлар. Картинная галерея. Ответственные: Г.Калленбах, Н. Воронков, Общество Гете Тамбов-Вецлар;

14.00 – Обед;

16.00 – Немецкая лирика 20-го столетия: монокомпозиция актрисы Корнелии Насс. Скрипка А. Пауткин. Концертмейстер Н. Меркулова;

8.00 – Музыкальный вечер: песни и романсы русских и немецких композиторов. В. Ахундова (сопрано), коцертмейстер О. Михина.

Тамбовский камерный хор. Худ. руководитель В. Козляков.
Совместный ужин.

21.10.1997. 10.00 – Открытие книжной выставки, представленной институтом им. Гете (ФРГ). Ответственные: г-жа Кункель, проф. Л.С. Кауфман, общество Гете Вецлар – Тамбов.

до 14.00 – члены немецкой делегации работают в студенческих группах факультета РФФ ТГУ им. Державина.

Темы: страноведение, современная немецкая литература, работа над фонетикой, политическая карта Германии.

14.00 – Обед.

16.00 – (или 17.00) – Концерт. В. Асташова (сопрано), концертмейстер С. Расцелуева, оркестр народных инструментов ТГУ им. Державина. Худ. руководитель – доц. В. Рыжков. Дирижер – С. Нехорошев.

22.10.1997. До 14.00 – продолжение работы в группах университета, гимназии и лицея.

14.00 – Обед;

16.00 – Открытие выставки в помещении ТГМПИ им. Рахманинова. «Музыка сближает нас». Ответственная Н. Вязова, ТГУ им. Державина.

17.00 – Концерт. Музыка Эпохи Возрождения, Шуберт, Рахманинов и др. Н. Неокина (сопрано), концертмейстер И. Царева. Хор музыкально-педагогического института им. Рахманинова. Худ. руководитель А. Козлов.).

10.00 – «Круглый стол» на тему: «Российско-немецкие связи: история и современность» (в помещении ТГУ).

Доценты, преподаватели и аспиранты ТГУ им. Державина, представители общества им. Гете, генерального консульства ФРГ. По окончании – демонстрация фильма.

14.00 – Обед.

17.00 – Лирика Г.Гейне: к 200-летию поэта.

Исполнитель – Корнелия Насс.

Скрипка – А. Пауткин, концертмейстер Н. Меркулова.

24.10.1997. 14.00 – Обед.

18.00 – Прощальный ужин с участием представителя генерального консульства ФРГ (г. Саратов). (Возможен концерт фольклорного ансамбля «Иван да Марья» – ТГУ им. Державина).

23.00 – Отъезд немецкой делегации.

Примечание: В течение всей недели для преподавателей и студентов ТГУ, а также для всех желающих будет организован фестиваль классических немецких фильмов, представленных посольством ФРГ в Москве.

Ответственный организатор концертов и выставок – Тамбовское общество Гете.

Председатель оргкомитета, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии ТГУ Е.В. Милосердова

ПРОВЕДЕНИЕ «ДНЕЙ НЕМЕЦКО-РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ» В ТАМБОВЕ

Открытие «Дней культуры» состоялось 20.10.1997 г. в Державинском зале ТГУ. В нем принимали участие ректор Тамбовского университета им. Г.Р. Державина профессор В.М. Юрьев, консул Генерального Консульства ФРГ П. Фельтен, немецкие гости, ученые из российских вузов.

В эти дни, как планировалось ранее, были открыты несколько выставок: 20.10.1997 г. в Тамбовской картинной галерее – выставка «Глазами друзей: города Тамбов и Вецлар» (Ответственные: Г. Калленбах, Н. Воронков); 21.10.1997 г. в резиденции Гете-общества (аудитория 6) на факультете романо-германской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина – книжная выставка Гете – института (ФРГ) (Ответственные: А. Кункель, проф. Л.С. Кауфман); 22.10.1997 г. в ТГМПИ им. Рахманинова – выставка «Музыка сближает нас» (Ответственные: доц. Н.В. Вязова, проф. Л.С. Кауфман).

На протяжении недели студенты, преподаватели, члены Гете-общества посещали многочисленные концерты. Так, в день открытия состоялись в разное время два интереснейших концерта: в 16.00 в актовом зале ТГУ (Советская, 93) выступала известная немецкая актриса Корнелия Кюн-Ляйц (Насс) с программой «Лирика Гейне» в сопровождении скрипки в исполне-

нии А. Пауткина (сохранилось объявление об этом концерте). Публика была в восторге от таланта актрисы и ее профессионализма. В 18.00 в тот же день все отправились в ТГМПИ им. Рахманинова на музыкальный вечер: «Песни и романсы русских и немецких композиторов» в исполнении В. Ахундовой (сопрано), коцертмейстер О. Михина. В концерте принимал участие Тамбовский камерный хор (Худ. руководитель В.В. Козляков). В другие дни можно было посетить в ТГМПИ им. Рахманинова концерт В. Асташовой (сопрано), концертмейстер С. Расцелуева, концерт оркестра народных инструментов ТГУ им. Державина (Худ. руководитель – доц. В. Рыжков, дирижер – С. Нехорошев); концерт «Музыка Эпохи Возрождения, Шуберт, Рахманинов и др.» в исполнении хора музыкально-педагогического института им. С.В. Рахманинова (Худ. руководитель А. Козлов, Неокина – сопрано, концертмейстер – И. Царева) и др.

На заключительном этапе 23.10.1997 г. в актовом зале ТГУ (Советская, 93) состоялся «Круглый стол» на тему: «Российско-немецкие связи: история и современность», в котором приняли участие немецкие гости, профессора, аспиранты и студенты университета, ТГМПИЯ, Мичуринского пединститута, учителя общеобразовательных школ, гимназий. Было высказано немало конструктивных предложений о том, как необходимо поддерживать и развивать существующие контакты. Немецкие гости (не без инициативы Лии Соломоновны) провели несколько учебных занятий со студентами по немецкому языку на факультете романо-германской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина, посетили несколько школ.

Многочисленные встречи за ужином в Гете-обществе, а также в гостях у профессора Е.В. Милосердовой (19.10.1997 г.) позволили ближе познакомиться, обменяться впечатлениями, наметить перспективы дальнейшего сотрудничества.

Все «Дни» проходили в празднично-приподнятой обстановке, дружелюбной атмосфере, доверии друг к другу с обеих сторон. Так строился и реализовывался этот действительно уникальный проект диалога культур.

Высокую оценку состоявшемуся событию дал консул Генерального консульства П. Фельтен в своем письме от 11 ноября 1997 г.: «Глубокоуважаемая профессор Кауфман! Позвольте сначала поблагодарить Вас за приглашение на дни немецко-русской культуры, впервые проведенные в Тамбове. Хотя я, к моему сожалению, смог присутствовать лишь полтора дня, я был приятно удивлен уровнем предложенных мероприятий, обстановкой дружбы и диалога культур. Я был бы Вам благодарен, если бы Вы высказали свою оценку этих дней немецко-русской культуры».

В письме – поздравлении от Общества Гете Вецлар в адрес Тамбовского Гете-общества с Рождеством и Новым 1998 годом (Ein gesegnetes Weihnachtsfest und ein frohes Neues Jahr 1998) также подчеркивается огромное значение культурного проекта 1997 года в Тамбове:

«Дорогие Тамбовские друзья,

От имени евангелического церковного округа Вецлар от всей души благодарим вас. Вы с большим воодушевлением способствовали тому, что российско-немецкие дни культуры, состоявшиеся в Тамбове с 18 по 25 октября 1997 года, стали для нас незабываемым событием.

Особенно радует нас то, что уже пять лет продолжающиеся отношения сделали возможным с обеих сторон осуществление таких дел. В музыке ли, в слове ли, в маленьких и больших организационных мероприятиях, в игре или танце, при просмотре или прослушивании, за накрытым столом или при теплом свете горящих свечей перед иконостасом – мы чувствовали себя как дома и оставили у вас кусочек нашего сердца.

Мы счастливы, что эти дни так удались и говорим всем участникам еще раз СПАСИБО!

Вецлар, ноябрь 1997 года

Эрнст-Удо Кюпперс,
Хорст Даниель,
Бернд Штандгардт,
Фритц Далльманн

Урсула Кюпперс,
Гейдрун Грасник,
Эрика Арндт,
Эрна Шмидт

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПОДДЕРЖКИ

В письме от 11 ноября 1997 г. П. Фельтен также писал: «Во время ужина по приглашению г-жи проф. д-ра Милосердовой Е.В. 19.10.1997 г. у нас была возможность обговорить возможности финансовой поддержки Тамбовского Гете-общества немецким Генеральным консульством в Саратове».

Далее в письме излагаются основные положения, на основании которых Тамбовское Гете-общество могло бы рассчитывать на финансовую поддержку Генерального Консульства. В частности, в «Письме» сообщалось, что «Генеральное консульство в Саратове охотно поддержало бы Гете-общество на основе годовой программы... При этом особенно должны быть отмечены те проекты и программы, для которых общество хотело бы получить поддержку». Для этого, как подчеркивалось в «Письме», необходимы описание проекта, финансовый план с указанием полной стоимости и объема работ. Далее в «Письме» шла речь о таких формах работы Гете-общества, как например, языковые курсы: «Мы не возражаем, если курсы немецкого языка будут проводить преподаватели университета, но слушателями курсов не должны быть студенты-германисты. Допустимо, чтобы курсы посещали студенты, которые не имеют доступа к немецкому языку в рамках своего обучения. То же правило распространяется на школы. Целью языковых курсов должны быть прежде всего лица, связанные с культурой, политикой, средствами массовой информации и образованием, которые серьезно и обоснованно интересуются Германией, но не могут позволить себе посещать коммерчески организованные курсы немецкого языка.

Культурные проекты, например, музыкальные вечера, вечера поэзии, выставки, связанные с Германией, симпозиумы, семинары и т.д., могут быть поддержаны, поскольку они имеют культурную ценность, показывая немецкую действительность и связаны с контактами извне.

Однако невозможна поддержка рождественских вечеров внутри общества, дружеских встреч и развлекательных мероприятий.

В заключение подчеркивалось: «Если Вы заинтересованы в поддержке Гете-общества в описанных рамках, то прошу Вас по возможности до конца ноября прислать указанные документы» Подпись Фельтен.

Это означало уже переход на новые формы международного сотрудничества. Лия Соломоновна оперативно разработала проект и программу языковых курсов, которые несколько лет поддерживались финансово Генеральным консульством ФРГ. На языковых курсах работали Николаус Хайдорн, а после его отъезда – ассистенты кафедры немецкой филологии Зеленева Е.В., Дронова О.А.

Таким образом, 1996-1997 гг. в работе Тамбовского Гете-общества характеризуются чрезвычайной событийной насыщенностью в социокультурном плане, при этом в круговорот событий были «втянуты» многие образовательные и культурные учреждения города Тамбова и области. Постепенно расширялись также международные контакты, в особенности при поддержке Гете-общества г. Вецлар, члены которого стали практически ежегодно приезжать в Тамбов, ТГУ и проводить систематическую работу в различных направлениях: образовательном, культурно-просветительном.

ОТЧЕТ ТАМБОВСКОГО ОБЩЕСТВА ГЕТЕ ЗА 1996-97 УЧЕБНЫЙ ГОД

1. Месячная стажировка студентов Мишина О., Кашеваровой Е., Ситниковой Е. в г. Вецлар (Германия). Работа в книгоиздательстве и в социальной сфере.

Месячная стажировка в университете г. Марбурга преподавателя Безукладовой И.Ю. Семинар по подготовке студентов для работы в оздоровительном лагере Роден-Рот, земля Гессен.

12 языковых занятий (Хайдорн);

4 занятия – Фабер, Кункель;

6 музыкальных занятий (Кошеверовский) (не разборчиво);

4 занятия – к.н. Горопцева.

2. Фильмы из фильмотеки посольства ФРГ.

Всего 9 сеансов для студентов, преподавателей школ и членов общества Гете: «Мария Стюарт» (Шиллер), «Разбитый кувшин» (Клейст), «Урок немецкого языка» (Ленц) и др.

3. Участие в международном ежегодном научном симпозиуме (Веймар), тема: «Поздний Гете». Доклад «Метаморфоза растений» и позднее творчество Гете» – Л.С. Кауфман. Участие в симпозиуме двух студентов третьего курса Лямина С. и Кашеваровой Е.

4. Лекции: «Пушкин в немецких переводах»; «Тургенев в Германии». «Дмитрий – работа над историей России»: Шиллер и др. Кауфман Л.С. Прочитаны в Вецларе, Марбурге, Любеке. Всего 11 лекций в сентябре 1996 г. и мае 1997 г.

5. Участие в неделе русской культуры в Вецларе: Расцелуева С., Вязовова Н.В. Выступление студентов с концертами в Вецларе, Тамбове, Мичуринске.

6. Прием трех делегаций по утвержденной программе (по обществу Гете), школьников, учителей и гимназистов из Мюнхена.

7. Семинары и лекции, беседы. Последняя пятница каждого месяца. Всего 9. Некоторые темы: Античные мотивы в «Фаусте», «Добро и зло» в «Фаусте», «Женщины в творчестве Гете». Семинары вел проф. Винокуров Б.З.; «Гете в Вецларе» – Кауфман Л.С.; Творчество Цветаевой, Ахматовой, Рильке – доц. Блохина И.Р., журналист Хохлова Л.Е., доктор Н. Хайдорн, студент Лямин С. и др. Материалы семинаров переданы в Веймар.

8. Музыкальные вечера, чтения. Немецкая музыка романтизма – А. Пауткин (скрипка), камерный оркестр, хоры Козлова А., Козлякова В.В., участие солистов Н. Неокиной, И. Царевой и др.

9. Ежемесячная выставка в доме творческих работников художников Егоровой Е., Воронкова Н., Золотова П.

10. Вечер памяти Б. Окуджавы. Вечера встречи с гостями общества.

11. Оформление комнаты, составление каталога библиотеки и др. мероприятия

Подпись Л. Кауфман

ВСТРЕЧИ, СТАЖИРОВКИ, КОНГРЕССЫ

В отчете за 1996/97 гг. особый акцент ставится на развитии научных международных контактов, и, как можно заметить по тексту отчета, уже в первом пункте отчета, написанного Лией Соломоновной от руки, названы фамилии студентов Кашеваровой Елены, Ситниковой Евгении и др., проходивших практику в книгоиздательстве и социальной сфере. Ассистент Безукладова И.Ю. обучалась месяц в университете г. Марбурга.

В 1997 году Л.С. Кауфман вместе со студентами третьего курса Ляминим С. и Кашеваровой Е. участвует в международном научном симпозиуме (г. Веймар) с докладом на тему: «Метаморфоза растений» и позднее творчество Гете», что становится на долгие годы традицией.

В архиве можно увидеть ежегодные приглашения профессора Л.С. Кауфман для участия в научном конгрессе (собрании) членов Гете-общества в г. Веймар, Вецлар, Марбург:

Einladung zu Vorträgen in Wetzlar und Marburg bei der Goethe-Gesellschaft vom 15.05.-10.06.1999;

Einladung zu Vorträgen in Wetzlar und Marburg bei der Goethe-Gesellschaft vom

26.07.-20.09.2000;

Offizielle Einladung zur Hauptversammlung der internationalen Goethe-Gesellschaft in Weimar in der Zeit vom 01.Juni bis 30. Juni 2001;

Einladung zu Vorträgen in Wetzlar und Marburg bei der Goethe-Gesellschaft vom 10.08.-18.09.2001;

Offizielle Einladung zur Hauptversammlung der internationalen Goethe-Gesellschaft in Weimar in der Zeit vom 8. Juni bis 15. Juli 2003;

Einladung zum Besuch der Hauptversammlung der internationalen Goethe-Gesellschaft in Weimar sowie Vorträgen in der Goethe-Gesellschaft in Wetzlar und Marburg für die Zeit vom 05.05.-05.06.2005

Практически во всех приглашениях указывается цель пребывания профессора Кауфман – чтение лекций (Vorträge) в об-

ществе Гете, университете г. Марбурга и т.д. По сохранившимся отдельным упоминаниям тематики докладов можно отметить, что большинство из них связаны с рефлексией немецкой литературы в России, а также соответственно русской литературы в немецкой. Например, в отчете за 1997 г. упомянуты лекции: «Пушкин в немецких переводах»; «Тургенев в Германии»; «Дмитрий – работа над историей России: Шиллер» и др. Доклады прочитаны в городах: Вецларе, Марбурге, Любеке. Всего 11 лекций в сентябре 1996 г. и мае 1997 г. Цикл лекций был посвящен Ф.М. Достоевскому и его влиянию на немецкую литературу, философию и психологию, о чем можно прочитать в «Путевых записках» Л.С. Кауфман. С докладом «Достоевский и немецкая литература» она выступала в апреле 2009 года на пленарном заседании научной конференции, посвященной 70-летию института (факультета) иностранных языков ТГУ им. Г.Р. Державина. В этом докладе Лия Соломоновна начала с того, что не было в немецкой литературе ни одного писателя, на творчестве которого не сказалось бы влияние Достоевского (Г. Гессе, Г. Фаллада, Э. Вихерт, А. Деблин и другие). И далее она представила подробный анализ некоторых произведений этих авторов, в которых наиболее отчетливо проявилось художественное влияние Достоевского.

В центре внимания председателя общества постоянно находится молодежь, студенты университета. Так, например, расширение культурных контактов наблюдается в работе с молодежью по линии Христианского союза молодежи (ФРГ). В отчете за 1996/97 гг. сообщается, что Гете-общество организует семинар по подготовке студентов для работы в оздоровительном лагере Роден-Рот, земля Гессен. Вильфрид Фабер рассказывает в своих воспоминаниях: «So kam es, dass schon ein Jahr später 1997 acht russische Studenten an einer Ferienmaßnahme des CVJM in Deutschland teilnahmen und dabei zusammen mit deutschen Mitarbeitenden eine Kinderfreizeit leiteten. Dazwischen fanden natürlich zahlreiche Workcamps, Begegnungsfreizeiten und Treffen auf Leitungsebene unter Mitwirkung von Frau Kaufmann statt». (В 1997 году 8 российских студентов участвовали на каникулах в мероприя-

тиях ХСМ (Христианского союза молодежи), и при этом они занимались с детьми под руководством немецких сотрудников. Между тем состоялись многочисленные встречи в молодежных лагерях, на уровне руководства и т.д. с участием Лии Соломоновны). В воспоминаниях также рассказывается, с каким усердием она 02.10.1997 г. часами помогала урегулировать таможенные проблемы между чиновниками Тамбова и Белоруссии, чтобы немецкие друзья могли доставить технику в Тамбов. Помню, как впервые в Гете-обществе появились факс, ксерокс, что было по тем временам редкостью и роскошью. Это была огромная материальная поддержка в 1990-е гг. В этих же воспоминаниях В. Фабер подчеркивает, что традиции международных немецко-российских встреч молодежи по линии ХСМ исполняется в 2017 г. уже 25 лет: у истоков этой традиции стояла Лия Соломоновна.

Это были конкретные существенные сдвиги «в работе с миром» на протяжении многих лет, не всегда запечатленные в справках и отчетах, что вызывает сожаление.

Заслуги Лии Соломоновны были отмечены в июне 2007 года международным обществом Гете (г. Веймар) дипломом о присвоении ей звания «Почетного члена» Гете-общества: «Die Goethe-Gesellschaft in Weimar verleiht anlässlich ihrer 80. Hauptversammlung Frau Professor Dr. LILI KAUFMANN der Gründerin und langjährigen Vorsitzenden der Goethe-Gesellschaft Tambow, der vorbildlichen Hochschullehrerin, die die Wortwelt der Aufklärung und der deutschen Klassik der akademischen Jugend begeistert vermittelt hat, in Dankbarkeit die WÜRDE EINES EHRENMITGLIEDES. Weimar, 1. Juni 2007. Im Namen des Vorstandes der Präsident» (В связи с 80-ой годовщиной проведения всеобщего собрания – Гете-общество г. Веймар присваивает в знак благодарности «ЗВАНИЕ ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА» доктору ЛИЛИ КАУФМАН, основательнице и многие годы председателю Тамбовского Гете-общества, образцовому педагогу в сфере высшего образования, которая вдохновляла академическую молодежь на изучение мира Просвещения и немецкой классики. 1-го июня 2007 г. От президиума – Президент».

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С «НЕМЕЦКИМ НАРОДНЫМ СОЮЗОМ ПО УХОДУ ЗА МОГИЛАМИ ВОЕННОПЛЕННЫХ» С 1989 ГОДА

Кристиане Лени

Впервые я оказалась в Тамбове в 1989 году, чтобы вместе с немецкой и российской молодежью принять участие по уходу за могилами военнопленных в Тамбове, Моршанске и Кирсанове. В конце трехнедельного пребывания мой шеф повез меня на Студенецкую улицу. «Я хотел бы тебе еще представить необыкновенного профессора германистики...». Так я познакомилась с Лили, с первого взгляда у нас возникла взаимная симпатия, и мы обещали друг другу видеться, насколько это будет возможным.

От «Немецкого народного союза по уходу за могилами военнопленных второй мировой войны», в частности, союза федеральной земли Гессен, я организовывала в Тамбове в последние 10 лет молодежные лагеря, чтобы вместе с немецкой и российской молодежью провести работу на международном кладбище в лесу под Радой.

С первой встречи в 1989 году Лили сопровождала меня в Тамбове. Она регулярно была гостем во время молодежных встреч народного союза. Она участвовала в историческом обновлении и строительстве лагеря для военнопленных, а также в освящении новых захоронений в Тамбове, ее волновала эта тема как представителя военного поколения, и она рассказывала молодежи много о своей жизни и военном времени. Активно она поддерживала работу Тамбовской организации по уходу за могилами «Искатель», организовывала концерты и литературные представления в молодежных лагерях.

При ее посредничестве студенты принимали участие в немецко-российских встречах в Тамбове и Германии. Таким образом она вносила существенный вклад в развитие дружбы между немецкой и российской молодежью, которая продолжается до сих пор. Впечатляющими для немецких участников были ежегодные встречи в Тамбовском университете и Гете-обществе. Российские и немецкие партнеры в эти годы много узнали о не-

мецком и русском языке и литературе. В фокусе ежегодных встреч были дискуссии о культурных различиях, а также на тему: «Роль женщины в России и Германии», «Молодежь в начале нового века». Без ее энтузиазма и открытости по отношению к нам работа «Немецкого народного союза по уходу за могилами» в Тамбовской области была бы не настолько успешной.

Наша личная дружба развивалась на протяжении многих встреч в Германии, частично через общество Гете Вецлар, а также через «Народный союз», благодаря которому она принимала участие в международном семинаре в Бранденбурге в 1994 году. Мой муж Рудольф Блобнер и я навестили ее тогда и вместе с ней познакомились с Бранденбургом.

В 1995 году я и мои родители поехали в Москву, и там мы провели насыщенные событиями дни у Лили в Москве, а затем в Тамбове. Она показала нам многие достопримечательности, водила по музеям Москвы. В нашей памяти сохранилась шутка о ее регулярном «приказе», когда мы посещали музеи: «Кристиане, ты иностранка, за тебя мы платим нормальную стоимость. Твои родители и я оплачивают билет как пожилые люди (по-немецки «сеньоры» – Н.Д.), итак, помолчите, пожалуйста, говорю только я».

Мы встречались регулярно, когда она приезжала к друзьям в Германию, и показывали ей новые регионы в Германии, которые она до сих пор не знала. Так, мы поехали в 1996 году в Ноймюнстер – на мою родину в Северной Германии. Вместе с моими родителями мы были в Любеке в музее Томаса Манна, и она потрясла нас своими знаниями о жизни семьи Манн.

Также уже после моей профессиональной деятельности в «Народном союзе» мы оставались в контакте. В начале июля 1999 года она писала мне: «...завтра начинается молодежный лагерь, 20 июля Гете-общество дает там концерт, а 23 июля – молодежь у нас в гостях. Но на этот раз не все так чудесно. Там другие люди и нет Кристиане. Никто не скажет: «Привет, Лили» и слово *lesker* («вкусно») исчезает навсегда...»

В рамках частных визитов в Тамбов в 2001, 2002 und 2010 гг. мы провели у нее прекрасные часы в кругу студентов и преподавателей.

давателей кафедры. Была ли это «Неделя немецко-российской культуры» или социально-диаконическая конференция, – всегда она была внутри события и вносила свой вклад в организацию и коммуникацию этих мероприятий. Она поддерживала организацию инвалидов «Аппарель» и помогала мне в обеспечении контактов в рамках моей новой профессиональной деятельности в Международном союзе.

Ее гостиная в тамбовской квартире всегда была центром обмена мнений, там встречались, пили чай, обсуждали актуальные политические проблемы – как все было в ушедшем Советском Союзе, что изменилось в новой России, как это сказалось на жизни Лили в Москве и Тамбове, также предстоящие проекты. Летом была «Bude» (будка) – домик в лесу, в котором мы «боролись» с комарами чаем, водкой и гвоздичным средством для защиты от зуда.

В 2000 году она вновь провела несколько недель в Вецларе и воспользовалась возможностью встретиться в Ханау. Вместе мы посетили международный молодежный лагерь по уходу за могилами в Диценбахе и обсуждали с молодежью и референтом Виолой Краузе немецко-российские отношения. Ее оценки были беспристрастны, четки и метки, она говорила без прикрас.

Поразительно для меня ее живое участие во все годы в политической и общественной жизни в Тамбове и Москве, а также участие в личной жизни ее друзей и знакомых, ее откровенный комментарий и сегодня вызывает у меня смех, когда я читаю ее письма.

Последний раз мы встретились в Тамбове в 2010 году. Мы сидели вместе с ней, Людмилой Хохловой на даче фрау Вязововой и обменивались мнениями об актуальных жизненных ситуациях.

17 декабря 1997 года она писала мне: «мое 80-летие – это для меня самое плохое, что вообще может быть. Лучше всего мне бы попасть на остров, где никого нет. Не могу терпеть, когда меня «отпевают» как умершую. И вообще по паспорту у меня день рождения в августе (родилась в апреле). Если получится, и мой день рождения будет в августе, то все будут в отпуске, а в сентябре все забудется...»

Чтобы она сказала к своему столетию? Как бы она со своей звезды на небе стала бы комментировать наши воспоминания о ней? Но насколько долго мы помним ее и встречи с ней, настолько долго и всегда она будет среди нас.

**МНЕ И ВО СНЕ НЕ МОГЛО ПРИСНИТЬСЯ,
ЧТО ИЗ ЭТОГО ЧТО-ТО ПОЛУЧИТСЯ**

Фабер В.

Моя первая встреча с Лили Кауфман состоялась в 1995 году. Мне посчастливилось посетить Тамбов с небольшой делегацией г. Вецлар. Супруги Урсула и профессор Эрнст Удо Кюпперс, также Дорис и куратор архитектуры города Вецлар Вальтер Эберц установили контакты в 1990 году с православной церковью, а благодаря супругам Кнелль в 1993 году возникло партнерство между Камерным оркестром г. Вецлар и Тамбовским музыкальным училищем имени Рахманинова. Через год было основано Тамбовское общество Гете при содействии Фридриха Вильгельма Гедриха, председателем которого стала Л. Кауфман. Таким образом в Тамбове появились многочисленные контакты и связи с группами людей и отдельными личностями.

Я тогда хотел поехать с группой, чтобы самому посмотреть и почувствовать, как осуществляется на практике религиозная жизнь в православной церкви. Я уже давно занимался ортодоксальной теологией, но мне и во сне не могло присниться, что из этого что-то получится. Что я найду друзей в чужой для меня стране, что возникнут многочисленные контакты с группами и кругами, не в последнюю очередь с православным церковным кругом людей, и что последуют многочисленные встречи с молодежью и руководителями. Более того, в 2005 году будет заключено соглашение между университетом им. Державина и объединением Христианского Союза Молодых Людей округа Вецлар-Гисен. Фрау Кауфман была с самого начала вовлечена во все процессы, чтобы не сказать, что она была их мотором и движущей силой. Прежде всего она поддерживала тесную

дружбу с супругами Николаем и Ниной Торопцевыми. Оба были первыми контактными лицами и ответственными за отношения между церковным округом Вецлар и Тамбовской епархией. Фрау Кауфман переводила все документы и письма с немецкого на русский, участвовала во всех важнейших разговорах и при этом более, чем только компетентная переводчица.

Во время моей первой встречи в 1995 году возникла идея, пригласить детей из воскресной школы женского монастыря на каникулы в Германию. Я тогда был председателем ХСМЛ округа Вецлар – Гисен и таким образом ответственным от центра подготовки и досуга в Грейфенштейн / Роденрот, расположенного у подножия Вестервальда в 30 км. от Вецлара. Здесь через год наконец 12 детей из воскресной школы женского монастыря и их руководитель Нина Торопцева с двумя сотрудницами могли провести две недели совместного отдыха с молодыми людьми Христианского союза. Все переговоры и контакты проходили через фрау Кауфман, которая неустанно старалась для этого дела.

Однажды она спросила сдержанно, не могли бы студенты университета имени Державина принять участие в таких встречах-мероприятиях и предложила, как мы могли бы такие мероприятия проводить в Германии и России в рамках обмена. Все шло к тому, что через год в 1997 году восемь русских студентов приняли участие в отдыхе совместно с молодежью ХСМЛ в Германии, при этом они организовывали детский отдых совместно с немецкими сотрудниками. Короче говоря, это было начало прочной традиции, в рамках которой в 2017 году проводится 25-я немецко-российская встреча молодежи на этот раз в Германии. Между тем состоялись многочисленные совместные трудовые лагеря (Workcamps), встречи в свободное время, встречи на уровне руководства при участии фрау Кауфман.

Это была она, которая 02.10.1997 провела многие часы на таможне в Тамбове, чтобы быть посредником в переговорах между таможней Тамбова и чиновниками таможни в Белоруссии. Я был тогда остановлен в микроавтобусе с прицепом, нагруженным различными приборами. Ее участие заставило чиновников остаться сверх рабочего времени, чтобы наконец позволить

мне и моим сопровождающим поехать дальше. При прибытии в Тамбов все таможенные дела были завершены.

Конечно, были многие волнующие и прекрасные моменты в наших встречах. Охотно вспоминаю о многочисленных разговорах в ее гостиной во время моих визитов в Тамбов. Всякий раз исполнялся четкий ритуал. Я должен был занять почетное место в старом «кресле исповеди», которое было предусмотрено для особых гостей. Фруктовый сок пили в дорогих хрустальных бокалах, наслаждаясь сладким печеньем. Из маленького турецкого кофейника разносился аромат черного кофе, который я так люблю. Всякий раз на белой скатерти оставались следы этого чудесного напитка. Что меня особенно поражало при этих разговорах, это ее эрудиция в различных областях, а также ее увлекательная биография, полная приключений, и во всем страсть – напрягать все силы и не только для молодых людей.

Я никогда не считал многочисленные морщинки на ее лице, но они были для меня образом красоты великолепной женщины сильного духа, огромного знания, скромности и страсти делать что-то для других.

Во время моего последнего визита за несколько недель до ее внезапной смерти мы говорили о том, как было бы прекрасно вместе отпраздновать ее столетие. С благодарностью осознаю, как ее высоко ценили студенты, преподаватели, общество Гете и, не в последнюю очередь, православная церковь, которые во время многочисленных встреч ее почитали особо. Ее смерть – это невосполнимая утрата в различных сферах, будь это университет, общество Гете, общественная сфера, но прежде всего – в наших сердцах.

Я и сотрудники периода начала молодежного движения Христианского союза будем светло вспоминать профессора Лили Кауфман и хранить ее имя в нашей памяти. Канон, который мы в таких случаях поем, звучит так:

*Der hat sein Leben am besten verbracht,
der die meisten Menschen hat froh gemacht
Тот свою жизнь лучше всех проводил,
Кто радость многим людям приносил.*

Эти слова относятся к ней, и небо таким людям радуется.

ЧТОБЫ ТАМБОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ГЁТЕ РАЗВИВАЛОСЬ ДАЛЬШЕ...

*Безукладова И.Ю., доктор филологических наук,
председатель Гёте-общества г. Тамбов*

Лия Соломоновна Кауфман была удивительным человеком – человеком, тонко чувствующим веяния времени и никогда не забывающим о тех общих культурных корнях, которые связывают разные народы. Именно благодаря её таланту находить эти связующие нити, в Тамбове появилось и более 20 лет активно работает Тамбовское общество Гёте.

Вклад Лии Соломоновны в создание Тамбовского общества Гёте невозможно переоценить. И до конца своей жизни, являясь Почётным президентом Общества, Лия Соломоновна принимала самое активное участие в его работе: выступала с лекциями докладами в Германии и России, помогала в подготовке литературных вечеров и семинаров, активно участвовала в ежегодных немецко-российских мероприятиях, проводимых Тамбовским обществом Гёте и членами Вецларского общества Гёте.

В мае 2007 года на Гёте-конференции в Веймаре д.ф.н., профессору Кауфман Л.С. было присвоено звание Почётного члена Международного общества Гёте и вручён памятный знак, что стало признанием ее заслуг со стороны Международного общества Гёте.

Продолжающееся развитие, популярность Общества Гёте свидетельствуют о его жизнеспособности. При осуществлении ряда международных проектов партнёрами Тамбовского общества Гёте выступают Музыкально-педагогический институт имени С.В. Рахманинова, Тамбовская областная картинная галерея, Тамбовская областная библиотека имени А.С. Пушкина. Не только литературоведы и германисты, но и другие представители творческих профессий организуют музыкально-литературные вечера и выставки совместно с обществом Гёте: это и народный артист России Ю. Томилин, и музыканты В. Козляков, А. Пауткин, В. Галушко, художник Н. Воронков (умер в 2017 г.),

семейный ансамбль «Сударушка» и многие другие. Все они с особой теплотой вспоминают Лию Соломоновну.

Немецкие партнёры – члены Гёте-общества немецкого города Вецлар стали за эти годы настоящими друзьями. Благодаря этому сотрудничеству, студенты, аспиранты и преподаватели имеют возможность ежегодно участвовать в международных конференциях, работать в библиотеках и архивах немецких университетов в городах Гиссен, Веймар и Марбург и проходить языковую практику в Германии.

Немецкие коллеги ежегодно приезжают в Тамбов с обширной программой, в которую входит проведение совместных международных конференций и круглых столов (Международная научная конференция «Шиллеровские чтения» 27-29 сентября 2005 г.; Международный круглый стол «Объединенная Европа: проблемы и перспективы глазами европейцев», апрель 2008 г.; Международная научная конференция «Культура в зеркале языка и литературы», апрель 2008 г.; Международный круглый стол «Научная и образовательная деятельность в рамках диалога культур “Россия – Германия”», (апрель 2009 г.).

Члены Вецларского общества Гёте активно участвуют в организации концертов и литературных вечеров (актриса Корнелия Кюн-Ляйтц, г. Ганновер (умерла в 2017 г.)), делают обзоры литературных новинок книжного рынка Германии (Ангелика Кункель, г. Вецлар), читают лекции и проводят семинары по германистике и немецкой литературе (Карин Унзикер, г. Марбург), семинары по страноведению (Герт Калленбах, г. Вецлар).

Для Л.С. Кауфман было очень важно, чтобы Тамбовское общество Гёте постоянно развивалось и искало новые интересные направления и формы работы. И, действительно, все, что делается в рамках Общества, имеет определенный резонанс не только в нашем регионе. Так, в рамках партнерских взаимоотношений с Христианским союзом молодых людей округа Вецлар-Гиссен (федеральная земля Гессен, ФРГ), стало доброй традицией проводить летние международные молодёжные проекты поочередно в Германии и в России. За 20 лет была организована работа 23 международных лагерей, и каждый лагерь проводился

в рамках определённой тематики. Молодые люди, живя вместе, работая сообща, общаясь друг с другом, учатся друг у друга, узнают традиции двух стран, преодолевают ложные стереотипы. Кроме того, для студентов, изучающий немецкий язык, работа в молодёжных лагерях, проводимых в рамках данного проекта, – это прекрасная возможность не только больше узнать о стране изучаемого языка, но и отличная языковая практика. Кроме того, подобные проекты переводят такое понятие, как «немецко-русская дружба» из абстрактной плоскости в плоскость конкретных человеческих отношений.

Благодаря сотрудничеству с Гёте-институтом и Франкфуртской книжной ярмаркой, было получено большое количество книг, что позволило создать в обществе Гёте уникальную библиотеку, что всегда было предметом гордости Лии Соломоновны. Члены Ветцларского общества Гёте регулярно пополняют эту библиотеку новинками немецкого книжного рынка. В фондах библиотеки – книги по филологии, германистике и методике преподавания немецкого языка, истории Германии, собрания сочинений немецких авторов. Общество Гёте регулярно проводит тематические книжные выставки, знакомящие студентов, аспирантов, преподавателей с литературными новинками Германии.

Особое внимание в работе Тамбовского общества Гёте уделяется изучению биографии и творческого наследия И.В. Гёте. Кроме того, одной из основных задач совместной работы немецких коллег и членов Тамбовского Гёте-общества является разработка тематики взаимопроникновения двух великих культур: немецкой и русской. В рамках этой работы проводятся выставки, вечера русской и немецкой музыки.

Тамбовское общество Гёте открыто для всех, кто интересуется германистикой, немецкой и русской литературой, культурой, обычаями и традициями. Мы помним и гордимся тем, что в начале этой огромной работы стоит имя Лии Соломоновны Кауфман.

О ЛИРИЧЕСКИХ ОТСТУПЛЕНИЯХ И ОБЩЕСТВЕ ГЕТЕ СЕГОДНЯ

*Николюкина О.Ю.,
учитель классической гимназии № 12*

Не смейте забывать учителей.

Пусть будет жизнь достойна их усилий.

Учителями славится Россия.

Ученики приносят славу ей.

Не смейте забывать учителей!

Андрей Дементьев

Готовясь к урокам в старших классах, часто вспоминаю лекции Лии Соломоновны Кауфман. Заинтересовать семнадцатилетних молодых людей, вдохновить их на деятельное, не пассивное учение не всегда просто. А в её лекциях было что-то таинственное, притягательное. И мы, студенты 1980-х, считавшие себя, как и сегодняшнее молодое поколение, достаточно умными, знающими, были абсолютно уверенными в своём праве решать, какие лекции посещать, а какие можно и пропустить. Так вот лекции Лии Соломоновны мы не пропустили. И дело было, наверное, даже не только в материале урока, сколько в её манере общения с нами. Нас удивляло в ней всё: её произношение – вместо *zwei*, она говорила *zwo*; её требования к конспектированию лекции – записывать материал надо было не страницу за страницей подряд, а ориентироваться по ходу лекции, что писать на правой стороне тетради, что на левой. А она по ходу лекции время от времени спрашивала кого-то из нас: «На какой стороне тетради Вы делаете запись?». И для нас было необыкновенно важно ответить правильно.

Нам всем хотелось также как она, понимать и чувствовать поэзию, музыку, литературное слово, быть такими же образованными. Поэтому больше всего, мы ценили её лекции за так называемые лирические отступления, где она делилась с нами своим пониманием искусства. Её рассказы о своём друге, немецком писателе Э. Штрिटтматтере, произведения, которого мы читали на уроках, мы могли слушать, казалось, часами. Главное, что мы усвоили на уроках Лии Соломоновны, это то, что урок

интересен тогда, когда он требует от ученика эмоционального отклика, поражает яркостью восприятия.

Для поддержания и развития интереса к изучению немецкого языка Лия Соломоновна создала Тамбовское общество Гёте. Общество Гёте продолжает существовать и процветать в наши дни. Являясь членом этого общества со дня его основания и работая в языковой гимназии № 12 имени Г.Р. Державина, стараюсь привлекать к сотрудничеству своих учеников. Учащиеся гимназии принимают активное участие во многих событиях общества Гёте: в конкурсах немецкой поэзии, конкурсах перевода оригинальной литературы (по роману К. Функе «Время для бесмертия»), в Рождественских и музыкальных фестивалях.

Учащиеся нашей гимназии учатся также на языковых курсах Московского института имени Гёте и принимают участие в его конкурсах. По итогам участия в конкурсе «Рюкзак с книгами» мы получили большую посылку детской литературы. Ребята с удовольствием читают Э. Кестнера, П. Хертлинга, П. Маара и, конечно, Э. Штрिटтматтера. При поддержке Державинского Университета, председателя Гёте общества в Тамбове доктора филологических наук Безукладовой И.Ю., зав кафедрой «русский язык как иностранный» ТГУ им Державина Дроновой О.А. и доцента Тамбовского музыкального педагогического института им С.В. Рахманинова Вязовой Н.В. на базе гимназии состоялись: городская литературно – музыкальная гостиная, посвящённая жизни и творчеству И.В. Гёте для учащихся и студентов, изучающих немецкий, английский и французский языки в качестве иностранного (2014), региональная научно – методическая конференция «Второй иностранный язык: немецкий, английский, французский в рамках Десятого международного фестиваля «Дни Германии в Тамбове» (2016) и др.

Особый след в сознании школьников оставляют ежегодные встречи с носителями немецкого языка и культуры, организуемые тамбовским обществом Гёте. Делегации из Вецлара и Веймара вносят в нашу учебную деятельность праздник, именно ту яркость восприятия, которая становится стимулом для повышения мотивации в изучении немецкого, особенно как второго иностранного языка. Все это – дальнейшее развитие образовательных и культурных традиций, заложенных в свое время Лией Соломоновной.

ГЛАВА 5

ДОМ НА СТУДЕНЕЦКОЙ

КВАРТИРА НА ПЕРВОМ ЭТАЖЕ

Семья Кауфман – Циколь жила в Тамбове на улице Студенецкая, 26 в небольшом двухэтажном доме, в котором на каждом этаже было по 4 квартиры. Лия Соломоновна жила на первом этаже. Это была трехкомнатная квартира с относительно просторными гостиной и прихожей, но небольшими комнатами, одна из которых была спальней и рабочим кабинетом Лии Соломоновны, а в другой – сначала росла дочь Ирма, потом внук Саша, она же многие годы была пристанищем для многочисленных гостей, проживавших время от времени в квартире Кауфман – Циколь. Четыре окна квартиры выходили на улицу, на которой росли старые с огромной кроной деревья, слабо пропускавшие свет.

Семья предпочитала классический стиль, интерьер квартиры был прост, здесь было все, что необходимо интеллигентной семье. В комнате Лии Соломоновны стояла широкая софа, массивный старинный письменный стол, слева книжные полки, справа трюмо. Здесь все служило «духу», на столе всегда лежали планы, рукописи, новые издания книг, журналов, газет. В гостиной стоял большой сервант с красивой старинной посудой, напротив располагался небольшой диванчик, на нем отдыхал Яков Наумович, справа от входа – старинный музыкальный инструмент – пианино, на котором учился играть внук Саша. На стене в гостиной висел огромный, тяжелый темно-синий персидский ковер с бежевыми крупными узорами, спускавшийся на диванчик Якова Наумовича. Каждый год зимой его выносили на улицу и выбивали пыль, потом приносили чистым и пахнущим морозной свежестью. Он висел в гостиной до конца жизни Лии Соломоновны.

Центр гостиной занимал массивный **круглый стол** на толстых ножках – необыкновенный, поистине «многоуважаемый» стол. Если бы можно было перечислить всех, кто в течение почти 60 лет жизни в этом доме сидел за этим столом, то, наверно, получилась бы «Большая энциклопедия Кауфман» с бесчисленным количеством имен и фамилий лиц, родных и знакомых, ученых и студентов, политиков и деятелей культуры, учителей и врачей, колхозников и рабочих, иностранных друзей и официальных представителей со своими судьбами, деловыми вопросами, личными переживаниями, взлетами и падениями.

Рядом с ним располагалось старинное кресло округлой формы, о котором член Гете-общества г. Вецлар, большой друг Лии Соломоновны, Вильфрид Фабер пишет в своих воспоминаниях: «Ich musste mich in den altehrwürdigen Ohrensessel setzen, der für besondere Gäste reserviert war». (Я должен был сидеть в старинном почетном «кресле-исповеди», которое было предусмотрено для особых гостей). Когда посетитель садился в это кресло и начинал говорить, то наступала какая-то удивительная тишина, а собеседница терпеливо и доверительно воспринимала содержание. И слезы, и радости жизни – все разделялось пополам и не оставалось без искренней поддержки и мудрого совета.

Над столом висела старая пятиламповая, не яркая люстра, создававшая также уютную атмосферу. В правом углу на невысокой тумбочке стоял телевизор японского производства, который старел вместе с Лией Соломоновной, и который она смотрела до конца жизни, в особенности канал «Культура».

Комната дочери Ирмы также была меблирована всем необходимым, там стояли письменный стол, софа, шкаф для одежды и книжные полки. Поскольку Ирма рано уехала в Москву, то в этой комнате, как правило, проживали гости, знакомые, нуждавшиеся во временном приюте.

Главным атрибутом каждой комнаты являлись книги, располагавшиеся в книжных закрытых полках, а также на огромных книжных стеллажах в прихожей. Библиотека Кауфман – Циколь была уникальной: произведения античных философов и писателей, собрания русских и немецких классиков, подпис-

ные издания зарубежных авторов, научные источники на разных языках, словари и справочники, многочисленные «толстые» журналы («Новый мир», «Иностранная литература», «Роман-газета» и другие), газеты, на подписку которых никогда не экономились деньги в семье.

В прихожей наряду с книжными полками и стеллажами почетное место долгое время занимал велосипед – тренажер.

Когда умер Яков Наумович, уехали дочь и внук, Лия Соломоновна стала не только обедать в гостинной, но и работать за столом, в том числе с аспирантами и другими посетителями. Всегда, когда я навещала ее, она сидела за столом с низенькой рабочей лампой советского производства, с которой она никак не могла расстаться, поскольку под этой лампой в свое время читал и писал ее муж. Как ни странно, но старая лампа, прослужившая десятки лет, незадолго до смерти Лии Соломоновны, перестала работать, и Лия Соломоновна, несмотря на уговоры купить новую, хотела ее отремонтировать, однако мастер констатировал невозможность ремонта. Теперь мистически кажется, что лампа больше не хотела «жить» без хозяйки.

О НЕКОТОРЫХ ПРАВИЛАХ ЖИЗНИ

Бытовая упорядоченность в семье, мне кажется, больше определялась Яковом Наумовичем с его логически-философским мирозерцанием. Лия Соломоновна «в мои времена» (я жила в этой семье с сентября 1970 по август 1972 г.) в основном занималась ее детищем – кафедрой немецкого языка, научной работой, международным обменом, много выезжала в Восточную Германию (ГДР). Поэтому Яков Наумович заботился о питании в семье, регулярной оплате коммунальных услуг, ремонте каких-либо неполадок в отоплении, электричестве и т.д. Лия Соломоновна не дистанцировалась от общих повседневных забот, ее ВОЛЯ негласно управляла всем происходящим в доме, все остальные были достаточно послушными исполнителями. Внук Саша также находился в «ведении» Якова Наумовича, он кор-

мил его, водил в детский сад и музыкальную школу, а затем в общеобразовательную школу (ныне лицей № 29 г. Тамбова), пока внук был маленьким.

В семье сложилась определенная система правил жизни, основу которой составлял «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ»: правильное питание – движение – своевременный сон – минимум сидения за телевизором! – прогулки (спорт) – чтение в любое свободное время. Этих правил Лия Соломоновна придерживалась до конца жизни.

Утро начиналось около 7 часов, в это время Яков Наумович разогревал завтрак, а Лия Соломоновна шла на зарядку на стадион «Спартак», располагавшийся в 10 минутах ходьбы от дома, куда в те годы вход был открыт свободно. Нередко она приглашала с собой преподавательницу немецкого языка Валентину Васильевну Губареву, жившую по пути к стадиону, или кого-то из других знакомых. В пожилом возрасте, когда не могла уже пользоваться велосипедом-тренажером и выезжать в пригородный лес, выходила на улицу и обходила квартал вокруг дома несколько раз в течение часа и более. В возрасте за 90 она уже не могла совершать этот маршрут и поэтому выходила во двор дома с креслом и книгой и часами сидела на воздухе, если позволяла погода. Движение (физическое, интеллектуальное) – это «золотое правило» – по-видимому, существенно продлило ей жизнь.

Второе правило в семье, распространявшееся на всех, в том числе и шестилетнего внука Сашу – утреннее обливание холодной водой до пояса под краном, что не только бодрило, но и предохраняло зимой от разных простудных болячек.

На завтрак Яков Наумович подогревал гречневую кашу, на столе были сыр, колбаса, обязательно творог, который всю жизнь был «настойной пищей» Лии Соломоновны. Кофе варила сама, при этом надо сказать, что по тем временам невозможно было купить хороший кофе в Тамбове, и Лия Соломоновна, как и все мы, привозила кофе из Москвы.

Три раза в неделю приходила домработница Лена, очень добрый и отзывчивый человек, прекрасно готовила, в особенности

борщ, картофельники – оладья из картофеля, капустные котлеты, просто котлеты, рыбные шарики, мясные «ежики», – все это готовилось дня на два – на три, подогревалось, и всем нравилась такая естественная здоровая еда, без особых кулинарных изысков. Винегрет – русский зимний салат «не сходил» со стола на протяжении многих зимних месяцев, и что удивительно, никому не надоедал.

В субботу Лена делала уборку, а в остальные дни, когда ее не было, Лия Соломоновна говорила, «давайте, Ниночка, пройдемся по квартире, смахнем пыль и сядем за работу», если у нас не было занятий.

По праздникам очень популярны были «беляши» – пирожки, начиненные мясом, лежавшим в тесте как в корзинке. Тесто на дрожжах ставила Лена, целое ведро, далее оно жарилось на сковородках, и мы все поджидали горячие беляши, с удовольствием ели, обжигая пальцы. При этом в дом обязательно кто-то приходил по каким-то делам, например, Борис Николаевич Иванов, тогда молодой кандидат наук, и тоже присоединялся к поеданию. Беляши (подогретые и не подогретые) «елись» не менее трех дней, так много их выпекалось.

По рассказам Лены, Лия Соломоновна и Яков Наумович часто ходили в гости к друзьям – Хайкиным или Окатовым, где также любили поесть. Лена в шутку говорила, что эти три пары по молодости могли съесть ведро блинов в течение пребывания в гостях, и Лия Соломоновна на каком-то витке жизни была очень сытой дамой, что можно увидеть на фотографиях.

Дни рождения праздновались в широком кругу, в который входили преподаватели, врачи и др., много шутили, рассказывали истории, и я помню, как оказавшись впервые в таком необыкновенном сообществе, робела и едва ли могла что-то произнести, настолько высоко они стояли в моем сознании в этом интеллектуальном и культурном мире.

Чтению книг, газет и журналов посвящался не один час в день: в любое свободное время можно было увидеть кого-то за чтением. Яков Наумович как философ анализировал политику, экономику в стране, сидя или лежа на своем диванчике читал,

как правило, целый ворох газет. Лия Соломоновна не игнорировала газет, она их читала до самой смерти, но предпочитала, как литератор, толстые журналы «Новый мир», «Иностранную литературу», «Юность» и др. Она постоянно следила за литературными новинками в своей стране, много читала по-немецки, вела систематическую переписку с коллегами из Восточной Германии (ГДР), читала немецкие журналы (Roman -Zeitung), многочисленные книги, привезенные из ГДР, а также приобретенные в замечательном московском магазине иностранной литературы «Дружба» на улице Горького (ныне Тверской), где можно было купить великолепно изданные книги на разных языках из стран «социалистического лагеря», в том числе и книги немецких классиков, современных авторов. Книги по тем временам стоили не дорого, поэтому не только преподаватели (как Лия Соломоновна), но и студенты, аспиранты могли пополнить свои небольшие домашние библиотеки. Посещение концертов, спектаклей в театре, поход в кино – все это входило в распорядок дня. Внук Саша слушал многочисленные пластинки, в шесть лет он прекрасно знал музыку П.И. Чайковского, балет «Лебединое озеро» слушал часами.

Сейчас кажется удивительным, но телевизор почти не смотрели, настолько все были заняты в течение дня. А вечером все собирались за легким ужином, в это время обсуждали дела прошедшего дня, планировали завтрашний день, много говорили о событиях в институте и на кафедре.

В конце мая семья перебиралась на дачу в пригородный лес, где вся ответственность за ведение хозяйства ложилась на Якова Наумовича, поскольку Лия Соломоновна без преувеличения! «горела» на работе, но вечером она приезжала подышать воздухом и оставалась на ночь. На даче пили чай, читали книги, много купались в реке Цна, время проходило совершенно незаметно, хотя и мучили майские и июньские комары. Лия Соломоновна плавала в реке на протяжении всей жизни до тех пор, пока она могла выезжать в пригородный лес (лет до 90).

В июле-августе семья уезжала на юг, чаще всего они проводили время в Геленджике. В конце августа все возвращались

домой, и начиналась новая полоса ежедневных забот и проблем в, казалось бы, уже сложившейся жизненной колее.

Все, кто жил какое-то время в этом доме, а таких людей не мало, без труда усваивали эти «правила жизни» и несли их потом в свою дальнейшую жизнь, с благодарностью вспоминая о днях, проведенных в доме на Студенечкой.

ПОМОЩЬЮ ОНА БЫЛА САМА ...

***Блохина И.Р., кандидат
исторических наук, доцент***

Возможно ли словами, которые так беспомощны перед лицом горячей волны в сердце, называемой памятью, рассказать о человеке не просто близком, но ставшим явлением в твоей жизни и в жизни многих других людей?

...Мудрого её сердца хватало на всех – учеников, коллег, друзей, соседей, случайных знакомых. Оказавшись перед выбором или в нелёгкой ситуации, я и сейчас прежде всего думаю: что бы могла сказать мне по этому поводу Лия Соломоновна? Всегда хотелось помочь ей, теряющей физические силы (но не силу духа!), а получалось, что помогала она: советом, делом, заступничеством, иногда иронией и всегда – заинтересованной заботой. Помощью была она сама, факт существования её жизни, прошедшей через тяжкие испытания XX века, горькие потери, болезни... Как сохранила она при этом такую глубину и чистоту ума и души, такое присутствие внутренней силы, что могла, далеко перешагнув рубеж девяти столетия, быть опорой и защитой очень многим?

Первое знакомство – лекции по эстетике на историческом факультете в 1990 году, которые читала Лия Соломоновна. Услышав восторженные отзывы студентов, я не выдержала и после своих преподавательских «пар» напросилась «поприсутствовать». И что это была за лекция! Не расхожие фразы, которыми пестрит учебник, а захватывающие размышления о красоте мира

и человеческих отношений. И стихи – много стихов на память! Некрасов, Пушкин, Гумилёв... А по окончании – очень важный для меня разговор в пустой аудитории о книгах и личности Алексея Фёдоровича Лосева. И дальше, несмотря на занятость, я старалась её лекций не пропускать.

К счастью, общение с Лией Соломоновной переросло рамки аудитории. Она охотно приезжала к нам домой, сетуя, что живу я в «избушке», но радуясь прохладе садика у реки и любящим её друзьям. В нашем зелёном дворике собиралась молодёжь. Костёр, песни под гитару, споры о музыке, о книгах, о жизни. На один из таких вечеров я впервые пригласила Лию Соломонову. Сын тогда с некоторым смущением выразил беспокойство, будет ли комфортно пожилому человеку среди двадцатилетних? А позже с радостью и изумлением благодарил меня за такое знакомство – весь вечер Лия Соломоновна была душой компании: читала стихи, рассказывала о своей юности, шутила, даже подпевала, покорив ребят каким-то совсем молодым обаянием.

А каким памятным был день нашей с мужем Серебряной свадьбы! В этот день мы обвенчались, а потом устроили праздник под шатром из виноградных листьев. Пришли самые близкие друзья, рассевшись на неудобных скамейках вокруг импровизированного стола. Была и Лия Соломоновна. Её поздравление и благословение было для нас драгоценно!

Встречи в саду на Рассказовской были не редкостью и всегда – радостью. Вместе с близким другом и помощницей Людмилой Евгеньевной Хохловой Лия Соломоновна приезжала к нам и усаживалась в приготовленный для неё шезлонг. Здесь бывала она с гостившими у неё немецкими друзьями, здесь вместе праздновали как-то шестого июня День рождения Пушкина, по очереди читая его стихи и прозу... На одной из таких встреч волей судьбы присутствовало сразу несколько хороших поэтов. Свои стихи читали Светлана Кекова, Ирина Суглобова, Римма Запесоцкая, Нина Измайлова. И Лия Соломоновна, умевшая, как никто другой, слушать, очень лаконично и ёмко откликалась на это чтение.

Но, главное, она сама была потрясающим рассказчиком. Можно было смеяться, плакать, удивляться, когда в её рассказах о пережитом оживала эпоха – люди, города, события... Могла о трудном и страшном говорить отстранённо, часто – с юмором. И эта яркая канва воспоминаний – о детстве в Средней Азии, об учёбе в ИФЛИ, о войне, работе – становилась для нас нравственной призмой, через которую мир и время воспринимались несколько по-иному. У меня, к счастью, остались диктофонные записи некоторых её рассказов.

А ещё – дом на Студенецкой, куда мы приходили к Лие Соломоновне, спасаясь от водоворота дел и тревог, как приходят с горестями или радостями в родительский дом. Так, когда умер мой отец, я находилась в некоем ступоре: не могла есть, спать. Вывела меня из этого состояния Лия Соломоновна. Без утешений и лишних слов она поставила передо мной миску с дымящейся тыквенной кашей: ешьте! И словно прорвало: мне стало легче, и я жадно глотала кашу пополам со слезами. Рядом с ней всегда и всем становилось легче. А ещё рядом с ней было уютно и спокойно. Мы ставили чайник на плиту, пили чай из аристократических – фиолетовых с золотом – чашек, говорили о своих проблемах, и... заряжались от неё силами жить дальше. А уходя, заклинали: только бы всегда существовал этот родной нам мир, только бы...

Неправда, что незаменимых людей нет! Со смертью человека исчезает не просто кусочек жизни, но гибнет часть вселенной. Ушла из нашей жизни Лия Соломоновна Кауфман. Не оставляет чувство сиротства. Не оставляет чувство, что с нею ушло уникальное поколение, державшее почти сто лет на своих плечах этот трудный, противоречивый и меняющийся мир. Но её дружба, советы и поддержка, по-прежнему, для меня – защита и опора. И не для меня одной.

ОТКРЫТИЕ РЕДКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Запесоцкая Р., поэт

О нашем знакомстве

Я познакомилась с Лией Соломоновной Кауфман в июле 1994 года в Тамбове, на улице Рассказовской, в доме моей близкой подруги Ирины Романовны Блохиной. Незадолго до этого была опубликована книжка моих стихотворений «Постижение», которую Лие Соломоновне к моменту нашего знакомства уже передала моя подруга. Как выяснилось, Лия Соломоновна сразу же мою книжку прочитала, и именно то, что мои стихи что-то затронули в её душе, как она мне позже призналась, послужило основанием для той особой симпатии, которую я с первой встречи почувствовала по отношению к себе и для того доверия, которое я у нее заслужила. Как выяснилось позже, только несколько человек в ее ближайшем окружении знали такие детали ее биографии, которыми она со мной поделилась.

Наше личное общение началось с того, что во время моих почти ежегодных приездов в летнее время в Тамбов Лия Соломоновна стала приглашать меня на дачку, которую она снимала в Пригородном лесу. Мы с ней обычно часть пути шли пешком по лесной дороге, потом сидели в малюсенькой комнатке или на улице за столом, иногда шли на речку, где она в первые годы нашего знакомства еще купалась. Мне было с ней удивительно хорошо.

Однажды я даже имела счастливую возможность оказать Лие Соломоновне гостеприимство, когда она приехала в Петербург на конференцию в Библиотеке Академии наук, ей тогда уже исполнилось 80 лет. Мы много беседовали в те дни на самые разные темы. Она, несмотря на солидный возраст, была еще очень бодра и собиралась осуществить целый ряд научных и просветительских проектов. Поражала ее незаурядная энергетика и широта интересов. И в ней как-то органично сочетались незаурядный ум, даже мудрость, и почти детская любознательность. И она, после всех своих жизненных испытаний, имея

очень трезвый взгляд на всё окружающее, в чем-то сохранила идеализм юности и всегда видела в людях их лучшие проявления.

Воспоминания о послевоенной Вене

В последнее десятилетие жизни Лии Соломоновны, когда она уже редко выбиралась из дому без особой необходимости, мы с Ириной Романовной Блохиной каждый раз, когда я приезжала в Тамбов, приходили на Студенецкую, иногда в квартире беседовали и пили чай, а иногда, в хорошую погоду, сидели во дворе, рядом с домом. Однажды я сделала видеофрагмент воспоминаний Лии Соломоновны о первом послевоенном месяце в Вене, где она находилась по долгу службы. Австрия тогда была занята войсками союзников, в том числе и советской армией, и Лия Соломоновна работала в комиссии по возвращению похищенных нацистами культурных ценностей. С тех пор ей долгое время тяжело было слушать музыку Иоганна Штрауса, которая постоянно звучала тогда на улицах голодной и разорённой Вены. Ее еще поражало, что фермеры вокруг австрийской столицы жили сытно, имели излишки продуктов, но они настолько не любили Вену и венцев, что не продавали в город почти ничего из продовольствия. Лия Соломоновна тогда, помимо своей основной работы в комиссии, читала лекции и в Венском университете и часто привозила на кафедру какие-то продукты своим полуголодным коллегам. И она с юмором рассказала историю, характеризующую менталитет австрийцев, даже представителей образованного сословия. Как-то раз сотрудники кафедры пригласили ее на чаепитие, где все вытащили из сумок и пакетов свои «кухены», т.е. куски пирога, а также бутерброды, но даже не подумали угостить Лию Соломоновну, и она осталась сидеть с пустой тарелкой. И еще она поведала об одном забавном эпизоде. Как-то раз она пришла в американский штаб, который примыкал к стене знаменитого венского зоопарка, где в то время животных не имели возможности досыта кормить. Лия Соломоновна и ее коллега по комиссии беседовали в комнате на втором этаже, у открытого окна, и вдруг она даже вздрогнула и отпрянула, потому что прямо перед собой увидела морду жи-

рафа, который, в надежде, что его покорят, подошёл незаметно и положил голову на подоконник. И еще в этой видеозаписи Лия Соломоновна уже очень серьезно упомянула о своем, как она сама определила, уникальном антифашистском архиве, где находились важные документы, собранные ею сразу после окончания войны, когда она объездила многие нацистские концлагеря. Когда она нам об этом рассказывала, была опубликована лишь небольшая часть архива, и она тревожилась о его судьбе.

Мне дано счастье не поверхностного общения...

Когда в июле 2014 года в тамбовской Пушкинской библиотеке была презентация моей книги избранных стихотворений «Мост над пропастью», мы с Ириной Романовной Блохиной зашли к Лие Соломоновне на Студенецкую, чтобы захватить ее с собой. Она неважно себя чувствовала и не смогла поехать с нами, но с радостью приняла подаренную мной книжку.

А 17 апреля 2016 года, когда я позвонила Лие Соломоновне, чтобы поздравить ее с днем рождения, она посетовала, что у нее так изменился из-за болезни голос, и сказала на прощание: «Мне бы только терпения!» Это были ее последние слова, сказанные мне. Через шесть дней, 23 апреля, она покинула наш мир, и, как выяснилось, это был день кончины ее мужа.

На протяжении более чем двадцати лет нашего знакомства я, конечно, регулярно звонила Лие Соломоновне, при этом всегда чувствуя недостаточность контактов по телефону, испытывая потребность увидеть ее, прикоснуться к ее руке, обнять. Когда-то Лия Соломоновна подарила мне маленькую берестяную коробочку, на дне которой написала: «В туесочке незримо присутствует частица моей души. Л.С.» И мне дорога эта коробочка, потому что Л.С. к ней прикасалась, и там внутри есть слова, написанные ее рукой, и действительно кажется, что эта береста сохранила частицу ее души.

И когда я слушала истории из её жизни, которыми она со мной делилась, то уже тогда понимала, что мне дано счастье не поверхностного общения с удивительным человеком, с редкой индивидуальностью. И мне даже казалось, что у Лии Соломо-

новны была такая потребность: откровенно рассказать мне, не тамбовчанке, о тех моментах своей биографии, о которых не знал почти никто из её знакомых и коллег, и это касалось в основном *дотамбовского* периода её жизни. Биография у нее была хотя и нестандартная, но не уникальная для людей советских поколений: школа, рабфак, институт, эвакуация, фронт, преподавание в вузе, арест, тюрьма, лагерь, поражение в правах, реабилитация, и вновь преподавание и научная деятельность, участие в международных конференциях. Она была признанным авторитетом среди германистов, много лет занималась как немецкой классической литературой, так и темой антифашистского сопротивления и творчеством писателей-антифашистов.

О некоторых биографических фактах

Уникальность ее биографии заключалась не столько в фактах, сколько в отношении Лии Соломоновны к этим фактам и событиям своей жизни. Я уже во время нашего общения осознала ясно, что мне доверяет не только тайны своей биографии, но и приоткрывает душу необыкновенный человек, и с каждым таким откровенным разговором с Лией Соломоновной мне всё глубже открывалась эта редкая индивидуальность, я всё яснее осознала масштаб её личности. Я считаю возможным указать здесь на те биографические факты, которые после ухода Лии Соломоновны уже перестали быть секретом, не касаясь при этом очень личных и самых травматических для нее моментов. Могу лишь засвидетельствовать, что ее реакции на эти запретные ситуации были в высшей степени достойными и настолько нравственно безупречными, что я видела в ее лице живой пример той духовной высоты, на которую только способен подняться человек, созданный по образу и подобию Божьему. И это не преувеличение! Лия Соломоновна была в высшем смысле духовным, хоть и не воцерковлённым человеком, в ее душе находился тот стержень нравственного категорического императива, который держал ее и дал возможность выстоять, не сломаться, с честью пройти страшные испытания и искушения на жизненном пути. И главными нравственными опорами, кото-

рые ее держали, были *совесть* и *честь*. Это такие пафосные слова, но именно эти понятия имели особую ценность для Лии Соломоновны. И еще у нее был редкий дар непоказной любви к людям и обостренное чувство долга.

В январе 1999 года я на несколько дней приехала в Москву, где в тот момент находились Лия Соломоновна и Ирина Романовна Блохина, и они обе, по моей просьбе, были приглашены на единственную в своем роде рождественскую ёлочную мистерию, которая создавалась на протяжении многих лет в квартире духовного поэта и сказочницы З.А. Миркиной и ее мужа, философа и культуролога Г.С. Померанца. Таким образом, осуществилось их личное знакомство. Впрочем, Лия Соломоновна помнила Г.С. Померанца еще по совместной учебе в МИФЛИ. Некоторые факты их биографий были удивительно схожи: Л.С. Кауфман и Г.С. Померанц оба родились весной 1918 года, учились в одном вузе, хотя и на разных факультетах, оба были арестованы в 1949 году и оказались в ГУЛАГе, который их не сломил, а наоборот, закалил, и они в результате смогли полностью раскрыть свой незаурядный человеческий и духовный потенциал и осуществить свое предназначение. И они сразу почувствовали истинную природу и значение друг друга и были очень рады знакомству. Лия Соломоновна говорила мне, что использовала материалы из книг Г.С. Померанца на своих лекциях. Но не во всем они были похожи. Когда Лия Соломоновна прочитала мемуарную книгу Г.С. Померанца «Записки гадкого утёнка», она сказала мне, что он очень откровенен в описании своих мыслей, чувств и поступков, и что ей это чуждо. Именно поэтому она категорически не поддержала идею написать о самых важных событиях и встречах в своей жизни. Она не была склонна к постоянной рефлексии и не была готова выставлять на широкое обозрение свой внутренний мир, свои сокровенные мысли и чувства. Я уж не говорю о тех травматических событиях в ее жизни (о годах, проведенных в ГУЛАГе), которые она не только не афишировала, но всячески старалась скрыть, как бы перешагнуть через них. И она перешагнула и пошла по жизни дальше, но ноющий рубец в душе остался навсегда.

О детстве и юности Лии Соломоновны

Лия Соломоновна рассказывала мне о своих корнях. Предки ее родителей жили в Германии, дед по материнской линии, Исаак Пильман, уехал в конце XIX века сначала в Сибирь, а затем в Среднюю Азию, входившую в состав Российской империи, чтобы лечить бедное и еще жившее в Средневековье население этого региона, которое существовало в антисанитарных условиях и погибало от эпидемических вспышек. И он, самый близкий ей человек и духовно, и душевно, фактически воспитал её, потому что ее родители, Соломон Кауфман и Надежда (Нехама) Пильман, оба выдающиеся врачи, всё свое время отдавали врачебной и научной деятельности. Лия Соломоновна родилась в Коканде, и маленькая Лия с дедушкой жили там в немецкой колонии. Позже семья переехала в Самарканд, где отец Лии Соломоновны был главврачом в больнице, и она училась там в гимназии. Она вспоминала среднеазиатский быт, ковры прекрасной ручной работы и, конечно, природу, все те экзотические, но привычные для нее реалии, которые окружали её в детстве. Отец Лии Соломоновны несколько лет возглавлял медицинский центр в Воронеже, поэтому она в подростковом возрасте некоторое время жила в этом городе и рассказывала мне, что неоднократно видела находившегося там в ссылке Осипа Мандельштама, который был пациентом ее отца. И кроме того, она в детстве видела и даже немного общалась с Маяковским, а также уже в студенческие годы в Кисловодске, где тогда в санатории работал ее отец, наблюдала, как «недемократично» вел себя Алексей Толстой. Знала она и многих других известных литераторов, актёров и музыкантов, тем более что ее родственники работали во МХАТе и в Театре на Таганке.

Поскольку Лия Соломоновна была не рабоче-крестьянского происхождения, а из семьи интеллигенции, она в то время не имела права со школьным аттестатом поступать в вуз, и ей пришлось уже в подростковом возрасте сначала поработать в геодезических партиях, затем пойти на завод и учиться на рабфаке. Но после окончания рабфака она, проучившись полгода в отношении к ее рабфаку Институте стали, поступила в Москве

в ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства) на литературный факультет. Немецкий язык, родной язык её любимого дедушки, был и для нее родным, она заговорила на нем еще раньше, чем на русском.

В рабфаковские и студенческие годы Лия Соломоновна занималась велосипедным спортом, играла в сильной волейбольной команде, на старших курсах института вышла замуж за преподавателя философии, перед самой войной родила дочь. Муж Лии Соломоновны сразу после начала войны ушел на фронт. Она не получила диплом в июне 1941 года, а когда началась война, сначала уехала с грудным ребенком в Коканд, где жил ее дедушка.

О кампании против космополитов

Сразу после окончания войны Лия Соломоновна работала в международной комиссии по возвращению похищенных нацистами культурных ценностей. А в 1949-м жизнь её круто изменилась. Лия Соломоновна рассказывала мне, что известный украинский писатель Павло Тычина, тогда министр образования Украины, который знал её лично и хорошо к ней относился, назначил ей встречу у памятника Шевченко и там сообщил, что видел её имя в списке лиц, подлежащих аресту, и посоветовал немедленно уехать из Киева. Но она не последовала этому совету, хотя не была наивной и многое уже знала и понимала: ведь еще в МИФЛИ в 1937-м году и позже в течение нескольких лет на ее глазах арестовывали преподавателей, увозили их прямо с лекций. Но всё равно она отказывалась верить, что именно её может это коснуться, хотя как раз в это время уже полным ходом шла фактически антиеврейская кампания «против космополитов». В результате Лию Соломоновну тоже арестовали прямо во время лекции, затем в тюремном изоляторе долго изматывали бесконечными ночными допросами, лишали сна, заставляя дать показания на её знакомых, чтобы раскрыть очередную «антисоветскую организацию». Конечно, она ничего не подписала и никого не назвала, и, как Лия Соломоновна подчеркивала, именно дедушка морально поддерживал ее. Поняв, что от неё ничего не

добиться, «тройка» в коридоре зачитала ей приговор, и после этого ее по этапу отправили в ГУЛАГ. О лагерном периоде Лия Соломоновна почти ничего не рассказывала, но было очевидно, что это не только самый тяжёлый отрезок ее жизни, но и самый эмоционально негативный, когда каждый день пытались унижить ее человеческое достоинство, обращаясь с ней и другими заключенными, как с рабами, с которыми можно безнаказанно сделать всё что угодно, и все силы уходили на то, чтобы в этих невыносимых условиях оставаться собой, сохранить самоуважение. К одному из таких эпизодов Лия Соломоновна неоднократно возвращалась, вспоминая, как в промозглое и слякотное осеннее время на вокзале перегоняли колонну заключенных, среди которых была и она, и в этот момент на платформе остановился пассажирский поезд. Колонну эков заставили упасть на колени прямо в грязь и до земли опустить голову, обхватив ее руками. Лия Соломоновна и много лет спустя остро переживала эту унижительную для ее человеческого достоинства ситуацию, когда мимо шли пассажиры и воспринимали как преступников этих распластанных в грязи эков, и ее в том числе. И еще она говорила, что ей немного облегчали пребывание в лагере ее образованность и хорошая память: она рассказывала разные истории, сказки и легенды в своем бараке, и этим заслужила уважение даже матёрых уголовниц.

Невинные жертвы сталинского ГУЛАГа, впоследствии реабилитированные, по разным причинам не всегда афишировали этот факт своей биографии.

И то, что она достойно вела себя и ей не в чем было себя упрекнуть, не меняло для нее сути дела, и поэтому она вычеркнула этот период из своей официальной биографии, как будто его и не было. Именно поэтому в посвященных ей научных сборниках были такие странные несостыковки и несоответствия в фактах и датах ее биографии. В телепередаче «И жизнь, и слёзы, и любовь» Лия Соломоновна, чтобы избежать упоминания об этом травматическом периоде ее жизни, даже сообщает не имевшие в действительности факты, создавая ту альтернативную реальность, которая могла бы иметь место как более благо-

приятный вариант ее биографии. Так, она упоминает о встрече с Павло Тычиной, о которой и мне рассказывала. И далее Лия Соломоновна говорит, что по его совету уволилась с работы и через некоторое время уехала из Киева в Москву, где существовала целых пять лет «на птичьих правах», занимаясь переводами. А в действительности эти годы она провела в ГУЛАГе. Сейчас, после ухода Лии Соломоновны из нашего мира, этот факт её неправосудного заключения уже перестал быть секретом. И по-прежнему обходить это молчанием, по моему мнению, значит исказить и обеднить биографию и личность Л.С. Кауфман. Ведь и в такой тяжелый для себя период жизни она смогла сохранить свои принципы и нравственные критерии. Затем Лия Соломоновна в телепередаче рассказывает, что ее мужу сначала пообещали дать им обоим работу по специальности в Воронеже, но затем ему сказали: «Вашу жену с такой биографией мы взять на работу не можем». Это, конечно, невольная проговорка, ведь непонятно, о какой «такой биографии» идет речь. После этого отказа Лия Соломоновна с мужем и дочерью оказались в отчаянном положении, ведь жить и работать в больших городах ей было запрещено (она еще не была в то время реабилитирована), и даже в провинции, как оказалось, у нее было мало шансов.

Центр притяжения в Тамбове

И тут неожиданно их обоих взяли на работу в пединститут и дали жильё в Тамбове. Таким вот образом Лия Соломоновна с семьей поселилась в доме на Студенечкой улице, где и прожила целых 60 лет. Но уже давно умер ее муж Яков Наумович и уехали дочь Ирма с внуком Александром. Лия Соломоновна осталась в квартире одна, но она, к счастью, всегда была окружена людьми – друзьями, учениками, коллегами.

О судьбе своего внука, талантливого скрипача, Лия Соломоновна рассказывала мне с особой болью. Он во время службы в армии играл в полковом оркестре, и в 1986 году, сразу после аварии в Чернобыле, весь оркестр послали туда, чтобы музыканты играли для ликвидаторов последствий аварии. На фотографии, которую мне показывала Лия Соломоновна, стоят пря-

мо на взорвавшемся 4-й блоке музыканты оркестра со своими музыкальными инструментами, улыбающиеся юноши в летней военной форме и даже без головных уборов. Лия Соломоновна сказала мне, что все эти ребята стали жертвами лучевой болезни. Как выяснилось, уже после возвращения в Москву внук Лии Соломоновны по-прежнему играл на своей очень ценной скрипке, которая, впитав радиацию, продолжала его заражать. Ставить диагноз «лучевая болезнь» тогда было запрещено, и только благодаря связям в медицинском мире, учитывая заслуги родителей Лии Соломоновны, удалось получить правильный диагноз. Было проведено интенсивные курсы лечения, и Александр выжил. Он давно живет за границей, но судьба его была сломана. Лия Соломоновна много лет не видела своего любимого внука.

Как известно, Л.С. Кауфман подготовила несколько поколений научных и преподавательских кадров, создала и возглавила тамбовское отделение международного общества Гёте и вывела кафедру иностранных языков тамбовского университета на мировой уровень. А кроме того, она была центром притяжения для тамбовской интеллигенции и, без преувеличений, выдающейся жительницей Тамбова. Конечно, тамбовчане, ее коллеги и друзья знают это лучше меня. Упоминая о заслугах Л.С. Кауфман, указывая на ее значение для культурной атмосферы Тамбова, я лишь хочу обратить внимание на тот остающийся в тени факт, что волею случая или провидения эта выдающаяся личность после трагических событий в ее жизни оказалась именно в Тамбове и подарила городу целых 60 лет своего активного присутствия. И насколько повезло Тамбову, как будто вытаскившему счастливый, выигранный билет, настолько же не повезло упустившему свой шанс Воронежу, где Лию Соломоновну побоялись принять на работу из-за «запятнанной» биографии. А в Тамбове не побоялись – и получили сполна свою награду: Л.С. Кауфман стала тамбовчанкой и так много дала этому городу!

Лия Соломоновна по своей натуре была человеком на редкость не пафосным и скромным, и при этом, относясь к слабостям и недостаткам других, как правило, снисходительно, для

себя ставила самую высокую планку и предъявляла к себе самые строгие моральные требования. За время нашего многолетнего общения у меня сформировалось твердое убеждение, что Лия Соломоновна является тем высоким образцом для подражания, с которым невозможно сравниться, но на чьем примере можно увидеть направление, вектор движения: как жить и к чему стремиться.

Лия Соломоновна неоднократно говорила о своем кредо, и это было кредо любви – к людям, которые рядом, к миру, в котором живешь, и к своей профессии. Она называла это правилом «трёх “Л”» и стремилась передать своим студентам не только научные знания, но и высокий нравственный кодекс. И ей удалось собрать вокруг себя ярких и способных людей, с широким кругом интересов. Она была для многих нравственным арбитром и центром притяжения, обладала такой незаурядной энергетикой и огромным обаянием.

Такой светлой и душевно щедрой личностью она была и остается в моей памяти, в моем сердце. Лия Соломоновна Кауфман – редкая духовная индивидуальность, ушла из нашего мира, и я, имевшая счастье знать ее, в наследство получила возможность по ее нравственным критериям проверять, не сбилась ли я со своего жизненного пути. Она своим незримым присутствием словно освещает мне этот путь и показывает верное направление.

ЕСТЬ ХОТИТЕ?

Калленбах Г., Кункель А.

Едва мы входили в ее квартиру в Тамбове...

Я не знаю до сих пор, с какого времени я стал обращаться к ней по имени Лили. Возможно, она сама предложила это обращение во время первого визита. Я тогда смотрел на нее подозрительно, как будто ждал от незнакомой русской неприятных сюрпризов... Я был не склонен ехать в Россию, о которой мне рассказывали, что там нужно слушать длинные тосты, в то время как еда остывает, (в действительности я этого ни разу не пе-

реживал, я всегда мог есть теплую еду). После ее пребывания у нас я чувствовал себя в некоторой степени обязанным принять ее приглашение в Тамбов и в том же году еще в Москву.

Мы никогда не говорили друг другу «ты», что собственно можно было бы ожидать, после того как она как-то обо мне говорила словно о внуке. На мой вопрос она сказала однажды, что не может обращаться на «ты», не поясняя, почему. Она принадлежала к поколению, которое о некоторых вещах не могло или не хотело говорить.

Едва мы входили в ее квартиру в Тамбове, будь это после нашего приезда из Германии или после лекции, или после визита к друзьям, она регулярно приветствовала нас вопросом: «Есть хотите? Вы должно быть голодны. Чай?». Такое приветствие было неким ритуалом: когда мы жили в ее квартире в «нашей комнате», это повторялось до самого последнего пребывания. Ничего не помогало и тогда, когда мы ее заверяли, что нас хорошо накормили в семье, где мы теперь остановились.

Я так воспитан, что я должен съесть все, что кладется на тарелку. Позже я узнал, что у русских не обязательно съедать до конца, напротив, хозяйка на основе пустой тарелки может сделать вывод, что гостю (мне!) было вкусно и можно добавить. И когда я «поглощал» большую порцию еды Лили или еды, приготовленной Волковой, она минимум дважды просила меня взять еще одну порцию. возражения не помогали – «наша игра» – ее просьба – мой отказ (потому что я уже больше есть не мог, так как достаточно съел) продолжалась до конца наших встреч. Во время последнего посещения я часто отвечал без слов – строгим взглядом, и она замолкала. Чтобы через пять минут начать вновь! Строго, с упреками: я никогда не понимал, почему она не осознавала после многих лет наших приездов, а в некоторые годы я приезжал один, что я чувствовал себя у нее как дома, и из приличия или похожих чувств не мог стесняться есть досыта. Связано ли это с ее воспоминаниями о многих голодных годах, которые она пережила?

Не было еды, которую она не попробовала бы. Сладкая горчица ей особенно нравилась. Мы должны были всегда привозить ее с собой в Тамбов, и она могла ее есть ложками без сосисек.

Wässerchen (водочка)

Так как я опасался, что русская (непривычно жирная) еда плохо скажется на желудке, с самого начала я ежедневно с успехом принимал «лекарство» – рюмку «водочки» (Wässerchen) перед или после еды. В шкафу в «нашей» комнате у нее был достаточный запас, видимо со времени, когда каждый русский должен был покупать водку (по талонам – Н.Д.). Поэтому был собран хороший запас, в особенности, когда мы первый раз приехали к ней (1996 г.). Это была валюта для оплаты слесарей, помощь которых время от времени ей требовалась по хозяйству. Как она иногда говорила, если бы только она могла использовать этот запас также в качестве оплаты или дополнительного вознаграждения за некоторые мои большие цветные фотографии, которые я привозил в Тамбов! В последние годы наших визитов «водочка» покупалась ею, о чем она заботилась перед нашим приездом. Или же подаренная ей в течение года «водочка» хранилась у нее и ожидала меня.

Много лет ожидали здесь меня также мои полуботинки. Я оставлял их у Лили, чтобы каждый год мне можно было бы в путешествие брать только одну пару обуви. Когда я во время нашего последнего визита их нашел на полке и надел, то она подумала, что я надел ее ботинки! Это длилось некоторое время, пока она не осознала своего заблуждения: у нее была в действительности тоже пара туфель, похожая на мои. Не знаю, возможно, она перепутала ботинки из-за плохого освещения в гостиной или ее зрения...

Тренажером (велосипедом) в прихожей я ни разу не воспользовался, мы никогда не видели, чтобы Лили на нем тренировалась. Меня немного удивило, когда она в начале наших приездов рассказывала, что она (а ей было уже далеко за 70!) встречалась со своими пожилыми друзьями на спортплощадке, где они делали физическую зарядку. Думаю, что плавала она еще тогда, когда ей было 90 лет.

Она хорошо и охотно ходила пешком, насколько ей позволяло ее тело. Когда нужно было пройти какое-то расстояние к определенной цели (в Тамбове или Москве), и я спрашивал,

как далеко, то она регулярно отвечала: «Шага три еще», нередко мне казались эти три шага бесконечными, и это был не я, кто задавал темп ходьбы.

Телефон

В первые годы наших поездок мы уставшими приезжали рано утром в Тамбов на поезде или на автобусе. После обязательного чая мы пытались поспать в «нашей» комнате в «нашей постели». Мы пытались, но около 9 часов звонил ее телефон, ее старый телефон с громким звоном, почти непрерывно, и она говорила и говорила, что делало сон невозможным. Наверно, она думала, что мы не слышим. Старый телефон сопровождал ее много лет, был жизненно важным даже в то время, когда уже мало людей пользовались таким телефоном. Нам стоило много сил, чтобы убедить ее, пользоваться современным телефоном, чему она была благодарна, когда оценила преимущества современного аппарата. После этого было легко с мобильным телефоном, который позволял ей в часы ежедневного пребывания во дворе отвечать на звонки.

Еда у нее

Еда у нее: для нашего ежегодного приезда закупалось столько еды (холодильник был полон), чтобы хватило не только на 10 дней, но и на несколько недель. 17 лет во время нашего пребывания по утрам подавался русский творог, который она покупала у определенной женщины на рынке или просила купить, сметана, варенье, сваренное самой, хлеб, масло, чай. Совершенно другой завтрак, к которому мы привыкли, но это был завтрак, радовавший каждый год, и которого нам теперь не достает.

В обед или вечером было картофельное пюре с мясом или рыбой. Самое лучшее в мире картофельное пюре, потому что приготовлено из тамбовского картофеля. Я часто ел только картофельное пюре, когда я немного заболел, хватало пюре. И его мне сегодня не хватает.

«Обязанности домохозяйки»

Не знаю, с какого времени Лили не смогла выполнять «обязанности домохозяйки», как она это называла: то есть накрыть на стол и убрать. Она сопротивлялась, когда мы пытались накрыть на стол сами, «это была ее задача», поскольку она по-видимому думала, что должна двигаться много раз из кухни и в кухню, и это движение она находила для себя полезным. Но однажды мы это полностью отменили, выслушав заранее много упреков, мы все принесли из кухни и сами потом убрали. Мыть посуду она все-таки не разрешила Ангелике. Но несмотря ни на что, Ангелика сделала эту работу, а я в это время отвлекал Лили разговорами в гостиной.

Было и такое, во время нашего последнего пребывания у нее, когда она непременно хотела идти на кухню (уже с палкой), где Ангелика, по ее предположению, мыла посуду. Я обещал ей тогда лечь перед дверью, чтобы ее не пустить туда! Это обещание связано с ее рассказом из детства: когда она маленькой девочкой жила у своей тети в Москве, то та всегда грозилась лечь на пороге, чтобы не выпустить ее из комнаты до тех пор, пока тарелка не будет пустой.

Когда она была у нас в гостях в Вецларе, то она всегда хотела помочь в домашнем хозяйстве, помыть посуду после еды, что мы, конечно, не разрешали, только один раз было ей позволено! Ей доставляло большое удовольствие, рассказывать позже, что я ей наконец однажды разрешил это сделать.

Она может смеяться как ребенок

Пользование туалетом Лили было для меня новым опытом, но я к этому привык, это было в конечном итоге нормально. Не помню, когда (2008?) и почему мне пришла идея, купить на рынке новую крышку для унитаза. Я купил самую простую, хорошо закрепил ее, (а такое я делал в моей жизни впервые!), ничего не сказав об этом Лили. Через несколько часов мы сидели в нашей комнате, и вдруг мы услышали громкий смех из гостиной: Лили долго смеялась, когда она увидела мою «работу». Этот смех мы не забудем никогда.

Вообще она смеялась охотно своеобразным чистым, невинным смехом, в том числе и над своими шутками. Обычно я захожу странным, когда люди смеются над собственными шутками, но в этом случае мне это никогда не мешало, напротив смех был заразительным.

Когда в университете по поводу празднования ее 95-летия журналистка меня спросила, что особенное я нахожу в профессоре Л. Кауфман, я ответил: «Она может смеяться как ребенок». (Не знаю, поняла ли молодая журналистка, что я сказал, и правильно ли было переведено мое высказывание).

Гордая россиянка

Она не только охотно и часто смеялась, ей доставляло большую радость пение. И кажется, особое удовольствие, когда тексты песен были двусмысленными. Однажды был вечер, когда она пела для нас узбекскую песню в оригинале – по-узбекски.

Она была гордая русская, что не мешало ей отмечать несправедливости в своей стране как таковые. Она считала несправедливым, что иностранные гости должны платить в музее больше, чем русские. Когда мы были в 1996 году в Москве (я был тогда «смельчак», мог просто перейти Тверскую улицу, не используя подземные переходы – движение транспорта было еще не опасным). Ожидая очереди перед кассой музея, мы, конечно, разговаривали по-немецки. В кассе Лили хотела купить билеты для трех русских. «Дружелюбный» гражданин обратил внимание кассирши на то, что мы иностранцы, и она была вынуждена заплатить дороже за билеты.

Она была до последних дней любознательна, интересовалась политикой, выписывала «Новую газету», которая, к нашему удивлению, регулярно оказывалась в почтовом ящике. Как «вечная русская» оставалась всегда оптимистичной относительно будущего, хотя знаки возврата к прошлым временам в стране уже появились под другими названиями. Оптимистична, несмотря на ее личные поражения, которые она пережила в своей жизни – одно из них в наше время: она показала нам свою дачу в лесу, где было проведено много прекрасных часов, а через не-

сколько недель она была занята «мафиози» – и она ничего не могла поделывать. «Ничего не поделывать», – говорила она часто в последние годы, когда мы говорили о том, что происходило в Тамбове и России.

Она была для меня аудиокнигой по истории своей страны. Что с ней в ее жизни случилось, могло стать хорошим материалом для Достоевского или другого великого русского писателя. Из ее рассказов мне было ясно, что ее судьба – особенная, и что миллионы граждан России имели и имеют похожие судьбы. Ее знания мировой литературы, и в особенности немецкой литературы, были причиной того, почему она без чувства злости говорила о немцах, хотя она и ее семья страшно пострадали во второй мировой войне.

Адрес я мог называть таксисту по-русски

Дом Лили на Студенецкой, 26 (адрес я мог называть таксисту по-русски) был многие годы в прямом смысле открытым домом (так однажды в подъезде я нашел чужого мужчину, спящим на лестнице). Открытым он был, вероятно, также для маленького поезда мельницы, который несколько лет по утрам, казалось, будто проезжал через нашу комнату. (Напротив дома находится мельзавод – Н.Д.). Дом был защищен легко преодолеваемым кодом. В апреле после дождя или растаявшей слякоти огромные лужи «защищали» дом от незнакомцев. Иногда мы должны были преодолевать эти «озера», перепрыгивая с камня на камень, если нас не ожидало «непромокаемое» такси на сухом месте во дворе. Лили всегда думала о других и о том, как она могла бы помочь другим, имевшим проблемы, которые они сами не могут решить. Проблему затопляемой дороги к подъезду она одна не могла решить – если бы она могла, она бы сделала это в интересах всех жителей двора. Когда она попыталась, привлечь других, не бедных жителей дома и двора, вложить деньги, чтобы укрепить дорогу, то натолкнулась на сопротивление.

Этот дом, который в некоторые годы ремонтировался перед нашим приездом или во время пребывания, (потому что сосед сообщал соответствующей инстанции, что приедут гости (мы!))

с Запада), – этот дом был все-таки нашим пристанищем! И мысль о том, что этого пристанища больше нет, и как пуст он теперь, наполняет нас грустью.

НЕЗАБЫВАЕМЫ НАШИ ВСТРЕЧИ

*Тахо-Годи Е.А., доктор
филологических наук, профессор*

С Лией Соломоновной Кауфман я познакомилась во второй половине 1970-х годов в Риге, на конференции по зарубежной литературе – меня взяла туда в качестве «бесплатного приложения» мама Муминат Алибековна Тахо-Годи, только что подготовившая докторскую диссертацию по «Жан-Кристофу» Ромена Ролана. От конференции у меня не осталось никаких воспоминаний, кроме двух – зимних заметенных снегами дюн возле Юрмалы и женщины, чьи бесконечные пешие прогулки и беседы с мамой после заседаний меня изматывали. Это была Лия Соломоновна. Потом уже мы встретились вновь в Москве, и Лия Соломоновна решила отправить меня вместе с внуком Сашей в Оружейную палату. С той поры я, признаться, ни разу не была в этой государственной сокровищнице, которая до сих пор ассоциируется у меня с рыжим мальчиком, который не имел никаких общих со мной интересов – экспонаты мы смотрели отдельно и чуть было к концу экскурсии не потерялись окончательно.

Гораздо более осмысленной была наша встреча с Лией Соломоновной в 1983 г., когда она пригласила нас с мамой к себе в гости в Тамбов. Чтобы не обременять ее, мы поселились в санатории, а к ней в дом приходили в гости или вместе с ней ходили на ее дачу и речку. Чудная, коричневатая, но удивительно прозрачная вода, сквозь толщу которой видно было илистое дно и струны стеблей кувшинок, плавание на лодке к острову, почему-то называвшемся в шутку Эльдorado, незабываемы, как и поездка, но уже без Лии Соломоновны в Тарханы. Незабываемы и встречи в то лето с учеником Лии Соломоновны, Альбер-

том Васильевичем Карельским, тогда уже профессором кафедры зарубежной литературы МГУ – я была восторженным зрителем пляжных бесед на литературные темы, которые вели старшие, и пятнадцатилетняя на всю жизнь была поражена блеском, искрометностью и яркостью индивидуальности Карельского.

Кажется, именно наличие такого ученика несколько примирило меня со страстью Лии Соломоновны к километровым прогулкам, с ее стоптанными туфлями и непритязательными платьями, а главное – с ее иронией по поводу моей восточной лени – «так бы вот возлежала всегда на диване на синем ковре». Но сыграло тут роль не только отношение к ней Карельского. Пребывание в доме на Студенецкой улице приоткрыло мне прошлое Лии Соломоновны. В чужой «тете», в «маминой знакомой» вдруг стало постепенно проявляться простое, живое и трагическое: война, эпоха космополитизма, донос, арест, отречение от нее родной матери, приезд в Тамбов как в более безопасное место, работа, болезнь мужа и его смерть, одинокая жизнь, отданная университету, ученикам, друзьям. Только после этих разговоров могла я особо оценить то, что Лия Соломоновна привезла к себе в московскую квартиру из Киева мать, заболевшую старческим туберкулезом лимфатических узлов, то, как заботилась о ней – просто и естественно, словно и не было между ними никакого разлада, никакого предательства. Да и о донесшем на нее Чемоданове, в дальнейшем известном лингвисте, рассказывала она без ненависти, а разве что с иронией – особенно о чемодановских комплиментах в ее адрес как ученого в 1960-е годы – он-то не подозревал, что ей известна его истинная роль в ее судьбе. Помню, как она повествовала об этом в нашем старом, теперь уже уничтоженном доме во Владикавказе, куда в середине 1980-х годов приезжала по маминому приглашению читать лекции в университете.

Было немало встреч в Москве, в том числе перед отъездом дочери Ирмы с Сашей в эмиграцию и впервые появившаяся растерянность в ее глазах при виде распадающейся семьи. А затем обязательные рассказы по телефону о том, как у Саши дела, ко-

гда он ей звонил, что говорил. Самой ей, при всех ее связях в Германии, мысль покинуть Россию никогда не приходила.

Пока были силы, она приезжала в Москву, звала меня одну или нас с мамой на Тверскую-Ямскую, иногда заходила к нам на Арбат, в наш дом, еще не получивший официального наименования Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Когда в 1993 г. впервые было открыто сказано о монашестве Алексея Федоровича Лосева, Лия Соломоновна вспомнила разговор с коллегой по зарубежной литературе, профессором и деканом филологического факультета Московского педагогического института им. В.И. Ленина Ниной Михальской: на вопрос Лии Соломоновны, почему же Лосеву не дадут ордена, Михальская походя бросила – «Он же монах». Лия Соломоновна поняла это в переносном смысле – как далекий от общественных интересов человек. Когда же спустя 10 лет услышала, что монашество вовсе не было метафорическим, призадумалась – из каких же источников могла об этом узнать Михальская? – ведь, кажется, кроме следственного дела 1930 года, это больше нигде не фигурировало. Для Лии Соломоновны, как человека, отсидевшего свой срок, призадуматься было над чем.

С течением лет наши встречи, к сожалению, становились реже, реже приезды в Москву, скоро все свелось к телефонным разговорам, особенно после того, как моя мама окончательно слегла в 2007 году. Теперь уже посредников для общения у нас не было – стали общаться напрямую. Говорили обо всем: о прелестях университетских реформ, о последних новостях, о домашних обстоятельствах, о близких, о здоровье. «Мне жаловаться не на что, – объясняла мне сгорбленная пополам, с переломом позвоночника, в корсете, ходившая с двумя палками Лия Соломоновна. – У меня ничего не болит. А если вдруг поднимается давление, то есть хороший способ его снять: сяду в кресло, «поперевожу» с русского на немецкий часик – и голова снова ясная, все проходит». И только в последний наш разговор, 17 апреля 2016 г., в ее последний день рождения, за несколько суток до смерти, после всех оптимистических заверений о том, что все ее любят, поздравляют, приходят, что все у нее хорошо,

вокруг любящие люди, вдруг в самой последней фразе, вырвалось свое, самое больное: «Да что говорить – ты ведь понимаешь – я ведь одна, совершенно од – на!».

Это одиночество, как все самое трудное, она всегда прятала – то за рассказами об огромной пенсии, которую она получает, то о заботах и бесплатных обедах собеса, то о том, как ее собираются сделать почетной жительницей Тамбова к ее 95-летию. Я радовалась тому, что есть, за что прятать боль, и не огорчала ее тем, что напрасно пыталась добиться от своих знакомых журналистов написать о ней к ее юбилею хоть небольшую заметку. «Ведь это такая судьба потрясающая, ведь это такой выигрышный для газеты материал», – уверяла я. «Тамбов... – уныло отвечали мне в ответ московские именитые журналисты, – это ведь далеко, в командировку не поехать же». Так и не поехали, так и не написали. Хорошо, что в самом Тамбове память о Лии Соломоновне живет – потому что если забывать о таких бескорыстных служителях науки, о таких духовно стойких людях с их невыдуманым и непоказным патриотизмом, то тогда о ком же помнить?..

СЧАСТЬЕ СОВМЕСТНОГО БЫТИЯ

*Хаусманн-Ушкова Н.В., доктор
филологических наук, профессор*

Это большое счастье – пройти большую часть сознательной жизни рядом с такими людьми, как Лия Соломоновна. Теперь, когда ее нет в этом мире, остались замечательные воспоминания, которые бережно хранятся в уме и сердце и за которые можно благодарить только судьбу.

В последний день рождения Лии Соломоновны я была уже в Веймаре и смогла поздравить ее лишь по телефону. Она была искренне рада, охотно поговорила с моим мужем, и он был очарован ее простым и красивым немецким языком. Как всегда душевно и по-матерински она высказала желание непременно

увидеться у нее дома. Я с радостью сообщила, что мы планируем приезд в Тамбов осенью. А она наполовину в шутку, наполовину всерьез твердо пообещала, что уже ради этого изо всех сил постарается дожить до нашего приезда, «нас дождаться». К несчастью, это не случилось. Это было единственное обещание, которое она дала мне и не смогла выполнить.

Для меня Лия Соломоновна – особый человек среди особых людей в моем очень небольшом личном списке – в нем **имена, к которым я мысленно обращаюсь КАЖДЫЙ день.**

Некоторые картины совместных размышлений, событий и дел возникают в памяти особенно часто. Вычленив отдельные темы в моем сознании, я поняла, что их немало: Лия и мой отец, Лия и природа, Лия и Бог, Лия и наука и многое другое. Постараюсь далее прикоснуться словами к некоторым из этих для меня дорогих и неисчерпаемых тем.

Талант понимать и дружить. Лия Соломоновна однажды стала моим другом, а затем другом всей семьи. Отец редко кого пускал в свою жизнь, но с Лией Соломоновной они были родственные души. Оба они пережили войну с ее трудностями, о чем не хотели лишний раз вспоминать, но о чем говорили друг с другом, безраздельно доверяя друг другу. Оба были «философами» в высоком смысле, любили и умели размышлять о добре и зле, о прошлом и будущем, о красоте и идеале – они разговаривали часами. Оба были удивительно неординарны и всесторонне одарены. Было много еще чего другого, что их объединяло.

Лию Соломоновну окружали старые вещи, с которыми она не хотела расставаться, и которые трудно поддавались ремонту. Отец ремонтировал старый телефон, который мы в семье называли «Алло, Кремль слушает!», старую настольную лампу, на которой была наклеена написанная рукой Лии цитата из Карла Маркса «Обстоятельства в той же мере определяют человека, что и человек – обстоятельства» (Думаю это был ее вольный перевод слов Карла Маркса, цитата известна в переводе «Обстоятельства в той же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства»). Отец, как и Лия, высоко ценил немецких классиков, а также знал толк в «старых» вещах. А та цитата, видимо

важная для Лии Соломоновны, отвечала моим личным представлениям о человеческих возможностях в этом мире. Наше с Лией Соломоновной совпадение в выборе «умных мыслей» духовно сближало меня с нею.

Любовь к природе объединяла Лию Соломоновну и семью Ушковых, моего отца, маму и нас – обеих сестер. Отец охотно «брал с собой» в лес Лию Соломоновну, предупреждая заранее, «что в походе будет строгая дисциплина, и что поход будет долгим». Будучи старше всех по возрасту, Лия Соломоновна была идеальным «членом экспедиции» для моего требовательного отца. Отец водил нас в лес, к местам старых военных захоронений и дальше к бывшим военным полигонам – заросшие травой, они превратились в широкие степные прогалины среди леса. Лии Соломоновне, как и моему отцу, нравилось отдыхать «среди степи», и мы часто делали привалы в таких местах. Рядом с Лией было так легко и приятно наслаждаться природой, любоваться красотой, говорить и молчать.

Горе пополам. Насколько я знала Лию Соломоновну, она была бесстрашна, никогда не теряла присутствия духа. Она не только производила впечатление необычайно сильного человека, которого невозможно сломить, но она действительно была такой. Такой я знала ее всегда, кроме двух крайне тяжелых жизненных ситуаций, когда ее постигало горе, которое мне удавалось отчасти с нею разделить.

Первый раз это случилось, когда умер муж Лии Соломоновны. Тогда я пришла к ней домой и увидела, что прелестные комнатные фиалки, которые однажды принес ей мой отец, очень неприхотливые и красивые, погибли. Я держала ее руки в своих руках и что-то говорила, а она, совсем безутешная, показав на увядшие цветы, сказала: «Смотри, они не хотели остаться без Якова Наумовича – я их поливала, а он окружал их любовью».

Второй раз связан со стремительным отъездом дочери Иры в Израиль. В это время я была в Москве – дописывала свою первую диссертацию и готовилась к защите. Я позвонила Лии Соломоновне в день Референдума о сохранении Советского Союза в ее московскую квартиру на Тверской-Ямской и услы-

шала непривычно взволнованный голос – она просила прийти. Войдя в квартиру, я нашла ее как бы потерянной среди вещей, которые были спешно перевезены из бывшей квартиры дочери. Кругом в беспорядке лежали книги в огромном количестве, и, казалось, невысказанным как-то разместить их на новом месте. Мы принялись за дело и работали до глубокой ночи, пока квартира вновь постепенно приобрела жилой вид. На следующее утро мы продолжили начатое, и по мере продвижения в нашем деле Лия Соломоновна начала приходить в себя. Референдум я пропустила, но я не жалела об этом. В трудную минуту я оказалась рядом с моим хорошим другом, а моя моральная и физическая поддержка была своевременной и нужной именно в ТОТ день более, чем когда-либо. Мы потом часто вспоминали те дни.

Важные слова. Лия Соломоновна была окружена друзьями, любимыми и любящими людьми. Среди них была также я, и не скрою, я очень горжусь тем, что она меня любила, – она говорила об этом просто и сердечно – и что радовалась нашим встречам и долгим разговорам. Однажды она пригласила прийти, а я сказала: «Лучше не сегодня – сегодня на сердце тягостно. Боюсь не смогу быть таким собеседником, как всегда». А она ответила «Это неважно. Приходи непременно и запомни поговорку: полюбите меня черненьким, беленьким меня всякий полюбит». И мы встретились в тот день, а для меня это было уроком дружбы: если ты друг, то это не зависит от того, в горе ты или в радости.

Лия Соломоновна была одной из первых заведующих кафедр немецкого языка, а я была последней ее заведующей – мы стали своего рода рамочной конструкцией, как в немецком предложении. Наверное, потому, что мы «обрамляли» историю кафедры, наши трудности имели между собой что-то общее... трудности начала и завершения. Попутно надо сказать, что конечно, никто не знал, что история немецкой кафедры оборвется на мне, впрочем, как и в случае с Берлинской стеной: и стена, и кафедра казались столь полезными, значимыми, почти незабываемыми... Лия Соломоновна тогда очень радовалась моему значению и, наблюдая за моими первыми шагами, однажды ска-

зала: «Надюша, я так рада, что ты начала с того же, с чего однажды начала и я – с людей. Люди – это главное, остальное делается само собой». Для меня эти слова были очень важны, потому что это была конкретная вербализация того, что я не вполне понимала, действуя интуитивно. Благодаря им я приобрела дополнительную уверенность в себе, уверенность в том, что двигаюсь в верном направлении.

Это лишь немногие из воспоминаний, связанных со светлым образом Лии Соломоновны, что так дорого и так согревает душу. Ее простота и величие живут в памяти, которая запечатлела ее – всегда быструю и молодую.

«ИБО НЕТ МЕСТА БЕЗ ДУХА...»

Хохлова Л.Е., член союза журналистов РФ

Гуляя с маленькой внучкой, иногда прохожу мимо дома, где жила Лия Соломоновна Кауфман. На окнах – те же шторы, и кажется, что хозяйка ещё там и ждёт, когда ты постучишь...

Несколько десятилетий моей жизни этот дом был для меня прибежищем. Сама Лия Соломоновна была прибежищем. И не только для меня. Это не значит, что она терпеливо выслушивала наши претензии к жизни и утешала, хотя случалось и такое, но редко: не хотелось её огорчать, потому что она глубоко сопереживала. Она была прибежищем от неинтеллигентности, пустой и громкой демонстрации интеллекта, от приветливого равнодушия. С Лией Соломоновной было тепло, интересно, весело. Вспоминаю день, когда я впервые увидела её... Необъяснимое чувство родства, близости возникло вдруг в душе. Подумала, что хочу бывать в этом доме, ставить чашки на стол, заваривать чай – быть здесь своей. Так и было. Счастьем было слушать её и говорить с ней.

Дом на Студенечкой знал разные времена. Когда-то здесь жила семья и, помимо родных, всегда находился ещё кто-то, кто нуждался в общении с ней. Когда близкие ушли в мир иной или

уехали, Лия Соломоновна не осталась одна. Редкий день, когда никто не приходил сюда. Лия Соломоновна была центром притяжения: коллеги, бывшие студенты, аспиранты, гости из разных городов и стран, соседи... И ранее не знакомые ей люди, знакомые знакомых, которым нужно было с ней что-то обсудить или просто познакомиться. Этот дом был миром в мире, микро-моделью культуры, миром, который порождается культурой и создаёт её. Гений места, дух-покровитель...

Каким был этот дом? Старой постройкой: толстые стены, прохлада и летом, и зимой. А в доме – избыток книг, на которые никогда не оседала пыль: они были востребованы. Картины на стенах, в серванте – благородные синие фужеры и рюмки как образ праздника... Было ли ей одной одиноко? Безусловно. Но это не обсуждалось. Так просто было прийти, прибежать к ней (мне часто хотелось именно бежать), взглянуть в любимое лицо, понять, как сегодня чувствует себя... Пожалуй, не существовало вопросов, которые нельзя было обсудить с Лией Соломоновной. И обсуждение всегда глубоко, интересно, порой неожиданно побуждало размышлять дальше. Думаю, не только я часто уходила от неё со стопкой книг, что было естественно и радостно.

Лия Соломоновна была проводником, через неё открывался путь к знаниям, к сокровищам истории и культуры. Поражала глубина её знаний, помноженных на судьбу и опыт, ставших сутью её натуры». Поражала щедрость, с которой она всем этим делилась с людьми очень разными – от простоватой соседки или студентов-первокурсников до известных профессоров-германистов, её коллег.

Она умела вдохнуть жизнь в любое дело, которым занималась. На заседания Гёте-общества, которое она возглавляла, ходили мы все. И как я теперь понимаю, ходили «на Лию Соломоновну Кауфман». Заседания эти в культурной жизни города просто не имели аналогов: встречи с интересными людьми, потрясающие музыкальные и поэтические вечера, нестандартные лекции. Лия Соломоновна, как всякий талантливый человек, создавала вокруг себя удивительную среду – одухотворённую и творческую. Сама она, чаще всего, спокойно сидела в сторон-

ке, слушая: всё самое главное она уже сделала... Профессор физмата ТГУ Б.З. Винокуров по её просьбе подготовил доклад о научных изысканиях Гёте, а потом так увлёкся личностью великого поэта, что преподнёс нам целую серию интереснейших докладов, в том числе и о женщинах в жизни Гёте. Университетские преподаватели часто радовали нас. Так, И.Ф. Мишин подарил нам оригинальное прочтение поэмы Блока «Двенадцать», а профессор В.Г. Руделёв – интереснейшие комментарии к «Слову о полку Игореве». Учитель из Германии Николаус Хайдорн читал «Глазами клоуна» по-немецки, и зал, в котором в тот вечер было много молодёжи, восторженно реагировал... Встречи эти, душой и центром которых была Лия Соломоновна, притягивали, волновали – словно великолепный экспромт жизни! Как хорошо было всем нам под её крылом!

Но вернёмся к дому на Студенецкой. Летом приезжали гости – московская профессура, друзья, знакомые. Если Лия Соломоновна была в Тамбове, она устраивала встречи с ними у себя дома, на которые собирались все, кому было интересно. Хорошо помню Злату Михайловну Потапову – профессора Института мировой литературы, известную переводчицу с французского и итальянского («Чипполино» в её переводе мы знаем с детства!), сокурсницу Кауфман по легендарному ИФЛИ. Она захватывающе интересно говорила о сокровищах галереи Уффици, о дружбе с писателями-итальянцами... Зинаида Евгеньевна Александрова, переводчица книг с английского и автор знаменитого «Словаря синонимов русского языка», рассказывала о своих находках в работе... Это был интересный мир, доступ в который, благодаря Лие Соломоновне, открывался многим людям. А бывало, что Лия Соломоновна уезжала (её почти каждое лето приглашали в Германию с лекциями о русской литературе). Тогда её гости, вольготно обосновавшись в доме на Студенецкой, самостоятельно осваивали достопримечательности города, гуляли, читали, варили варенье... Все они в разное время были героями моих передач на радио. И смею надеяться, что встречи с ними были так же интересны радиослушателям, как и мне.

... Часто думаю, как много дало мне общение с Лией Соломоновной. Она никогда не поучала и не опекала, но сразу и чутко откликалась на любую твою тревогу. И дальше следовало продолжение: вопросы, неожиданный телефонный звонок человеку, от коего что-то зависело для тебя, или необходимые комментарии к стихотворению, которое я долго и безуспешно переводила с немецкого... И ещё удивительное её качество: она никогда никого не осуждала, никогда ни на кого не обижалась, хорошо понимая природу человеческих поступков и слов.

Лия Соломоновна любила общаться. Поразителен был её интерес ко всему новому. Помню, однажды она плоховато себя чувствовала. Пошли гулять. Зашли к нашей общей знакомой Ирине Блохиной. Долго разговаривали во дворе. Ирина вдруг сказала: «А у меня гостья – Светлана Кекова, поэтесса из Саратова». И Лия Соломоновна как-то радостно встряхнулась: «Что же вы молчали? Где же она? Пойдёмте в дом!» Это было прекрасное знакомство с продолжением, с чудесными новыми стихами – каждый раз. Думаю, именно общение давало Лии Соломоновне силы жить.

Она была просто потрясающе обаятельна. Часто вспоминаю один эпизод. Мы были в Германии. Ноябрь. Традиционный праздник (*лучше: сбор*) – День памяти жертв Второй Мировой войны. Делегация, состоявшая из родственников русских военнопленных, похороненных на территории Германии, приглашена на встречу с представителями Немецкого народного союза по уходу за военными захоронениями. Ведущий долго представлял Лию Соломоновну, перечисляя все её регалии, а она, пока шла к трибуне, неожиданно ворчливым голосом сказала, что, к сожалению, её немецкий «*kist scheußlich*» (отвратительный, ужасный, чудовищный). Эти слова потонули в шквале смеха и аплодисментов. Немцы оценили её весёлое остроумие и долго потом не отпускали её, окружив плотным кольцом. И так было везде, где мы путешествовали.

Лия Соломоновна никогда не теряла присутствия духа. Однажды, когда она была в Москве, хулиганы разбили кухонное окно и проникли в дом. Квартира была на сигнализации, и об

этом сразу стало известно. На вокзале Лию Соломоновну встречало много людей на нескольких машинах. Узнав о случившемся, она была спокойна. В квартиру зашла одна, осмотрелась, а потом мы услышали её бодрый голос: «Люди, заходите, будем пить чай!». Оказалось, что мелкие воришки поживились только содержимым холодильника. Конечно, эта ситуация продолжения не имела и вскоре забылась.

Лия Соломоновна говорила, что старость страшна не болезнями, а беспомощностью, когда хочешь что-то сделать, а без посторонней помощи не обойтись. Но она не была беспомощной! И не столько потому, что помощники были, и очень хорошие (она умела это организовать), но и потому, что обладала удивительной силой воли, которой можно только позавидовать. В девяносто четыре года она решилась на операцию – замену глазных хрусталиков. За неделю ей сделали две операции! И на ежегодной конференции в университете, в традиционный день – День профессора Кауфман – она была в большом президиуме единственная без очков. Ей исполнилось девяносто пять! Свой доклад она начала читать сама, а потом по договорённости (после репетиций дома, когда она дремала в кресле с секундомером в руках) это чтение продолжила я. После операции на глаза Лия Соломоновна испытывала подъём – она снова могла читать и писать, это было возвращение в привычную жизнь.

Буквально до последних дней жизни Лия Соломоновна была легка на подъём. Мы с ней нередко выбирались на концерты в филармонию или в костёл. И там была не просто музыка, которую она знала и любила, там встречалось немало её знакомых, что её очень радовало: следовали восклицания, объятия, разговоры. Это были восхитительные моменты! Помню, на выставке молодых тамбовских художников идёт Лия Соломоновна, а за ней целая свита. Лия Соломоновна громко: «Место этого портрета в Дрезденской галерее!...». Мы потом не раз с улыбкой вспоминали этот эпизод. Для меня было очень радостно и очень важно, когда на выставке, концерте или просто в общем разговоре мы могли с ней встретиться взглядами и понять, кто о чём подумал... Как-то были на концерте симфонического оркестра,

которым дирижировала знаменитая Вероника Дударова – преклонных лет, но невероятно энергичная. «Кажется, что это не Бетховен, а Вагнер», – сыронизировала я. Лия Соломоновна приложила палец к губам, глаза её смеялись.

В моём доме с радостью принимали Лию Соломоновну. Для меня было неожиданным, когда, общаясь с моей старшей внучкой, она стала читать ей весёлые детские стихи: оказывается, она знала их великое множество! Когда умер мой папа, Лия Соломоновна была рядом. Она дала мне тогда немного денег. И когда я отказалась, сказав, что у нас есть, ответила: «Это *мне* надо Вам дать». Понимая, как это верно, я теперь использую эти слова, когда хочу кому-то помочь... Так Лия Соломоновна обогащала нас правилами жизни. Так рядом с ней мы постигали мудрость человеческих отношений.

Сейчас, когда я пишу эти строки, у меня на душе светло. Я вспоминаю прекрасного человека, с которым многое связывало и связывает. А личность Лии Соломоновны освещает (как и жизнь многих других людей) мой жизненный путь. И я счастлива этим.

Дом на Студенечкой... Его стены хранят дорогие нам воспоминания. *Genius loci* – Гений места. «Ибо нет места без духа», – как справедливо заметил Сервий, грамматик IV века...

ГЛАВА 6

17 АПРЕЛЯ – ДЕНЬ КАУФМАН

БЕЗ РЕЧЕЙ

Термин «День Кауфман», насколько помню, появился в 1990-е гг. в связи с приближением возраста Лии Соломоновны к юбилейным датам. Юбиляр не воспринимался студентами и преподавателями «великовозрастным», в особенности, когда ей было 70 или 75 лет. Даты отмечались на кафедре, устраивались «капустники», сочинялись стихи – иногда пафосные, но больше с юмором, как любила Лия Соломоновна.

В апреле 1993 года на кафедре отмечали ее 75-летие, и как кажется теперь через много лет, Лия Соломоновна удивительно скромно подходила к событию: не было торжественных заседаний, семинаров, конференций, которых она заслуживала как выдающаяся личность института и университета. Помню, как в аудитории 67 был накрыт стол с бутербродами и пирогами, собрались преподаватели, аспиранты, друзья, день был отпразднован весело, как всегда, с текстами, песнями, инсценировками.

Вот тогда уже возник термин «День Кауфман», который был сформулирован в так называемых «стансах» деканата факультета иностранных языков, но он носил шутливо-иронический характер. В стихотворной форме было составлено распоряжение по факультету (тогда еще) иностранных языков ТГПИ от 19 апреля 1993 года:

«Поскольку профессор Кауфман прославила факультет
Своими научными трудами в России, а также за рубежами,
И 37 лет в институте трудилась не зря,
Объявить этот день по факультету, а, возможно, и институ-
ту – Красным днем календаря».

Текст распоряжения сохранился в семейном архиве Лии Соломоновны. Насколько она не любила пышных и торжествен-

ных церемоний, свидетельствует ее искреннее высказывание в одном из писем от 17 декабря 1997 года Кристиане Ленш, с которой она дружила с 1989 года, сотрудничая с Немецким народным союзом по уходу за могилами военнопленных второй мировой войны: «Мое 80-летие – это для меня самое плохое, что вообще может быть. Лучше всего мне бы попасть на остров, где никого нет. Не могу терпеть, когда меня «отпевают», как умершую. И вообще, по паспорту у меня день рождения в августе (родилась в апреле). Если получится, и мой день рождения будет в августе, то все будут в отпуске, а в сентябре все забудется...».

Но день рождения Лии Соломоновны никогда не забывался, потому что он всегда праздновался в апреле, а в августе она получала чаще всего поздравления от высоких инстанций, вплоть до канцелярии президента. Независимо от юбилейной или неюбилейной даты, в апрельский день ее рождения не смолкал телефон, не закрывалась дверь, потому что в этот день друзья, соседи, знакомые, аспиранты, преподаватели, отдел кадров института, студенты, коллеги из Москвы и Петербурга, Воронежа и Екатеринбурга, Киева и Минска, из дальнего и ближнего зарубежья, стремились позвонить или попасть с цветами и какими-то небольшими подарками на Студенецкую. Много раз в дне рождения участвовали немецкие друзья, прежде всего Ангелика Кункель, Герт Калленбах, Карин Унзикер и др., присутствие которых придавало празднику дополнительный приподнято-торжественный фон.

За круглым столом менялись гости, на столе возвышались старинные хрустальные вазы с красивыми розами, тюльпанами, нарциссами (такой у нее месяц рождения!). На стол подавались шампанское, потом чай, и даже когда она совсем постарела, она продолжала «управлять» процессом расстановки чашек, тарелок и прочих аксессуаров. Всегда волновалась, что всех не сможет хорошо накормить, наверно, это беспокойство сохранилось с военного времени, в особенности, с периода эвакуации. На столе обязательно должны быть разные салаты, сладости, торты, которые также приносились гостями. Незабываемое впечатление в один из дней рождения (не помню точно, может быть в 2010 г.?) произвел

торт кафедры немецкой филологии с контуром Гете, съеденный присутствующими во имя Гете и во имя виновницы праздника, которую практически уже не отделяли от великого мастера.

Все, кто приходил в этот день, могли прочитать объявление, написанное заглавными буквами и вывешенное напротив стола на серванте: «БЕЗ РЕЧЕЙ!». Призыв вызывал улыбку, шутки, но разве можно было обойтись без филологии, когда в центре стола скромно сидела «главная филология» и иронически комментировала сказанное в ее адрес. Мы старались быть достойными, всегда хотелось сказать что-то оригинальное, сердечное, умное, не всегда это удавалось, но ее личность вдохновляла «тянуться к планке».

К подаркам Лия Соломоновна относилась философски, я бы сказала, даже нейтрально. Помню, как к 90-летию мы подарили ей от факультета и кафедры немецкой филологии огромную красивую лампу, чтобы в гостиной было всегда светло, но она так и не стала ей пользоваться, слишком привязана была к своим предметам, ставшими для нее в течение жизни неизмеримо ценными, как свидетели ее бытия....

Окончательно 17 апреля как «День Кауфман» был закреплен в календаре института иностранных языков вовремя наконец-то! официального празднования 90-летия Лии Соломоновны (2008 г.) в рамках всего университета. Помню, как активно ректор университета профессор Юрьев В.М. поддержал идею торжественного заседания Ученого Совета ТГУ имени Г.Р. Державина по празднованию юбилейной даты профессора Л.С. Кауфман. Все понимали значительность даты и условность бытия юбиляра. Поэтому во время празднования редчайшего юбилея в истории не только института!, но и университета – дата по праву была объявлена как «День Кауфман».

Невозможно воспроизвести тексты, тосты, телеграммы, официальные и неофициальные поздравления, письма, но некоторые «осколки» памяти, сохранившиеся в семейном архиве, хотелось бы в этой книге запечатлеть. Так, на 75-летию Лии Соломоновны прозвучали тексты от кафедры, деканата, многих участников этого веселого «действия» – празднования в кругу сотрудников, друзей и учеников.

**«РАСПОРЯЖАНСЫ» ДЕКНАТА
ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ТГПИ
от 19 апреля 1993 года**

По случаю подобных дат
Обычно сочиняют стансы,
Но что напишет деканат?
Как правило, «распоряжансы».

«РАСПОРЯЖАНС» – I
Лию Соломоновну Кауфман,
Первого профессора факультета,
Первого профессора
Кафедры немецкого языка
С юбилейным рождением поздравить,
Искренние пожеланья здоровья, успехов,
А также букет весенних цветов
В этот праздничный день направить.

«РАСПОРЯЖАНС» – II
Поскольку профессор Кауфман
Прославила факультет
Своими научными трудами
В России, а также
За ближними и дальними рубежами,
И 37 лет трудилась не зря,
Объявить этот день
По факультету, а возможно,
И институту, ...
КРАСНЫМ ДНЕМ КАЛЕНДАРЯ

«РАСПОРЯЖАНС» – III
Дорогая Лия Соломоновна!
Мы, Ваши бывшие, настоящие
И будущие студенты,
Доктора, кандидаты, ассистенты,
Мы, как верные дети,
Вечно преданы Вам!
Вы история наша!
Филология наша!
И надежда Вы наша!
Красота и талант!

Мы желаем счастья Вам,
Счастья в этом мире большом,
Пусть оно приходит к Вам!
Пусть оно войдет в Ваш дом!
Деканат, секретариат.

ДУША НА СТУДЕНЕЦКУЮ СТРЕМИТСЯ (кафедральный зонг) (1993 г.)

1. А вот наш кафедральный чемоданчик...
А вот наш кафедральный чемоданчик...
А вот наш кафедра ...
А вот наш кафедра...
А вот наш кафедральный чемоданчик...
2. А что содержит этот чемоданчик?
А что содержит этот чемоданчик?
А что содержит он?
А что содержит он ?
А что содержит этот чемоданчик?
3. А в этом чемоданчике два тома,
Два тома диссертации неподъемных,
А в этом чемода...
А в этом чемода...
А в этом чемоданчике два тома.
4. Нельзя его выбросить в окошко!
Окошко очень сильно пострадает!
Нельзя его вы...
Нельзя его бро...
Нельзя его выбросить в окошко!
5. А в этом чемоданчике природа...
А у природы нет плохой погоды.
А в этом чемода...
А в этом чемода...
А в этом чемоданчике природа...
6. А в этом чемодане заграница...
Париж, Берлин, а может быть и Ницца!
А в этом чемода...
А в этом чемода...
А в этом чемодане заграница...

7. А после путешествий за границу
  Душа на Студенецкую стремится.
  А после путеше...
  Душа на Студене...
  Душа на Студенецкую стремится
8. В Тамбове юбилей Вас ожидает.
  Коллеги счастья, радости желают!
  В Тамбове юбилей...
  В Тамбове юбилей...
  В Тамбове юбилей Вас ожидает

РОМАНС ДЛЯ ЮБИЛЯРА

*Мильруд Р.П.,
завкафедрой английского языка ТГПИ*

Когда я пьян, а пьян всегда я,
Когда ловлю Ваш мудрый взгляд,
Вас с юбилеем поздравляю!
Вы та, что много лет назад.
У Вас походка столь же плавна,
У Вас улыбка столь ярка.
Скажите, в чем секрет Ваш главный?
Он есть у Вас наверняка.

Годам Вы видно неподвластны.
Давно преграды позади.
Вы, как и в юности прекрасны,
Хоть всю планету обойди.
Вам есть, что вспомнить – это верно.
Ваш чудный дар суметь забыть.
Вы не страшитесь красок скверны.
В Вас силы есть, чтоб чисто жить.

Словами мне едва ль возможно
Вам выразить любовь свою.
Поэтому, где только можно,
Я, обращаясь к Вам, пою.
Для нас всегда Вы – откровенье.
Для многих Вы – счастливый шанс.
И вот я, улучив мгновенье,
Исполнил в Вашу честь романс

(апрель 1993, Тамбов)

ДОРОГОЙ ЛИИ СОЛОМОНОВНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Что можно в стихах Вам сказать?
В потоке юбилейном
Краткость всех дороже
Подумать не успею, скажу:
ВЫ – МУДРОСТЬ, ВКУС И СТАТЬ.
Подумав, я скажу все то же.
Кафедра французского языка желает Вам,
МНОГИЕ ЛЕТА ЗДРАВСТВОВАТЬ ВСЕМ НА РАДОСТЬ,
А ФАКУЛЬТЕТУ – НА БЛАГОДЕНСТВИЕ

КАК ПРАЗДНОВАЛИ 90-летие Л.С. КАУФМАН

Бюллетень Ученого Совета ТГУ имени Г.Р. Державина № 6 за 2008 г., ставший уже историческим документом, полностью посвящен Лие Соломоновне в связи с ее 90-летием, что свидетельствует об особом отношении ректората и института иностранных языков к ее личности. Документ, носит название: «Торжественное заседание Ученого совета Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, посвященное 90-летию доктора филологических наук, профессора кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Лии Соломоновны Кауфман 17 апреля 2008 г.». На 26 страницах изложена программа празднования юбилея в ТГУ, полностью воспроизведено содержание торжественного заседания, на котором выступал ректор профессор Юрьев В. М., высоко оценивший заслуги Лии Соломоновны и вручивший ей «Почетную грамоту администрации Тамбовской области». Она также была награждена «Почетной грамотой Посольства ФРГ» за вклад в культуртрегерскую деятельность. На заседании выступали от областной администрации нынешний глава г. Тамбова С.А. Чеботарев, председатель Гете общества г. Вецлар Ангелика Кункель, художник Н.Н. Воронков, профессор Ю.А. Мизис, выпускники факультета разных лет. Завкафедрой истории зарубежной литературы, доктор филологических наук, профессор Н.Л. Потанина

читала стихи Б. Пастернака, посвятив эти строки Лии Соломоновне:

Нас не смущают повторенья,
Слова любви всегда правы
Слова признанья, преклоненья,
Которых так достойны Вы.
Смягчается времен суровость,
Теряют новизны слова,
Талант единственная новость,
Которая всегда нова.
Сменяются репертуары
Старее жизни ералаш.
Нельзя привыкнуть только к дару,
Который так велик, как Ваш.
Он опрокинул все расчеты
и молодеет с каждым днем
Есть сверхестественное что-то,
Есть колдовское что-то в нем.

Незабываемое впечатление оставил финал Ученого совета, когда после поздравления хора Немецкого (руководитель доц., к.п.н. Т.Н. Ткаченко) весь зал, заполненный до отказа членами Ученого Совета университета, преподавателями, студентами института, встал и на трех языках пропел поздравление *Happy birthday to you / zum Geburtstag viel Glück* и на русском языке. Это было неповторимое состояние всеобщей радости, гордости и единения академической среды.

Лия Соломоновна в течение заседания Ученого совета неоднократно читала стихи, чувствовала себя бодро не только на сцене, но и на торжественном ужине, где диалог продолжался.

Программа празднования не ограничивалась только торжеством на Ученом Совете университета. Традиции, заложенные юбиларом в течение многих лет в процессе ее разностороннего взаимодействия с миром, были поддержаны кафедрами института, Гете-обществом г. Тамбова и Вецлара. На особом подъеме проводились научные семинары и конференции, организовывались концерты, открывались выставки. Даже простое перечисление всех событий за этот промежуток времени сейчас особен-

но впечатляет: Выставка научных трудов кафедр института, Выставка научных трудов профессора Л.С. Кауфман; Выставка немецких книг из фондов Гете-института (г. Москва), Франкфуртской книжной ярмарки, подаренных Гете-Обществу: «90 книг к 90-летию профессора Л.С. Кауфман»; Выставка студенческих стенгазет. Фотовыставка «Из семейного альбома Л.С. Кауфман» стала сенсацией: впервые присутствующие увидели фотографии разных лет, ранее нигде не опубликованные, на которых можно было увидеть семью – родителей юбиляра, ее мужа и дочь, внука, красивую Лию Соломоновну в молодые годы, и, конечно, много снимков из времен ее заведования кафедрой и многие другие фотографии позднего периода из жизни Гете-общества, снятые Гертом Калленбахом, а также преподавателями кафедры, иными словами, люди впервые столкнулись с историей жизни, о которой ранее открыто было не принято говорить.

По просьбе директората института иностранных языков старший преподаватель, кандидат филологических наук О.А. Дронова сделала серию фотографий с Лией Соломоновной накануне 90-летия (11 апреля 2008 г.). Были запечатлены дом, улица Студенецкая, квартира, атрибуты повседневной жизни юбиляра. Лия Соломоновна всячески возражала, чтобы ее снимали, но вынуждена была отступить. Так, после длительных уговоров был сделан великолепный снимок «Лия Соломоновна и Гете», ставший своеобразной эмблемой жизни последнего периода. На снимке изображена Лия Соломоновна сидящей за столом в привычной для нее позе с книгами и рукописями и поставленным для этого момента бюстом Гете, подаренным А. Кункель от Гете-общества Вецлар в мае 2006 г. в связи с 88-летием Лии Соломоновны.

Юбилею было посвящено специальное праздничное заседание Гете-общества, на котором выступали председатель Тамбовского Гете-общества доц. И.Ю. Безукладова, председатель Гете-общества Вецлар А.Кункель, доктор К. Унзикер, преподаватели и студенты. Было сказано при жизни много теплых слов о значении огромных усилий Лии Соломоновны по созиданию культурной среды в институте и университете, ее роли в разви-

тии международных связей. В программу празднования были также включены: международная научная конференция «Культура в зеркале языка и литературы» (кафедра немецкой филологии, завкафедрой проф. Н.В. Ушкова). Первый выпуск ежегодника научных трудов института иностранных языков ТГУ был также посвящен знаменательной дате, в нем были опубликованы научная статья юбиляра и фотографии разных лет из семейного альбома, что было сделано впервые. На региональной конференции «Регионалистика сегодня. Проблемы языка, литературы и лингвокультуры» молодые ученые, аспиранты в своих докладах подчеркивали актуальность интерпретации художественного текста как важнейшего аспекта в изучении иностранного языка, что прослеживается в творчестве и всей научно-педагогической деятельности Лии Соломоновны.

Незабываемый праздник в честь юбиляра – премьеры кантаты К. Орфа «Кармина Бурана в исполнении академического хора ТГМПИ имени С.В. Рахманинова (руководитель проф. В.В. Козляков). В программу празднования были вовлечены школы города и области: в институте иностранных языках состоялся областной фестиваль юмора на иностранных языках для учащихся школ области и ряд других событий.

В Юбилейном Бюллетене ТГУ (№ 6, 2008), а также в семейном архиве сохранились поздравления, стихи, оды и другие сочинения в честь юбиляра, подготовленные кафедрами института, членами Союза писателей Российской Федерации – поэтами В.Т. Дорожкиной, Т. Курбатовой (выпускницей немецкого отделения факультета иностранных языков ТГПИ), выпускниками разных лет – доцентом, кандидатом филологических наук О.В. Карнауховым, студентом 3 курса института иностранных языков П. Ушковым и др. Ниже прилагаются тексты-посвящения.

В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ

*Дорожкина В.Т. (поэт, прозаик,
журналист г. Тамбов)*

Считать года – не наше дело:
Не говорят об этом вслух.
Но пусть здоровым будет тело
И бодрым Кауфманский дух.

Пусть горечи проходят мимо,
Печаль развеется, как дым, -
А Вы еще реально, зримо
Дадите фору молодым.

Ведь главное для Вас – работа.
Вы в форме с самого утра:

Пример высокого полета,
И милосердья, и добра.

И пусть в душе не гаснет свет:
Ведь ей всегда –
Семнадцать лет!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Курбатова Т.Л. – поэт (г. Тамбов)

В этот звонкий день весенний,
В этот звонкий день рожденья,
Будет звонким настроенье,
Без сомненья целый день.

Будет небо голубое,
Ну а солнце золотое,
Над веселою землею,
Не закроет тучи тень.

Тень ненастья, тень несчастья,
Этот день весь в вашей власти.
Свет улыбки, свет участия
Обогреет этот день.

И разглядятся морщинки
Все морщинки – паутинки,
Заблестят глаза, а щеки,
Зарумянятся весной.

Мы совсем не одиноки,
Если рядом,
Если вместе,
Если мы к щеке щекой!

ПУСТЬ ЗАВТРА БУДЕТ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЧЕРА

Курбатова Т.Л. – поэт (г. Тамбов)

Пусть завтра будет лучше, чем вчера,
Пусть завтра будет ясная погода.
Пусть солнца луч в любое время года
Ладошку теплую протянет вам с утра.

Пусть вас не ждут в больнице доктора
Пусть со здоровьем будет все в порядке,
И утро начинается с зарядки
И все вокруг желают вам добра.

Лии СОЛОМОНОВНЕ Поздравление кафедры английской филологии

Мы, филологи-англисты,
Тоже будем поздравлять.
Как никто, Вы нашу кафедру
Умели поддержать.

Нас статьи писать учили,
Нас корили и хвалили.
Это Вы умели делать.
Как никто другой.

Много лет Вами гордится
Наш родной иняз.
А ученых Вы растили –
Изо всех – из нас.

Вы и Доктор, и Учитель,
Вы учили много знать.
Вы и фея из Московии.
Вы для всех – вторая мать!

Знают Вас по всей России.
Вам и Deutschland не чужда.
Мы Вас любим! И желаем
Здоровья, радости, **ТРУДА» – Да! Да!**

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ОДА ОТ ВЫПУСКНИКОВ 1984 ГОДА

Муза, скажи мне о той многоопытной мудрой царице,
Кто, странствуя долго до дня сего, многое видела и испытала на свете,
Рожденная в городе Чкалов, ныне забытом на карте,
Детство свое провела она в Киеве, матери всех городов на Руси.
Откуда пути повели ее в славную нашу столицу,
В таинственный храм под названием странным МИФЛИ.
Здесь в окружении мудрых мужей зрел ее ум, и душа окрылялась.
Диплом получив и мечтая о подвигах ратных в науке,
Лия младая сии претворила на фронте.

Годы прошли, и судьба благосклонная
Вновь приоткрыла ворота в науку безбрежную,
Зреть плоду которой дано было в граде губернском,
Кружком все ж помеченном на картах страны генеральных.
Здесь средь бессонных ночей мыслилось ясно и четко,
Строки сами слагались в главы научной работы,
Что поведала миру о муках-страданиях героев
Милых нам сердцу романов Фаллады Ганса.

Вот кандидатом наук едет Лия в Тамбов наш спокойный –
Буря и натиск ждут город с ее возвращеньем.
Студенты трепещут, коллеги с почтением склонились.
Новая жизнь закипает в сих стенах державных.
Полнятся слухами стены те о странах неведомых, Лией увиденных,
О дальних дорогах и прочей экзотике, нас страстно пленящей.

Всех манит она то метафорой, то перифразой запутанной,
В глубь увлекая, в пучины стилистики странные.
Долго ли, коротко ль – время промчалось, ушли поколения.
И вот уже, силы набравшись, вновь Лия берется за дело великое –
Общество Гете она основала в Тамбове, проблем и забот не страшась.
Гости-друзья, откликаясь на наши призывы,
Ехали в город наш дальний с радостью и без опаски,
Зная, что встретят здесь отроков, в Гете и Гейне влюбленных.

Но, Муза, довольно гостей благороднейших
Стихом нерифмованным потчевать яростно.
Дорогу дадим молодым поколениям,
Их мысли украсят наш вечер торжественный.

(ПРИМЕЧАНИЕ: В тексте допущены некоторые биографические неточности: В МИФЛИ Лия Соломоновна поступила не из г. Киева, а из г. Коканда, откуда через разные города (г. Самарканд, Воронеж) приехала в Москву; в Тамбове она поступила на работу, не имея ученой степени, чего бывшие студенты не могли знать).

ШУМИТ ВЕСНА – РОЖДЕНИЕ ПРИРОДЫ

Карнаухов О.В.

Шумит весна – рождение природы,
Повсюду слышен звонкий гомон птиц.
Проходят дни, недели, годы,
Меняя галереи лиц.

Уходят в прошлое знакомые страницы,
И календарь спешит перевернуть свой лист,
И новые перед глазами лица,
Их смелый взор пытлив и чист.

Мы Ваших дум извечная забота.
Мы Вашего тепла весенние ростки.
Тяжелая и благородная работа –
К людским сердцам прокладывать мостки.

Да, миф – не выдумка, не сказка.
Мы пронесем сквозь годы Ваш девиз.
И возраста пусть не падет на очи маска,
Такой же смелой будет Ваша мысль.

Мы удивляться будем неустанно,
Завидовать украдкой на судьбу,
И от себя добавлю кратко:
За все, за все я Вас благодарю.

ВЫ ПОКОЛЕНИЯ ВЗРАСТИЛИ...

Ушков П. (студент 3-го курса)

Упорный деятель науки,
Век жизни посвятивший ей,
Мы в Вашу честь возносим кубки
И поздравляем в этот день.

Вы поколения взрастили
Доцентов и профессоров,
И знания силой одарили
Вы всех своих учеников.

Всей Вашей мудрости сиянье
И Вашей светлой доброты
Нам озарило глубь познания,
Открыв в чертог Наук пути.

О, сколь Вы многих поддержали,
Направили на верный путь,
О силе мысли рассказали,
Открыв им взор на Смысла суть;

Поведали о власти Слова
Над всем течением времен;
Что для прекрасного основа –
Любви и Доброты закон.

И сложно описать словами
Всю благодарность нашу Вам,
Ведь Вы в любви нас воспитали к
К Прекрасному...Спасибо Вам!!!

Упорный деятель науки,
Век жизни посвятившей ей,
Мы в Вашу честь возносим кубки
И поздравляем в этот день.

**К 90-ЛЕТИЮ: ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА
«НАША ДРУЖБА НАЧАЛАСЬ В ТАМБОВЕ»**

Доктор Игель Люция

Наша дорогая Лили,

Уже давно мы получили письмо из Тамбова, написанное от руки. С глубоким почтением я рассматриваю рукопись. Ровный почерк не выдает ни малейшего дрожания руки. Ваши предложения сформулированы ясно, определенно и однозначно. Они излучают сердечность и доброту. Все Ваши слова позволяют заметить несокрушимую радость от работы. Она придает Вашей жизни смысл. Вы опекали поколения студентов и формировали из них успешных педагогов. Лучшие из них проявили себя как ученые.

Ваши успехи, подтвержденные внутри страны и за рубежом, высоко оцениваются Вашим университетом в связи с празднованием Вашего 90-летия.

Дорогая Лили, мы тоже, Бернгард и я, поздравляем Вас с Вашей наполненной смыслом трудовой жизнью, в которой Вы достигли много значительного. Мы желаем Вам в будущем наилучшего здоровья и наряду с духовной активностью – необходимую в повседневной жизни энергию для деятельности. Мы желаем Вам любви со стороны Ваших близких и сохранения контактов с Вашими друзьями.

Дорогая Лили, я охотно вспоминаю о наших встречах, Вы были для меня очень значительны. Впервые мы встретились летом 1970 г. Ректор Вашего института познакомился с Бернгардом в 1969 году во время его работы в Тамбове. Благодаря Вам он предоставил в наше распоряжение домик в летнем лагере. Я радовалась отпуску в Тамбове. Особенно я ждала встречи с фрау доктором Лией Соломоновной Кауфман, о которой очень часто и с большим уважением рассказывал Бернгард. Кроме того, мне было любопытно, в какой степени мне помогут знания русского языка в русскоговорящем окружении. Также я хотела знать, произнесет ли несколько слов на иностранном языке

и наш сын, Франк – Генрик, сделавший первые шаги в школе с углубленным изучением русского языка.

Утром 23 июля 1970 года нашу семью ожидала сердечная встреча на Тамбовском вокзале. Вы, дорогая Лили, пришли с коллегами факультета иностранных языков, и радость встречи со «старыми» знакомыми была через край. Но тут же внимание было направлено на меня и моего сына Франк – Генрика. «Это фрау Люция», – сказали Вы своим коллегам. «Добро пожаловать в Тамбов! И ты, сынок!»

Тот спонтанно отвечал по-русски: «Здравствуйте. Меня зовут Франк – Генрик». Весь восторг был вокруг юного гостя. Через некоторое время мы приехали на машине на знакомую мне по переписке Студенецкую улицу, № 26. Мы были у Вас дома и ощущали материнскую заботу. «Устраивайтесь! Вы должны что-то поесть!» Ваш муж, Яков Наумович, следил за тем, чтобы нам было хорошо. Прогулка в близлежащие окрестности нас взбодрила. Наш сын был в восторге от лодочников на реке и особенно от рыбаков. С каким удовольствием он бы поучаствовал в купании вместе с детьми!

«Подожди немного», – утешали Вы его, – «в ближайшие дни ты будешь купаться в реке!» По дороге мы с удивлением встретили Галину, лучшую студентку из группы Бернгарда. С радостью она пригласила нас к себе домой. Мы пили чай, слушали фортепьянный концерт, это было неожиданное переживание! Потом мы продолжили нашу прогулку и пошли в городской парк. На колесе обозрения нам очень понравилось, но то, что мама будет кататься с сыном на качелях, это для него было особым удовольствием.

На следующий день мы пошли с Вами на рынок. Какое оживление мы наблюдали там! Все напоминало базары в южных странах: различные виды овощей и фруктов, цветы в огромном разнообразии! За прилавками стояли женщины в длинных юбках и бородастые мужчины. Они наблюдали за покупателями, которые внимательно все проверяли, прежде чем решиться на покупку. Оживление на рынке было для нас познавательным. Мы охотно понаблюдали бы еще, но Вы предупредили, что нас ожи-

дает обширная «программа». «Теперь мы пойдем в книжный магазин! – сказали Вы. Книги – это было волшебным словом для нас, так что все мы повиновались. Выбор был удивительным. Там было много немецких авторов. Франк – Генрик скоро нашел детскую литературу. В этот день мы купили книги Маршака, Чуковского, Бианки, Маяковского и Кассиля. Я должна была пообещать моему сыну каждый вечер читать вслух что-то из этих книг. То, что он таким образом поставил передо мной задачу, тренировать чтение и понимание, это он не осознавал. Мы купили три книги. Все вместе они стоили 3.50 рубля. Мы едва могли поверить! На обратном пути мы встретили господина Левшина (А.И. Левшин – тамбовский художник (1889-1972) – Н.Д.).

...Пожилой мужчина сидел за столом и наслаждался чаем. Он дружески поприветствовал нас и Вы объяснили нам: «Господин Левшин пьет особый чай. Сначала он кладет кусочки яблок в стакан, добавляет сахар, экстракт чая и затем льет горячую воду. Все должно немного постоять». «И тогда мой чай готов», – добавил, усмехаясь господин Левшин. «Хотите попробовать моего напитка?» Хозяйка принесла чай на пробу. Он был действительно вкусным. Франк – Генрик может это подтвердить.

«Иногда мы пьем чай с вареньем», – заметил хозяин дома. Но не для чаепития Вы нас привели к художнику. Мы могли посмотреть его картины: ландшафты с нежной весенней зеленью и красным золотом осени, натюрморты с цветами. Подтверждения прилежного художественного творчества. «Работа, – говорил он, – это моя жизненная потребность». Мы прошли по квартире, которая была обставлена целесообразно и гармонично, и в которой было много книг: русских, немецких, французских... Мы поблагодарили господина Левшина за то, что могли его посетить и пожелали ему и его жене дальнейших творческих успехов.

Особый сюрприз нас ожидал на следующий день. Мы предприняли небольшую поездку. В 15 минутах за городом, между «Малым Шанхаем» и школьным интернатом в лесу – Ваша дача. Мы были просто в восторге от романтической окрестности, леса, который окружал нас пряным запахом и щебетаньем птиц,

и от Вашего домика вблизи реки. «Пойдемте купаться?» Франк – Генрик не ожидал этого. «Конечно, в такую погоду нужно прохладиться». Мы наслаждались отпускным днем. За чаем при тихом шелесте леса мы беседовали так, как будто мы старые знакомые. «Здесь я хотел бы остаться!» – сказал мальчик, и я подумала, что мы могли бы в конце отпуска приехать сюда еще раз – в это прекрасное место. (Мое желание могло исполниться лишь через пять лет).

<...> У Вас, дорогая Лили, было немного времени, чтобы поговорить со мной от всей души. Как много было тем для разговора! И я непременно хотела говорить по-русски, что я и делала, не обращая внимания на возможные ошибки. Вы меня не исправляли. Как это умно с Вашей стороны! Поэтому я стала смелее говорить. Мне нужно было сообщить Вам что-то очень важное. Да, это действительно была значительная новость. «Скоро после нашего отпуска в Галдыме я вернусь в Вашу страну. Полгода я буду учиться в МГУ! Это будет стажировка». Я заметила блеск в Ваших глазах. Вы понимали мою радость. (Я знаю, Ваши мысли были заняты Бернгардом и Франком – Генриком. Они были и моей заботой. Но Бернгард настоятельно мне советовал поехать. Они не были совершенно одни. Матери, в особенности моя свекровь, могли помочь им советом и делом. «У меня время от времени дела в Москве», – объяснили Вы. «Мы можем там встретиться». Кроме того, там работает моя дочь. Она будет рада знакомству».

Все это, дорогая Лили, стало действительностью. Я посещала Ирму дома и на работе в «Библиотеке иностранной литературы». Она принимала меня как родственницу. Мне было хорошо. Время от времени я бежала к ней, особенно, когда не было долго почты, и заботы о муже и сыне усиливались вдаль. Ирма всегда слушала меня и умела отвлечь от забот.

<...> Знаете, Лили, в каком восторге я была, когда Вы меня повели в Новодевичий монастырь. Это было поздним зимним вечером в полнолуние. Издалека мы услышали божественное пение из церкви. Мы вошли в монастырь, и мне казалось, что мы смотрим сценарий фильма по Толстому. Мы обменялись

впечатлениями. Вам доставляло удовольствие наблюдать, как я говорю по-русски.

Я не рассказывала Вам тогда в дождливый день в Галдыме о своем пути, который привел меня к Вашему родному языку. Сегодня, 40 лет спустя, я хотела бы Вам коротко рассказать об этом. Мне было около 14, когда в расписании появился предмет «русский язык». С точки зрения моего возраста тогда в класс вошла стареющая женщина. Она была высокого роста, в очках с толстыми стеклами. Она держала классный журнал близко перед глазами, потому что очевидно была близорукой. С сильно выраженным акцентом она объяснила, что мы должны учить с ней русский. Она сказала нам «Здравствуйте!». Все пытались повторить русское слово и смеялись над неудачами. Это заставило учительницу произнести другое слово «Тише!» В будущем мы это «Тише!» слышали все чаще. Когда не ладилось у нас с фонетикой, она поясняла, что некоторые кириллические буквы имеют в немецком языке соответствия. Дисциплина уже на первом уроке была ужасной. Мне было бесконечно жаль «бедную» учительницу, да и была ли она учительницей? После ее урока у меня запечатлелось в памяти: «Никогда не буду учительницей русского языка!»

Позднее я прилежно училась у носителей языка, высококвалифицированных педагогов, Мне понравилось звучание и мелодия русского языка. Особенно я любила русские песни. И все-таки я хотела стать учительницей немецкого языка.

Но однажды в педагогическом институте появились педагоги из одного педучилища (Fachschule), где изучался русский язык. Они искали способных студентов, заинтересованных в получении профессии учителя русского языка. Наш преподаватель предложил меня. Я, вспомнив свою первую учительницу и ее печальное начало, сказала: «Нет! Никогда!» Но я продолжала петь в хоре нашего института русские песни и читать стихи на русском языке великих русских – Пушкина и Лермонтова.

Как молодой специалист из-за нехватки учителей я стала преподавать русский в 5 классе. В этой «беде» я вспомнила о первоклассной методике в институте, которую я стала приме-

нять на уроке. Ученики чувствовали мое восторженное отношение к русскому языку. Им понравилось изучать короткие детские песенки. Во внеклассной работе изучались и ставились скетчи для родителей в оригинале и переводе на немецкий язык. Все это повышало мотивацию учащихся в изучении русского языка. Скоро я стала преподавать в старших классах и даже в классах с углубленным изучением русского языка. Работа мне нравилась, но совесть подсказывала не быть легкомысленной. Тогда я решила: «Ты должна изучать этот предмет!» Я относилась к «героям» высшей школы, как Вы говорили в Тамбове. Пять лет я заочно изучала «русский язык и литературу». Получила «Золотую медаль Гердера» и после окончания института мне предложили аспирантуру. Я закончила ее в 1975 году с оценкой «Magna cum laude» (досл. с большой похвалой – Н.Д.).

<...> Еще одно великолепное предложение для нас:

Мы могли поехать на машине института в город Мичуринск. С почтением мы вошли в Дом ученого Мичурина. Его внучка рассказала нам о своем дедушке. Мы сделали запись в книгу для гостей. Франк-Хенрик получил на память в подарок книгу. Также мы посетили музей Мичурина у старого монастыря. С благодарностью я взяла семена цветов, которые мне вручили. Это значило для меня живую связь с делом значительного ученого.

В Тамбове нас встретил ректор института. Мы поблагодарили его за отпуск, который мы провели в Галдыме и обещали ему рассказать на нашей родине о красоте тамбовского ландшафта, равно как и о дружелюбии и прилежании людей, которые здесь живут.

Мы безгранично признательны доктору Лии Соломоновне за тщательную организацию нашего пребывания и сердечную заботу.

Дорогая Лили, воспоминания о днях в Тамбове не поблекли. Они остаются в нас.

95-ЛЕТИЕ – СО ВСЕМИ ВМЕСТЕ

Приближалось 95-летие Лии Соломоновны (2013 год) в институте филологии (директор профессор С.С. Худяков). По инициативе деканата и кафедры немецкой филологии (завкафедрой доктор филологических наук Н.В. Ушкова) была подготовлена обширная «Программа мероприятий к 95-летию Тамбовского госуниверситета и в честь 95-летия профессора Л.С. Кауфман» в рамках проекта «Дни российско-немецкой культуры» с 18 по 23 апреля 2013 года. В Программу были включены: торжественное празднование «Дня Кауфман», проведение международной научной конференции «Реальность, язык и сознание» (18 апреля), открытие выставки научных трудов кафедры немецкой филологии, выставки учебной литературы, изданной в Германии, а также выставки «Сердца людские тронуть и увлечь!» (Экспозиция фотографий в честь юбилея Л.С. Кауфман), открытие фотовыставки «Германия далекая, но близкая» (куратор Г. Калленбах) (22 апреля). По традиции были проведены: Круглый стол на тему: «Немецкий язык – язык партнерства» (19 апреля), региональный семинар для преподавателей немецкого языка (автор идеи доц. Вязова Н.В.) с участием модератора Немецкого культурного центра имени Гете в России – Н.М. Епихиной (20 апреля), совместное заседание Вецларского и Тамбовского обществ Гете, на котором были подведены итоги совместной работы за год, подчеркнута исторически значимая роль Лии Соломоновны как создателя Тамбовского Гете общества, был также заслушан доклад Ангелики Кункель «Презентация новинок немецкого книжного рынка». В день закрытия «Дней культуры» на заседании Клуба Друзей Германии, проходившим под ставшим уже традиционным названием «Апрельский мост», были представлены презентации творческих и инновационных проектов студентов кафедры немецкой филологии.

И как это было всегда во времена «правления» Лии Соломоновны, с 19 апреля по 23 апреля 2013 года проводились мастер-классы с участием доктора К. Унзикер, А. Кункель, Г. Кал-

ленбаха. Программа работы немецких гостей была детально расписана по дням.

Торжественное празднование Дня Кауфман предлагалось праздновать в институте в актовом зале. Хотя состояние здоровья Лии Соломоновны заметно ухудшалось, она все-таки согласилась принять участие в торжестве, и прежде всего, в международной научной конференции «Реальность, язык и сознание», приуроченной к Дню Кауфман (17-18 апреля 2013 года). К этой дате была подготовлена прекрасная презентация на немецком языке (в связи с присутствием гостей из Германии) завкафедрой Н.В. Ушковой, которая называлась просто «Lili Kaufmann gewidmet» (Лили Кауфман посвящается). В презентации представлены наиболее яркие страницы биографии Лии Соломоновны, подчеркнута ее особая роль в развитии всех аспектов университетской жизни. Как обычно, Лия Соломоновна подготовила научный доклад, но она по состоянию здоровья произнесла лишь краткое вступление, доклад был полностью прочитан членом Союза журналистов РФ Л.Е. Хохловой на тему: «Достоевский в немецкой литературе 20 века».

Все было символично в этот день: последний приезд юбиляра в институт, уходящее время человека, жизнь которого была связана с университетом / пединститутом. На конференции было сказано много добрых слов в адрес юбиляра от директората, кафедры, коллег, аспирантов. Немецкие члены общества Гете также присутствовали на чествовании юбиляра, председатель Гете-общества Вецлар Ангелика Кункель поздравила Лию Соломоновну от имени общества, а доктор Карин Унзикер приняла участие в научной конференции, выступив с докладом „Daniel Kehlmann: Die Vermessung der Welt. Ein Welterfolg! – Ein gutes Buch?“ Уникальная дата никого не оставила равнодушным, всем хотелось поддержать юбиляра, сказать свои слова благодарности этому человеку, жизнь которого, как все понимали, начала постепенно угасать физически. Было много красивых цветов в этот день, торжественный обед в честь юбиляра, на котором директор института С.С. Худяков еще раз поздравляет юбиляра с такой удивительной датой (кому еще выпадет такая честь от

Господа Бога дожить до 95-летия в нашем университете, да еще при светлом разуме!). Сохранились великолепные фотографии от этого дня как документ и свидетельства того, что несмотря на болезнь Лия Соломоновна с удовольствием слушает С.С. Худякова, а потом и все наши искренние слова признательности в ее адрес.

Это был фактически последний визит Лии Соломоновны в институт. Чувствовалась прогрессирующая болезнь, поэтому в последующие годы было принято решение праздновать «День Кауфман» символически у нее дома, ограничиваясь поздравлениями, цветами, чаем со сладостями и недолгими визитами. К слову сказать, кафедры в ее классическом понимании уже не было с сентября 2013 года, поскольку кафедра немецкой филологии была объединена сначала с кафедрой французской филологии, а затем вскоре вошла в состав кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Ее «детище» уходило с исторической арены, что обусловлено контекстом времени, о котором она так любила размышлять: что сильнее – время или мы? Время, конечно, сильнее, несмотря на наше желание противостоять ему.

В оставшиеся три года жизни в День Кауфман 17 апреля (почти как прежде!) обязательно звонили из канцелярии ректора, коллеги, друзья, родственники, приходили сотрудники деканата и кафедры с цветами, поздравляли, но уже учитывали состояние здоровья Лии Соломоновны. В такой форме отмечались 96-, 97- и 98-летие, и всякий раз по-прежнему Лия Соломоновна просила кого-нибудь, например, доцента Н.Б. Ершову, непременно прочитать «доклад на кафедре», написанный ею от руки на тему из области немецкой литературы. Она всегда жалела, что не успела освоить компьютер. С трудом писала уже большой рукой, но писала систематически, ведь именно в 2000-е годы вышли ее монографии, которые помогали ей напечатать аспиранты, друзья.

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

В книге о Л.С. Кауфман представлены фотографии из разных лет ее жизни, некоторые, уникальные снимки, к счастью, сохранились в семейном архиве, например, из студенческой поры, огромное количество фото сделано в период ее зрелой жизни, в особенности в 1990-е-2000-е годы, когда появились разнообразные новейшие технические средства, позволяющие зафиксировать любое «прекрасное мгновение». По поводу многих фото, в центре которых находилась Лия Соломоновна, можно было бы написать свою историю, но мне хотелось бы остановить взгляд на одной, возможно, последней групповой фотографии в таком полном составе, на которой запечатлена теперь уже историческая кафедра немецкой филологии, которую Лия Соломоновна вдохновенно строила, а потом помогала строить до конца своей жизни. С какой значительностью она произносила слово «кафедра!» – ведь это было главным делом ее жизни.

Снимок сделан 17 апреля 2010 года в День Кауфман в здании на улице Советская, 93 в аудитории 67 института иностранных языков ТГУ имени Г.Р. Державина, где проходили многочисленные встречи Тамбовского Гете-общества с немецкими друзьями – членами Гете-общества.

Фотография на сегодняшний день уникальна, поскольку на ней запечатлен неповторимый момент истории кафедры, института и жизни Лии Соломоновны в возрасте 92 лет. Она еще в силе, полна оптимизма и интереса к жизни, тем более, что в эти апрельские дни у нее на Студенечкой улице живут Ангелика Кункель и Герт Калленбах в связи с их очередным приездом в Тамбов. Жизнь продолжается, еще есть кафедра, на которой Лия Соломоновна работает в качестве профессора-консультанта.

Но так случилось, что институт иностранных языков (директор кандидат психологических наук Игорь Алексеевич Слетков) в скором времени будет вновь реорганизован в институт филологии, затем в факультет филологии и журналистики (декан Сергей Сергеевич Худяков). а кафедра войдет в состав ка-

федры зарубежной филологии и прикладной лингвистики (завкафедрой профессор Бабина Людмила Владимировна)

Многие лица на снимке, можно сказать, тоже ушли в историю: большинство преподавателей в силу разных причин (в основном по возрасту) уже не работают на факультете. В первом ряду слева направо сидят профессор Нина Петровна Дронова (завкафедрой немецкого языка (1983-1992), в разные годы декан факультета, директор института), Карин Унзикер – доктор Марбургского университета, в центре – профессор Лия Соломоновна Кауфман (завкафедрой немецкого языка (1963-1975), рядом справа Герт Калленбах, далее «последний» завкафедрой немецкой филологии (2008-2013), доктор филологических наук Надежда Васильевна Ушкова, старший преподаватель кандидат филологических наук Ольга Александровна Дронова.

Во втором ряду (слева направо) – завкафедрой немецкой филологии (1992 – 2003) профессор, доктор филологических наук Елизавета Васильевна Милосердова, лаборант кафедры, затем кандидат филологических наук Мария Вячеславовна Халикова, доценты, кандидаты наук Виктория Евгеньевна Пожилова, Элла Евгеньевна Щербатюк, Наталия Владимировна Вязовова, председатель общества Гете Вецлар Ангелика Кункель, старший преподаватель, кандидат филологических наук Екатерина Викторовна Зеленева, председатель Тамбовского Гете-общества, ныне доктор филологических наук Ирина Юрьевна Безукладова, доценты, кандидаты наук Тамара Николаевна Ткаченко, Ольга Валентиновна Куликова, Елена Анатольевна Кузьмина, преподаватель Надежда Михайловна Муравьева, аспирантка, ныне кандидат филологических наук Алеся Михайловна Нехорошева.

Действие происходит в день рождения Л.С. Кауфман, у нее в руках красивый букет цветов, лицо выражает некоторую философскую грусть по поводу происходящего. Но есть здесь еще силы и удовлетворение сделанным, поскольку вокруг нее собрались ее «дети» в расцвете лет и «молодая поросль», все они выросли под ее крылом, при ее постоянной поддержке, учились в Москве, Ленинграде, Ярославле, защищали кандидатские и докторские диссертации в разных городах, в том числе и в Там-

bove, и каждый раз все они бежали на Студенецкую, чтобы разделить успех именно с этим человеком. О каждом из запечатленных лиц можно было бы также написать свою историю, каждый/ая здесь без преувеличения – фигура характерная и колоритная, но всех объединяет одно – гордость за кафедру, за людей, работающих рядом, за интересную сферу деятельности – преподавание иностранного языка – все это годами внушалось и прививалось Лией Соломоновной.

Присутствие немецких друзей – Ангелики Кункель, Карин Унзикер, Герта Калленбаха здесь совершенно не случайно, более двух десятков лет они приезжали в Тамбов, много лет жили у Лии Соломоновны, постоянно помогали и помогают до сих пор Гете-обществу, а, следовательно, университету, институту / факультету, кафедре. Они стали можно сказать совместителями на кафедре, поскольку каждый год безвозмездно вносили и вносят свою лепту в образование и культуру университета и, в целом, Тамбовской области, раздвигая границы провинциального образования и бытия.

Тогда еще никто не знал, что здесь творится история, у которой свои правила, законы и повороты.

КРАТКИЙ КОММЕНТАРИЙ К «НЕПРОИЗНЕСЕННОЙ РЕЧИ ЛИИ СОЛОМОНОВНЫ В СВЯЗИ С ЕЕ 85-ЛЕТИЕМ»

Во время подготовки книги воспоминаний о Лии Соломоновне Герт Калленбах, полностью опираясь на текст трагедии «Фауст» Гете, попытался сочинить речь от имени Лии Соломоновны, которую она могла бы произнести в день своего 85-летия (2003 г.). Сочинение называется «Lili Kaufmanns ungehaltene Rede zum Festakt Ihres 85. Geburtstages». Достаточно объемный стихотворный текст (10 страниц!) представляет собой подборку связанных между собой коротких отрывков, цитат из первой части трагедии «Фауст» Гете, которые, по мнению Герта, наиболее подходят к Лие Соломоновне, ее характеру, образу мысли и жизни. В своем письме по поводу данного сочинения Герт

пишет: «Ich habe Faust I durchforstet und Stellen gesucht, von denen ich mir vorgestellt habe, dass Lili sie gesagt haben koennte – auf sich bezogen – also meine Interpretation von Lili sozusagen. Es sind nur Faust-Original-Zitate enthalten, bis auf wenige Aenderungen, auf Lili bezogen». (Я просмотрел первую часть «Фауста», выбрал места, которые, как я себе представляю, Лили могла бы произнести по отношению к себе. Итак, моя интерпретация, так сказать, с позиций Лили. В тексте содержатся цитаты только в оригинале лишь с небольшими изменениями применительно к Лили)».

Сочинение получилось сложным, насыщенным глубокими смыслами и идеями с иронически-экспрессивной окраской, содержание которого Лия Соломоновна, на наш взгляд, могла бы с удовольствием принять: за этими фразами стоит опыт великого Гете, работавшего над трагедией 60 лет, они понятны Лие Соломоновне вдвойне: как с позиций литературоведа, исключительно ценившего гений Гете, так и с точки зрения ее собственного жизненного опыта. (Она здесь старше Фауста на четверть века!). Это философское размышление человека о смысле жизни, его предназначении, роли познания, о вечном сомнении человека в возможностях достичь совершенства во всех аспектах бытия.

Интерпретация фрагментов текста могла бы занять не одну страницу. Остановимся лишь кратко на некоторых из них, представленных в данной книге в сокращенной версии. В начале сочинения приводится цитата из сцены «Вальпургиева ночь» «So Ehre denn, wem Ehre gebührt!» Немецкое слово Ehre означает честь, почесть по отношению к тому, кто ее заслуживает, кому она надлежит (gebühren). В русских переводах используются близкие по смыслу слова: «хвала» в переводе Н. Холодковского «Хвала тому, кому хвала идет», или «слава» в переводе Б. Пастернака «Слава тому, кому подобает». Такое торжественное начало настраивает читателя / слушателя на восприятие текста возвышенной тональности, своего рода оды в честь юбиляра, заслуживающего почтения, восхваления и славы. Далее следует обращение Фауста к Мефистофелю в этой сцене: «Du Geist des Widerspruchs! Nur zu! du magst mich führen». («Противоречий дух, не сам ли ты старался Меня увлечь сюда?») (перевод здесь

и далее Н. Холодковского). Обращение человека адресовано не к мифическому Мефистофелю, с которым разговаривает Фауст, а к самому себе – второму (внутреннему) я – «сомневающемуся, противоречащему самому себе», так как именно дух противоречия позволяет личности критически отнестись к своим делам и поступкам. Именно «дух противоречия», учила Лия Соломоновна, является двигателем развития личности – интеллектуального, нравственного, эстетического и т.д. И не случайно это изречение было взято в качестве эпитафии к книге. «Дух противоречия» сопровождал юбиляра по лабиринтам долгой и не простой жизни, в которой были свои ошибки, заблуждения, успехи и достижения (Des Lebens labyrinthisch irren Lauf). Он привел ее по превратности судьбы из Коканда в Тамбов, можно ли себе такое представить?!

Размышляя о праздновании юбилея с его ритуалом, речами, поздравлениями, ликующими лицами, юбиляр иронически оценивает все происходящее без пафоса и восторга. Напротив, эти юбилейные речи похожи на речи «во время проводов в последний путь» (Eure Grabesreden halten), о чем Лия Соломоновна неоднократно говорила сама (призыв «Без речей!»). И в данном тексте есть фраза о том, что ей хочется от всего этого уйти прочь, потому что юбилеи вызывают, с одной стороны, картины радостных дней (die Bilder froher Tage), воспоминания о первой любви и дружбе, с другой, воспоминания о боли и страданиях, о «тнях» ушедших друзей.

Вы принесли с собой воспоминанья
Весёлых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Всё вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.
Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя – увя! – уж не слышна...

Однако «*Geschehn ist leider nun geschehn, /Und wie es gehn kann, so wirlds gehn*», дословно: «что случилось, то случилось», «пусть все идет своим чередом» (перевод Н.Д.), это Лия Соломоновна понимала философски и житейски всегда.

Часть сочинения посвящена описанию образа жизни юбиляра. Иронически-окрашенная метафора «повседневной жизни как простолоюдинки 16 века», которая должна делать все сама (без служанки!) – «готовить, мести, вязать и шить», позволяет наглядно представить течение тамбовской жизни с ее заботами и семейными делами в другом времени. В каждодневной суете участвует и муж – к тому же очень аккуратен! – среди гор книг. Сразу возникает перед глазами квартира Кауфман – Циколь, где книги занимали все свободное пространство и среди них Яков Наумович за газетами. Несмотря на эту «тяжкую долю», у нее есть еще (как у Фауста) своя научная работа, и эта работа за столом при свете ее маленькой старой лампы для нее – всегда Надежда.

Заблещет лампа, друг ночей,
Возникнет тихое веселье
В душе смирившейся моей,
И снова мысли зароятся,
Надежда снова зацветет –
И вновь туда мечты стремятся,
Где жизни ключ струёю бьёт.

О вечных муках творчества, сомнениях и неудовлетворенности она также скептически могла бы говорить словами Фауста, пройдя длинный путь жизни, изучив философию, литературу, историю, а потом преподавая много разных курсов на инязе и других факультетах в своей стране и за рубежом, накопив мудрость и огромный опыт и испытывая нередко горечь разочарования в своих исканиях. Это метафора «поиска пути», «познания», которую использовала Лия Соломоновна в своих научных исследованиях и повседневной жизни, это и метафора отчаяния о невозможности познать мир, «может быть постижимый, но все-таки бесконечный» (И. Бродский).

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердием и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!

Примечателен комический финал речи в духе гротескно-карнавальных немецких масленичных сцен (фастнахтшпилей), нацеленных на то, чтобы вызвать у читателя смех и одновременно снисходительную оценку происходящего: юбиляр рекомендует помолодеть, не обращаясь к врачу или магии. По его/ее мнению, нужно идти на природу, в поле, занявшись простым сельским трудом, сохраняя мозг именно в этом интеллектуально-ограниченном пространстве, питаясь просто, без кулинарных изысков. Это лучшее средство помолодеть на 80 и 5 лет, как сказано буквально в тексте! *Das ist das beste Mittel, glaub, / Auf achtzig und fünf Jahr dich zu verjüngen!* Это высказывание абсолютно применимо к образу мысли и жизни Лии Соломоновны, любившей природу, достаточно просто питавшейся в обычной жизни. Только вот без интеллектуальной деятельности ее мозг никогда не мог существовать, тут ее мнение чуть-чуть не совпало бы с рекомендацией Фауста.

А в целом, думается, что Лия Соломоновна с юмором могла бы прочесть это сочинение и по случаю своего 100-летия, поскольку все, что сказано Гете (в обработке Г. Калленбаха) справедливо для всех тех, кто может критически, без пафоса относиться к собственной персоне, что было характерно для юбиляра. Ниже приводится текст «Речи» в сокращенном варианте на немецком языке.

LILI KAUFMANN'S UNGEHALTENE REDE ZUM FESTAKT
IHRES 85. GEBURTSTAGES

Kallenbach G.

So Ehre denn, wem Ehre gebührt!
Du Geist des Widerspruchs!
Nur zu! du magst mich führen.
Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Ihr drängt euch zu! nun gut, so mögt ihr walten,
und Eure Grabesreden halten.
Aufrichtig: möchte schon wieder fort!
In diesen Mäurn, diesen Hallen
Will es mir keineswegs gefallen.
Es ist ein gar beschränkter Raum,
Man sieht nichts Grünes, keinen Baum,
Und in den Sälen, auf den Bänken
Vergeht mir Hören, Sehn und Denken.
Ihr bringt mit euch die Bilder froher Tage,
Und manche liebe Schatten steigen auf;
Gleich einer alten, halbverklungenen Sage
Kommt erste Lieb und Freundschaft mit herauf;
Der Schmerz wird neu, es wiederholt die Klage
Des Lebens labyrinthisch irren Lauf
Mein Leid ertönt der unbekanntenen Menge,
Ihr Beifall selbst macht meinem Herzen bang,
Und was sich sonst an meinem Lied erfreut,
Wenn es noch lebt, irrt in der Welt zerstreut.
Geschehn ist leider nun geschehn,
Und wie es gehn kann, so wirds gehn.
Das Sprichwort sagt: Ein eigner Herd,
Ein braves Weib sind Gold und Perlen wert.
Natürlich, wenn ein Gott sich erst sechs Tage plagt
Und selbst am Ende Bravo sagt,
Da muss es was Gescheites werden!
Ja, meine Wirtschaft ist nur klein,
Und doch will sie versehen sein.
Ich habe keine Magd; muss kochen, fegen, stricken
Und nähn und laufen früh und spat,
Und mein Ehegatte war in allen Stücken
So akkurat!
Beschränkt von diesem Bücherhauf,
Den Würme nagen, Staub bedeckt,
Den bis ans hohe Gewölb hinauf

Ein angeraucht Papier umsteckt;
Mit Gläsern, Büchsen rings umstellt,
Mit Instrumenten vollgepfropft,
Urväterhausrat drein gestopft –
Das ist meine Welt! das heisst eine Welt!
Hier soll ich finden, was mir fehlt?
Soll ich vielleicht in tausend Büchern lesen,
Dass überall die Menschen sich gequält,
Dass hie und da ein Glücklicher gewesen? –
Ach! wenn in meiner engen Zelle
Die Lampe freundlich wieder brennt,
Dann wirts in meinem Busen helle,
Im Herzen, das sich selber kennt.
Vernunft fängt wieder an zu sprechen,
Und Hoffnung wieder an zu blühn;

<....>

Da steh ich nun, ich armer Tor,
Und bin so klug als wie zuvor!
Heisse Magister, heisse Doktor gar
Und zieh schon an die sechzig Jahr
Herauf, herab und qür und krumm
Meine Schüler an der Nase herum –
Und sehe, dass wir nichts wissen können!
Das will mir schier das Herz verbrennen.
Bilde mir ein, was Rechts zu wissen,
Bilde mir ein, ich könnte was lehren,
Die Menschen zu bessern und zu bekehren.
Auch hab ich weder Gut noch Geld,
Noch Ehr und Herrlichkeit der Welt:
Es möchte kein Hund so länger leben!
Ach Gott! die Kunst ist lang,
Und kurz ist unser Leben.

<....>

Ein Rat zuletzt! Ein Mittel, ohne Geld
Und Arzt und Zauberei zu haben:
Begib dich gleich hinaus aufs Feld,
Fang an zu hacken und zu graben,
Erhalte dich und deinen Sinn
In einem ganz beschränkten Kreise,
Ernähre dich mit ungemischter Speise,
Leb mit dem Vieh als Vieh und acht es nicht für Raub,
Den Acker, den du erntest, selbst zu düngen!
Das ist das beste Mittel, glaub,
Auf achtzig und fünf Jahr dich zu verjüngen!

ГЛАВА 7 IN MEMORIAM

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ: НАКАНУНЕ 98-ЛЕТИЯ «ДЛЯ МЕНЯ ЧЕЛОВЕК – САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ОТКРЫТИЕ...»

Кауфман Л.С.

*Беседа с членом Союза журналистов РФ Л.Е. Хохловой.
(В сокращении)*

Л.С.: Движение времени непрерывно. В его восприятии мы опираемся на память, сознание и наше представление о жизни. Та жизнь, которую я прожила, она связана с нашей общей жизнью, жизнью всей страны, и другой быть не могла. Каждый из нас выбирает свой путь, который ему интересен и важен. Я училась в институте, который стал теперь легендой – Московском институте истории, философии и литературы, знаменитом МИФЛИ. О нём написано немало книг, собрано немало воспоминаний. Я благодарна моим учителям, которые не только давали нам знания, но и своим примером показывали, что процесс образования непрерывен, не зависит ни от возраста, ни от научных регалий. Это были очень известные люди, выдающиеся учёные-педагоги: А.А. Аникст, М.В. Алпатов, Б.Р. Виппер, А.К. Дживелегов, Ю.В. Готье, Б.И. Пуришев, Н.С. Чемоданов, а среди них – особенно любимые профессора Е.Н. Галкина-Федорук, В.Р. Гриб, Элиза Ризель, книги которой до сих пор являются пособиями для студентов... Там я поняла, что такое настоящий театр, какую роль играет музыка в жизни человека. Мне повезло – я видела людей, которые жили большой духовной жизнью. Стремление к духовности всегда спасало меня в трудных ситуациях. Время было нелёгкое, оно ломало жизни и судьбы многих людей. Иногда мои сверстники совершенно

искренне говорят, что не видели и не слышали, куда по ночам едет машина... Я слышала. И видела, как уходили мои учителя, чтобы никогда не вернуться или вернуться через много лет...

Л.Х.: Антифашистская тема в творчестве немецких писателей – объект многолетнего кропотливого исследования. Его итог – докторская диссертация, защита диссертации в МГУ в 1984 году свидетельствует о том, что сам факт сопротивления нацизму, существовавший в писательской среде внутри Германии, необходимо было отстаивать в серьёзной дискуссии.

Л.С.: Немцы жили своей исторической жизнью. Были голод, инфляция, нищета, люди годами не ели масла, картофель был праздничным блюдом, сорок процентов мужского населения были без работы... И вот пришёл национал-социализм, который назвал себя рабочей партией. И под звуки музыки завоораживающей говорилось: “Мы вас накормим, мы вас напоим, мы завоюем мир, и этот мир будет вас кормить, весь мир будет у ваших ног“. И не надо думать, что Гитлер был глупцом. Ибо тогда возникает вопрос: а мы-то, как же мы таких дураков такой кровью подавили? Речь идёт о том, что мы должны понять: не кровью, не кровью должен жить народ. После Второй мировой войны вышла великолепная книга Генриха Бёлля «Где ты был, Адам?». Когда дети спрашивали у своих отцов, как могли быть эти газовые печи, как могли быть эти страшные времена? Не надо их забывать! Нам не надо забывать, что войну выиграл наш народ. Это великое противостояние народа настоящему злу, ведь нацизм Францию, и Бельгию, и Нидерланды, и Англию успел разрушить, зло могло превратить мир в ужасный концлагерь. Русский народ выиграл эту войну. Нельзя забывать свою историю.

Немцы сейчас нам дают урок милосердия, но этот урок им самим нужен. Им нужно научиться милосердию, и это прекрасно понимает немецкое правительство. Для немцев это необходимо, им нужно встать на путь нравственного очищения, им надо ответить на вопрос «Где ты был, Адам?». Спасти нас сейчас может только милосердие, милосердие к себе самим, милосердие к окружающим.

Л.Х.: В апреле 2016 года Лия Соломоновна отметит прекрасную дату – ей исполнится 98 лет! Она живёт настоящим, она в курсе всех событий. Её глубокие познания, ясный ум, интеллигентность привлекают самых разных людей: с ней легко, тепло и интересно.

Л.С.: Мне в жизни повезло... Большое счастье выбрать работу, которая тебе по душе. Мне нравится путь профессиональный, который я выбрала. Я люблю своих студентов. Я люблю им рассказывать, делиться знаниями. Люблю свой университет. Мне повезло в жизни: я видела театр Таирова, я видела Алису Коонен... Я видела МХАТовские прекрасные постановки «Дни Турбиных», «Достигаев и другие», «Вассу Железнову». Очень много слышала хорошей музыки. Видела и люблю хорошую живопись эпохи Возрождения, русскую живопись. Я прожила нелёгкую жизнь, а это меня отвлекало: хорошая книга, картина, музыка.

Я люблю атмосферу музыки, атмосферу праздничности. Очень люблю. Когда я погружаюсь в свою атмосферу и могу рассказать студентам о барокко, о классицизме, у меня возникает образ времени, и мне становится гораздо легче жить, чем в буднях. Для меня природа играет огромную роль. Я могу на полчаса уйти туда, где нет людей, где есть деревья. Я люблю среднюю Россию, лужайки люблю, берёзки... Люблю нашу реку. Люблю постоять на плотине: уходит от меня всё нелёгкое, что меня окружает. Духовность земли передаётся людям, у них лица становятся совсем другие. Смотришь, люди преображаются. Я должна сказать, в этом большое спасение. У меня всегда была привилегия: я имела дело с молодёжью. Мне встречались интересные люди. Человек – это для меня самое интересное открытие...

(Полная версия интервью: электронный ресурс / режим доступа: <http://www.germanistenverband.ru/vznosy/132-lia-kaufman>)

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Л.С. КАУФМАН

Андреев В.Е., литературовед

Ещё один ушёл прекрасный друг,
Как будто сговорясь уйти за ними вслед вдогонку.
Пустее стала резко вдруг
Тамбовская родная нам сторонка.

Ушёл и тот, и тот... Ушла Она,
Знаток всего, и царственна душою...
Всегда в трудах, неведома покою,
Её работа духа так важна.

Не повышая голоса и тона,
О немцах говорила так влюблённо.
Но знала цену миру и Победе.
Была подробна в дружеской беседе.

Всех привечала дома и на даче.
На шишках самовар пыхтел. О, символ дома!
Лилася мысль от антиков и до закона Ома.
Жила, как нить пряла, и не могла иначе.

И преклоняясь пред великим Гёте,
Воспитывала в нас любовь к культуре.
Ничто чины! Ведь в каждом обороте
Любовь к великому живёт, и в каждой дуре.
Мне страшно повезло: встречаясь с ней в Тамбове,
Однажды ночевал в её квартире.
Великолепна в жестах, взгляде, слове.
Лучилось в доме этом всё любовью:
К ученикам, коллегам, лучшим в мире.

Но подлецов, пройдох не подпускала близко.
Лишь тот, кто не лукав, допущен к сердцу.
О, как запечатлеть её в своих записках!
Как хочется, чтоб не закрылась дверца!

7 апреля 2016 г., 4 ноября 2017 г. Мичуринск

*Семья Л.С. Кауфман. В первом ряду (слева направо): Надежда Исаковна (мать),
дочь Ирма, бабушка Рахель, дедушка Исаак Пильман, во втором ряду: Соломон Вениаминович (отец),
Яков Наумович (муж), Лия Соломоновна*

Маленькая Лия

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Советъ ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владимира свидѣтельствуеъ, что Иццо (Исаакъ) Мордоховичъ-Евзаимъ Пильманъ, иудейскаго исповѣданія, выдержавшій установленное испытаніе, Медицинскимъ Факультетомъ сего Университета, на основаніи 500—503 статей Устава Врачебнаго Т. XIII Свод. Зак. изд. 1892 года, удостоенъ въ 25-й день апрѣля 1898 года званія дентиста со всеми правами и преимуществами, присвоенными сему званію. Въ удостовѣреніе чего дано г-ну Пильману сіе свидѣтельство за надлежащею подписью и съ приложеніемъ малой университетской печати. Киевъ, 1898 года, декабря 23 дня.

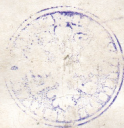
Ректоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Университета
Св. Владимира, Дѣйств. Стат. Советникъ и кавалеръ

Деканъ медицинскаго факультета,
Стат. Советникъ и кавалеръ

Ф. Леви

№ 2219

У сего свидѣтельства печать
ИМПЕРАТОРСКАГО Университета
Св. Владимира.

15 февраля 1899 г. № 109
дезертиръ.

Божскому Помощнику *Тамбовск*

Секретарь

Секретарь Совета *М. Часов*

Свидетельство Пильмана И.М.- Е. — деда Л.С. Кауфман
об окончаніи медицинскаго факультета
Киевскаго университета св. Владимира — в 1898 г.

МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Удостоверение.

Настоящее удостоверение выдано гражданину
Кауфман Соломону Вениаминовичу
родившемуся 16 декабря 1897 года в городе
Терми

в том, что он прослушал в Самарском Государственном
Университете полный курс Медицинских наук, участво-
вал в установленных учебными планами практических
занятиях и сдал 26 июня 1922 года при
Самарском Государственном Университете установленные
Государственные испытания.

На основании изложенного, гражданину
Кауфман Соломону Вениаминовичу
предоставляется **ЗВАНИЕ ВРАЧА** и согласно поста-
новления Народного Комиссариата по Просвещению от
1-го февраля 1919 года **ПРАВО ВРАЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ**
на всей территории Р. С. Ф. С. Р. и союзных Советских
Республик.

Удостоверение это в виде на жительство служить не

может.

Председатель Испытательной Комиссии

Имени:

Секретарь

Декан Медфака

Воскрас

Секретарь Медфака

30 июня 1922 г.

№ 14

Удостоверение Кауфман С.В. - отца Л.С. Кауфман
об окончании медицинского факультета
Самарского университета в 1922 г.

МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Удостоверение.

Настоящее удостоверение выдано гражданину
Пильману Нехеме Исааковичу
родившейся *1 марта 1897* года, в городе
Кургане Тюболовской губернии

в том, что она прослушал в Самарском Государственном
Университете полный курс Медицинских наук, участво-
вал в установленных учебными планами практических
занятиях и сдала *26 июня 1922* года при
Самарском Государственном Университете установленные
Государственные испытания.

На основании изложенного, гражданин
Пильман Нехеме Исаакович
предоставляется **ЗВАНИЕ ВРАЧА** и согласно поста-
новления Народного Комиссариата по Просвещению от
1-го февраля 1919 года **ПРАВО ВРАЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ**
на всей территории Р. С. Ф. С. Р. и союзных Советских
Республик.

Удостоверение это в виде на жительство служить не
может.

Председатель Испытательной Комиссии *А. Кауфман*

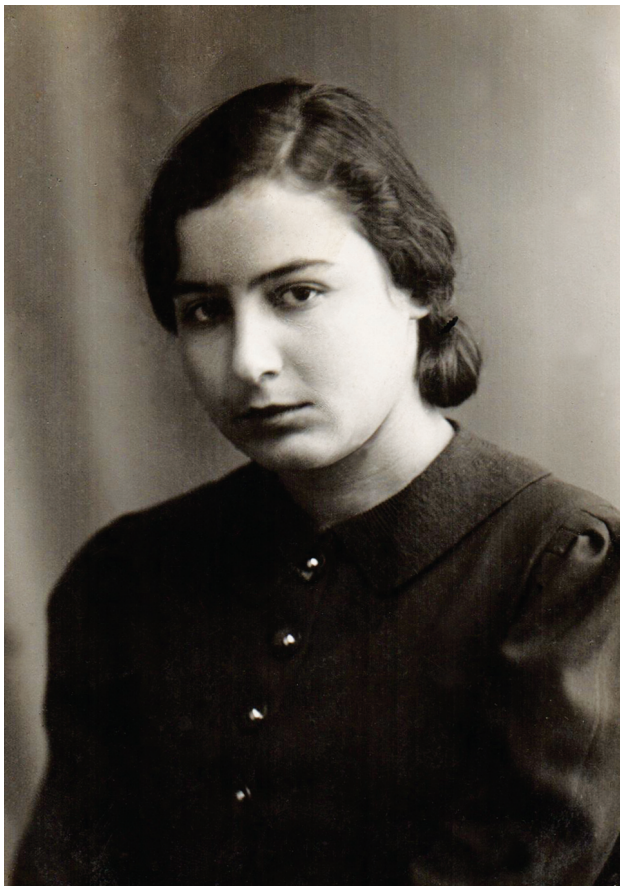

Сектор *Медицинского*
Факультета
Декан *Медицинского*
Факультета
Секретарь *Медицинского*
Факультета

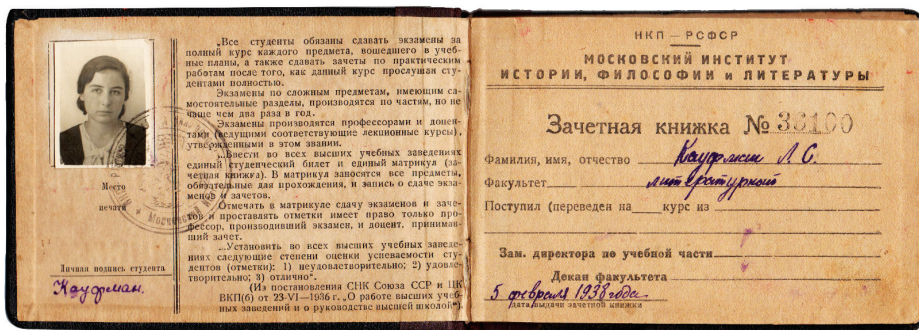
30 июня 1922 г.

№ 15

Удостоверение Пильман Н.И. – матери Л.С. Кауфман
об окончании медицинского факультета
Самарского университета в 1922 г.

Лия Кауфман - студентка

Зачетная книжка студентки МИФЛИ Л. Кауфман

Группа, в которой училась Л.С. Кауфман. В первом ряду вторая слева преподаватель немецкого языка - Элиза Ризель. Во втором ряду третья слева - Лия Кауфман

ДИПЛОМ

А № 142874

Предъявитель сего тов. Кауфман

Лия Соломоновна

в 1937 г. поступила и в 1946 г. окончила
полный курс Московского ордена Ленина

Государственного Университета

имени М.В. Ломоносова

по специальности история западной
литературы и немецкого языка

и решением

Государственной Экзаменационной Комиссии

от 3 августа 1946 г. ей присвоена
квалификация научного работника в области
истории западной литературы
и немецкого языка, преподавателя вуза и ВТУЗа
и звание учителя средней школы.

Председатель Государственной
Экзаменационной Комиссии

Т. Михайлова

Директор проф. Шайкин

Секретарь Крикова

Город Москва, 8/III 1946 г.

Регистрационный № 357

119965. Москва, Гознак. 1944. Тир. 120 000 экз. Зак. 7814.

Диплом об окончании университета Л.С. Кауфман

*Л.С. Кауфман и родители -
Надежда Исааковна и Соломон Вениаминович. Послевоенный снимок*

Я.Н. Циколь, послевоенный снимок

Л.С. Кауфман с дочерью Ирмой, 1947 г., г. Сумы

Лия Соломоновна с мужем Яковом Наумовичем в 1960-е гг.

Л.С. Кауфман, преподаватель ТГПИ (1950-е гг.)

*Завкафедрой немецкого языка ТГПИ Л.С. Кауфман
и немецкие гости (октябрь 1969 г.)*

Декан факультета иностранных языков Ю.П. Марченко, немецкий гость З. Хойзингер и Лия Соломоновна, октябрь 1969 г.

Немецкие гости в актовом зале 7 октября 1969 г. В центре: ректор В.Д. Виноградов, рядом слева: Б. Игель, справа – декан факультета иностранных языков Ю.П. Марченко, фрау Э. Вайдиг. За Б. Игелем – завкафедрой немецкого языка – Л.С. Кауфман

*В Галдыме, 1970 г. Люция Игель, Л.С. Кауфман, Б. Игель,
В. Евстратов (ассистент кафедры)*

*На лекции немецких специалистов: в первом ряду слева направо:
завкафедрой немецкого языка Л.С. Кауфман,
преподаватели: Б.Н. Иванов, Е.В. Милосердова.
Во втором ряду: старший преподаватель – О. А. Зюзина. 1969 г.*

*Завкафедрой Л.С. Кауфман с выпускниками 1970 года (509-510 группы).
Слева в первом ряду декан факультета Ю.Л. Марченко, справа преподаватель Б.Н. Иванов*

На занятии: Л.С. Кауфман и В.Е. Пожилова. 1990-е гг.

«Дни немецко-российской культуры: 20.10.1997 г. на снимке: слева направо: член Союза журналистов РФ Л.Е. Хохлова, профессор Л.С Кауфман, председатель Гете общества г. Вецлар Кункель Ангелика, консул Генерального консульства ФРГ Петер Фельтен

*«Дни немецко-российской культуры:
21.10.1997г. - открытие книжной выставки. На снимке:
слева направо: доцент кафедры немецкой филологии Н.В. Вязова,
председатель Тамбовского Гете общества –
профессор Л.С. Кауфман,
председатель Гете общества г. Вецлар А. Кункель,
проректор по международной работе ТГУ им. Г.Р. Державина
профессор Н.Н.Болдырев,
завкафедрой немецкой филологии профессор Е.В. Милосердова,
консул Генерального консульства ФРГ Петер Фельтен,
декан факультета романо-германской филологии Н.П. Дронова*

*Л.С. Кауфман танцует с Олегом Карнауховым на его свадьбе,
лето 2000 г.*

*Лия Соломоновна и аспиранты. В первом ряду: О.А. Дронова
Во втором ряду слева направо: Н.Н.Сутягина, Н.И. Платицына,
Е.М. Толмачева (Лукинова) с сыном 8 марта 2008 г.*

В музее Томаса Манна в г. Любеке. 1996 г.

*Кристиане Ленч, фрау доктор Плеч, Л.С. Кауфман.
1997 г., г. Вецлар*

*Лия Соломоновна и молодежь в Германии. Лето 2003 г.
Слева направо: Дронова Ольга, Кашеварова Елена, Лия Соломоновна,
Севидова Наташа, Ситникова Евгения*

*А.Кункель, Л.С. Кауфман.
Во втором ряду – Е.В. Милосердова, Л.Г. Казарян*

*Лия Соломоновна, президент Гете общества (г. Веймар),
председатель Гете-общества г. Вецлар А. Кункель*

Профессор Е.И. Григорьев и Л.С. Кауфман

Немецкая актриса Корнелия Кюн -Ляйц и Л.С. Кауфман

*Руководитель камерного хора им. С.В. Рахманинова
профессор В.В. Козляков и Л.С. Кауфман*

И.Р. Блохина, Л.Е. Хохлова и Л. С. Кауфман

Слева направо: Л.С. Кауфман, Н.В. Вязовова, К. Унзикер. На даче

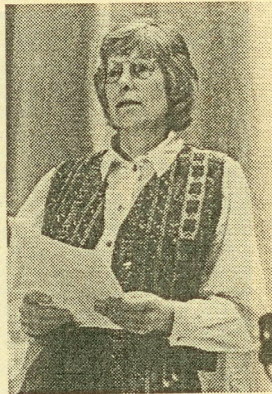

Общество Гете: двери открыты для всех

В мае в стенах нашего университета произошло большое событие - торжественное открытие общества имени Гете. Учрежденный Тамбовским государственным университетом и департаментом образования, этот научно и культурно-просветительский центр ввел нас в европейскую систему содружества людей стремящихся расширить культурную и научную информацию в области гуманитарных дисциплин,вносящих свой позитивный вклад в нравственное совершенствование общества. Таковы задачи общества Гете, основанного в Германии в 1985 году, ставшего всероссийской общественной организацией. В настоящее время общество представляет интерес 28 стран Европы и Америки. Одно из основных положений устава подтверждает приоритет научных и культурных традиций и ценностей той страны, в границах которой учрежден и работает центр. В настоящее время он второй и пока единственный после Московской комиссии Гете, открытой в 1979 году при Академии наук. Прежде чем встать в один ряд с обществами Гете учрежденными в Чехословакии, Дании, Австрии, Англии и других странах Европы, мы должны были пройти апробацию и годовой испытательный срок. В 1993 году наш, тогда еще институт, посетил председатель

общества Гете города Ветцлара. Она накомившись с научными и культурными достоинствами факультета иностранных языков и кафедры немецкого языка, пообщавшись со

(Окончание на 2-ой стр.)

Коротко

В мае в Саранске на базе педагогического института прошла всероссийская олимпиада по педагогике. Наш университет там представляла студентка 4 -го курса физико-математического факультета Марина Вислобокова, которая, в сложных конкурсах (включая 3 тура), набрала наибольшее количество баллов, заняв 1 место.

По решению ректората М.Вислобоковой вручена денежная премия в размере месячной стипендии, а ее научному руководителю доценту кафедры педагогики, кандидату педагогических наук Л.Н.Макаровой объявлена благодарность.

Поздравляем Марину, а также кафедру педагогики с этой победой!

Вышла в свет монография "Философия в единстве онто-

Статья Лиш Соломоновны» «Двери открыты для всех»

Общество Гете: двери открыты для всех

(Окончание. Начало на 1-ой стр.)

студентами на учебных занятиях, он подтвердил перед Европейским центром общества наши научные и культурные возможности.

Делегация общества Гете посетила нас трижды и, наконец, в результате наших усилий общество Гете в Тамбове было открыто в октябре 1994 года. Оно объединяет не только членов кафедры немецкого языка и студентов нашего университета, но и учителей, учащихся школ. Активное участие в работе общества принимают преподаватели Музыкального института имени Рахманинова, художники, инженеры, врачи, рабочие.

За полтора года обществом проведено несколько музыкальных вечеров, встреч с интересными людьми, прослушано много сообщений из области европейской и русской культуры. Художники и музыканты общества выезжали и успешно представляли в ряде городов Германии наш центр. Так были организованы две выставки Тамбов в фотографиях" (члена Союза журналистов, учителя школы №12 А. Самошкина и художника, преподавателя живописи школы-интерната №3 Н. Воронкова.

Совместно с кафедрой немецкого языка, под руководством профессора Л. Милосердовой общество разработало научную и культурную программу, которую намерено успешно осуществлять.

В 1994 году обществом издана работа об одном из этапов переписки Гете и Шиллера-результат научного исследования доцента В.Баева. Готовится ряд других научных публикаций. Каждый месяц происходят встречи членов общества, посвященные различным темам: Гете в истории европейской минералогии, Гете в Веймаре, Баратынский в Тамбове, опера Масне "Вертер" и др..В них принимают участие гости из Герма-

нии, Австрии. Актриса из Франкфурта специально приезжала в Тамбов, чтобы познакомить нас с поэзией Гете, Рильке и рядом современных авторов. Большую поддержку обществу в его работе оказывает администрация университета и прежде всего декан иняза профессор Н. Дронова, руководство департамента образования области (В.Баев), немецко-русский культурный центр, работающий при департаменте образования.

В перспективе у нас обмен делегациями с центрами других европейских стран, возможность стажироваться в Гете-центрах европейских университетов, обмен выставками, а главное -живая, творческая работа в нашем городе и области, которую

члены и друзья общества ведут уже два года.

Двери общества открыты для всех. Приходите, включайтесь в наше содружество. Всякое общение не только расширяет наш научный и культурный кругозор - мы открываем для себя новых интересных людей, слушаем музыку, радуемся возможности встретиться в неформальной и вместе с тем творческой обстановке. Очередная встреча состоится 22 сентября 1995 года на факультете романо-германской филологии, ком.64, в 17.30.

Л.Кауфман,
профессор, председатель
Тамбовского общества Гете
и комиссии по истории
мировой культуры при
АН России.

На снимках: презентация общества Гете. 4 мая 1995 г.

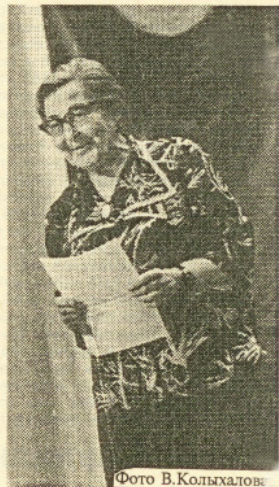
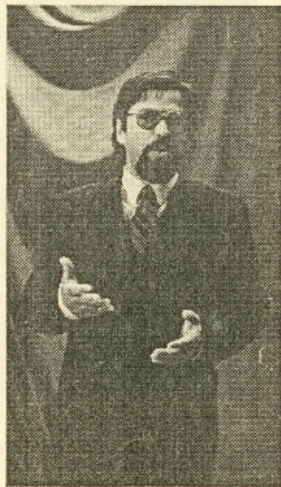
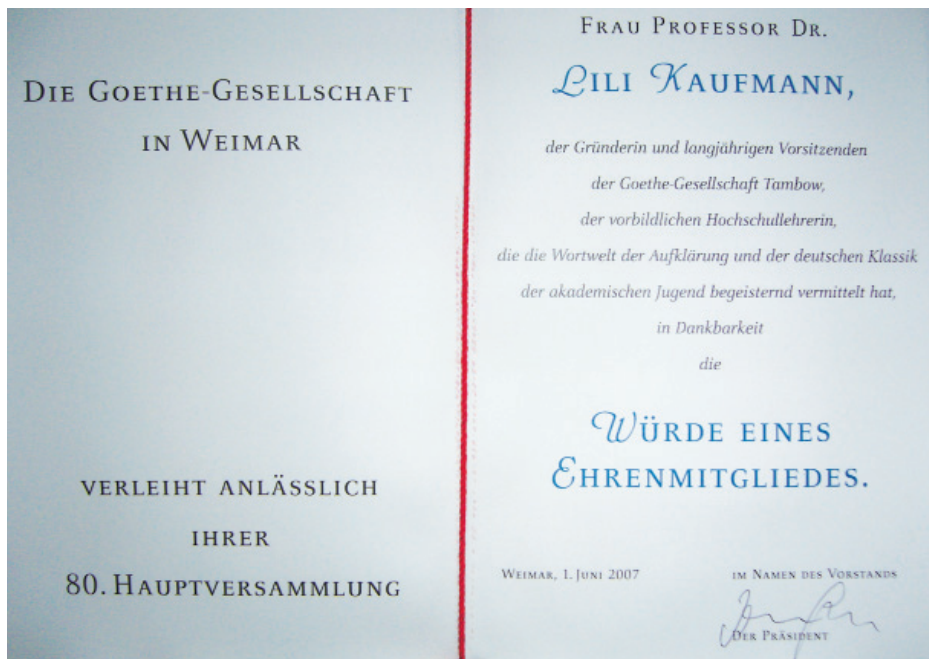

Фото В.Кольхалов

Статья Лиш Соломоновны» «Двери открыты для всех»

*Вручение Ангеликой Кункель бюста Гете Л.С. Кауфман (88 лет),
22.05.2006 г.*

Диплом Почетного члена общества Гете (г. Веймар), июнь 2007

Накануне 90-летия. Л.С. Кауфман и бюст Гете. 11.04.2008 г.

*Торжественный ужин в честь 90-летия Л.С. Кауфман.
В центре: председатель Гете общества г. Вецлар Ангелика Кункель
поздравляет юбиляра. На снимке слева направо:
проректор по учебной работе ТГУ профессор Е.А. Уваров,
проректор по международной и научной работе
профессор Н.Н. Болдырев,
проректор по социокультурной работе профессор Сафонова Н.В.,
на заднем плане: член Гете общества Г.Вецлар Г. Калленбах,
председатель Тамбовского Гете общества И.Ю. Безукладова.
17.04.2008 г.*

Круглый стол

*«О развитии международных связей кафедры немецкой филологии»,
посвященный 70-летию института иностранных языков.*

Слева направо:

*проректор Тамбовской духовной семинарии Лисюнин В.Ф,
директор института профессор Дронова Н.П.,
председатель Тамбовского Гете общества Безукладова И.Ю.,
профессор Кауфман Л.С., председатель Гете общества
г. Вецлар Кункель А., пастор Фабер В. и др.*

17 апреля 2009 г.

*Награждение Л.С. Кауфман
Державинским орденом ТГУ (декабрь 2009 г.)
в связи с 70-летием Института иностранных языков*

*Кафедра немецкой филологии и гости из Вецлара (Германия).
День Кауфман. 17.04.2010 г.*

В. Фабер, Еришова Н. Б., Л.С. Кауфман. Сентябрь 2015 г.

Дом на Студенецкой улице

Декан факультета профессор Худяков С.С. поздравляет с 95-летием

*Выступление Л.С. Кауфман на международной конференции
«Язык, реальность и сознание». 18.04.2013 г.*

Лили смеется

Научные труды Л.С. Кауфман

Тамбовский государственный
университет
имени Г.Р. Державина
Институт иностранных языков

Программа мероприятий в честь 90-летия профессора Лии Соломоновны Кауфман

(2-20 апреля 2008 года)

Тамбов 2008

*Программа празднования
90-летия Л.С. Кауфман, 2008 г.*

Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
Институт филологии
Кафедра немецкой филологии
Тамбовское общество Гете
Общество Гете г. Вецлар (Германия)
Христианский союз молодежи
округа Вецлар-Гиссен (Германия)

ДНИ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

с 18 по 23 апреля 2013 года

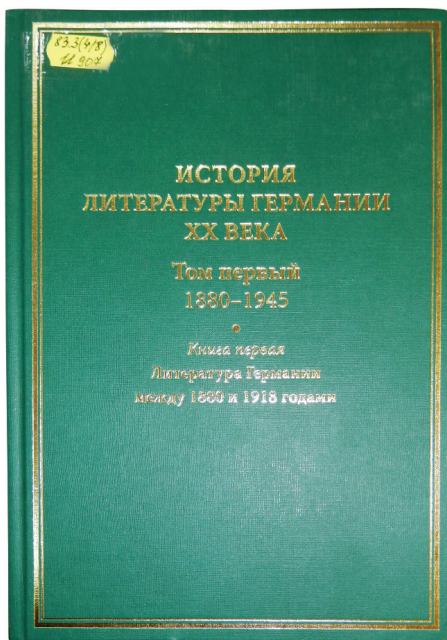
Программа мероприятий
к 95-летию Тамбовского
государственного университета

в честь 95-летия профессора
Лии Соломоновны Кауфман

Тамбов

*Программа празднования
95-летия Л.С. Кауфман, 2013 г.*

Последняя публикация

Администрация города Тамбова
Комитет по делам молодежи

Сертификат

о присвоении почетного звания

«Имя Тамбова 2012»

вручается

Лиш
Соломоновне
Кауфман

Организационный комитет
городского молодежного проекта

Сертификат «Имя г. Тамбова»

Книгу завершает статья из немецкого Гете-Ежегодника (2016 г.)

IN MEMORIAM, посвященная памяти профессора Л.С. Кауфман.

IN MEMORIAM

Professor Dr. Lili Kaufmann
17. April 1918 – 23. April 2016

Am 23. April 2016 verstarb Lili Kaufmann nach einem erfüllten Leben im Alter von 98 Jahren im russischen Tambow.

Lili Kaufmann wurde in Kokand (Usbekistan) in einer in Russland angesehenen Ärztesfamilie geboren. Ihre Großeltern waren gegen Ende des 19. Jahrhunderts aus Deutschland eingewandert. So lernte sie schon früh Deutsch und Usbekisch, später Russisch, Englisch, Französisch und Arabisch. Bereits als Kind zog sie mit ihren Eltern nach Kiew. Im Jahr 1937 begann sie ihr Studium am berühmten Moskauer Institut für Philosophie, Literatur und Geschichte, das 1941 der Lomonossow-Universität angeschlossen wurde. Das Diplom erwarb sie auf den Gebieten Ausländische Literatur und Germanistik. Ihre berufliche Tätigkeit nahm sie während des Krieges auf, zunächst an der Universität in Taschkent und dann an der Hochschule in Sumsk (Ukraine), wo sie 1949 nach einem Scheinprozess zu Lagerhaft verurteilt und 1951 aus dem Lager entlassen wurde. Danach kam Lili Kaufmann nach Tambow – eine provinzielle russische Stadt mit einer Pädagogischen Hochschule (heute Staatliche Dershawin-Universität). Ihr Mann hatte mittlerweile dort seine Lehrtätigkeit aufgenommen.

Ihre wissenschaftliche Laufbahn begann in den 50er Jahren, als sie Leiterin des Lehrstuhls für Deutsche Sprache an der Pädagogischen Hochschule in Tambow wurde. Im Jahr 1964 hat Lili Kaufmann ihre Dissertation zum Thema *Die sozialen Romane von Hans Fallada* verteidigt. Ihr wurde der akademische Grad eines Kandidaten für Philologische Wissenschaften verliehen. Später beteiligte sie sich an der Herausgabe des fünfbandigen Werks *Die Geschichte der*

deutschen Literatur, für das sie das Kapitel über Hans Fallada schrieb. Fast zwanzig Jahre hat Lili Kaufmann an ihrer Habilitationsschrift gearbeitet: 1985 erwarb sie an der Lomonossow-Universität den höchsten wissenschaftlichen Doktorgrad der Philologie mit einer Arbeit zum Thema *Die Werke der antifaschistischen Schriftsteller im nationalsozialistischen Deutschland. Problematik. Poetik*.

Die zahlreichen wissenschaftlichen Aufsätze und Lehrbücher zeugen von ihrem so wertvollen Beitrag, die Bedeutung der deutschen Literatur im Kontext der Weltliteratur zu verbreiten. *Die Geschichte der deutschen Literatur* (Moskau 1979) wurde als Lehrbuch an den Hochschulen Russlands verwendet. Unermüdlich befasste sie sich bis ins hohe Alter mit den aktuellen Problemen der deutschen Gegenwartsliteratur. Noch mit 90 Jahren betreute sie die Dissertationen von drei Aspiranten des Lehrstuhls.

Dank ihrer Bemühungen haben die meisten Hochschullehrer des Lehrstuhls mit Arbeiten zur deutschen Sprache und Literatur promoviert. Darauf war Lili Kaufmann stolz, bedeutete dies doch einen wichtigen Schritt der damaligen Hochschule hinaus in die Welt. In ihren Vorlesungen gelang es ihr, die Studenten für die deutsche Literatur zu begeistern, besonders für Goethe und Schiller, für Thomas Mann und natürlich für Hans Fallada.

Eine herausragende Rolle kommt ihr bei der Entwicklung der deutsch-russischen Kulturbeziehungen zu. Schon in den 60er Jahren wurde eine fruchtbare Zusammenarbeit mit deutschen Hochschullehrern aus Eisenach, Erfurt, Magdeburg und anderen Städten begonnen. Neue Impulse erhielt die deutsch-russische kulturelle Zusammenarbeit durch die Gründung der Goethe-Gesellschaft Tambow im Jahr 1994, was der Initiative und dem persönlichen Einsatz von Lili Kaufmann und Friedrich Wilhelm Hedrich zu verdanken ist. Der Literaturwissenschaftler Lew Kopelew, der schon in Deutschland lebte, schrieb damals: „Das ist genau das, was ich wünsche, wovon ich träume: die unmittelbaren Verbindungen über alle Grenzen hinweg“. Als Vorsitzende der Goethe-Gesellschaft Tambow setzte sie sich leidenschaftlich für eine vielfältige Zusammenarbeit ein: deutsch-russische Kulturtage, wissenschaftliche Seminare und Konferenzen, Ausstellungen oder auch feierliche Veranstaltungen. In diesem Zu-

sammenhang entwickelte sich die enge, fruchtbare Beziehung zur Goethe-Gesellschaft Wetzlar, was seit 1996 zu regelmäßigen wechselseitigen Besuchen führt. Studenten aus Tambow lernen in Begegnungen mit deutschen Jugendlichen Leben und Kultur in Deutschland kennen und verbessern so auch ihre Kenntnisse der deutschen Sprache. Mitglieder der Goethe-Gesellschaft Wetzlar treffen sich bei ihren Besuchen in Tambow mit Studenten oder halten Vorträge während der deutsch-russischen Kulturtage.

Lili Kaufmann hat sich nie zur Ruhe gesetzt, alles interessierte sie bis zum letzten Tag ihres Lebens. Vor allem aber waren für sie die Menschen wichtig. Sie war stets bereit, jedem – ungeachtet von Alter, beruflicher Tätigkeit oder sozialer Herkunft – einen Rat zu geben, ihn zu unterstützen, wenn das Leben nicht leichtfiel. Sie brachte den Studenten bei, die Würde des Menschen zu achten. Deshalb war ihre Wohnung in der Studenetzkaja-Straße ein Treffpunkt, zu dem alle Wege führten. Aus vielen Ecken der Welt kamen zu ihr Menschen, die sie geprägt hat: ehemalige Studenten, Freunde, Verwandte, Bekannte.

Der Verlust von Lili Kaufmann ist groß, die Erinnerungen an sie werden bleiben.

Nina Dronowa, Angelika Kunkel

[Goethe -Jahrbuch 2016, Wallstein Verlag, Band 133, S. 241-242]

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОТ АВТОРА

Книга о профессоре Л.С. Кауфман завершена. Когда декан факультета филологии и журналистики С.С. Худяков в мае 2017 г. обратился с вопросом, сможем ли мы подготовить книгу воспоминаний к столетию Л.С. Кауфман, то без сомнения ответ присутствующих был положительным. Да, об этом уникальном человеке на Тамбовщине есть что вспомнить. Вокруг Лии Соломоновны на протяжении всей ее жизни было столько встреч и расставаний, что, по-видимому, можно было бы написать не один том воспоминаний.

Книга не претендует на исчерпывающее изложение биографии Л.С. Кауфман, слишком сложным оказался 20 век с его кактлизмами с самого начала ее рождения в далеком г. Коканде. Тем не менее, многие биографические эпизоды из жизни удалось восстановить благодаря сохраненного (хотя и не полностью) семейного архива. Важнейшие материалы, справки, характеристики, документы об образовании, ученой степени, звании, трудовые списки – аналог трудовой книжки, интервью Лии Соломоновны в СМИ, дневники, путевые заметки, планы и отчеты, письма, научные статьи и монографии, учебные пособия, редкие фотографии дотамбовского периода, галерея фотоснимков в период работы в ТГПИ и в особенности в ТГУ – весь этот свод биографических материалов позволил выстроить содержание книги в том ракурсе, в каком она предложена читателю на сегодняшний день.

Бесценны воспоминания коллег, друзей, учеников Лии Соломоновны, значительно углубившие контуры ее портрета, характера, линии Жизни и Судьбы. С большим воодушевлением идея создания книги была поддержана в Германии: многие, кто знал Лию Соломоновну, сразу же откликнулись на призыв принять участие в подготовке книги. Особую благодарность выражаю господину Герту Калленбаху, который помог мне устано-

вить контакты по электронной почте с немецкими коллегами и друзьями – В. Фабером, К. Ленш, семьей Б. и Л. Игель и др., при этом он сам написал великолепные воспоминания, полные любви и светлой иронии, подготовил отдельное сочинение на основе выборки цитат из трагедии «Фауст», посвященное Л.С. Кауфман как блестящему знатоку Гете и как Человеку, умудренному опытом подобно Фаусту. Все эти материалы, в некоторых случаях почти как документы, позволяют не только ближе узнать Лию Соломоновну, но и вспомнить наше прошлое и наши надежды, ибо «Чтобы понять, нужно смотреть назад, чтобы жить – вперед» (С. Кьеркегор). В самый последний момент известный литературовед из г. Мичуринска, профессор В.Е. Андреев, случайно узнав о книге, немедленно прислал стихотворение «Памяти Л.С. Кауфман», которое достойно завершает последнюю главу.

Благодарю всех, кто откликнулся на призыв создания этой книги. Отдельные слова благодарности выражаю доценту, кандидату исторических наук Ирине Романовне Блохиной, которой чудом удалось спасти семейный архив и передать в музей областного драмтеатра в тяжелый момент после смерти Лии Соломоновны. Слова благодарности выражаю также директору Тамбовского областного драматического театра Петру Ивановичу Куликову и хранителю истории музея Тамбовского театра Эльвире Павловне Степановой. Без семейного архива книга могла бы быть недостаточно полной. Надеюсь, нам вместе удалось сохранить надолго светлую память о Лии Соломоновне Кауфман.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Л.С. КАУФМАН

Монографии, учебные пособия и научные статьи

Кауфман Л.С. От «маленького человека» до Отто Квангеля // «Всесвіт», Киев, 1963. № 7.

Кауфман Л.С. Моральные проблемы в социальных романах Г. Фаллады // уч. записки ТГПИ, вып. XXI. Тамбов: ТГПИ, 1963.

Кауфман Л.С. Социальные романы Ганса Фаллады. «Железный Густав». Филологические науки, 1964. № 2. С. 13-24.

Кауфман Л.С. Маленький человек ищет свой путь // Зарубежная литература: уч. записки МГПИ им. В.И. Ленина. М.: МГПИ, 1963.

Кауфман Л.С. Фальсификация правды (А. Деблин «Гамлет или Темная ночь подходит к концу») // Зарубежная литература: уч. записки МГПИ им. В.И. Ленина. М.: МГПИ, 1964.

Кауфман Л.С. Социальные романы Ганса Фаллады: дисс. канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1964.

Кауфман Л.С. Особенности реализма в Германии в 1920-30-х гг. // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе: тезисы докладов межвузовской конференции (февраль 1965 г.). Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1965.

Кауфман Л.С. Немецкий реалистический роман 1930-х годов // Проблемы реализма: сб. научных трудов. Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1966. С. 413-427.

Кауфман Л.С. О некоторых сюжетно-композиционных особенностях антифашистского романа // Великий октябрь: тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Ленинград: ЛГПИ, 1966.

Кауфман Л.С. Об антифашизме действительном и мнимом (К проблеме реалистического метода) // Проблемы русской и зарубежной литературы: мат-лы межвузовской научной конференции литературоведов, посвященной 50-летию Октября. Ленинград: ЛГПИ, 1967. С. 98-100.

Кауфман Л.С. Поиски пути (Социальные романы Ганса Фаллады) // О языке, методе и стиле: сб. научных трудов. Тамбов: ТГПИ, 1968. С. 42-59.

Кауфман Л.С. На пути к правде (Г. Фаллада «Каждый умирает в одиночку») // О языке, методе и стиле: сб. научных трудов. Тамбов: ТГПИ, 1968. С. 181-202.

Краморенко Г.И., Кауфман Л.С. История немецкой литературы. Пособие для заочников на немецком языке. М.: Учпедгиз, 1968. 171 с.

Кауфман Л.С. Об идейно-художественных особенностях немецкого антифашистского романа 40-х годов (Вейзенборн, Вихерт, Фаллада) // Проблемы метода и стиля в прогрессивной литературе Запада XX века. Уч. записки, № 188. Пермь, 1968. С. 91-110.

Кауфман Л.С. Немецкий антифашистский роман (социальное содержание образа и проблема характера) // Мат-лы межвузовской литературоведческой конференции, посвященной 20-летию ГДР. Горький: ГГИИЯ, 1969.

Кауфман Л.С. Антифашистские романы Г. Вейзенборна // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах: метод и мастерство: тезисы докладов II межвузовской научной конференции литературоведов. Вологда, 1969. С. 294-297.

Кауфман Л.С. Место художественно-документального жанра и его своеобразие в творчестве немецких писателей-антифашистов // Художественно-документальные жанры: тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Иваново: ИГПИ, 1969. С. 123-126.

Кауфман Л.С. Об антифашизме действительном и мнимом (К проблеме реалистического метода) // Проблемы русской и зарубежной литературы. Ярославль: ЯГПИ, 1970.

Кауфман Л.С. Реализм и немецкий «периферийный роман» // Вопросы теории литературы и искусства: уч. записки. Вып. 30. Тамбов: ТГПИ, 1970. С. 53-77.

Кауфман Л.С. К проблеме взаимосвязи замысла и концепции в немецком антифашистском романе (Г. Вейзенборн) //

О языке, методе и стиле: сб. научных трудов. Тамбов: ТГПИ, 1971. С. 199-241.

Кауфман Л.С. Фаллада // Краткая Литературная Энциклопедия. Т. 7, Ленинград, 1972.

Кауфман Л.С. Анализ пьесы Б. Брехта «Матушка Кураж и ее дети» // Практические занятия по зарубежной литературе: методическое пособие для педагогических институтов. М.: МГПИ, 1972. 43 с.

Кауфман Л.С. Документальность и художественность. (Антифашистская проза, 1933-1935) // О языке, стиле, методе (Некоторые проблемы теории и истории филологии). Тамбов: ТГПИ, 1973. С. 204-232.

Кауфман Л.С. Фаллада // БСЭ. 1974. Т. 27.

Кауфман Л.С. К идейно-художественной структуре немецкого антифашистского романа (Г. Вейзенборн) // О языке, стиле, методе (Некоторые проблемы теории и истории филологии): сб. научных трудов. Тамбов: ТГПИ, 1974. С. 214-232.

Кауфман Л.С. Фаллада // История немецкой литературы в 5 томах. Т. 5: 1918-1945. Глава XXV. М.: Наука, 1976. С. 403-419.

Кауфман Л.С. Немецкая реалистическая литература начала XX века (Антифашистская тема) // Монография. Тамбов: ТГПИ, 1978. 78 с.

Кауфман Л.С. Источник действенного гуманизма // Горьковские чтения: «А.М. Горький – великий гуманист»: мат-лы научной конференции. Горький: Волго-Вятское издательство, 1978. С. 148-152.

Кауфман Л.С. Горький в литературной судьбе Г. Вейзенборна // Горький и вопросы жанра и стиля: сб. научных трудов. Горький: Волго-Вятское издательство, 1979. С. 102-113.

Кауфман Л.С. К взаимосвязи темы и жанра (фактор времени в антифашистской прозе Г. Вейзенборна) // Проблемы жанра в зарубежной литературе: сб. научных трудов. Свердловск, 1979. С. 57-66.

Кауфман Л.С. Антифашистская тема в творчестве Э. Вихерта (К эволюции творческого метода) // Метод и жанр в зарубеж-

ной литературе: сб. научных трудов. Вып. 4, Москва, 1979. С. 112-128.

Кауфман Л.С. Роман А.М. Горького «Мать» и немецкая антифашистская литература 30-40-х годов. Горьковские чтения: А.М. Горький и роман XX века. Мат-лы научной конференции. Горький, Волго-Вятское изд-во, 1980. С. 180-187.

Кауфман Л.С. Стилистика немецкого языка. Учебное пособие для студентов-заочников. Тамбов: ТГПИ, 1982. 49 с.

Кауфман Л.С. Стилистика немецкого языка. Учебное пособие для студентов-заочников. 2-ое издание. Тамбов: ТГПИ, 1983. 49 с.

Кауфман Л.С. Творчество писателей – антифашистов в Германии в годы нацизма. Проблематика. Поэтика. Дисс. д-ра филолог. наук. М.: МГУ, 1983.

Кауфман Л.С. Введение в аналитическое чтение. Учебное пособие. Тамбов: ТГПИ, 1991. 69 с.

Кауфман Л.С. Путешествие в себя (Хандке). Т.: Кредо, 1993, № 5. С. 53-58.

Кауфман Л.С. Реализм и немецкий «периферийный» роман. Вопросы теории литературы и искусства. Тамбов: ТГПИ, 1994. С. 53-75

Кауфман Л.С. К методологии изучения романа ФРГ (60-е гг.) // Учебное пособие. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 1994. 40 с.

Кауфман Л.С. Фашизм и антифашизм в контексте литературы о Второй мировой войне // Война и народ: мат-лы к научной конференции ТГУ. Тамбов, ТГУ им. Г.Р. Державина, 1995. С. 92-94.

Кауфман Л.С. Die Formierung des Studienprozesses in der Moskauer Universität im ersten Drittel des XIX Jh. // Goethe – Jahrbuch, Weimar, 1999.

Кауфман Л.С. Русская тема в творчестве Шиллера. Вестник Тамбовского университета. 1999. № 3.

Кауфман Л.С. Рихтер в России // Язык, культура и сознание: сб. научных трудов. Тамбов, ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. С. 70-76.

Кауфман Л.С. Обзор немецкой художественной прозы (пятидесятые – девяностые годы XX столетия). Методическое пособие для студентов факультета романо-германской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. 40 с.

Кауфман Л.С. Достоевский в Германии (первая половина XX века) // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи: сб. научных трудов. СПб., 2000. С. 130-132

Кауфман Л.С. Die Vermittlung der Gedanken. Goethe // Лингвистика и методологические проблемы преподавания иностранных языков: сб. научных трудов. Мичуринск: МГПИ, 2000. С. 3-11.

Кауфман Л.С. К проблеме понимания (Аспект герменевтики) // Язык и общество: сб. научных трудов. Мичуринск: МГПИ, 2000. С. 12-23.

Кауфман Л.С. У истоков европейского признания. Русская поэзия в Германии в начале XIX в. // Язык и общество: сб. научных трудов. Мичуринск: МГПИ, 2001. С. 21-28.

Кауфман Л.С. Россия в судьбе Я. М. Р. Ленца. Вестник ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001, № 2.

Кауфман Л.С. Обзор немецкой художественной прозы (50-90-е гг. XX столетия): методическое пособие для студентов факультета романо-германской филологии // 2-ое издание. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 40 с.

Кауфман Л.С. Модерн в Германии или мир художественно-интеллектуальной элиты на рубеже XIX- XX в. // Человек в истории. Вып. 3: Мир в XIX – первой половине XX в.: искания интеллектуальной элиты, положение аутсайдеров общества: сб. научных трудов. Тамбов: изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. С. 50-60.

Кауфман Л.С. Сонеты Гете (1807-1808). Державинские чтения. Вып. IX. Институт филологии. Факультет журналистики. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 56-57.

Кауфман Л.С. Сонеты Гете (1805-1808). Трилогия страсти // Вопросы филологии: сб. научных трудов. С-Петербург, 2004.

Кауфман Л.С. Russisches Thema in Schillers Schaffen // Филологический дискурс. Тамбов, 2007.

Кауфман Л.С. Писатель и время. Эрнст Вихерт. Германия 30-50-х годов XX века // Монография. Тамбов: Из-во Чеснокова А.В., 2009. 98 с.

Кауфман Л.С. Литература, свидетельства и обвинения. Гюнтер Вайзенборн // Монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 101 с.

Кауфман Л.С. Человек и время в романе Бруно Апица «Голый среди волков» // Человек и время в мировой литературе (к 90-летию со дня рождения Вольфганга Борхерта): сборник мат-лов Международной заочной конференции. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 69-88.

Зачевский Е.А., Кауфман Л.С., Кудрявцева Е.В. Областная литература // История литературы XX века. Том первый 1918-1945. Литература Германии между 1880 и 1918 годами. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 786-805

(Список научных трудов Л.С. Кауфман не полный, он составлен на основе сохранившихся монографий, учебных пособий и других трудов в библиотеке ТГУ, в личных фондах коллег и друзей, а также на основе отдельных списков, подготовленных Лией Соломоновной к защите диссертаций или же для других целей).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКИХ ДРУЗЕЙ В ОРИГИНАЛЕ

DIE BEGEGNUNG MIT PROFESSOR DR. L.S. KAUFMAN

Bernhard und Lucia Igel

Die Begegnung mit Professor Dr. L.S. Kaufman und die Jahrzehnte währende schöpferische Freundschaft mit ihr war einer der nachhaltigsten Glücksfälle in unserem arbeitsreichen Leben. Sie besitzt in unseren Herzen einen festen Platz unter den zahlreichen namhaften Persönlichkeiten, die uns in den Jahren unserer Lehrtätigkeit an europäischen und asiatischen Instituten, Hochschulen und Universitäten begegnet sind. Wir lernten Lili als eine charakterfest und konsequent auftretende Pädagogin kennen, die, wie wir in vielen herzlichen Gesprächen erfuhren, von einem opferreichen und harten Leben geprägt wurde. Sie war eine Respektsperson in den Worten ureigenstem Sinn – und dies nicht nur für ihre Studenten am Pädagogischen Institut, sondern auch für ihre Kollegen und unbesehen natürlich für die deutschen Gastlektoren am Lehrstuhl für Deutsche Literatur und Sprache, die dort ihren solidarischen wissenschaftlichen Auftrag erfüllten.

Lilis vorrangiges Arbeitsgebiet war die deutsche Literatur. Ihr besonderes Interesse galt dem Schaffen von Hans Fallada. Was sie als erfahrene Pädagogin und gestandene Germanistik anpackte, hatte Hand und Fuß. Sie verfolgte, kaum beeindruckt von den widersprüchlichen Problemen des gesellschaftlichen Alltags, mit couragiertem Eifer die ihr vorgegebenen bzw. selbst gestellten Aufgaben und Ziele. Ihre Beharrlichkeit hatte Grenzen; ihre menschliche Güte aber war uneingeschränkt beispielhaft. Wir haben dies alles vielfach bestätigt bekommen: bei Lehrveranstaltungen und Hospitationen oder in der Goldmyer Datsche bei streitbaren Gedankenaustauschen oder während eines Bummels an der Zna, in Moskauer Kulturstätten

oder beim Besuch der Gedenkstätte für die gefallenen Helden der Stalingrader Schlacht. Vieles davon spiegelt sich in ihren Briefen an uns wider, die zusammen mit den Kopien der unsrigen an sie im Archiv der Deutschen Akademie der Künste zu Berlin ihre Heimstatt gefunden haben. Unvergessen für uns bleiben nicht nur unsere Besuch in Tambow; unvergessen ist auch ihr Besuch bei uns in der Wartburg-Stadt Eisenach.

ERINNERUNGEN AN EINE GROßARTIGE FRAU

Faber W.

Meine erste Begegnung mit Lilly Kaufmann fand im Jahre 1995 statt. Mir war es vergönnt, mit einer kleinen Delegation aus dem Raum Wetzlar Tambov zu besuchen. Das Ehepaar Ursula und Pfr. Ernst Udo Küppers sowie Doris und Stadtbildpfleger Walter Ebertz hatten schon im Jahr 1990 Kontakte zur Orthodoxen Kirche geknüpft, unter Ehepaar Knell entstand 1993 eine Partnerschaft zwischen dem Wetzlarer Kammerorchester und der Tambover Rachmaninov Musikschule. Ein Jahr später, unter Mitwirkung von Friedrich Wilhelm Hedrich, wurde die Goethegesellschaft Tambov geründet, deren Vorsitz Frau Kaufmann übernahm. Also es gab schon zahlreiche Kontakte und Verbindungen zu Gruppen und Menschen in Tambov.

Ich wollte damals eigentlich nur einmal mit dieser Gruppe mitfahren, um selbst zu sehen und zu erleben wie Orthodoxes Gemeindeleben in der Praxis funktioniert. Ich hatte mich schon lange mit orthodoxer Theologie beschäftigt; hätte aber nie im Traum daran gedacht, dass daraus einmal mehr werden würde. Dass ich Freunde finden würde in dem mir fremden Land, dass zahlreiche Kontakte zu Gruppen und Kreisen nicht zuletzt zum orthodoxen Kirchenkreis entstehen würden und dass zahlreiche Begegnungen mit Jugendlichen und Leitungspersonen folgen würden. Viel weniger, dass wir 2005 eine Vereinbarung über eine Zusammenarbeit zwischen der Dershavin Universität und dem CVJM-Kreisverband schließen würden.

Frau Kaufmann war in und bei all diesen Entwicklungen von Anfang an involviert, um nicht zu sagen Motor und Antriebskraft. Vor allen Dingen pflegte sie eine tiefe Freundschaft mit dem Ehepaar Nina und Vater Nikolaj Toropzev. Beide waren die ersten Ansprechpartner und Verantwortlichen in der Beziehung zwischen dem Kirchenkreis Wetzlar und der Tambover Eparchie. Frau Kaufmann übersetzte alle Dokumente und Briefe vom Deutschen ins Russische und war bei allen wichtigen Gesprächen zugegen und dabei mehr als nur eine kompetente Übersetzerin.

Bei meiner ersten Begegnung 1995 entstand letztlich die Idee, Kinder aus der Sonntagschule des Frauenklosters zu einem Ferienaufenthalt nach Deutschland einzuladen. Ich war damals CVJM-Vorsitzender des Kreisverbandes Wetzlar und Gießen und somit auch zuständig für das Schulungs- und Freizeitzentrum des CVJM in Greifenstein/Rodenroth, 30 km. von Wetzlar, am Fuße des Westerwaldes gelegen.

Hier konnte dann schließlich ein Jahr später eine Gruppe von zwölf Kindern aus der Sonntagschule des heutigen Frauenklosters mit ihrer Leiterin Nina Toroptzewa und zwei weiteren Mitarbeiterinnen zwei Wochen in einer Freizeitmaßnahme des CVJM verbringen. Alle Absprachen und Kontakte liefen über Frau Kaufmann, die sich unermüdlich für diese Sache einsetzte.

Eines Tages fragte sie zurückhaltend, ob nicht auch Studenten der Dershavin Universität an solchen Ferien- und Begegnungsmaßnahmen teilnehmen könnten und machte Vorschläge, wie wir solche Maßnahmen im Wechsel in Deutschland und in Russland durchführen könnten. So kam es, dass schon ein Jahr später 1997 acht Russische Studenten an einer Ferienmaßnahme des CVJM in Deutschland teilnahmen und dabei zusammen mit deutschen Mitarbeitenden eine Kinderfreizeit leiteten. Ich will hier einfach abkürzen, es war der Beginn einer festen Tradition, in der schließlich im Jahr 2017 die 25. Deutsch-Russische Jugendbegegnung – diesmal in der BRD – durchgeführt werden konnte. Dazwischen fanden natürlich zahlreiche Workcamps, Begegnungsfreizeiten und Treffen auf Leitungsebene unter Mitwirkung von Frau Kaufmann statt. Sie war es z.B., die am 02.10.1997 stundenlang in der Zollstation von Tambov zubrachte,

um zwischen der Zollstelle in Tambov und den Beamten einer Zollstelle in Weißrussland zu vermitteln. Ich wurde dort mit einem Kleinbus samt Anhänger, beladen mit zahlreichen Geräten, festgehalten. Ihr Einsatz auf der Zollstelle hat die Beamten bewegt sogar über ihre Dienstzeit hinaus zu bleiben, um letztlich zu erreichen, dass ich und meine Begleiter mit dem Bus und Hänger weiterfahren konnten und bei Ankunft in Tambov auch zollmäßig abgefertigt wurden.

Natürlich gab es auch viele weniger aufregende und schöne Momente bei unseren Begegnungen. Gerne erinnere ich mich an die zahlreichen Gespräche bei meinen Besuchen in Tambov in ihrem Wohnzimmer. Ein festes Ritual lief da jedes Mal ab. Ich musste mich in den altehrwürdigen Ohrensessel setzen, der für besondere Gäste reserviert war. Den Obstsaft aus kostbaren Kristallgläsern trinken dazu süßes Gebäck genießen. Aus einem kleinen türkischen Kännchen duftete der schwarze Kaffee, den ich so sehr liebe. Auf der weißen Tischdecke blieben dabei jedesmal Spuren von diesem köstlichen Getränk zurück. Was mich beeindruckte bei diesen Gesprächen und Begegnungen war ihr großer Wissensschatz auf vielen Gebieten, aber auch ihre bewegte und zugleich abenteuerliche Biographie und bei Allem die Leidenschaft, sich nicht nur für junge Menschen einzusetzen.

Ich habe nie ihre zahlreiche Falten im Gesicht und auf der Stirn gezählt, aber sie wurden für mich zum Schönheitsbild einer großartigen Frau mit wachem Geist, großem Wissen, Schlichtheit und einer Leidenschaft für Andere da zu sein. Bei meinem letzten Besuch, nur wenige Wochen vor ihrem doch so plötzlichen Tod, haben wir noch davon gesprochen wie schön es wäre, auch ihren einhundertsten Geburtstag miteinander feiern zu können. Dankbar habe ich auch wahrgenommen, wie sie doch seitens der Studentenschaft, des Lehrkörpers, der Goethegesellschaft und nicht zuletzt der orthodoxen Kirche wertgeschätzt und bei zahlreichen Gelegenheiten gebührend geehrt wurde. Sie hat eine große Lücke in vielen Bereichen, sei es in der Universität, der Goethegesellschaft, im öffentlichen Leben vor allem aber in unseren Herzen hinterlassen. Ich selbst und die Mitarbeitenden aus den Anfängen der CVJM-Jugendbegegnung werden Frau

Prof. Dr. Lili Kaufmann in guter Erinnerung bewahren und Ihr Andenken in Ehren halten.

Ein Kanon den wir gelegentlich in unseren Kreisen singen lautet: *Der hat sein Leben am besten verbracht der die meisten Menschen hat froh gemacht.* Er trifft auf sie zu und über solche Menschen freut sich der Himmel!

Wilfried Faber

ehemaliger Präsident des CVJM-Kreisverbandes Wetzlar-Gießen e.V. (Christlicher Verein junger Menschen)

WIE EIN FELS IN DER BRANDUNG

Heidorn N.

Lija Solomonowna Kaufman war für mich immer so etwas wie ein Fels in der Brandung. Als ich 1994 nach Tambow kam und dort alles neu war, erklärte sie mir die fremde Welt eines russischen Provinzstädtchens und zeigte die vielen Initiativen kulturell sehr engagierter Menschen, die sich hinter den grauen Fassaden des sowjetischen Plattenbaus verbargen.

Unvergesslich sind die Treffen in ihrem Wohnzimmer zwischen Büchern, gelesenen und noch nicht kommentierten Dissertationen, sowie Tee mit süßem Gebäck oder russischen Pralinen oder die Besuche auf ihrer Datscha im Stadtwäldchen, wo man sie im Sommer auf verschlungenen Wegen hinter hohen Bäumen besuchen konnte.

Es ging immer um neue Ideen: Ein neues Projekt für die Goethe-Gesellschaft, ein Sonderkurs für Studenten, die nach Wetzlar fahren sollten, eine Weihnachtsfeier, auf der deutsche Lieder gesungen wurden und ein 2-Meter-großes Schneemädchen auftrat, die Vertiefung der Goethe-Gesellschaft usw. Viele dieser Gespräche mündeten in konkreten Ideen und Initiativen. Fast nebenbei kamen all die Initiativen zur Sprache, die sie so schon früher mit Wetzlar ins Leben gerufen hatte.

In diesen Gesprächen hörte Lija Solomonowna auch bei meinen Problemen als Zugereister sehr aufmerksam zu, enthielt sich über-

flüssiger Kommentare und vergaß nie etwas, das ich ihr einmal erzählt hatte. Noch 15 Jahre nach unserer Rückkehr nach Deutschland erinnerte sie sich an alle Details und interessierte sich für unser weiteres Leben in Deutschland. In Nebensätzen, fast unbemerkt, gab sie mir damals viele, sehr hilfreiche Tipps für das praktische Leben als „Neutambower“, und wurde zeitweise so etwas wie ein Fixpunkt in meinem sehr bewegten und dynamischen Leben.

Sie interessierte sich für alles und erzählte nur sehr zurückhaltend von ihrem eigenen Leben: selber jüdischer Herkunft unterrichtete sie die Sprache und Kultur des ehemaligen Kriegsgegners und bedauerte es, als der Deutschunterricht an den russischen Schulen und Universitäten stark abnahm.

Auch in ihren letzten Lebensjahren, als sie immer noch Doktoranden anleitete, erzählte sie mir von ihren Plänen, von der Entwicklung der Germanistik in Tambow und ihrer eigenen wissenschaftlichen Arbeit, die sie weiterführte.

Ich habe große Hochachtung vor ihrem großen Einsatz für die deutsche Kultur in Russland und denke mit Dankbarkeit und Freude an die vielen Begegnungen mit ihr zurück.

KAUM WAREN WIR IN TAMBOW IN IHRE WOHNUNG EINGETRETEN...

Kallenbach G., Kunkel A.

Ich weiss nicht mehr, ab wann ich sie mit Lili angeredet habe. Es kann sein, dass sie mir diese Anrede schon bei ihrem ersten Besuch bei uns angeboten hat. Bei diesem Besuch hätte ich sie immer argwöhnlich angesehen, so als erwartete ich von der unbekanntem Russin unangenehme Überraschungen... Ich hatte damals keine Neigung, nach Russland zu fahren, wo man sich, wie man mir erzählte, ellenlange Trinksprüche anhören musste, während dessen das gute Essen kalt wurde...(dies habe ich in Wirklichkeit nie erlebt, ich konnte immer die warmen Speisen warm essen). Nach Lilis Besuch

fühlte ich mich jedoch irgendwie verpflichtet, ihre Einladung nach Tambov und im selben Jahr auch noch nach Moskau anzunehmen.

Wir haben uns nie geduzt, was eigentlich zu erwarten gewesen wäre, nachdem sie irgendwann von mir als einem Enkel gesprochen hatte. Auf meine Frage (irgendwann) sagte sie, dass sie uns nicht duzen könne, ohne das weiter zu erklären. Sie gehörte der Generation an, die über manche Dinge nicht sprechen konnte oder wollte.

Kaum waren wir in Tambov in ihre Wohnung eingetreten, sei es nach unserer Ankunft aus Deutschland, sei es nach einer Vorlesung oder Besuch bei anderen Freunden, so begrüßte sie uns regelmäßig mit dem Wort: „wollen Sie essen? Sie müssen doch hungrig sein! Tee?“ Als ob diese Begrüßung ein Ritual war, solange wir in ihrer Wohnung in „unserem“ Zimmer zu Gast waren, es wiederholte sich bis zu unserem letzten Besuch bei ihr. Es half nichts, dass wir ihr versicherten, schon bei anderen Gastgebern gut versorgt worden zu sein.

Ich bin so erzogen worden, das, was ich mir auf den Teller gelegt habe, auch aufzuessen. Ich habe nach Jahren erfahren, dass das nicht unbedingt die russische Art ist und die russ. Gastgeberin aus dem leer gegessenen Teller schliessen konnte, dass es dem Gast – mir – geschmeckt hatte. Auch wenn ich schon eine grosse Portion von Lilis Essen (oder von Frau Volkov zubereiteten Essen) vertilgt hatte, forderte mich Lili mindestens 2x auf, noch eine Portion zu nehmen. Meine Einwände halfen nichts – unser „Spiel“: ihre Aufforderungen und meine Ablehnungen (weil ich schon mehr als genug gegessen hatte) dauerte bis zum Ende unserer Begegnungen an... Während der letzten Besuche antwortete ich oft ohne Worte – mit einem strafenden Blick – und sie verstummte! Um es 5 Minuten später nochmals zu versuchen! Strafend, vorwurfsvoll: ich habe nie begriffen, dass sie noch nach so vielen Jahren unserer Besuche, in manchen Jahren kam ich sogar allein, nicht verinnerlicht hatte, dass ich mich bei ihr wie zu Hause fühlte, somit nicht aus Anstand oder ähnlichen Gefühlen mich nicht satt zu essen getraut hätte! Ob es mit ihren Erinnerungen an die nicht wenigen Hungerjahre, die sie erlebt hatte, zusammenhing?

Es gab kein Essen, welches sie nicht probiert hätte. Der süsse Senf hatte es ihr besonders angetan. Wir mussten ihn immer nach Tambov mitbringen, sie konnte ihn mit Löffeln verspeisen – ohne Wurst dazu..

Da ich befürchtete, dass mir das russ. (ungewohnt fette) Essen auf den Magen schlagen würde, habe ich von Anfang an – mit Erfolg – täglich Medizin eingenommen: ein Gläschen vom „Wässerchen“, vor oder nach dem Essen. Im Schrank in unserem Zimmer hatte sie einen ausreichenden Vorrat, wohl aus der Zeit, als jeder Russe verpflichtet war, Wodka zu kaufen. Es muss sich ein guter Vorrat angesammelt haben, jedenfalls als wir zum ersten Male bei ihr zu Besuch waren (1996). Es war ihre Währung, Handwerker zu bezahlen, auf deren Hilfe sie ab und zu angewiesen war. Wie sie sagte, hätte sie auch einige meiner grossen Farbfotos, die ich nach Tambov mitgebracht hatte, als Zahlungsmittel (vielleicht auch als zusätzliche Belohnung) verwandt. In den letzten Jahren unserer Besuche musste Wässerchen dazu gekauft werden, wofür sie auch vor unserer Ankunft sorgte. Oder flüssige Gastgeschenke blieben ein Jahr bei ihr und erwarteten mich.

So wie mich ein paar Halbschuhe viele Jahre erwarteten. Ich liess sie bei Lili, so brauchte ich jedes Jahr nur mit einem Paar Schuhen anreisen. Als ich sie bei unserem letzten Besuch aus dem Regal herausgesucht und angezogen hatte, glaubte sie, dass ich ein Paar ihrer Schuhe angezogen hätte! Es dauerte eine Zeit, bis sie ihren Irrtum einsah – sie hatte nämlich tatsächlich auch ein Paar Schuhe, welche dem meinen sehr ähnlich war. Ob es an dem schlechten Licht im Wohnzimmer oder ihren Augen lag, dass sie die Schuhe verwechselte, wir wissen es nicht.

Das Trainingsfahrrad im Flur habe ich nie benutzt, wir haben auch nie gesehen, dass Lili es benutzt hätte. Es hatte mich schon ein wenig überrascht, als sie zu Beginn unserer Besuche, als sie schon weit über 70 Jahre alt war, davon erzählte, dass sie sich noch mit gleichaltrigen Freunden auf dem Sportplatz trafe, wo sie Körperübungen machten. Ich glaube, sie ging auch noch schwimmen, als sie schon 90 war.

Sie war gut zu Fuss und sie ging auch gern zu Fuss, solange ihr Körper ihr dies erlaubte. Wenn ein Weg zu einem bestimmten Ziel zurückzulegen war – in Tambov oder Moskau –, und ich fragte, wie weit es sei, so antwortete sie regelmässig: „nur 3 Schritte“ – mir erschienen diese 3 Schritte nicht selten endlos...und es war nicht ich, der das Tempo der Gangart bestimmte!

In den ersten Jahren unserer Besuche kamen wir entweder mit dem Bus oder mit dem Zug früh morgens in Tambov an – müde. Nach dem obligatorischen Tee versuchten wir dann in unseren Betten in **unserem** Zimmer etwas Schlaf nachzuholen. Wir versuchten es, doch bald nach 9 h klingelte ihr Telefon, ihr altes Telefon mit dem lauten Läuten, fast ununterbrochen und sie redete und redete – was einen Schlaf unmöglich machte. Wahrscheinlich dachte sie, wir würden dies alles nicht mitbekommen. Dieses Telefon hat sie viele Jahre begleitet, war lebenswichtig, schon zu einer Zeit, als noch wenige Privatleute ein Telefon in Tambov besaßen. Es kostete uns einige Mühe, sie davon zu überzeugen, ein moderneres Telefon zu benutzen, worüber sie dann auch dankbar war, als sie die Vorteile des modernen Apparates zu schätzen gelernt hatte. Danach war es leichter, sie mit einem handy vertraut zu machen, welches ihr ermöglichte, auch in den Stunden ihres täglichen Aufenthaltes im Hof telefonisch erreichbar zu sein.

Das Essen bei ihr: für unseren jährlichen Besuch hatte sie genug Essen eingekauft (der Kühlschrank war voll), um uns mehrere Wochen (und nicht nur 10 Tage) zu versorgen. 17 Jahre lang gab es während unserer Besuche morgens den besonderen russ. Quark, den sie bei einer bestimmten Frau auf dem Markt einkaufte oder einkaufen liess, und Sahne, dazu selbst gemachte Warinje, Brot, Butter, Tee. Ein ganz anderes Frühstück, als wir es gewohnt waren, aber ein Frühstück, auf das wir uns jedes Jahr aufs neue freuten, und das uns jetzt irgendwie fehlt.

Mittags oder/und abends gab es Kartoffelbrei mit Fleisch oder Fisch. Den besten Kartoffelbrei (weil mit Tambover Kartoffeln zubereitet) der Welt! Oft habe ich **nur** diesen Brei gegessen, auch als ich einmal ziemlich erkrankt war, er war völlig ausreichend! Auch er fehlt mir irgendwie.

Ich weiss nicht mehr, ab wann Lili ihren Hausfrauenpflichten, wie sie es nannte, nicht mehr nachkommen konnte: d.h. den Tisch decken und abräumen. Sie wehrte sich fast dagegen, dass wir den Tisch deckten, das war ihre (!) Aufgabe (vielleicht dachte sie auch daran, dass sie sich durch die vielen Wege von und zur Küche bewegen musste, was sie als positiv für ihre Beweglichkeit ansah). Dann haben wir dies komplett erledigt, aber auch schon vorher haben wir ihre Einwände überhört und haben Sachen aus der Küche geholt und nach dem Essen zurückgebracht. Aber Spülen durfte Angelika nicht! Sie tat es trotzdem schon gelegentlich, während ich Lili im Wohnzimmer sitzend durch ein Gespräch ablenkte.

Es war, bei unserem letzten Aufenthalt bei ihr, als sie unbedingt in die Küche – schon mit einem Stock – gehen wollte, wo sie Angelika beim Spülen vermutete. Ich sagte ihr damals, dass ich mich vor die Tür legen würde, um sie daran zu hindern! (der Hintergrund war eine Geschichte, die sie uns aus ihrer Kindheit erzählt hatte: als sie in Moskau als kleines Mädchen bei ihrer Tante wohnte, hatte diese immer gedroht, sie würde sich vor die Tür legen, um ihr das Verlassen des Zimmers unmöglich zu machen, wenn Lili nicht ihren Teller leer ässe!)

Auch als sie bei uns in Wetzlar zu Gast war, wollte sie im Haushalt behilflich sein, und nach dem Essen das Geschirr spülen, was wir natürlich nicht gestatteten – bis auf einmal! Es machte ihr später sichtlich Vergnügen, davon zu erzählen, dass ich es ihr schließlich doch einmal erlaubt hätte, abzuwaschen!

Die Benutzung von Lilis Toilette war für mich eine neue Erfahrung, aber ich habe mich daran gewöhnt, es war schließlich normal. Ich weiss nicht mehr wann (vielleicht 2008?) und warum ich erst so spät auf die Idee kam: jedenfalls entdeckte ich, dass man auf dem Markt Klobrillen kaufen konnte. Ich kaufte eine einfache, befestigte sie heimlich auf der Kloschüssel (das erste Mal, dass ich so etwas gemacht hatte), sagte aber nichts zu Lili. Stunden später, wir sassen in unserem Zimmer hörten wir ein lautes Lachen aus der Wohnung: Lili lachte und lachte, als sie meine Tat entdeckte. Dieses Lachen zu diesem Anlass werden wir nicht vergessen!!

Überhaupt: sie lachte gern auf eine für mich reine, unschuldige Art, auch über ihre eigenen Witze. Normalerweise finde ich es seltsam, wenn Leute über ihre eigenen Witze lachen, doch in ihrem Falle hat es mich nie gestört, es war ansteckend.

Als ich in der Aula der Universität anlässlich der Feier zu ihrem 95. Geburtstag von einer Journalistin gefragt wurde, was für mich das Besondere an Frau Prof. Kaufman sei, habe ich geantwortet: sie kann noch lachen wie ein Kind. (ich weiss nicht, ob die junge Frau verstanden hat, was ich gesagt habe, und ob meine Aussage richtig übersetzt wurde).

Sie lachte nicht nur gern und oft, es macht ihr auch offensichtlich grosse Freude zu singen. Und es schien ihr ein besonderes Vergnügen zu sein, wenn die Liedertexte etwas zweideutig waren. Es war ein besonderer Abend, als sie nur für uns ein usbekisches Lied – im original – sang!

Sie war eine stolze Russin, was sie aber nicht davon abhielt, Ungerechtigkeiten in ihrem Land als solche zu bezeichnen. So fand sie es ungerecht, dass ausländische Besucher für den Besuch eines Museums viel mehr bezahlen sollten als Russen. Als wir bei unserem Besuch in Moskau 1996 (ich war damals noch so verwegen und konnte es sein, die Tverskaja einfach so zu Fuss zu überqueren und nicht die vorgesehenen Unterführungen zu benutzen – der Verkehr war noch nicht lebensgefährlich) in einer Schlange lange vor der Museumskasse warten mussten, haben wir uns natürlich auf Deutsch unterhalten. An der Kasse wollte Lili dann Eintrittskarten für 3 Russen kaufen. Ein freundlicher Mitbürger machte dann jedoch die Kassiererin darauf aufmerksam, dass wir Ausländer seien und sie war gezwungen, die höheren Eintrittspreise zu zahlen!

Sie war bis zuletzt neugierig und politisch interessiert, sie hatte die Novaja Gazeta abonniert, die – zu unserem Erstaunen – regelmässig in ihrem Briefkasten landete. Als ewige Russin blieb sie auch optimistisch, was die Zukunft anbelangt, obwohl die Zeichen eher für eine Rückkehr zu früheren Zeiten sprachen allerdings unter einem anderen Namen. Optimistisch trotz all der persönlichen Niederlagen, die sie in ihrem Leben erlitten hatte – eine davon zu unserer Zeit: so hatte sie uns noch ihre Datscha im Wald gezeigt, wo sie so

viele schöne Stunden verleben konnte – und ein paar Wochen später wurde sie von Mafiosi okkupiert – und sie konnte sich nicht dagegen tun. „Nichts zu tun“ sagte sie in den letzten Jahren oft, wenn wir über das sprachen, was sich in Tambov und Russland ereignete.

Sie war für mich ein sprechendes Buch der Geschichte ihres Landes. Was ihr im Leben widerfahren ist, hätte einen guten Stoff für ein Buch von Dostojewski oder anderer grosser russ. Schriftsteller abgegeben. Und bei ihren Erzählungen wurde mir klar, dass ihr Schicksal ein besonderes war, dass es aber in Russland ähnliche Schicksale zu wahrscheinlich Millionen gegeben hat und noch gibt. Ihre Kenntnisse der Weltliteratur, und im Besonderen der deutschen Literatur waren sicherlich der Grund, weshalb sie ohne böse Gefühle auf Deutsche zugehen konnte, obwohl sie und auch ihre Familie soviel Schreckliches im Zuge des 2. Weltkrieges durch Deutsche erlitten hatten.

Lilis Haus, Studenetskaja 26 (die Adresse habe ich für die Taxifahrer russisch aufsagen können), war viele Jahre lang ein offenes Haus (so fand ich einmal morgens einen fremden Mann auf der Treppe schlafend vor). Offen anscheinend auch für den kleinen Zug der Mühle, der einige Jahre lang morgens durch unser Zimmer zu fahren schien. Dann wurde das Haus durch einen leicht zu überwindenden Code geschützt. Im April nach Regen oder Schneeschmelze sorgten riesige Pfützen auf dem Weg um das Haus für Schutz vor Fremden. Manchmal mussten wir diese „Seen“ von Stein zu Stein hüpfend überwinden, wenn nicht ein wasserfestes Taxi uns auf einer trockenen Stelle im Hof aufblas. Lili dachte immer an andere und wie sie denen helfen könnte, die Probleme hatten, die sie allein nicht lösen konnten. Das Problem des überschwemmten Weges ins Haus konnte sie nicht allein erledigen – wenn sie es gekonnt hätte, hätte sie das auch im Interesse aller Mitbewohner des Hofes getan. Als sie versuchte, andere, nicht arme Mitbewohner des Hauses und des Hofes dazu zu bewegen, Geld zusammenzulegen, um den Weg so zu befestigen, dass sie keine „Seen“ mehr gebildet hätten, stiess sie auf Ablehnung. I

Dieses Haus, an dem in manchem Jahr kurz vor unserer Ankunft oder nach während unseres Besuches Reparaturen durchgeführt wur-

den (weil ein Nachbar der zuständigen Stelle mitgeteilt hatte, dass Besuch aus dem Westen (=wir) kommen würde), dieses Haus war irgendwie unser Zuhause!! Und der Gedanke, dass es dieses Zuhause nicht mehr gibt und wie es jetzt – leer – aussehen mag, erfüllt uns mit Wehmut.

SO ENTSTAND DER PLAN

Kunkel Angelika

Im Mai 1995 kam ich als Vertreterin der Wetzlarer Goethegesellschaft nach Tambov. Morgens um 4 h hielt der Bus vor dem Haus in der Studenetzka Strasse. Frau Prof. Dr. Lili Kaufmann begrüßte mich und überschüttete den Busfahrer sogleich mit Vorwürfen, da der angekündigte Ankunftsstermin um gut 4 Std. überschritten war.

Sie wandte sich mir wieder zu, schnappte sich meinen Koffer und mit einem „Kommen Sie“ ging sie vor mir durch den Hof. Mich erwartete eine Wohnung voller Bücher. Bei Tee begann sofort das Gespräch über Literatur, welches sie dann abrupt mit den Worten beendete: „Sie gehen jetzt schlafen! Um 9 h erwarten unsere Studenten Sie! Ich werde sie wecken und dann gehen wir gemeinsam die paar Schritte zur Uni!“

Auf meine Frage, wie wir die Tambover Goethegesellschaft unterstützen könnten, antwortete sie: „Geld brauchen wir nicht! (die Tambover Goethegesellschaft oder Lili hat nie Geld erhalten) Helfen sie lieber, indem sie unseren Studenten die Möglichkeit eröffnen, Ihr Land kennenzulernen, dessen Sprache sie studieren!“

So entstand der Plan, Studenten in Wetzlarer Betrieben ein Praktikum zu ermöglichen. Besonders begabte Studenten wurden von Lili ausgewählt und auf ihren Aufenthalt vorbereitet. Diese Studenten wohnten bei Mitgliedern der Wetzlarer Goethegesellschaft. Dadurch konnten sie ihre Sprachkompetenz verbessern und in ihren Praktika die deutsche Arbeitswelt und Arbeitsweisen kennenlernen.

Bei ihrem ersten Besuch in Tambov war Cornelia Kühn-Leitz natürlich zum Tee bei Lili eingeladen. Schon nach einer Viertelstun-

de überboten sich Lili und Cornelia beim Rezitieren von Gedichten. Deutsche und russische Lyrik erfüllten das Wohnzimmer – und ich durfte als stiller Zuhörer dieser exklusiven Vorstellung beiwohnen.

Ihr Worte in Wetzlar habe ich noch im Ohr: „Darf ich helfen? ...Ich sehe, es gibt für mich nichts zu tun – dann gehe ich ein wenig spazieren!“ Lili liebte die Parkanlagen in Wetzlar – und eine Bank an der Lahn hatte es ihr besonders angetan. Gern beobachtete sie die Leute und erzählte mit Freude und Witz von ihren Begegnungen.

„Wenn sie nicht kommen, gibt es keinen Sauerstoff, um das nächste Jahr zu überstehen!“ Dies war ihre Aufforderung und Einladung an uns, nach Tambov zu kommen – wir sind ihr 20 Jahre gefolgt.

BEGEGNUNGEN MIT LILI KAUFMANN

Christiane Lensch

1989 war ich zum ersten Mal in der Stadt Tambov, um gemeinsam mit deutschen und russischen Jugendlichen die Kriegsgräber in Tambov, Morschansk und Kirsanov zu pflegen. Am Ende unseres dreiwöchigen Aufenthaltes fuhr mein damaliger Chef mit mir in die Studinetskaja Straße. „Ich möchte Dir noch eine außergewöhnliche Germanistikprofessorin vorstellen...“. So lernte ich Lilly kennen, wir waren uns auf den ersten Blick sympathisch und versprachen uns gegenseitig, uns sobald wie möglich wieder zu sehen.

Für den Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e. V., Landesverband Hessen, organisierte ich in den folgenden 10 Jahren Jugendcamps in Tambov, um gemeinsam mit deutschen und russischen Jugendlichen auf den Internationalen Gräberstätten im Wald von Rada zu arbeiten.

Seit der ersten Begegnung 1989 begleitete Lilly meine Arbeit und mein Leben in Tambov. Sie war regelmäßig zu Gast bei den Jugendbegegnungen des Volksbundes. Sie erlebte die historische Aufarbeitung der Kriegsgefangenenlager und den Bau sowie die Einweihung neuer Gräberstätten in Tambov mit, als Teil der Kriegsgenera-

tion bewegte sie dieses Thema sehr und sie berichtete mir und meinen Jugendlichen vieles aus ihrem Leben und der Kriegszeit. Aktiv unterstützte sie die Arbeit der Tambover Kriegsgräberorganisation „Iskatel“ und organisierte Konzerte und literarische Aufführungen in den Jugendcamps.

Ihre Student/-innen nahmen über ihre Vermittlung in Tambov, aber auch in Deutschland an deutsch-russischen Begegnungen teil. Auf diese Weise trug sie ganz wesentlich zur Intensivierung der Freundschaften zwischen deutschen und russischen Jugendlichen bei, von denen viele bis heute anhalten. Beeindruckend waren für die deutschen Teilnehmer/-innen der Jugendbegegnungen die jährlichen Besuche an der Tambover Universität und die Einladungen der Goethe-Gesellschaft. Beide Kooperationspartner haben in diesen Jahren viel voneinander über die deutsche und russische Sprache und Literatur gelernt. Auch Diskussionen über kulturelle Unterschiede und Themen wie „Die Rolle der Frau in Russland und Deutschland“ oder „Die Jugend um die Jahrhundertwende“ standen im Focus der jährlichen Treffen.

Ohne ihr Engagement und ihre Offenheit uns gegenüber wäre die Arbeit des Volksbundes Deutsche Kriegsgräberfürsorge im Tambover Gebiet nicht so erfolgreich verlaufen.

Persönlich entwickelte sich eine Freundschaft zu ihr, aus der viele Begegnungen in Deutschland resultierten, zum Teil über die Wetzlarer Goethe-Gesellschaft, aber auch über den Volksbund, durch den sie 1994 an einem Internationalen Seminar in Brandenburg teilnahm. Mein späterer Ehemann Rudolf Blobner und ich besuchten sie damals und lernten gemeinsam mit ihr ein Stück Brandenburg kennen.

1995 reiste ich mit meinen Eltern nach Moskau und wir verbrachten ereignisreiche Tage bei Lilly in Moskau und Tambov. Sie zeigte uns viele Sehenswürdigkeiten und führte uns durch die Museen von Moskau. Eine Anekdote, die mir und meinen Eltern immer in Erinnerung bleiben wird, war die regelmäßige Order von Lilly, wenn wir ein Museum besuchten: „Christiane, Du bist Ausländerin, für Dich bezahlen wir den normalen Preis, Deine Eltern und ich be-

zahlen den Eintritt als russische Senioren, also bitte den Mund halten, nur ich spreche!“

Regelmäßig begegneten wir uns, wenn sie Freunde in Deutschland besuchte, und zeigten ihr neue Regionen in Deutschland, die sie bisher noch nicht kannte. So fuhren wir zum Beispiel im Jahr 1996 nach Norddeutschland in meine Heimatstadt Neumünster. Gemeinsam mit meinen Eltern besuchten wir in Lübeck das Thomas-Mann-Museum und sie beeindruckte uns durch ihr detailliertes Wissen der Familie Mann.

Auch nach meiner beruflichen Tätigkeit beim Volksbund blieben wir in Kontakt. Anfang Juli 1999 schrieb sie mir: „...morgen beginnt das Jugendlager, am 20. Juli gibt die Goethe-Gesellschaft dort ein Konzert und am 23. Juli sind die Jugendlichen bei uns zu Gast. Aber dieses Mal ist alles nicht so begeisternd. Es gibt dort andere Leute...Christiane fehlt. Keiner sagt „Hallo Lilly“ und das Wörtchen „lecker“ verschwindet für immer...“

Im Rahmen von privaten Reisen nach Tambov 2001, 2002 und 2010 verbrachten wir bei ihr schöne gemeinsame Stunden im Kreis von Student/-innen und Lehrkräften des Lehrstuhls. Ob es die deutsch-russische Kulturwoche war oder eine sozial-diakonische Konferenz, immer war sie mitten drin dabei und leistete ihren Beitrag bei der Organisation und Kommunikation dieser Veranstaltungen. Sie engagierte sich für die Behindertenorganisation „Apparel“ und vermittelte mir Kontakte im Rahmen meiner neuen Berufstätigkeit beim Internationalen Bund.

Ihr Wohnzimmer in der Tambover Wohnung war die ganzen Jahre hindurch immer ein Mittelpunkt des Austausches, dort traf man sich, wir tranken Tee und besprachen die aktuelle politische Lage – wie war es in der ehemaligen Sowjetunion, was hat sich in dem neuen Russland verändert und welche Auswirkungen hatte es auf Lillys Leben in Moskau und Tambov ... – und anstehende Projekte. Im Sommer war es die „Bude“ im Wald, in der wir uns mit Tee, Wodka oder „Nelkensud“ gegen die Moskitos zur Wehr setzten...

Im Jahr 2000 verbrachte sie wieder einige Wochen in Wetzlar und nutzte die Gelegenheit, uns in Hanau zu treffen. Gemeinsam besuchten wir das Internationale Jugendlager der Kriegsgräberfürsorge

in Dietzenbach und diskutierten mit den Jugendlichen und der damaligen Schulreferentin, Viola Krause, über die deutsch-russischen Beziehungen. Ihre Einschätzungen waren immer sehr unverblümt, klar und treffend, sie „nahm kein Blatt vor den Mund“.

Das letzte Mal trafen wir uns persönlich im Mai 2010 in Tambov. Gemeinsam saßen wir mit ihr, Ludmilla Chochlova und anderen in der Datscha von Frau Dr. Vjasovova und tauschten uns über unsere aktuelle Lebenssituation aus.

Faszinierend für mich war in den ganzen Jahren, wie rege sie sowohl am politischen und gesellschaftlichen Leben in Tambov und Moskau teilnahm als auch am persönlichen Leben ihrer Freunde und Bekannten, mit ihren unverblünten Kommentaren bringt sie mich heute noch zum Lachen, wenn ich ihre Briefe lese.

Am 17. Dezember 1997 schrieb sie mir: „mein 80. Geburtstag ist für mich das Schlimmste, was überhaupt sein kann. Am liebsten wäre ich in dieser Zeit irgendwo auf einer Insel, wo keiner ist. Ich kann nicht dulden, wenn man mich wie eine Verstorbene „bespricht“....meinem Pass nach habe ich überhaupt meinen Geburtstag im August (geboren im April). Wenn es klappt, werde ich also im August zur Welt kommen, dann sind alle im Urlaub und alles wird bis September vergessen sein....“

Was sie wohl zu ihrem 100. Geburtstag gesagt hätte? Wie sie wohl von ihrem Stern oben am Himmel unsere Erinnerungen an sie kommentieren würde? Aber solange wir uns an sie und die Begegnungen mit ihr erinnern, solange ist sie immer noch mitten unter uns....

DIE GESPRÄCHE ZU ZWEIT

Karin Unsicker

Kennengelernt habe ich Lili Kaufmann vor etwa zwanzig Jahren in der Goethe-Gesellschaft Wetzlar, kurz bevor ich auf ihre Einladung hin 1997 zum ersten mal mit einer Delegation nach Tambov gereist bin.

Danach habe ich fast jährlich einige Zeit (bis zu vier Wochen) hier verbracht. Mit den Studenten (meistens ja Studentinnen) habe

ich in Seminaren über deutsche Literatur gearbeitet und ihnen wichtige deutsche Autoren von der Klassik bis zur Gegenwart, von Johann Wolfgang von Goethe bis Günter Grass, vorgestellt.

Mit den Kolleginnen des Deutschen Lehrstuhls gab es anregende Gespräche über Sprache und Literatur und kulturelle Eigenheiten und Unterschiede zwischen Russland und Deutschland. Auf den Konferenzen „Deutsch-russische Kulturtag“ stellten wir uns gegenseitig wichtige Aspekte der interkulturellen Diskussion vor. Professor Kaufmann war immer präsent, sei es auf dem Podium mit einem Vortrag, sei es mit einem Redebeitrag aus der ersten Reihe im Publikum, sei es im geselligen Beisammensein zuhause oder auf der Datscha, wo ich russische Feierfreude erlebte.

Am intensivsten waren für mich die Gespräche zu zweit, in ihrer Wohnung in der Studenetzkaia sowie in regelmäßigen Telefonaten zwischen Marburg und Tambov. Immer begann sie: „Nun, was lesen Sie gerade in Ihren Kursen?“ Und schon waren wir mitten drin. Sie war offen, kritisch, verständnisvoll interessiert. Als wir uns in Marburg mit der russischen Literatur beschäftigten, gab sie mir wesentliche Verstehenshilfen zum Roman „Schuld und Sühne“ von Fjodor Dostojewski. Das Buch war gerade in einer neuen Übersetzung von Swetlana Geier unter dem Titel „Verbrechen und Strafe“ erschienen. Sie lobte die Übersetzung, war aber mit dem neuen Titel gar nicht einverstanden. Ich verteidigte ihn, denn die Morde Raskolnikovs würden doch auch im Roman als Verbrechen dargestellt und von der weltlichen Justiz bestraft. Lili erläuterte, dass im russischen Verständnis Untat und Bestrafung immer auch unter dem metaphysischen Aspekt gesehen und beurteilt werden. Diese religiöse Grundierung trafen dann eben „Schuld“ und „Sühne“ besser. Ganz abgesehen davon, dass dieser Romantitel nun schon seit der ersten Übersetzung ins Deutsche eingeführt sei, also so etwas wie ein Eigenname und die Umbenennung nur Verwirrung stifte.

Über Boris Pasternak konnten wir uns nicht einigen. Ihrer Meinung nach würde der Roman „Doktor Schiwago“ in Deutschland wegen der politischen Zeitumstände so hoch geschätzt, weniger wegen seiner Qualität. Pasternaks Lyrik ließ sie gelten. Seine „Faust“-Übersetzung lobte sie als noch immer gültig. Aber der Roman sei

nicht gut. Als ich im Jahr 2009 während der „Russisch-Deutschen Kulturtag“ ein Referat hielt über „Pasternak und Marburg“, in dem ich zu zeigen versuchte, auf welche Weise der Student der Philosophie zu dem Entschluss kam, Dichter zu werden, hielt sie sich mit Anmerkungen zurück. Ich hatte die entsprechenden Stellen aus dem „Geleitbrief“ im Zusammenhang mit dem großen Gedicht „Marburg“ interpretiert als Zeugnis für seine Wendung zur Kunst als einer höheren Art der Erkenntnis. Dichterische Schöpfungskraft bricht hervor und lässt ihn sein neues Lebensziel enthusiastisch bejahen („Mein Schwesterchen – das Leben“), in starken symbolistischen Bildern, die auch in der Übersetzung fassbar sind.

Mein Eindruck war, dass Lili Kaufmann eher in der Prosa als in der Lyrik zuhause war. Das zeigte sich ja auch darin, dass sie sich ihr Leben lang mit dem Prosa-Autor Hans Fallada beschäftigte. Immer wieder kamen wir auf ihn zu sprechen. Und wenn ich ihn als Erzähler der Neuen Sachlichkeit neben Erich Kästner stellte, den ich so hoch nicht schätzen konnte, ging sie mit einem „Nu ja“ auf ein anderes Thema über. Dass Falladas Biografie und Werk in diesem Jahr (70. Todestag) in Wissenschaft und literarischer Öffentlichkeit wieder wachsendem Interesse begegnen, würde sie gefreut haben.

Altersmäßig hätte ich ihre Tochter sein können (was sie gerne betonte). Und wie eine Mutter hat sie mir ermöglicht, große russische Dichter-Orte zu besuchen, und mich begleitet, solange es ihre Kräfte zuließen. Wohnhäuser, Grabstätten, Museen: Tolstoi, Dostojewski, Gorki, Bulgakov, Pasternak ...

„Wer das Dichten will verstehen,
Muss ins Land der Dichtung gehen.
Wer den Dichter will verstehen,
muss in Dichters Lande gehen.“

Diesen Vers Goethes konnte ich zusammen mit ihr erproben. Realistisch-wörtlich die Orte der Dichter aufsuchen und geistig das Land der Dichtung in immer neuen, anregenden Gesprächen durchwandern. Ich verdanke Lili Kaufmann viel.

Karin Unsicker
Marburg, 29. Juni 2017

Литературно-художественное издание

Дронова Нина Петровна

**Л.С. КАУФМАН – РОВЕСНИЦА
ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА
НА ТАМБОВЩИНЕ**

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *С.Г. Павловой*

ISBN 978-5-00078-176-0

9 785000 781760

Подписано в печать 05.02.2018 г. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 18,54 + 2,09 вкл. Тираж 500 экз. Заказ 17357.

Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г
Отпечатано в типографии Издательского дома ТГУ имени Г.Р. Державина
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г